

Космические

Миры

ПРАВО СИЛЬНЕЙШЕГО

ЖЕНА ВОИНА, ИЛИ ЛЮБОВЬ НА ВЫЖИВАНИЕ

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Annotation

Если ты кадет S-класса — тебя ждет блестящее будущее, место службы в лучшей армаде галактики и головокружительная карьера. Если ты принцесса Иристана — тебя ждет блестящее будущее, брак с самим повелителем планеты, он же сильнейший воин, и жизнь, долгая и счастливая. Если ты из клана Аэрд — тебя ждет блестящее будущее, должность великой эйтны-хассаш и практически бессмертие. А вот если ты кадет, принцесса и видящая в одном лице — тебя ждут проблемы. Очень, очень много проблем.

И даже любовь не простая, а на выживание.

- [Елена Звездная](#)
 - [История первая:](#)
 - [История вторая:](#)
 - [История третья:](#)
 - [История четвертая:](#)
 - [История пятая:](#)
 - [История шестая:](#)
 - [История седьмая:](#)
 - [История восьмая:](#)
 - [История девятая:](#)
 - [История последняя:](#)
 - [Эпилог](#)
-

Елена Звездная
ЖЕНА ВОИНА, ИЛИ ЛЮБОВЬ НА
ВЫЖИВАНИЕ

История первая: О тайнах, кошмарах и целевом планировании

Ночь. Спокойное дыхание Эрана, его рука, нежно накрывшая мою ладонь, сонный рык Икасика, устроившегося на балконе.

Но мы не одни! Я отчетливо ощущаю это. Ощущаю шаги от двери — легкие, невесомые. Чувствую их, а не слышу. Ощущаю присутствие. Не могу понять как, но ощущаю. Отслеживаю и даже с закрытыми глазами вижу, как тень приближается ко мне.

Вздрагиваю, едва темная субстанция останавливается в шаге от постели, и в тот же миг просыпается Эран. Вспыхивает свет, синеглазый воин, приподнявшись, встревоженно всматривается в меня.

Тень продолжает стоять рядом!

— Кира? — голос тар-эна полон тревоги.

Хочу ответить, пытаюсь выговорить хоть слово и... не могу. Мне страшно. Мне никогда не было так страшно, я даже боюсь пошевелиться.

— Киран, — воин осторожно касается моей щеки, и приходит осознание — у меня лицо мокрое от слез.

* * *

Я проснулась, села на постели. Голова болела. По всему телу разливалась странная слабость. И страх. Тихий панический ужас пульсировал и бился, словно отголосок биения сердца. Нервно огляделась — в спальне повелителя Иристана находились только я и спящий на балконе Икас. Долго не решалась взглянуть в сторону входной двери, потом обругала себя за трусость и повернула голову. Никого.

Значит, сон?

Просто кошмарный сон? А с каких пор мне снятся кошмары?! С какого бешеного атома мозг подкинул мне подобное сновидение?! И почему так страшно... До сих пор страшно.

Открылась дверь — синеглазый воин в черных брюках и белоснежной рубашке бесшумно подошел, сел рядом, протянул руку, коснулся моей щеки и спросил:

— Что испугало тебя ночью?

— Ночью? — вмиг севшим голосом переспросила я.

Тар-эн кивнул.

И я осознала, что сном случившееся не было! Я видела тень. Не такую, как у Нрого, и даже не того монстра, который управлял папандром, что-то другое. Страшное. Опасное. Для меня опасное.

Не глядя на воина, я осторожно поднялась с постели, подошла к окну, села возле Икаса, задумчиво погладила белоснежную шерсть зверя. Единственное, о чем я сейчас могла думать, — а все ли мне мама рассказала?!

Шум за стеной. Эран встал, пересек спальню, открыл дверь.

— Эшен аккердан эйтна МакЭдл, — произнесла стоящая за дверью женщина в белом.

— Кэрн, — резко ответил тар-эн и закрыл дверь.

Я не понимала ни их языка, ни того, почему переговоры на сей раз велись так, ведь Эран мог по-другому, как-то приставляя пальцы к шее, и все. Но вот что я конкретно поняла — речь шла о бабушке, а синеглазый сказал «нет». Ну, может, и не «нет», но это определенно был отказ.

— Чего ты боишься? — внезапно спросил тар-эн, резко повернувшись ко мне.

Что я могла ответить? Ночью даже Икас не среагировал на субстанцию. И Эран не увидел. Потому что тень пришла за мной. Именно за мной. Можно было бы сейчас бояться, переживать и даже рассказать тар-эну, но что это изменит? Ничего. Тень пришла за мной, нужно понять — зачем и почему. И я сейчас отчаянно пыталась вспомнить, что конкретно говорил Араван о бабушке и о том, как она стала эйтной, даже несмотря на то что была для дедушки единственной.

Вспомнить дословно.

Но в памяти всплывали только обрывки:

«Агарну нужна была именно девушка из рода Аэрд. Аэрд — эйтны, традиционно. Есть несколько родов, способных принять кровь любого клана, Аэрд сильнейшие. Традиционно эйтна-хассаш принадлежит именно к Аэрд, и наша бабушка должна была стать главной эйтной».

А я из рода Аэрд, как мама и бабушка. Значит, тоже традиционно эйтна, так? Впрочем, об этом еще и папандр говорил.

Вспоминаем дальше:

«Бабушку готовили к принятию сана эйтны-хассаш, а для этого видящая должна испытать болевой шок дважды. Обычно эйтны так и определяют видящих — первый шок девушка испытывает после ночи с

воином, второй после родов, а дальше мутацию подталкивают в нужном направлении, и видящая становится эйтной».

Болевой шок... Рассмотрим мою ситуацию: палатка, первый раз с Эраном, жуткая, невыносимая боль впоследствии и восклицание одной из эйтн: «Она видит».

Чувствую, как руки леденеют, по спине мороз, в глазах темно становится. Не паниковать. Успокоиться. Думать! Да, я стала видящей Аэрд, Нрого говорил об этом, Эран тоже, еще вчера.

И мне вспоминается еще одна реплика Аравана:

«Дед понимал, что роды станут тем вторым этапом мутации. Бабушка понимала тоже, но очень хотела подарить ему детей. Много лет они жили вместе, а после она сделала все, чтобы зачать. Дед этого не хотел».

Перевожу взгляд на Эрана. Тар-эн не прикоснулся ко мне ни вечером, ни ночью. Объятия, и ничего более. А только ли дело было в отсутствии эйтны-хассаш? Он знает? Знает и не хочет допустить второго этапа мутации?

И тут я вспомнила:

«Она приходила по ночам, уже не как женщина, но как мать и призрак той любимой, которой дед всегда хранил верность».

Мне раньше казалось, что страх — это неизбежная составляющая любого действия. Вот тебе страшно, но мастер дает приказ «Вперед», и страх становится катализатором выброса адреналина, позволяя справиться с самыми сложными задачами. Но то, что я чувствовала сейчас, было даже не ужасом, а чем-то хуже. Гораздо хуже. Меня осознанием того, что я могу стать эйтной, просто по полу размазало!

И второй реакцией стала злость. Нет, ну серьезно — какого бракованного навигатора?! За каким вообще нестабильным атомом какая-то паразитирующая субстанция возомнила, что ей можно приходить и пугать меня по ночам?! Да и мало того что пугать — кажется, эта теньюка претендует на мое тело, вот в чем проблема!

Причем не моя! Тень сама нарвалась!

— Эран, — я повернулась к воину, — ты тень ночью видел?

Тар-эн промолчал, но синие глаза медленно сузились, и мне задали встречный вопрос:

— Приходила тень?

— Да, — ответила я, потрепав Икаса за ухом и стремительно поднимаясь. — Оказывается, самоубийцы есть и в потустороннем мире.

И решительно направилась в ванную, стараясь не смотреть на Эрана

вообще, потому что... я теперь вообще смотреть на него не буду. Пока не разберусь с тенью. Вероятно, тар-эн думал примерно так же, потому что он за мной не последовал, и его слова донеслись до меня из-за двери:

— Кира, я вернусь к полудню и покажу тебе ИрАэ. Ты подождешь во дворце.

Последнее прозвучало странно. Уже раздевшаяся, я завернулась в полотенце, вышла, посмотрела на хмурого воина и прямо спросила:

— В каком смысле подожду во дворце?

Синеглазый не ответил, но выглядел чрезмерно спокойным, напряжение выдавал лишь взгляд.

— Эран, — я подошла ближе, — а сама погулять по городу не могу?

— Нет, — спокойный ответ.

И вот именно сейчас я соизволила обратить внимание не на свои переживания в связи с ночным ужасом, а на Эрана. Того самого, который еще вчера сказал: «Киран, если ты чувствуешь ко мне только желание, и ничего больше, я не буду тебя удерживать», а уже сегодня: «Подождешь во дворце».

— Мужик, — да, негодую, — я что, пленница?

Повелитель Иристана на мгновение отвел взгляд, затем тяжело вздохнул, а после развернулся и вышел. Молча.

И не успела за ним закрыться дверь, как она тут же опять открылась и вошли две темнокожие женщины. Темно-синекожие, если говорить точнее. С короткими черными волосами, в длинных мешковатых хламидах и железных браслетах на руках. Обе синхронно поклонились, после чего первая шагнула вперед, еще раз поклонилась и спросила:

— Принцесса Киран, вы желаете трапезничать в покоях повелителя, в саду или же в общей зале?

Я потрясенно молчала. Что происходит? Что с Эраном? Где те милые женщины, с которыми мы устраивали посиделки вчера, и почему уже сегодня вместо них вот эти... не местные.

Запиликал сейр. Подойдя к окну, взяла, включила и услышала уставший голос Эрана:

— Оденься, и мы поговорим.

— А сейчас нельзя? — задала я прямой вопрос.

Тар-эн отключил связь.

Не обращая внимания на присутствующих, я набрала параметры связи с мамой и ждала почти минуту, прежде чем на экране, позевывая и потягиваясь, показалась сонная, встрепанная мамочка. И вот выглядела она на редкость спокойно, а потому вместо «привет» я задала вопрос:

— То есть дочь ночует с незнакомым мужчиной, а нам все равно?

Мамуль зевнула, улыбнулась и весело ответила:

— Аэ тебя и пальцем не тронет, Кирюсь.

То есть она знала! Все знали, кроме меня! Зло смотрю на маму, а она мне совершенно спокойно:

— Поверь, ты в совершенной безопасности, пантеренок.

Подумала и осторожно спросила:

— До избрания новой эйтны-хассаш?

Мама улыбнулась.

— Вообще, пантеренок. Он тебя вообще никогда не тронет и пальцем. Так что да, нам все равно, и я впервые с момента твоей выходки выпалась. О-о-о, семь часов полноценного сна, чувствую себя превосходно.

Про «Он тебя вообще никогда не тронет и пальцем» спрошу позже, это явно связано с тенью, так что второстепенно. Пока приоритет Эран.

— А я нет, — и, вместе с сейром проследовав в ванную, продолжила: — Эран запретил покидать дворец. Какие-то странные тетki вместо вчерашних женщин. И он ведет себя странно!

И главное, я злюсь, а мама сидит и улыбается. И вот я точно знала, что услышу от нее:

— Я предупреждала, Кирюсик.

Но хоть не улыбалась больше. Смотрела спокойно прямо мне в глаза и выглядела привычно мудрой, но вот мне от этого не легче.

— Мам, — откровенно злюсь, — а ты сейчас о каком предупреждении, а?

Киара МакВаррас усмехнулась и тихо произнесла:

— Для тебя, Киреньш, Иристан всегда будет дерьмовым. И я очень рада, что ты наконец начала замечать в Эране Дард Аэ нечто большее, чем объект первой любви и объект для восхищения.

Ну, мамочка!

Бросив несколько полотенец на пол, я села, устроилась поудобнее и только набрала побольше воздуха, чтобы... да, поругаться с матерью, как она сделала ход конем:

— Я уже поняла, что Эран Дард Аэ тебя любит.

— А почему ты его так официально называешь? — спросила я, потому что основной вопрос задавать пока не решилась.

— Повелитель, — пожала плечами мама. — Ты другая, Кирюсь, и росла на Гаэре, где нет ни столь четкой иерархии, ни незыблемых традиций, а мое воспитание не позволяет называть повелителя иначе.

Не совсем поняла и напрямую спросить так и не решилась, а потому:

— Мам, вот ты мне сейчас что сказать пытаешься?

Грустная улыбка и тихое:

— Ты должна не слушать, а слышать, что он говорит. Правящий клан презирует ложь. Вот и будь умной девочкой, Кира.

Связь выключила я. И потом сидела на полотенцах и злилась. Нет, я, конечно, уже поняла, что мамуль не переваривает Эрана, а сам Эран как-то не слишком уважительно относится к мамочке, но я-то люблю обоих. В смысле, кажется, люблю синеглазого тар-эна. Или даже не кажется. Потому что люблю. Потому что он благородный. Потому что даже в Шоданаре спасти хотел, защитить и увести, не осуждая за глупость и не устраивая нечто вроде «получи шишку и большой жизненный опыт». И за одно это его уже можно было полюбить всем сердцем. И вообще, я кадет S-класса, а мы не делаем преждевременных выводов — мы проверяем все, прежде чем в это поверить!

Решительно поднялась, быстро вымылась, потом открыла дверь и позвала Икасика. Шерстюсик, радостно виляя хвостом, прибежал, ткнулся мордой в плечо. Вот с чего бы, а? Выглянула в комнату, оказалось, там сидели две черные зверюги, в то время как женщины наводили порядок. То есть моего Икасика еще и напугали? Но тут я снова вспомнила про S-класс и, решив не злиться раньше времени, спросила:

— Девчонки, а эти вот зачем?

Женщины с темно-синей кожей разом поклонились, и та, что была чуть выше, извиняясь, пробормотала:

— Простите, принцесса, но ваш зверь... страшный. Хейры для защиты. Они бы не причинили вреда, задержали бы только.

— А-а... — потянула понимающе. — Но вообще зря, Икасик очень умный.

— Хейры тоже, — улыбнулась женщина. — Но они стабильны, а Снежная смерть был выведен не так давно, кто ведает, чего можно от него ожидать?

— Злые вы, — пробурчала я, обиженная за Икасика.

И, закрыв дверь, утащила зверя мыться. И там мы побесились на славу, потому что в ванной Эрана какой-то очень пенный шампунь обнаружился, а когда я на шерсть наливала, Икас меня боднул и полбанки вылилось. Пены было... часа на три уборки. А потом стало на все десять, потому что шерстюсик решил поиграть, и только я потянулась за лейкой, чтобы смыть пену, зверь отпрыгнул в сторону. Я за ним! Комья пены по всей ванной! Полотенца в хлам! Зеркала в пене. Баночки, система душа, бассейн — в пене. Я с воплем «Стой, атом нестабильный» за Икасом, Снежная смерть,

прыгая по стенам, от меня! Полный атас!

И тут открывается дверь! Икас, довольный, что с ним так весело играют, мчится к двери, я за ним, не удерживаюсь, поскользываюсь и мокрая, в одном полотенце, в пене вся, врезаюсь в вошедшего Эрана! А счастливый шерстюзик, выскочив в спальню, весело носится по ней, оставляя ошметки пены на мебели, коврах, двух фыркающих, но сидящих неподвижно кошках и перепуганных женщинах.

Но мы этого уже не видели, ни я, ни сжимающий меня в объятиях тар-эн.

Мы ничего не видели. Сильные, по-мужски твердые руки обняли мою талию, мои ладони скользнули вверх по его груди, мы оба едва дышали. И только его глаза напротив, синие, бездонные, темнеющие с каждой секундой... И губы. Твердые, четко очерченные, притягательные...

— Киран, это опасно. — Из нас двоих более безголовой явно была я.

— Поцелуй? — спросила едва дыша.

Эран сглотнул, затем кивнул едва заметно. И обнял крепче, прижимая к себе. А мне... вдруг так захотелось заплакать. Глупо очень, понимаю, но...

— А когда можно будет? — спросила, обнимая его могучую шею и обессиленно уткнувшись лбом.

Не просто так спросила, не давала покоя мамино: «Он тебя вообще никогда не тронет и пальцем», а потому очень хотелось услышать от воина хоть что-то, но... повелитель Иристана промолчал.

Вздвогнув, вскинула голову, потрясенно глядя на тар-эна. Эран гулко сглотнул, отпустил меня и хрипло попросил:

— Оденся.

И потом я стояла и смотрела, как он уходит. Напряженный, злой, словно расстроенный чем-то. Мне не оставалось ничего иного, кроме как позвать Икаса, развлекающегося прыжками от одной хейры к другой, причем он не просто так прыгал: подпрыгнет-лизнет-отпрыгнет и к другой с тем же набором действий. Огромные черные зверюги сидели неподвижно, но у них такие выражения на мордах были, что казалось, дай им, мокрым и после облизываний вострепанным, волю — и на одну Снежную смерть на Иристане стало бы меньше. Вообще выглядело донельзя забавно, но мне как-то сейчас было совсем не весело.

— Шерстюзик, — грустно позвала я.

Икас мгновенно припрыгал ко мне, заглянул в глаза, и уши его расстроено повисли.

— Все будет хорошо, — заверила я.

Зверь продолжал встревоженно вглядываться в меня. Позвала в ванную, смыла пену с него и с себя и уже задумалась о том, где взять полотенце, как вошла одна из женщин и подала мне целую стопку.

Когда я вернулась в спальню, меня ждало расстеленное на покрывале длинное платье, белое, из летящей нежной ткани и с тонким золотым пояском. Красивое. Белье я взяла свое, торопливо оделась, расчесала влажные волосы, затем осторожно, чтобы не намочить ткань, расчесала Икаса и, не используя ни грамма косметики, поспешила за ожидающей у двери женщиной. Икас, естественно, пошел со мной, две хейры плавно двинулись следом за нами.

И только сейчас я обратила внимание на дворец Эрана. Никакого необработанного камня, никаких плохо отесанных балок, торчащих в потолке, да и серых мрачных стен не наблюдалось. Белое, золотое, хрустальное — основные мотивы интерьера. Белые летящие занавеси на резных окнах, особое стекло, рассеивающее солнечные блики по пространству, белоснежные ковры на полу, золотые узоры на стенах и потолке. Ощущение — словно попала в сказку. Но не в ту, где мелькают призрачные феи, здесь сразу становилось ясно — не для фей домик: массивная мебель, диваны на крепких ножках, столы внушительные, кресла вместительные. Все было сделано под тар-энов, и все равно изумительно красиво. И много, очень много зелени. На виднеющихся из окон балконах, по углам комнат, в широком светлом коридоре, который выходил к великолепной лестнице. И стоило спуститься на первую ступеньку, как я потрясенно замерла — лестница была мраморная, с позолоченным рисунком по ступеням, а вот перила оказались хрустальными. И, скользя пальцами по ребристой поверхности, изображающей тело змейки, я потрясенно молчала. Сказочный дворец, просто сказочный.

А внизу ждал пушистый ковер. Пушистый настолько, что нога утонула по щиколотку, вмиг скрыв белые туфельки на небольшом каблучке, которые мне принесли к платью. И только внизу я впервые увидела воинов. Их было всего двое, оба стояли у дверей и поклонились, стоило мне спуститься. Поклонились с уважением, то есть вообще никакого презрения, как у папандра в хассарате. И это... было приятно.

— Прошу сюда, принцесса Киран, — произнесла моя сопровождающая.

Женщина спустилась быстрее меня, откровенно залюбовавшейся лестницей, и сейчас терпеливо ожидала у двустворчатой резной двери, хейры сидели рядом с ней, по обе стороны. Невозмутимые, как и всегда.

Мы с Икасом гордо прошли мимо них — я не удержалась и ближайшую ко мне почесала за острым ушком, а шерстюсик и вовсе лизнул в нос вторую. Невозмутимости у зверюг поубавилось, а глаза сузились.

— Злые они у вас, — пожаловалась я посеревшей отчего-то женщине.

— Хейры не терпят прикосновений, — прошептала она севшим голосом. — Прошу вас, больше...

Я подумала, вернулась, нагло погладила застывшую от возмущения зверюгу и после этого гордо прошла в двери. Вслед мне донеслось глухое рычание.

— Еще погладить? — обернулась я.

Хейра моргнула от удивления.

— Идем, — позвала зверюгу.

И она пошла. То есть поднялась, величественно прошла мимо остолбеневшей женщины, подошла ко мне и встала по левую сторону, справа просто стоял весь такой заинтересованный Икастик, который за движениями хейры следил, склонив набок голову и высунув язык. А потом вдруг резко подобрался и зарычал.

— Она мне мстить будет, да? — догадалась я.

Хейра оскалила на меня клыки. Икас оскалил свои. Что сказать, у хейры они повнушительнее были.

— Хорошая кошечка, — успокаивающе проговорила я, отступая подальше, — очень хорошая...

Зверюга зарычала.

— Н-не буду тебя больше трогать, — все так же осторожно отступаю.

Но хейра, услышав мое обещание, прекратила угрожать, величественно кивнула и обернулась ко второй с видом «Как я ее, а?». Мы с Икастиком переглянулись, и было решено заняться кошками вплотную. Не то чтобы сильно хотелось, но так, в качестве профилактики зазнайства и вредности.

А потом я вошла в наполненное светом и хрустальными статуями помещение и остановилась. Потому что там во главе накрытого стола сидел Эран, а рядом с ним стояла... бабушка. Я ее сразу узнала, несмотря на то что одни глаза и были видны, а одежда у всех эйтн одинаковая. Но это все равно была бабушка.

И потому я заулыбалась еще до того, как она сказала:

— Здравствуй, пантеренок.

Я не отказала себе в удовольствии пробежать через все помещение и с разбега крепко-крепко обнять бабушку. Она не ожидала этого. Растерялась в первое мгновение, опустила руки, а потом:

— Кирюсик, — и осторожно обняла меня.

И было в ее объятии что-то такое родное, что маму напомнило, и... У меня ведь никого не было, кроме мамочки, а теперь есть бабушка, Араван, Эран.

Осторожно отстранившись от Кираты, я взглянула на тар-эна, который как-то механически гладил уткнувшегося в его плечо Икасика, и Эран смотрел на меня. Странно. Грустно. С какой-то невыразимой горечью. Перевела взгляд на бабушку, из непроницаемо-черных глаз медленно скатилась одинокая слеза... и затерялась в складках черной ткани, закрывающей лицо эйтны МакЭдл.

— Знаете, — тихо начала я, — будет лучше, если вы мне сразу скажете все как есть.

Я прошла к столу, потянув бабушку за собой, села. Кирата присела на соседний со мной стул. Странно присела, как-то с краю. Мне вдруг вспомнилось, что единственная эйтна, которую я видела сидящей, была эйтна-хассаш. Впрочем, нет, на креслах эйтны сидели, а что не так со стулом?

Бабушка, заметив мое недоумение, вдруг тихо сказала:

— Мутация затрагивает костную ткань, пантеренок.

— Что? — удивленно переспросила я.

Кирата медленно подняла руку к ткани, закрывающей ее голову и лицо, затем осторожно, словно осужденный на казнь, начала разматывать. Слой за слоем... А затем медленно стянула экесе с головы...

Не знаю, как я удержала крик!

У нее не было волос. Голый, покрытый черной чешуей череп! И у нее не было лица! Всего человеческого — одни глаза и переносица... Только переносица, а дальше сеточка. Не наносное, нет, дышащая органика, подрагивающая, когда Кирата выдыхала. И рот, который ртом никто бы не назвал — пасть. С наростами как у насекомых, с черными жвалами. И тень! Тень, которая ехидно скалилась мне, демонстрируя себя! Потому что это была не бабушка, в чье тело вселилась тень, это была тень, которая перестроила тело бабушки под себя и милостиво позволяла Кирате существовать.

Я зажмурилась. По щекам потекли слезы. В горле ком, и рвется судорожный всхлип. Как же так?! Как же так можно?! Как?

— Это мутация, Киран, — тихо сказала бабушка. — Это то, кем станешь ты, если останешься на Иристане.

Протянув руку, коснулась ладони Кираты, сжала, стараясь прекратить истерику. Стараясь взять себя в руки, стараясь понять. Распахнула глаза,

повернулась и взглянула на Эрана. Воин встретил мой взгляд спокойно. Он знал. Уже знал.

— И когда ты выяснил? — тихо спросила я.

— Вчера, — прозвучал ответ. — В подземельях хассара Айгора были установлены камеры слежения, я видел, что с тобой произошло после... нашего поцелуя.

Воин сглотнул. Глаза сузились, зубы сжались. Он был в ярости, но не я.

— Мы уже целовались, — напомнила срывающимся голосом. — В ночь, когда я тебя застукала в рейде по домам терпимости.

Бабушкина рука, которую я продолжала удерживать, дрогнула. Наверное, бабуля удивилась, и сильно, но сейчас меня интересовал Эран.

— Что произошло после? — мгновенно задал вопрос воин, чуть подавшись вперед.

Я вспомнила наш с Деймом бег на пределе возможностей и честно ответила:

— Мы бежали из города.

— Пешком? — уточнил тар-эн.

— Бегом, — улыбнулась я. — К утру просто падала.

Эран скрипнул зубами, но кивнул и задал следующий вопрос:

— А после поцелуя на мосту?

Бег за левым, смерть Наски... Как же мне было жаль его.

— Меня схватили в переулке, — прошептала я. — И усыпили.

Воин вновь кивнул, его глаза задумчиво прищурились.

Бабушка осторожно отняла ладонь и торопливо закрыла лицо и голову, вновь намотав ткань. А я смотрела на нее и с трудом сдерживала... ярость. Бабушка ведь была молодой и красивой женщиной, родившей от любимого мужчины и потерявшей все в момент родов. Потому что в нее вселилась тень! И в то же время я преотлично помнила, как выглядела эйтна-хассаш, когда стянула с себя ткань, и вполне даже симпатичная была женщина. Сволочь, но симпатичная, а тут целый монстр. Почему? В чем причина?

— Бабушка Кирата...

— Ты знаешь мое имя? — искренне удивилась эйтна.

— Слышала, как тебя назвала главнючка. — Бабушка удивленно распахнула глаза, и я пояснила: — Эйтна-хассаш.

— И запомнила? — В голосе Кираты слышалась улыбка, теплая улыбка.

А ведь у меня тоже могла быть бабушка, как у Мики. Бабушка, которая бы любила и баловала, и пекла плюшки с ягодами, и рассказывала бы

сказки, когда мама улетала на испытания, а мне приходилось спать в квартире одной. Совсем одной.

— У меня хорошая память, я же кадет, — подтвердила, стараясь не думать о том, что могло бы быть. Не думать. — Так вот, бабушка Кирата, я же видела эйтну-хассаш без платка, и там такого не было.

Тяжелый вздох, и, сев чуть иначе, так что вообще на самом краю стула была, Кирата начала рассказывать:

— Видишь ли, пантеренок, существует генетическая память, позволяющая виду выжить в определенных условиях. И ДНК хранит ее, чтобы в случае определенных условий...

— Как альбиносы, — догадалась я.

Бабушка кивнула. И продолжила:

— Так случилось, что несколько родов на Иристане хранят в своем генетическом коде больше вариаций изменения, и потому наши ткани способны ускоренно мутировать. Таких родов немного, Киран.

Она запнулась и минуты две сидела молча, опустив голову и глядя в пол, а затем:

— Я из рода Аэрд, — прошептала едва слышно. — Мы традиционно становились эйтнами. Моя мать, бабушка, прабабушка... все. А еще... — теперь приходилось прислушиваться, чтобы расслышать, настолько тихим стал голос, — мы способны влиять на пол дитя, которого зачинаем.

Взглянула на Эрана, тар-эн тоже слушал с явным интересом, и я понимала, что эта история для него в новинку. Бабушка же продолжала:

— Для того чтобы запустить процесс мутации, эйтна проходит три болевых шока. Первый — при рождении, ведь процесс родов — это боль не только для матери, но и для дитя. Второй болевой шок идет под жестким контролем эйтн, в главном храме. А третий, — она судорожно всхлипнула, — при родах. И мы поднимаемся с алтаря другими, Кира, теми, кто уже не женщина и не человек.

Бабушка говорила, а я... я видела тень. Тень, которая скалилась мне, не явно, нет, но я почему-то чувствовала. Отчетливо. Как ночью. Это была не та тень, что пришла за мной, но ее я тоже ощущала, вплоть до эмоций этого существа. Наверное, именно поэтому мне было не страшно, не грустно — я просто злилась! Действительно злилась.

Потому что в свете присутствующей и ощущаемой мною тени все это представлялось иначе.

Тень выбирает ребенка заранее! Видимо, да, ориентируется на определенный набор генов, так что работать начинает с подходящим материалом. А почему нет? Тени здесь везде, у воинов одни, подчиненные,

у эйтн другие — подчиняющие. Что любопытно — войны не терпят подземелий, Накар говорил, а вот эйтны живут именно под землей.

Совпадение? Может, да, а может, и... Думать нужно.

А пока продолжаем о тени и эйтнах. Процесс родов — что меняется? Ребенок проходит сквозь родовые пути, от чего смещаются даже черепные кости. То есть изменения, так? И что, если тень вторгается в этот момент и провоцирует мутацию? Тени, они же через все проходят. Так что вполне возможно.

Дальше. Ребенок растет и развивается... Как эйтна. Причем тень девочка не видит. Потом вторая мутация, сумасшедшая, раздирающая, сжигающая боль. Сейчас, вспоминая, что творилось со мной, я понимала, что ни на одном симуляторе боя такое не испытывала, хотя раза четыре сгорала заживо во время тренировочных боев. Было больно, да, но не так, как после моего первого и единственного раза с мужчиной. И вот после второго болевого шока я стала видеть... тени. Или нет? Тогда, с Нрого, я же заметила что-то странное, неясное и размытое. А вот отчетливо видеть я начала после и...

Но ведь больно мне было и раньше! Но ничего видеть не начинала, значит...

Тень.

Почувствовала сразу. Как wpłyвает через дверь, как останавливается там, на пороге, как смотрит на меня. Жадно. Нетерпеливо. Выжидающе. И, наплевав на присутствие бабушки и Эрана, я, не оборачиваясь, вытянула руку и показала тени жест. Неприличный. Крайне. У нас в университете за такое пять нарядов с ходу давали.

И почти мгновенно получила эмоции тени в ответ — злость, даже бешенство. Кто его знает, почему я улыбнулась. Приятно просто было досадить ему. Очень даже.

— Киран, — возмущенно выдохнула бабушка.

— Кто там? — сразу все понял Эран.

Я жест продемонстрировать перестала, тар-эну одними губами прошептала: «Потом», — и вновь обратила все свое внимание на бабушку:

— А почему вы вообще рожаете, если в курсе, что с вами станет?

Прозвучало грубо, и мне даже перед Киратой стыдно стало, но бесила тень, которая продолжала стоять на входе. Бабушка поправила повязки и... не смогла ответить. Она попыталась, но не произнесла ни звука, словно кто-то перекрыл ей дыхание. Тень. Бабушкина, которая сейчас больше не скалилась и только зло смотрела на меня.

— А я и так поняла, — нагло ответила потусторонней сущности, —

они рожают, потому что вы контроль захватываете!

Эран странно смотрел на меня, но не вмешивался, и мне очень понравилось, что он дает мне возможность разобраться в ситуации, а не заявляет что-то вроде «молчи, женщина» или «не лезь в это дело». Папочка бы заявил, сто процентов.

И тут в светлом, наполненном солнечными лучами и бликами хрусталя помещении прозвучал нечеловеческий, хриплый, доносящийся изо рта эйтны потусторонний злой голос:

— Управляем.

Эран плавно поднялся, обошел стол, взял меня за руку и вернулся на свое место, усадив к себе на колени. На мой недоуменный взгляд ответил:

— Мне так спокойнее.

Лица бабушки Кираты мы, конечно, не видели, как и морды управляющей ею тени, но во вновь зазвучавшем голосе отчетливо слышалась насмешка:

— Единственная.

Тар-эн не произнес ни слова, я же упрямо вставила:

— Контроль захватываете.

Тень зашипела и прохрипела:

— Управляем.

А меня понесло:

— Контроль захватываете. В три этапа. И это никакая не мутация, это вы — тени!

Шипение. Странное шипение, в котором едва ли улавливались звуки. А затем эйтна вскочила и стремительно покинула помещение, причем вторая, жаждущая моего тела тень умчалась вслед за ней. Я молча ручкой вслед помахала, хотя... впору заплакать было.

И вдруг Эран произнес:

— Я знаю этот язык.

Удивленно повернулась к воину и увидела выражение крайней задумчивости на его лице. Встретилась взглядом с синими глазами и прямо спросила:

— Это язык?

— Да, ругательства на древнетшейском, — последовал спокойный ответ.

Я призадумалась, а потом шепотом спросила:

— Эран, а у тебя есть тень?

И увидела совершенно невероятную улыбку на его смуглом лице. Но еще более невероятно прозвучал ответ:

— Нет, Кира, я Аэ, у правящего клана нет теней.

— А что есть? — тут же поинтересовалась я.

Тар-эн медленно протянул руку, повернул ладонью вверх — над кожей вдруг засияло пространство, затем появилась пирамидка, маленькая, сверкающая, как в голограмме, и эта пирамидка вдруг открылась, демонстрируя стоящего в ней мужчину, а после... символы параметров, столбцы показаний, датчики, маячки... и...

— У меня нет тени, Кира, — тихо произнес Эран, — у меня инопланетный для Иристана геном и технологии.

Удивленно смотрю в его синие глаза и вздрагиваю, когда тар-эн произносит:

— По сути, я пришелец, как и весь клан Аэ.

Продолжаю потрясенно смотреть на Эрана. Воин улыбнулся и пояснил:

— Правящий клан — выжившие поселенцы Иристана. Тени — не выжившие. То, что тар-эны подседают в свое сознание, это отражение тех возможностей, что есть у воинов клана Аэ.

Хорошо, что я сидела на коленях у Эрана, иначе свалилась бы от удивления. А мой синеглазый воин продолжил:

— Ты странно реагировала на речь эйтны МакЭдл. Видела что-то недоступное мне?

— Тень, — задумчиво ответила я и, протянув руку, коснулась человечка, сверкающего над ладонью воина.

Человечек мгновенно трансформировался в цветочек, я улыбнулась и отдернула руку, затем в драгоценный камень, удивленно смотрю, после в сейр. Я потянулась, коснулась и ощутила поверхность пластика.

— Забирай, — предложил Эран.

Осторожно взяла — едва вытащила из сияния, маленькая голограмма трансформировалась в сейр. Мой. Который в комнате наверху остался.

— А все остальное не понравилось? — провокационно поинтересовался воин.

Искося взглянув на него, я спросила:

— А почему ты утром такой был?

И что мне крайне понравилось — Эран не стал лгать, ответил прямо:

— Злился. Не видел выхода.

— Вот как? — Я отложила сейр, обняла воина за шею и спросила: — А сейчас?

И он снова не стал лгать, сказал прямо:

— После поцелуя возле квартала развлечений ты бежала, то есть

нагрузка, движение и никаких последствий. Это наталкивает на размышления. Как и твой возглас теним: «Это не мутация, это все вы!» Улавливаешь мою мысль?

Не совсем, но, не желая в этом признаваться, я свернула разговор на тему Кираты:

— А почему не видел выхода? И что тебе сказала бабушка?

Повелитель Иристана скрипнул зубами. Явственно.

И все равно был честен:

— Рассказала историю своей жизни. О том, как ее воин пытался противостоять мутации. И о том, что если ты останешься на Иристане, мутация завершится в кратчайшие сроки и ты станешь эйтной. Без вариантов. Без надежды на какое-либо иное развитие событий. И даже, вероятно, до родов, так как третий этап мутации практически завершен и твоя тень уже отделилась от потока. То есть достаточно малейшего повреждения, боли или... нашего поцелуя, и твои глаза станут черными.

Он говорил кратко. Сухо. Сдержанно. Зло. И в то же время во взгляде Эрана было что-то такое, чего вот не было, когда я вошла сюда. Мысль, идея, уверенность. Я не стала ни о чем спрашивать, просто повторила про себя сказанное им: «После поцелуя возле квартала развлечений ты бежала, то есть нагрузка, движение и никаких последствий. Это наталкивает на размышления. Как и твой возглас теним: „Это не мутация, это все вы!“ Улавливаешь мою мысль?» Все равно не улавливала. Но постаралась понять, хотя бы систематизировать:

— Ты с другой планеты, так? — начала издалека, ага.

Эран улыбнулся, отрицательно покачал головой.

— Твой род с другой планеты?

Теперь мне кивнули.

— А как вы вообще здесь очутились? — Ну не могла же я не спросить, даже если и была в курсе причин освоения космоса.

— Бегство, — ответил Эран.

А я не сдержалась и прошептала, восторженно глядя на него:

— Знаешь, когда я попала на Иристан, у меня было ощущение, что все вокруг лгут. И твоя честность меня восхищает, вот правда.

Повелитель Иристана нежно провел пальцами по щеке и сказал:

— Один раз почти солгал.

— Про последнего воина с конца? — догадалась я.

Улыбнулся.

Значит, да. С другой стороны, улыбнулся, а не ответил, значит — ну замалчивание фактов, это ведь не ложь, так?

— Эран, ты коварный! — возмутилась я.

Улыбка стала грустной.

И я прямо спросила:

— О чем ты не хочешь мне говорить, Эран?

Молчит.

Неужели мама была права? Вот если честно, даже верить не хочется. А еще... еще вот пару несостыковочек обсудить более чем хотелось. Например, одну очень любопытную:

— Эран, а где те женщины, что тут вчера были?

Ухмылка и спокойно-коварное:

— Во дворце повелителя Иристана.

Если сказал, значит, правда. Вот только что-то я никого здесь не заметила, а потому елейным голоском поинтересовалась:

— А вот это здание, где мы сейчас, это что?

Не захотел отвечать. Но и взгляда не отвел.

— Так, — прошипела я, — что-то мне подсказывает, что вот это здание, это не дворец повелителя, так?

Неопределенный кивок. Вот... навигатор бракованный! Сложив руки на груди, хмуро смотрю на воина, судорожно подбирая следующий вопрос. Подобрала.

— Эран, мы у кого-то в гостях?

Улыбнулся, отрицательно покачал головой.

— Это твой дом! — догадалась я.

Кивнул, глаза искрятся смехом.

— А дворец?!

Взглядом указал на окно. Я спрыгнула с его колен, пробежалась до окна, отдернула белые занавеси и задохнулась от восхищения. Там был дворец! Огромный! Сверкающий золотом! Невероятный! Высокий!

Ну, собственно, макушку его я и рассмотрела, потому что потом шла огораживающая сад и этот дом стена, высоченная, метров пятнадцать высотой, наверху какое-то энергетическое поле, и то я его заметила, потому что какая-то птичка попыталась вылететь, а ее обратно отшвырнуло. А я сразу слова тар-эна вспомнила: «Можешь поразвлечься попыткой очередного побега». Попыткой, значит! И почему я вчера стену не увидела? А ответ прост — пить меньше надо! Бракованный навигатор, не заметить такое! Больше ни капли, никогда, вообще!

— Эран, — резко развернулась к воину, — это вообще как понимать?

Тишина. Молча смотрит на стол и постукивает пальцем по поверхности.

Хотелось, конечно, в грубых выражениях поинтересоваться, какого нестабильного атома, но, учитывая, что кое-кто успешно играет в молчанку, прямой вопрос мне ничего не даст. И вот тогда я спросила иначе:

— Ты меня у отца просто взял или с какой-то дурацкой идиотииристанской традицией?

Хмуро взглянул. Ну конечно, как же, как же, Иристан оскорблять нельзя, это я помню. И все же ответ прозвучал:

— Я забрал тебя по праву сильнейшего, Кира. Фактически бросил вызов. И так как его никто не принял, ты... моя.

Что?! Подойдя ближе, я наклонилась к Эрану, уперевшись руками в стол, и глухо, потому как голос внезапно отказал мне и вообще сел, переспросила:

— В каком смысле «моя»?!

Отвел взгляд и промолчал. То есть вообще! Внаглую! Точнее, в решимо-упрямую наглую, но сути не меняет, промолчал.

Медленно опустившись на стул, я глубоко вдохнула, задержала дыхание, посидела так немного, выдохнула и, стараясь говорить спокойно, спросила:

— А если опираться на традиции Иристана, я тебе сейчас кто?

Эран хмуро глянул на меня, но ответ дал:

— Наложница.

Отставим панику, у меня просто шок. И вообще я вот сейчас не поняла — получается, что Эран забрал меня, как в свое время папандр уволок мою маму? Только там вызов приняли Киран и Киара, а тут даже в битву никто не полез, так получается?

— Эран! — Я не кричала, это был потрясенный шепот.

— Ты спросила о традициях, — достаточно жестко ответил тар-эн. — Я честно обозначил твой статус в соответствии с традициями. По законам Иристана и в силу действия права сильнейшего на данный момент ты моя наложница. Но это с точки зрения традиций. Что касается меня — для меня ты была, есть и будешь единственной. Моим подарком богов. Моим сердцем. Той, за кого я не задумываясь отдам жизнь. И тебе достаточно принять дар моей жизни, чтобы для Иристана твой статус изменился. А для меня он был, есть и остается неизменным. Ты моя.

Я опустила голову, разглядывая поверхность стола несколько секунд. И я бы ответила, вот прямо сейчас ответила, но меня как-то очень напрягали слова мамочки: «Пантеренок, ну как же ты не понимаешь — это для них Иристан другой, а для тебя он всегда будет дерьмовый, Киреньш». И проблема в том, что я была уверена — мамуля мне не врет, но конкретно

недоговаривает. Вот и Эран поступал так же — не врал, но недоговаривал.

И потому я спросила:

— А если я приму дар твоей жизни, для меня что-то изменится? Я имею в виду стену вокруг этого дома.

И тихое, до безумия честное:

— Нет.

Что-то сжимается в груди и болит. Сильно болит. Но я все равно тихо уточняю:

— Я смогу гулять по городу одна?

— Нет.

Больно.

— Вернуться на Гаэру? — Сердце болезненно сжимается.

— Нет.

Молча киваю, а кричать хочется. И ведь вчера, буквально вчера он другое сказал: «Киран, если ты чувствуешь ко мне только желание и ничего больше, я не буду тебя удерживать». А сейчас что получается? И не скрывая обиды, да и злости, я выпалила:

— Ты сказал, что не будешь меня удерживать!

Ответ... он прозвучал:

— Ты сказала, что испытываешь ко мне не только желание. И не солгала.

Удар на поражение!

Я встала и ушла. Вот просто ушла. Икас помчался за мной, две черные хейры, ожидавшие под дверью, отступили, а едва я начала подниматься по лестнице, последовали за нами. Воины у дверей старались на меня не смотреть, и только шерстюсик, забегая на пару ступенек вверх, встревоженно вглядывался в мое лицо, поскуливал, словно спрашивая, что случилось... А я обходила его и поднималась выше...

И других женщин здесь не имелось, только эти с темно-синей кожей, которые занимались исключительно уборкой. У меня было ощущение загнанности в ловушку. И чувство, что меня обманули. Просто обманули.

Поднявшись наверх, я не пошла в спальню — свернула в одну из комнат, закрыла двери, прошла в угол и села на пол, между креслом и стеной. Какое-то подсознательное желание спрятаться, затаиться, оглядеться...

И, устроившись так, чтобы вошедший в комнату меня не увидел, я вбила параметры связи с мамой. Она ответила сразу, и экран отразил мамочку, забравшуюся в кресло с ногами и обнимающую ладонями большую чашку с чаем. И мама ничего не спрашивала и даже не бросалась

фразами типа: «Я права», просто улыбнулась и сказала:

— Чего ты ревешь, пантеренок?

Надо же, я и не заметила, что все лицо уже мокрое от слез.

Мама сделала глоток, улыбнулась и весело произнесла:

— Ну чего ты испугалась, Кирюсик? Это не Агарн, и нужна ты повелителю Аэ исключительно как любимая женщина.

— Я — наложница. — Судорожное рыдание с трудом удалось подавить.

— Ох, девочка моя, — мама отставила чашку, подалась чуть вперед, — разве с наложницами так ведут себя, Кира? Нет, пантеренок, ты для него единственная, и относятся к тебе как к единственной.

— Он... меня... запер! — Обида душила.

Вот действительно обида. Жгучая. За что со мной так?!

— И? — Мамуля выглядела на удивление счастливой.

— Тебе вообще все равно?! — выдохнула я.

— Напротив. — Мамочка сияла просто. — Но в отличие от тебя, осознавшей, что все не так радужно, как представлялось, я прекрасно знаю — повелителю Дард Аэ придется тебя отпустить. И он сделает это, не сегодня, так завтра. Потому что ему известно: один поцелуй — и у тебя начнется мутация, следовательно, к тебе Аэ не прикоснется. А ты его единственная, и даже нахождение с тобой в одном доме — уже испытание для тар-эна. Правящие — они особая каста. Ты темперамент воинов видела? У правящих хуже, Кирюсь. Он сейчас чувствует твой запах, ловит отголоски твоих эмоций, отслеживает твои передвижения и медленно сходит с ума от желания. День, два, три максимум, и Дард Аэ сам привезет тебя ко мне и прикажет убрать подальше от Иристана. Потому как тени эйтн данную планету покинуть не могут. Тени воинов способны — эйтн нет.

И все это так спокойненько. Мама действительно вообще не переживала!

— Мам, — я села удобнее, — а если я упаду, ударюсь, шок, мало ли что, и начнется мутация?!

Моя родительница сложила руки на груди, скептически на меня посмотрела и с усмешкой спросила:

— Шок? У тебя? От боли??? Кирюш, я это от тебя слышу?

Недоуменно смотрю на маму. Мама устало покачала головой и объяснила:

— Твоя единственная опасность — Аэ. В остальном, пантеренок, ты настолько тренирована, что у мутации ни шанса.

И так все просто.

— Мам, то есть ты вообще не переживаешь?

— Вообще, Кирюсь, — спокойно ответила она. — От всех воинов и от себя самого тебя защитит повелитель. Любые другие травмы тебе не страшны. И даже если ты начала ощущать присутствие тени, это мелочи, я абсолютно уверена в Дард Аэ, чтобы не допустить мысль, что он сорвется и даст выход собственному желанию. Слишком любит тебя. Слишком бережет. Следовательно...

И она развела руками, мол, и так все ясно. Мне ясно не было, у меня имелись вопросы:

— А если Эран найдет способ остановить или обойти мутацию?

— Невозможно. — Спокойствие мамочки было непоколебимо.

— Уверена? — Мне лично вспомнилось выражение лица тар-эна. — Мне кажется — найдет.

Улыбка у мамочки стала запредельная.

— Значит, ни шанса, — поняла я. — И что же делать мне?

Пожав плечами, мама предложила:

— Считай, что у тебя каникулы. Иристанские. Гуляй, вряд ли повелитель Аэ тебя отпустит одну, так что гуляй с ним, наслаждайся окрестностями — ИрАэ удивительно красивый город, прекраснейший на Иристане. Посмотри архитектуру, памятники культуры, наконец, вернись к тренировкам, явно же их забросила. И не грусти, все действительно потрясающе — ты устранила Агарна, и как изящно, Кира! Это просто невероятно, но ты разобралась с главной проблемой. А все остальное решаемо.

Как-то не сильно я была в этом уверена, если откровенно. Впрочем, разберусь позже.

— Мам, я не совсем поняла с этим наследованием мутаций и тому подобным, — честно призналась родительнице. — И если ты тоже из Аэрд, как получилось, что после родов... ну, ты ведь поняла?

Она кивнула, потом задумалась и начала объяснять:

— Тени эйтн — они захватчики, Кира. Они владеют телом эйтны, а вот у воинов иначе — воины владеют своими тенями.

Я конкретно знала одного воина, которым тень вполне себе даже владела, но говорить об этом не стала, ожидая продолжения от мамы.

— Так вот, тени эйтн и тени воинов в одном теле существовать не могут. Никак. Именно поэтому мама еще до моего рождения взяла с отца слово, что тот сделает все, чтобы я прошла посвящение в Каарде и стала воином.

Покивав, я уточнила:

— Но ты ведь не прошла?

— Нет, пантеренок, — мама несколько замялась, — но когда я помогала Кирану стать воином, что-то случилось, и частично я тоже стала воином. Именно потому, став женщиной и матерью, я не мутировала в эйтну.

Внимательно смотрю на маму. То есть выход есть. И мама об этом знает, и бабушка тоже. Один Эран не в курсе, но после всего услышанного лично я его просвещать не собираюсь. С другой стороны, он и сам не дурак — рано или поздно догадается.

— Мам, вот вопрос: Эран твоей историей не заинтересуется?

Едва заметная улыбка и чуть слышное:

— Ты забываешь о моем брате, Кирюсик, официально гены рода Аэрд перешли к нему, а мужчины эйтнами не становятся.

Ловко. Правду знают лишь двое, мама и бабушка, для остальных легенда. Впрочем, вспоминая отца и его планы на то, что я, став эйтной-хассаш, буду поддерживать его клан во всем, я понимала — у мамы есть причины сохранять тайну. Потому что тар-эны Иристана и впрямь умнее некуда, так что с ними иначе и не стоит, наверное.

Я посмотрела на маму, она мне загадочно улыбнулась. Слишком загадочно.

— И что ты задумала? — прямо спросила я.

Киара МакЭдл рассмеялась, а затем ответила:

— Аэ отпустит тебя, у него нет выбора. Об остальном расскажу при встрече. И очень прошу тебя, пантеренок, не терзайся на тему «если бы» и «как он так мог».

Я сглотнула и прошептала:

— Больно, мам.

Она больше не улыбалась, лишь с грустью сказала:

— Ты влюбилась.

Молча кивнула.

— Знаешь, — мама придвинула кресло ближе к монитору и словно стала ближе ко мне, — по-настоящему больно нам делают действительно любимые люди, это так. И я понимаю, что ты не ждала подобных действий со стороны повелителя, но просто пойми — он не мог поступить иначе. Не потому что плохой и не потому что решил сделать тебе больно, а исключительно по причине того, что он тар-эн. Он воин, Киран, и выражать свои серьезные намерения иначе не может. Если воин любит — становится той каменной стеной, что защитит от всего мира. И ему

совершенно не понятна твоя обида, маленькая моя, ведь он убежден, что поступает правильно.

— Это не правильно, мам, — слезы снова по щекам, — это подло.

— Ох, Кира! — Она откинулась на спинку кресла, снова сложила руки, подумала и выдала: — Хорошо, представь ситуацию — вы идете вместе по дороге, на вас гипотетически нападают. Гипотетически, потому что нападать на главу клана Аэ никто никогда не рискнет, идиотов нет. Так вот, на вас нападают, что ты будешь делать — отойдешь в сторонку и подождешь, пока твой воин размажет всех врагов, или же ринешься в бой наравне с ним?

— Второе, естественно, — выдохнула я. — Мам, тут даже без вариантов, стоять в стороне я точно не буду.

Усмехнувшись, мама добила:

— И этим смертельно его оскорбишь.

— Что?! — потрясенно переспросила я.

— Ситуация, Киреньш, в которой ты бросаешься в бой наравне с воином, говорит о том, что ты не доверяешь ему и не убеждена в его способности защитить тебя и ваших детей. Это как удар в спину. Смертельное оскорбление. Для тар-эна это оскорбление, Кир.

— Но, мама! — Я подскочила, чем потревожила Икаса, который тоже прятался, как и я, но за другим креслом. — Это бред! Да я просто не смогу стоять в стороне и смотреть, как Эран сражается! А если его ранят? А если убьют! Да я себе этого никогда не прощу. И стоять в стороне... Да пусть хоть сто раз обижается! Я сделаю так, как считаю нужным, и потом пусть злится. Знаешь, лучше живой и злой, чем гордый, но покалеченный!

И вот я все это выпалила, а мама смотрит на меня и снисходительно улыбается. Так снисходительно и чуть-чуть насмешливо.

— Эран рассуждает так же, да? — догадалась я.

Мама кивнула.

Я снова села, но уже не на пол, а в кресло. На душе тяжесть такая неподъемная, потому что я отчетливо понимаю:

— Не смогу так жить.

— Знаю, — мама тяжело вздохнула, — я это знаю. Ты начинаешь осознавать. А повелитель Дард Аэ никогда не поймет. Мне очень жаль, Кира, но будущего у ваших чувств нет.

И вот странное дело, я была зла на Эрана, обижена до слез, и единственным моим желанием было уйти и вообще больше никогда его не видеть, но когда мама говорила вот так, что вообще ни шанса, я почему-то с трудом сдерживалась, чтобы не сказать: «Ты не права, мы будем вместе».

Не логично, да, но что-то у меня в последнее время вообще тяжело с логикой. Мама права — я влюбилась. Действительно влюбилась и вообще, кажется, с первого взгляда, а это очень сложно, когда разум твердит «нет», а ты забыть не можешь тот поцелуй у моста. И как он закрыл меня от папандра. И как обнимал ночью, осторожно, едва касаясь. И как смотрит — такое ощущение, что когда он на меня смотрит, в его глазах я вижу отражение бесконечного летнего неба. И мне бы хотелось, безумно хотелось привести его в университет, показать корабли и как я летаю. И в ночной клуб с ним, чтобы обнял на танцполе и я почувствовала, как волны мелодии уносят нас. И как было бы здорово получить букет цветов, которые он выбрал для меня... Но... Но помню его спокойное: «Воины не танцуют». Да и сомневаюсь, что Эран позволил бы мне полетать на каком-либо из гаэрских кораблей, ведь если учесть уровень технологий Иристана, наши корабли для них просто примитивны.

И что остается в сухом остатке? Для меня любовь — это красивые отношения, цветы, кафе, бег под летним дождем, аквапарк с аттракционами и возможность, примчавшись к любимому, выпалить: «У меня по стрельбе высший балл! Высший, все парни обзавидовались!» или «На учениях потеряли управление, едва не влетели в астероиды, чуть не погибли, но я справилась! И даже корабль не сильно пострадал!» Маме я такое сказать могу, гаэрскому парню тоже, в принципе особенно если он тоже будет капитан или просто военный. А смогу ли я подобное сказать Эрану? Сомневаюсь.

Для него любовь это совсем иное — женщина, запертая в безопасности в его доме, секс, дети... и все. Потому что для него так правильно.

Горько. Мне горько.

Открылась дверь, вошла женщина... или правильнее будет рабыня? Поклонилась низко, не то что с уважением, с каким-то трепетом и произнесла:

— Ваш завтрак подать сюда, принцесса Киран?

Есть совершенно не хотелось, но стоило взглянуть на Икаса, и я вспомнила, что еще не кормила его. И так стыдно стало.

— А где у вас кухня? — спросила я, торопливо поднимаясь и отключая связь со словами: — Мам, потом тебя наберу.

Женщина была несколько удивлена моим вопросом, но, поклонившись, потопала вперед, указывать направление. А за дверью нас снова ждали две хейры! И вот мы пошли, а эти величественно двинулись следом.

Несмотря на недовольство хозяином дома, сам дом мне нравился невероятно. Здесь было светло, просторно, много солнечных лучей, ветер, свободно гуляющий меж прозрачных занавесей, ковры, которые делали шаги бесшумными, и чисто так, вот у меня в комнате даже в общежитии так чисто не было, а тут буквально блестит все. Все-все — стекло, полы, поверхность мебели, хрусталь. Ощущение сказочности и нереальности! И вместе с тем... мне тут действительно нравилось, как-то все легко, свободно и изящно.

Странности начались, едва синекожая женщина подвела меня к внушительной двери, из-за которой доносился веселый смех. Потому что сама женщина открыла дверь, поклонилась мне, но туда не вошла. И я уже хотела спросить почему, но:

— Исчезни, отродье! — раздался грозный окрик, и на пороге показалась иристанка.

Светлокожая, дородная, со светлыми, заплетенными в тугую косу волосами и в светлой одежде. Она замерла на пороге, а потом радостно воскликнула:

— Принцесса Киран!

— Здравствуйте, — ответила донельзя удивленная я.

— Здравствуйте! — восторженно разглядывая меня, ответила женщина. — Вы за едой для зверя?

Невольно кивнула.

— Так проходите. — Она пододвинулась, давая мне место. — Я уж с утра на рынке была, шесть видов мяса закупила, пусть выбирает пушистик ваш, что по нраву придется.

Икастик от радости аж подпрыгнул и на кухню метнулся быстрее меня. И что примечательно, иристанка с кухни даже не дрогнула, а вот синекожая отшатнулась, едва не упала и вообще с трудом сохранила равновесие.

— Проходите, принцесса, — не обращая внимания на случившееся, пригласила светлая, — у меня и для вас столько вкусностей!

И я, конечно, пошла, но обратила внимание и на хейр, которые, презрительно фыркнув на синекожую, тоже вошли в кухню. Их кухарка не трогала, но и с теплом не относилась. Такое ощущение, что кошки уважали территорию женщины, женщина уважала их независимость. Зато с Икасом все было не так!

— Я — Ксана, — представились мне. — А это Ривин, Таллис и Малей.

В кухне действительно оказались еще три женщины — в передниках, с платками на головах и занимающиеся приготовлением пищи. И все местные. Мне мгновенно заулыбались, послышалось:

— Принцесса!

— Доброе утро, принцесса Киран!

— Рады вас видеть!

И мне действительно были рады. Очень. И это были не те женщины, которых я видела вчера. Вообще не те. Эти чуть коренастые, светлокожие, светлоглазые, улыбчивые.

— Я — Кира, — представилась, потому что точно не принцесса, — очень приятно познакомиться.

— И нам! — хором ответили Ривин, Таллис и Малея.

Ксана просто мне улыбнулась и потом погладила Икаса, который это ей даже позволил, и повела за собой, приговаривая:

— Снежная смерть голодненький совсем, да? Не покормили пушистика, нехорошие.

Шерстюсик едва не танцевал, уже чуя запах мяса, но старался вести себя прилично и сам ничего не брал. Женщина умилилась этому, взяла три подноса, стоящие на столе, спустила на пол, распаковала бумажные пакеты, и на каждом подносе появилось по два внушительных куска мяса. Икас не привередничал! После моего разрешения схватил первый же ближайший кусок, заурчал и принялся завтракать. А я... ну я на хейр глянула. Черные зверюги хранили внешнюю невозмутимость, но какая-то она стала чуть презрительная, и на Икаса они все-таки поглядывали, а вот я подумала, что шерстюсику шесть кусков мяса будет откровенно многовато. Так что я решительно направилась к Снежной смерти и уверенно ему заявила:

— Икастик, нужно делиться!

После чего взяла один тяжеленный поднос, потащила его к хейрам, поставила перед ближайшей. Зверюги не шевельнулись, но теперь на меня смотрели чуть расширившимися глазами. Плевать. Я пошла, забрала второй поднос и притащила второй хейре. Поставила перед ней. Не шевельнулись. А я вспомнила их поведение и поняла главное — они разумны. То есть скорее всего даже речь понимают, как Икас. И потому смело заявила:

— Да ладно, он все равно потом еще и мой завтрак съест, а вам сегодня еще весь день нас охранять, так что силы потребуются.

Но хейры все так же сидели, внимательно глядя на меня.

— Мм-м, принцесса Киран, — осторожно начала Ксана, — хейр кормят раз в сутки, ночью.

Я посмотрела на них — обе едва заметно вздохнули. Тяжело вздохнули. И главное, обе же явно хотели поесть, у них даже ноздри трепетали, а я подумала, представила ночное мясо и поняла главное:

— Оно же ночью будет все холодное и уже не свежее.

Хейры вздохнули повторно, на этот раз уже заметно.

— И вообще, — продолжила я, — жизнь одна, и ею нужно наслаждаться. Так что — наслаждайтесь.

Зверюги переглянулись, первая опустила голову, принялась... обнажила внушительные клыки и впиалась в мясо с утробным урчанием. Вторая долго думать не стала и сделала то же самое.

Вот тогда и я поняла, что совсем голодная. Повернулась к женщинам, поймала их потрясенные взгляды и осторожно спросила:

— А есть что на завтрак?

Ксана всплеснула руками, выходя из ступора, и затараторила:

— Конечно-конечно, есть все, что пожелаете, мы с ночи наготовили! Вам где стол накрыть, на террасе, в спальне, в...

— Здесь, если можно, — попросила я, разглядывая кухню.

На самом деле мне кухня у Накара в подземном бункере понравилась, но и здесь оказалось неплохо. Во-первых, имелась печь, в которой пылал яркий огонь, а помимо нее все виды современных нагревательных приборов, включая микроволны, синтезатор белка и плазмод, во-вторых, как только я сказала, что буду завтракать здесь, у окна из стены выдвинулся стол, что говорило о наличествующих скрытых технологиях. Мелькнула мысль забраться в систему управления домом и посмотреть, что еще умеет это строение...

И эта мысль мне неожиданно так понравилась, что, садясь за стол, я достала сейр и принялась ваять целевое планирование на ближайшее будущее.

Собственно план:

1. Цель первая: Взломать систему управления домом Эрана. Исключительно из принципа.

В этот миг ощутила присутствие тени. Вскинула голову, взглянула на скалящуюся темную субстанцию, кивнула и поблагодарила:

— Спасибо, что напомнил.

Тень удивленно подлетела ближе, чтобы прочесть:

2. Цель вторая: Разобраться с тенью.

Зависшая над моим плечом субстанция зашипела.

— Сам нарвался, — спокойно заявила ему.

Именно «ему». Потому что ничего женского в этой сущности лично по моим ощущениям не наблюдалось.

— Простите, принцесса, — Ксана подошла ближе, — с вами все хорошо?

— Да, — не отрываясь от сейра и третьей записи, ответила я, — составляю планы на ближайшие дни.

Недолгое молчание и осторожное:

— А с кем вы сейчас разговаривали?

— С тенью, — невозмутимо ответила я, — вот она, рядом, висит на тему предстоящих жизненных трудностей.

Тень действительно висела, то открывая, то захлопывая пасть, потому как превосходно прочла цель номер три: «Уничтожить тени эйтн, спасти бабушку». И вот все бы ничего, но эта субстанция нашла в себе силы прошипеть:

«Невозможно!»

Я даже отвечать не стала, глянула на нее, усмехнулась и продолжила работать с целевым планированием. Мне многое нужно было выделить в качестве целей, например:

4. Уничтожить источник эйтновских теней.

Тень не выдержала и захрипела:

«Совесть есть?!»

— Извини, данную дисциплину нам не преподавали, — нагло ответила я.

Разгневанная субстанция испарилась. В смысле, не то чтобы испарилась, а унеслась темным пятном к двери, через нее и куда-то далеко. Не стала провожать даже взглядом, во-первых — чувствовала ее и так, во-вторых — мне было приятно, ибо месть за ночной кошмар имела место быть, и вообще зря меня пугать взялись. Я-то сначала пугаюсь, тут без вопросов, но потом меня страх просто бесит.

И тут меня отвлекла Ксана вопросом:

— Что вам подать к чаю?

Вспомнив, что почти не ужинала, я решительно заявила:

— Все.

Зря я это сказала, к моменту, как с планом было завершено, весь стол был завален едой. И да — это не Накар готовил определенно, потому как — пирожки, пирожные, торты, блинчики, безе, шоколадные шарики, кремовые воздушки, конфеты. Искося взглянула на Ксану и остальных — получила самую счастливую улыбку и поняла, что именно все это женщины и готовили с глубокой ночи. Одна маленькая проблема — съешь столько сладостей, и конец энергетическому балансу, я потом весь день буду вялая.

— А фрукты есть? — спросила очень осторожно.

И улыбки медленно поехали вниз.

— Просто планов на сегодня много, — начала оправдываться я, — бегать придется, мозгами работать, а я после всего этого лягу на диване и буду медитировать на тему жизненных перспектив.

Расстроились окончательно.

— А давайте все в холодильную камеру и вечером с чаем?

Поняли, начали убирать, в итоге вновь был задан вопрос:

— Что вам подать, принцесса?

Отложив сейр, пошла смотреть, что у них есть. И столько всего нашла. И кашку, и сыр, и фрукты. Завтрак был быстрым, потому что с одной стороны ела я, с другой Икас нагло все уворовывал. Злиться на него смысла не было — там такие честные глаза и счастливая морда наблюдались, что прощалось все и с первого взгляда. Хейры у дверей мясо съели и теперь сыто облизывались и уже лежали, а не сидели. Ксана убрала подносы, женщины приступали к готовке обеда, и, попивая сок, я не могла не спросить:

— Девчонки, а вот эти женщины, которых вы сюда не пускаете, они кто? И почему не пускаете?

Ответила опять Ксана, и я так поняла, что она здесь главная:

— Так это рабы, принцесса.

— Лучше просто «Кира», — попросила я.

Женщины переглянулись, и Малей, она здесь, судя по внешности, была старше всех, сдержанно ответила:

— Вы — избраница повелителя Аэ, принцесса Киран. Когда вы примете дар его жизни, наше обращение к вам будет «повелительница Киран», таковы традиции, и менять их мы...

— «Кира», — упрямо повторила. А потом мстительно добавила: — И кто сказал, что лично я собираюсь принимать дар жизни Эрана?

У Таллис из рук выпала здоровенная кастрюля, которую она как раз водружала на плиту. Упала с грохотом! Все разлилось и рассыпалось, но странное дело, на случившееся никто и не оглянулся, все смотрели исключительно на меня. А вот лично я смотрела на пол, на котором вмиг засветилась лужа, засветилась и... пропала. Осталась кастрюля и идеально чистый пол... Я влезу в систему управления домом, обязательно влезу.

— Принцесса Киран, — голос Ксаны дрожал, — вы... вы не можете отказаться. Вы...

— Свободная личность, — перебила я. — Хочу — дам согласие, хочу — не дам. Я еще не решила.

— Но вы останетесь наложницей! — выдохнула Таллис.

Я нахмурилась, сложила руки на груди, и понеслось:

— В общем так, я гражданка Гаэры, а у нас нет понятия «наложница», у нас есть понятия любимая, невеста, жена и бывшая жена. И все. Что касается термина «наложница» — он ко мне никоим образом не относится и вообще...

— Но вы наложница, — перебила меня Малей. — Вчера все ожидали вашего согласия, во дворце готовился праздник, но утром повелитель все отменил. И конечно, мы знаем о вашем непростом характере воспитанной на другой планете женщины, но, принцесса Киран, как можно столь безответственно относиться к своему будущему?

Нормально, да? Я в осадке! Нерастворимом.

— Что? — переспросила вмиг севшим голосом.

Женщины переглянулись и промолчали. Я тоже помолчала некоторое время, потом спросила:

— А что еще вы обо мне знаете?

Теперь не просто промолчали, теперь замялись. Глаза в пол, передники теребят, явно сожалеют о сказанном. Я слегка тоже пожалела, что все это услышала, но мне бы и про остальное послушать следовало.

— Слушайте, девчонки, а это вчера кто ко мне приходил? — решила выяснить я.

— Жены и вдовы уважаемых воинов, — с благодарностью за уход от опасной темы торопливо ответила Ксана, — лучшие женщины ИрАэ.

Взрыв сверхновой!

Я резко вдохнула, выдохнула, достала сейр, включила, отправила вызов и, как только мама ответила, взбешенно прошипела:

— Мам, это у меня вчера не просто женщины, это местная аристократия была!

Зевнув, мамочка поинтересовалась:

— А ты кого ожидала, Кир?

Я нахмурилась. Чувствую себя окончательно преданной, обманутой и... злой.

— Не аристократок! — ответила сквозь зубы.

Мамуль улыбнулась, пожала плечами, хмыкнула и сказала:

— Правящий клан, Кирюсик, и этим все сказано.

Все ясно, элита. Но все равно неприятно. А еще один момент:

— Мам, а синекожие это кто?

Улыбаться она перестала, нахмурилась, но ответила:

— Аракашцы.

Удивленно смотрю на нее, мам пояснила:

— Ты помнишь, я рассказывала о тех, кто напал на Иристан? — молча

кивнула. — Это были аракашцы. Правитель Дард Аэ уничтожил их планету, и только часть жителей была привезена на Иристан, где они стали рабами. Причем рабство у них в худшей форме, Кира.

— То есть?

— Рабы выполняют грязную работу, самые доверенные допускаются до уборки. Но аракашцам никогда не доверяют приготовление пищи и сервировку стола — меры предосторожности, утвержденные законом.

Я вспомнила синекожую женщину, которая даже на порог кухни не ступила, и поняла теперь почему.

— Жестоко. — Все, что я могла сказать по данному поводу.

— Показательно, — парировала мама. — После уничтожения всех поселений на Аракаше Иристан обходит стороной даже Галактический союз.

Женщины на кухне стояли молча и даже не шевелились, прислушиваясь к нашему разговору, а потому важных тем я не поднимала, но еще кое о чем спросить хотела:

— Ты когда прилетаешь?

— Через двенадцать стандартных часов. Приземлюсь в хасстарате Шаега.

— Это у Нрого? — не поверила я.

Мамуль кивнула.

— Почему там?

— Безопасно для моего корабля. — Киара улыбнулась. — Оттуда к Аравану, безумно соскучилась по мальчику.

— Брат по тебе тоже скучает, — прошептала я.

Улыбнувшись, мамочка глянула в пространство позади меня, увидела Ксану, вопросительно вскинула бровь.

— Завтракаю, — объяснила матери.

— Одна? — удивилась мама.

— Нет, с Икасом и хейрами, — пробурчала я, с ходу поняв, что мама намекает на Эрана.

Рассмеявшись, мам тихо сказала:

— Не то чтобы я за повелителя Иристана, более того, категорически запрещаю тебе принимать дар его жизни, но все же, Кирюш, ты его любишь, а потому постарайся сейчас проводить больше времени с главой Аэ, иначе потом жалеть будешь о каждой потерянной минуте.

— Сама разберусь, — прошипела я.

И отключила связь. У меня тут тени, цели, планирование в разгаре, а она мне про Эрана. Сiju злюсь, уже почему-то на маму... и на себя... и на

Эрана. А потом подумала — вот если мама права, с Эраном я не смогу быть никогда, да и сама понимаю, что не смогу, то это же значит, что я его потом больше не увижу. Вообще.

Так какой смысл терять время?

— Все, девчонки, мне пора, — сказала я, торопливо поднимаясь.

Мне никто не ответил, женщины стояли переглядываясь и напряженно молчали.

— Спасибо за завтрак, удачного дня, — уже не так весело сказала я и потопала к двери.

Открыть не успела, как заговорила Малей:

— Принцесса Киран, вы...

— Всем удачного дня! — громче повторила я и, торопливо выйдя, пропустила Икаса и хейр и быстренько закрыла дверь.

Вот мама! Вот видела же, что наш разговор прекрасно слышат, зачем про Эрана было говорить?!

А аракашески в коридоре не было. И на мгновение я остановилась, раздумывая, куда идти. Потом посмотрела на умненьких хейр и решила спросить:

— А Эран где?

Черные зверюги переглянулись и двинулись вперед, оглянувшись шагов через шесть, с видом «Ну ты идешь?». Побежала за ними. Икас не просто не отставал, он начал носиться то вперед, обгоняя хейр, то назад — подталкивая меня, хотя вроде и так быстро двигались.

И мы прошли по прямому переходу без окон, но с мягким сиянием, льющим с потолка, а вышли на залитый солнечным светом двор. Я на мгновение зажмурилась, а когда открыла глаза, оказалось, что на меня с удивлением смотрят два зависших в метре от земли светловолосых воина.

— Принцесса Киран? — удивленно спросил один.

— Нет, — ничуть не смущаясь, солгала я.

Тар-эны улыбнулись.

И почти мгновенно опустились на землю, затем на одно колено. И вот с чего бы?

Все стало понятно, едва раздалось:

— Сэн.

Оба воина тут же взмыли вверх, а я увидела подошедшего Эрана. Перевела взгляд на хейр и похвалила:

— Молодцы.

Не то чтобы черные зверюги как-то отреагировали, но вид стал чуточку самодовольнее. Мне они нравились, гордые, но в общем-то

нормальные.

Повернулась к Эрану. Воин странно смотрел на меня, сжав губы.

— Привет. — У меня не губы, но сердце определенно сжалось. — А что ты делаешь?

Легкая улыбка, честный ответ:

— Шел за тобой.

И так приятно стало, что я даже решила честно признаться:

— А я тебя искала.

Эран улыбнулся.

— А зачем ты за мной шел? — снова спросила, чувствуя, как его синие глаза постепенно затмевают для меня широкий, просторный двор, темно-зеленую зелень сада, синеву неба и даже яркий солнечный свет.

Невероятное ощущение.

— Я обещал показать тебе ИрАэ, — ответил Эран и протянул мне руку.

Протянула ему свою, и едва наши пальцы соприкоснулись, что-то случилось. Что-то молниеносное, потому что я вмиг оказалась в объятиях тар-эна, собственно, тоже крепко обнимая его. Планета куда-то стремительно завертелась, так быстро-быстро, что стоять на ногах не было совершенно никакой возможности, и не держи меня воин, я бы рухнула. Куда-то в бесконечный космос точно. А так он держал, крепко-крепко, не позволяя даже попытаться его поцеловать, не давая возможности шевельнуться, и, уткнувшись в мои волосы, тяжело дышал. Секунда, другая, третья... я готова была стоять так вечно, но еще очень хотелось, чтобы меня поцеловали. Хотя бы чуть-чуть.

— Боги жестоки, — вдруг хрипло произнес Эран.

— Вообще гады, — простонала я, с одной стороны, вспоминая лицо бабушки Кираты, а с другой — то потрясающее чувство взрыва вселенной, что накрыло в объятиях тар-эна.

И как же хотелось послать все опасения к бракованному навигатору и снова, как тогда, таять от его прикосновений, его силы и нежности, чувствовать, как сильные ладони скользят по моему телу, и тянуться навстречу его губам. Кипец, у меня сердце уже где-то в ушах стучит, и все, что я сейчас слышу, это собственное биение крови и тяжелое дыхание Эрана...

Вдруг тар-эн отстранил меня, повернул, прижал спиной к своей груди и обнял исключительно за плечи, крепко-крепко. Но только за плечи. И таким образом мне представилась возможность полюбоваться на потрясенные морды хейр и Икаса, который даже тихонько зарычал.

— Успокой зверя, это не агрессия, — хрипло приказал Эран.

Я вспомнила, что примерно так же, рычанием, Икас реагировал на запах желания Нрого ко мне, усмехнулась и прошептала:

— А может, это он так на мое возбуждение реагирует, а не на твое.

Тар-эн хмыкнул мне в шею, и от этого теплого дыхания такие приятные мурашки по коже, и прошептал:

— Желание женщины — нежность, но никак не агрессия.

В чем-то я была с ним согласна, но исключительно из чувства противоречия:

— Ну почему же?

Эран застыл. А я пустилась разглагольствовать:

— Иногда, при определенных условиях...

Сжал чуть сильнее и, потершись носом о мой висок, прошептал:

— Продолжай, я запоминаю.

Странное дело — кое-кто мгновенно стал такой хорошей девочкой. Ненадолго.

— Так, все, пусти, — потребовала злая я.

— Предложение разумно, — согласился Эран, — но на данный момент невыполнимая задача. Еще минуту постой спокойно.

Все, конечно, понимаю, но, учитывая, как он только что меня уел по полной программе, менее всего хочется быть благоразумной.

— Знаешь что, — прошипела, — ты... ты вообще меня наложницей сделал!

И я надеялась на извинения?

— Не напоминай, пожалуйста, — простонал Эран. — У меня ассоциация с этим словом одна-единственная — ты на ложе.

Сассоциировала. Представила, что он рядом. Весь. Или лучше склоняется надо мной... Стало жарко.

— У меня гормоны зашкаливают, отпусти, пожалуйста, — тихо попросила.

Отпустил. Постояли еще пару минут — я, разглядывая небо, он — сад. Решено было о слове «наложница» забыть. Плохое слово. Провокационное. Дико провокационное.

Провокация удалась на славу, у меня мозг начал работать исключительно в одном направлении:

— Слушай, я вот тут подумала, — теперь смотрю исключительно под ноги, на блестящий, залитый чем-то вроде эпоксидной смолы двор, — тени, они вроде как на Иристане, а если бы взлететь...

И где моя гордость, спрашивается? И материнские заветы? И вообще

верность собственным решениям. Стыдно, кадет Киран МакВаррас, очень стыдно.

— Думал об этом, — глухо отозвался Эран. — В свете сказанного тобой про тени и управление, тоже пришел к выводу, что они вторгаются в момент наибольшего ослабления контроля носителя. Но это теория, сердце мое, проверять на тебе я не буду.

— Бракованный навигатор, — тихо выругалась я.

Промолчал. А мне вообще обидно было. Я будущий капитан, у меня на разгульную эротическую жизнь всего-то годы обучения в университете, и то это когда без практики. А в космофлоте да здравствует непорочный образ жизни. Потому что когда ты женщина и ты капитан, твой образ должен быть чист, суров и непогрешим, то есть вообще никаких интрижек на корабле. И даже если ты замужем, увольнение раз в год, а то и раз в два года, в иное время капитан не человек, капитан лидер, а у лидера нет слабостей, и точка. И потому именно сейчас я отчетливо ощущала, как утекает мое время и моя возможность быть безбашенной, взбалмошной и любимой. Так хочется побыть любимой.

Но все равно где-то в глубине души я была благодарна отцу за Иристан, точнее, за то, что моим первым мужчиной стал Эран. Как минимум воспоминания о моем первом разе останутся самые что ни на есть потрясающие.

— Пошли город смотреть. — Я вообще всхлипнула.

Тар-эн протянул руку. А я подошла к нему, уткнулась лбом в его твердую грудь и, плюнув на гордость, обняла. Потому что уже отчетливо поняла — мама права. Почти права. Потому что на почве «есть рядом, а взять нельзя» сходит с ума не только Эран, но и я тоже. Мне плохо. Мне физически плохо. И если сейчас я еще держусь, то о ночи даже думать уже страшно. Он же лежать будет рядом, совсем рядом, а его даже поцеловать нельзя.

Ну хоть наобнимаюсь вдоволь.

И тут Эран произнес:

— Код доступа к системе управления моего дома — твоё имя.

— Что? — удивилась я, вскидывая голову и глядя на тар-эна.

На меня не смотрели, кое-кто поигрывал желваками и сжимал зубы. Но главное-то я уже услышала и даже поняла.

— Эран, ты подслушивал! — возмущенно воскликнула я. Потом вспомнила, что подслушать он не мог, и догадалась о более страшном: — И подсматривал! И сейр мой взломал!

На меня сурово посмотрели и сообщили:

— Я извинюсь. Обязательно. После тебя.

Догадываюсь, о чем он, а конкретно о моих планах на ближайшее будущее его недвижимости, но все же:

— Я-то только планировала, а ты уже сделал, — уже не так обиженно заявила ему и... снова носом в него уткнулась.

Хорошо. Приятно. Спокойно как-то и вообще нравится.

Тар-эн тоже обнял и задумчиво произнес:

— Целевое планирование.

— Да, хорошая штука, — согласилась я.

А вокруг так красиво птички пели.

— И твоя мать не права — не отпускаю, — хрипло добавил он.

Я тяжело вздохнула и совсем тихо ответила:

— Отпустишь, Эран. Мне лучше от тебя подальше быть, иначе я с ума схожу. Ты, может, и выдержишь, ты сдержанный, а я... нет.

И я отстранилась, вновь посмотрела в небо. Такое синее, как чьи-то глаза наглые и бесстыжие. Причем наглые не в меру!

— Еще раз залезешь в мой сейр... — прошипела я, глядя в небо.

— Код от моего дворца — корень из суммы планет торгового Галактического союза, — ответили мне.

Хмуро смотрю на Эрана. Злюсь, очень.

— То есть ты мне только что вот так вот взял и с ходу признался, что будешь и подслушивать, и подглядывать, и сейр взламывать?

Тар-эн кивнул и даже улыбнулся.

— А сссовессть есть? — возмутилась я.

Эран наклонился и вкрадчиво прошептал:

— Она не входила в перечень изучаемых предметов.

Подалась к нему и прошипела:

— А зря, не помешала бы!

Тар-эн наклонился еще чуть ниже, практически коснулся носом моего носа и произнес:

— Это выводы, основанные на личном опыте? — Усмехнулся и добавил: — Только полный контроль дает мне возможность быть на шаг впереди, сердце мое. А значит, я буду контролировать тебя. Всегда.

Я уже собиралась высказать все, что по его поводу думаю, как вдруг Эран выпрямился, прижал два пальца к шее, видимо, прослушивая сообщение. А выслушав, кивнул мне на дом и приказал:

— Переоденься.

Во что и как, не уточнил, торопливо направившись в обход здания.

Молча посмотрела на Икаса, потом на хейр, потом на вход в дом, у

которого ждала рабыня, потом на небо. Небо было синее, прямо как наглые глаза Эрана.

— На шаг впереди, значит? — мрачно произнесла я.

Постаралась вспомнить, чего у меня было в целевом планировании:

Цель первая: Взломать систему управления домом. Исключительно из принципа. Потому что хочется.

Цель вторая: Разобраться с тенью.

Вообще, чем мне нравится целевое планирование — оно от простых планов кардинально отличается. Например, нужно составить план попадания из пункта А в пункт D. Для этого берутся две точки, высчитывается максимально удобный маршрут следования, включающий в себя прохождение пунктов H, Y, G, R и собственно попадание в D, а дальше действие, то есть механическое следование плану. Именно составлению плана и четкому его следованию учат пилотов, десант, да и, в общем, всех. Капитаны изучают совершенно иной принцип — целевое планирование. Мы ставим цель — попасть в пункт D. Далее просчитывается курс следования, то есть те самые подпункты плана, которые будут свидетельствовать о приближении к требуемому итогу, но план не ставится за основу действия, просто принимается во внимание. Потому что дорог и путей много, все во вселенной меняется, и вполне возможно, что, прибыв в пункт H, выяснится, что вовсе нет необходимости следовать дальше в пункт Y, а по внезапно открывшейся объездной трассе, минуя G и R, сразу попасть в D. Ну, или, например, путь из H в Y окажется закрыт, и нужно будет искать новые возможности и пути. Так что целевое планирование наше все, и потому мы ставим цель и идем к ней, ориентируясь на изменяющиеся внешние условия, принимая во внимание новые факторы, ситуационные моменты и вообще жизнь с ее изменчивым характером.

Я к тому, что кто мне мешает в данный конкретный момент поменять цели местами и заняться тенью, а взлом системы управления оставить на потом в качестве десерта? Тем более повелитель Иристана сам раздал все карты, а мне остается только сыграть. По своим правилам.

И мрачно направилась в спальню. Дорогу я уже запомнила, что радовало. Оказавшись на месте, торопливо открыла шкаф, достала рюкзак, тот, последний, сохранившийся у меня. Ничего полезного практически.

Кто-то отчаялся? Не я.

Я молча села на постель, на которой уже ждали брючный костюм и теплый белый плащ, включила сейр и задала в поиске: «Система управления „Умный дом“». И почти сразу получила ответ «Найдено устройство. Соответствие запросу 2 %». Маловато, но будем работать с

тем, что есть. Команда действия: «Подключиться», пароль — «Кира».

И потрясающий звук победы: «Вход выполнен».

Следующая команда: «Адаптация».

Ответ сейра: «Начинаю распознавание».

Я быстро переоделась, умылась, заплела волосы в косу и, когда вернулась, получила свои два распознанных процента. Мало? Кому как. Для незначительной, отвлекающей внимание диверсии вполне достаточно.

История вторая: О подземельях, портрете и мясной диете

Все началось с системы полива. Может, и мелочь, но когда ввысь взвиваются струи воды, равные по мощности струям пожарных брандспойтов, — внимание определенно обеспечено. И да — летать становится крайне опасно, как и ходить... если только в кажущуюся хаотичность не внесена четкая последовательность. И конечно, управление системами дома мгновенно попытались перехватить, но вот тут тар-энов ждало несколько примитивных, но действенных кадетских подстав. У нас на полигонах пароли меняли раз в полчаса, а в момент наступления сессии и вовсе каждые двенадцать минут. Просто потому, что руководство знало, что такое злой кадет и на что он в момент озарений способен, а вот воины нет. Вероятно, Эран просто не осознал, что я могу сделать с тем минимальным доступом, который он мне «великодушно» предоставил. А зря.

Так что теперь я спокойно шла по саду, отсчитывая про себя секунды и отслеживая открытие ворот. Причина открытия была крайне проста — служба доставки продовольствия прибыла. Кто вызвал? Понятия не имею, но два процента доступа, это при наличии мозгов и соответствующей подготовки, крайне немало. Как, впрочем, и приятного осознания — продукты самому повелителю Иристана доставляет не программа, а самый что ни на есть обычный иристанец, что есть даже не воин.

— О, — выдохнул спрыгнувший с платформы мужчина, — а... что здесь?

— Красиво, правда? — Я на мгновение обернулась.

Действительно красиво было — струи воды устремляются вверх, в полуденном солнце сияя радугой. Сказка. Просто сказка.

— Э-э-э... — произнес иристанец.

— Икас, усыпить, — кратко скомандовала я.

Хейры тихо обалдевали, нервно избивая мокрыми хвостами землю. В отличие от Икаса, который четко шел след в след за мной и потому был чист и сух, обе черные зверюги раз пять взлетали вместе с водными потоками, но все равно не отставали. Угрюмо посмотрела на обеих, указала на платформу и, надевая форменную одежду мужчины из доставки, сказала:

— Хотите с нами — прыгайте, нет — мы с Икасом сваливаем. Времени на размышления нет.

Не знаю, какой приказ был у животных, возможно, меня охранять, возможно, постоянно следить, но послушались. Прыгнули на платформу, шерстюсик за ними, я, помня уроки Нрого, достаточно быстро разобралась в управлении, накрыла пологом зверюг и взлетела.

За воротами нас, возможно, остановили бы, однако зов к обеду даже тар-энов правящего класса делает несколько более рассеянными, чем следовало бы. Меня просканировали на факт ношения оружия и, не обнаружив ничего, пропустили.

Взмывая вверх над ИрАэ, я улыбалась. Коварно.

Нет, ну а о чем он думал, давая мне доступ к системе управления? Что я удовлетворюсь схемой устройства кухни?

— Грр, — донеслось сзади.

— Ведите себя прилично, — предупредила хейр, — кто не согласен, того не держим.

Мгновенно стало тихо.

А я вызывала карту города, торопливо просматривая нужные мне объекты. Нашла достаточно быстро — ближайший храм был левее главной улицы, ведущей ко дворцу повелителя. На осмотр достопримечательностей времени не было, к сожалению.

Но его оказалось еще меньше — тихая трель продемонстрировала, что мой сейр взломан. Затем на экране стремительно побежали колонки символов, и я поняла, что Эран уничтожает мои вирусы, благополучно внедренные в систему управления домом. Точнее, в те два пункта, доступ к которым он мне дал — кухня и система полива! На взлом у повелителя Иристана ушло до обидного мало времени — пятнадцать секунд. После чего я услышала его злое:

— ИрАэ я и так собирался показать тебе.

Обернулась — над покинутым мной поместьем взлетало с десятков тар-энов на сверкающих платформах. Шустрые они. Обидно. Но по сути значения не имеет, мы уже снижались, и, собственно, тратить все время на спуск я не планировала.

— Икас, приготовься, будем прыгать, — предупредила шерстюсика.

Хейры наострили ушки.

Улыбнулась и посмотрела вниз — пологий купол храма был выкрашен в черное и удерживался на более чем двадцати белых колоннах. Любопытное сочетание цветов, обычно делают наоборот, ну да их сложности.

В максимально приближенной точке я спрыгнула с платформы! Перекувыркнулась и заскользила вниз. Звери повторили мой маневр один за другим, но когти позволяли им спускаться следом за мной, а не скользить в ожидании края крыши. Это радовало, значит, за них можно было не переживать. И я, перевернувшись на живот, ускорила.

Головокружительный спуск, зацепка за бортик водозаборной системы, рывок, и я повисла рядом с застекленным окном. Слаженный удар ногами, звон стекла, и я следом за осколками ввалилась в храм.

Второй была хейра, третьим Икас и замыкала вторая хейра. Мимолетно отметив, что все в сборе, я поднялась, сорвала с головы форменную кепку службы доставки и огляделась. Помещение оказалось на редкость красивым — круглый потолок, изображающий ночное небо, узкие окна, выполненные в виде голубых колонн. Точнее, все окна были голубые, кроме того, что я так благополучно разбила. И здорово, что это было только стекло, а вообще планировалось слезть по стене и дальше сползти по колонне, чтобы в храм войти. Но так даже лучше. Посмотрела на пол — непроницаемо черный ковер, и все. Вообще все. Никакой мебели в помещении не было и в помине, зато имелись двери — шесть штук.

— За мной! — скомандовала зверям и пошла проводить осмотр.

Двери номер один, два, три, пять и шесть — использовались часто, о чем свидетельствовали отполированные ручки, что касается двери номер четыре, она представляла собой нечто загадочное с тремя степенями защиты, одним многоступенчатым замком и главной достопримечательностью — глазами эйтны. Не настоящими, нет, просто нарисованными, но так достоверно, что смотреть было жутковато.

Более чем жутковато, но, видимо, после ночного посещения меня тенью малейшее проявление ужаса теперь вызывало злость. И потому я, гордо вскинув голову, нагло посмотрела прямо в эти глаза. Просто так, чтобы доказать самой себе, что не боюсь!

То, что произошло дальше, повергло в шок.

Щелчок. Еще щелчок. Проворот ключа. Отключение системы защиты.

И дверь с тихим скрипом открылась!

Несколько секунд я стояла и потрясенно смотрела на темень, куда меня так явно приглашали. Идти не хотелось вовсе. До крайности.

Но под стенами храма уже слышались крики, и я поняла, что времени на размышления нет, действовать нужно незамедлительно.

— Икас, рядом, — прошептала и шагнула в объятия тьмы.

Шерстусик успел, он шел рядом, как и было велено, хейры уже привычно держались чуть позади, и когда дверь неожиданно закрылась,

они просто не успели. Последнее, что я услышала, — рычание одной из зверюг, но потом дверь отсекала даже звуки.

Темно, тихо настолько, что кажется, со всех сторон обволакивает что-то вязкое, жуткое, и если бы не Икас рядом, я бы чувствовала себя хуже. Нервно погладила стоящего совсем близко шерстюсика, достала сейр, включила. Тусклый луч осветил пространство с уходящим вниз тоннелем, датчики сети продемонстрировали, что связь в данном пространстве отсутствует напрочь.

Весело.

Нет, теоретически я там, куда намеревалась попасть, — в храме. Если предположить, что я не только теоретически, но и фактически права — вот этот конкретный путь предназначен для теней или носителей теней, потому и ручки на двери не тронуты. А то, что тени эйтн через стены не ходят, это я уже поняла — и в первый, и во второй раз «моя» тень появлялась и исчезала через двери, в то время как тени Нрого беспрепятственно гуляли сквозь стены. То есть если я права, то это вход в подземелье, где тени и тусуются.

Теперь два вопроса — грозит ли мне опасность и как отсюда выбираться?

Ответ на второй вопрос в принципе не особо важен — выбраться я всегда сумею, не сама, так хейры Эрана на вход наведут. А вот с опасностью другое дело — не то чтобы я боялась теней, я опасалась исключительно мутации. Впрочем, мама сказала, что единственный катализатор для моих изменений сам Эран. Следовательно, тени опасны, но не смертельно.

— Икас, мы идем гулять, — прошептала я шерстюсику.

Перевод сейра в режим «узконаправленный свет», и я шагнула в темень уходящего спиралью вниз узкого пространства. Икас бесшумно шел рядом, видимо, Снежная смерть сделал правильные выводы относительно не успевших войти хейр и теперь держался максимально близко ко мне.

* * *

Спускаться было жутко — каменное полотно извивалось под ногами, уводя все ниже, ниже и ниже, единственное, что порадовало, — плимкнувший сейр, обозначивший, что связь здесь есть. Слабая, недостаточная для переговоров, но на поиск информации сгодится. И мы продолжили путь.

Примерно спустя две тысячи шагов на узких серых стенах появились надписи. Забавные, с цветочками и поцелуйчиками. Девчачьи.

Странно, да?

Вот и мне странно стало, подошла к стене поближе, поковыряла ногтем — а помадой писали, но давно. Судя по цвету, уже лет двести прошло. Разобрать бы еще что. Иду дальше — надписей больше. Смешные, с закорючками, опять же цветочки, поцелушечки, бабочки. Красотень просто. Ну точно девчонки писали, причем влюбленные. И я таки была права — чуть дальше обнаружился портретик воина. Судя по тому, что в его волосах цветочки обнаружались, а весь портрет был зацелован, это, так сказать, объект восторженной любви.

Поулыбалась, иду дальше.

Икастик, что примечательно, тоже головой всю крутит и все рассматривает.

— Это последствия пламенной, восторженной любви, — весело пояснила ему, — у нас в школе в туалете на стенках то же самое творилось.

Шерстусик фыркнул, я улыбнулась шире и... замерла.

Остановилась, занеся ногу для следующего шага.

И застыла, затаив дыхание и прикусив губу.

В следующее мгновение мне стало не просто не по себе — меня пот прошиб и сердце забилося в сумасшедшем ритме глюченного андроида!

Твою мать! Твою мать к нестабильному атому! Мы же не в туалете средней школы! Мы в тоннеле, ведущем на поверхность проклятого всем нестабильным космосом Иристана!

Твою мать!!!

— Грр? — вопросительно прорычал Икас.

А я медленно повернулась. Семнадцать шагов в обратном направлении, и вот он — портрет воина. Обожаемого воина. Любимого настолько, что девчушка зацеловала его всего. И эти следы от блеска, которым обычно пользуются подростки, они, конечно, потускнели от времени, но маслянистыми пятнами остались! Остались по всему нарисованному лицу.

И кто способен на вот такую безумную вплоть до поклонения и обожествления любовь? Малолетки. Мне почему-то сразу вспомнилась Мика, зацеловывающая свой собственный сейр, на котором был изображен ее на тот момент возлюбленный. И сердечки в дневнике, выводимые тонким грифелем манипулятора, и приписочки вроде «Мика и Хамри вместе навек!». Здесь, по всему проходу, были не сердечки, а цветочки, солнышки, звездочки и бабочки, но суть та же!

А теперь вопрос — кто были эти влюбленные до седьмого неба девочки? Много девочек. Пугающе много. Так кто? Хотя к чему вопрос, этот тоннель предназначен всего для двух категорий — эйтн и теней! И здесь на протяжении веков, а быть может, и тысяч лет ходили эйтны и тени. Вот только что-то я никак не могу представить себе влюбленных эйтн. Можно, конечно, сказать, что это дискриминация черномотанок, если бы не одно «но» — у бабушки губ не было, целовать стены нечем. И более того, после вида ее изуродованного мутацией лица целовать кого-либо уже вообще желания не возникнет...

Если только не влюблена настолько, что гормоны табуном шагают и революции устраивают!

И вот теперь мне стало плохо. Действительно плохо. Плохо настолько, что ноги ослабели и я совершенно обессиленно опустилась на пол.

Шерстюсик подошел, сел рядом, встревоженно заглядывая в глаза, а я сидела, обхватив колени руками, думала, анализировала, сопоставляла факты. Еще раз снова и снова прокручивая в памяти историю, рассказанную Араваном:

«Традиционно эйтна-хассаш принадлежит именно к Аэрд, и наша бабушка должна была стать главной эйтной. Но в священной Каарде бабушка, тогда еще совсем юная послушница, не прошедшая мутацию, увидела деда. Еще не воина, еще не главу клана, еще только готовящегося к посвящению юношу. Я толком не знаю, что между ними произошло — то ли дед поддержал споткнувшуюся послушницу, то ли послушница проявила своеволие и посвятила воина сама, не могу точно сказать. Они познакомились».

Хорошая история. Красивая. О любви даже. Одна проблема — вот, допустим, я девчонка, пусть даже, как сейчас, из рода Аэрд, женщины которого традиционно становятся эйтнами. Я послушница и живу в подземелье, а значит, вижу изуродованных эйтн, вижу тени, знаю, чем мне все это грозит. И точно знаю, что без соития с воином никакой второй фазы мутации не будет, так? Получается, что так. А теперь объясните мне хоть кто-нибудь, какая девчонка-подросток согласится стать изуродованной эйтной?!

А никакая! Дур нет! В юности как никогда ценишь свою внешность! Я это точно знаю, сама недавно подростковую зацикленность на многочасовом разглядывании себя в зеркале прошла. И это я, растущая в условиях постоянной занятости, про Мику и говорить нечего, там было куда веселее: «А мне такой хвостик идет? А как тебе цвет ресниц? А с зелеными глазами я краше, да?» О да, в юности мы любим себя. Любим

настолько сильно, что вряд ли согласились бы ради каких-то навязанных идеалов на пожизненное уродство и проживание во тьме подземелий.

И я поднимаю голову и с тяжелым сердцем оглядываю сотни надписей... цветочков, бабочек, звездочек.

И понимаю страшное, то, о чем, несомненно, знают тени — себя-то девчонки любят, но забывают обо всем, когда влюбляются! Обо всем. Включая себя. И молоденькая эйтна, как мотылек на свет огня, летит к воину, чтобы сгореть в пламени мутации!

И сгорает! Достаточно вспомнить бабушку.

Тихий стон. Мой. Потому что мои мысли бегут дальше, и я вспоминаю, что чем сильнее воин, тем опаснее мутация. А кто может быть сильнее правящего клана?! Никто! И перед глазами вновь мелькает тот день в Шоданаре. День, когда я встретила Эрана. И то ощущение, что накрыло с головой, — ошеломляющее, сбивающее с ног, лишаящее разума желание.

Желание, не любовь.

Впрочем, любовь слишком эфемерное понятие, чувство, на которое повлиять сложно, а вот с желанием все проще. Сделать так, чтобы будущая эйтна увидела всего одного воина, единственного, теоретически не сложно. И если припомнить, мне в тот день все виделось размытым, неярким, нечетким — кроме синеглазого воина. Я видела только его, я дышала только им, я с ума по нему сходила. Сразу, мгновенно, с первого взгляда! И это я, кадет S-класса, более чем способная держать себя в руках.

Кстати, я же сдержалась. Я даже рассуждать была способна и не бросилась на него с ходу. А как же девчонки? Девочки, у которых не было приказа от матери и чувства отвращения к самой себе из-за необходимости переспать с первым встречным. Они ведь не раздумывая бросались в объятия страсти, а дальше мутация. Вторая. И это если беременность не наступала с первого раза, а если наступала, что тогда? Девять месяцев ожидания неизбежного. Роды. Боль. И тень, захватывающая власть в твоём собственном теле?

Уроды! Просто уроды! Но схема ясна, и возникает вопрос — что же пошло не так в истории бабушки и дедушки? И вспомнила — дедушка не хотел детей, не хотел и берег свою любимую. Берег до последнего. И тогда эйтны попытались провести ритуал, чтобы добиться желаемого, но дед и тут помешал им и забрал бабушку из подземелья. Сколько лет они жили вместе? Надо бы выяснить у Аравана, но брат говорил, что много. А после бабушка решила, что дети важнее, и родила. Что с ней случилось дальше, я видела.

Уродские тени!

Проклятые уродские тени! Хуже викрианских глистов и сбоя в гипердвижке!

— Грр... — Икас лизнул мое лицо, видимо, окончательно встревоженный моим поведением.

— Все хорошо, шерстюсик, — тихо ответила я.

И поняла, что сейчас следует сосредоточиться на своей основной проблеме. Итак — Эран и мои чувства к нему. В том, что желание во мне вызвали искусственно, уже даже не сомневалась. Сейчас я отчетливо понимала — так реагировать на мужчину нонсенс! Слишком нетипично для меня. Потому что я не такая. Я ведь даже в ситуации с Эдвардом Дрейгом, тем самым, в которого была влюблена с двенадцати лет, так себя не вела. С Эраном было иначе. Все иначе. У меня словно включилось тоннельное зрение, и все, что я оказалась способна видеть, — светловолосый воин, на которого лавиной среагировали все мои гормоны... А мои ли это были гормоны?!

Правда, в ситуации со мной имелся маленький просчет — я была готова уйти. Эран обидел предположением, что подобным же образом я могу среагировать на другого из Аэ, и я ушла. Горжусь собой, серьезно. Хотя чем-то...

Но, несмотря на пришедшее осознание, я бы солгала самой себе, если бы сказала, что чувствую к Эрану только желание.

Мне вдруг повторно стало плохо. Потому что каленым железом в памяти вспыхнула реплика синеглазого: «Киран, если ты чувствуешь ко мне только желание и ничего больше, я не буду тебя удерживать». Так, получается, Эран знает!

Я застонала повторно.

Эран знает. Знает про то, что влечение молоденьких будущих эйтн создается искусственно. Он знает! Не в этом ли причина, что повелитель Иристана изначально отказался от дочери хассара Айгора? И тогда совершенно понятной становится его фраза. И он бы отпустил, действительно отпустил, не скажи я правду о своих чувствах. И я его понимаю — кому приятно полюбить того, кто не то что даже не любит, но и хочет не по собственному желанию. Интересно, а воины знали, что влюбленные в них девушки эйтны?

Погладив мордочку Икаса, я поднялась, перестроила сейр на режим съемки, чтобы сохранить и расшифровать. Нет, в принципе, все понятно, и все же много доказательств не бывает, а я хочу разобраться в ситуации.

Спускаюсь ниже, еще примерно через три тысячи шагов начинается

легкое головокружение. Остановилась, глянула на Икаса — Снежная смерть признаков беспокойства не проявлял. Сделала глубокий вдох — тоже ничего странного не ощутила, разве что с кислородом тут было туго, но оно и неудивительно — подземелье. А надписи закончились еще полторы тысячи шагов назад, и сейчас имелся только тоннель — серый, темный, грустный.

Спустя еще восемьсот шестнадцать шагов мы уткнулись в перекресток — тоннель разделился на три хода. Усилив свет, я присмотрелась к ходам — уходящий вправо использовался часто, местами блестел даже, стертый многочисленными ногами, средний тоже использовался нередко, но казался более заброшенным — а вот в левый никто не ходил. Вообще.

— Пошли налево, Икасик, — со смешком предложила.

Шерстюсик против выбранного направления не возражал, так что мы пошли налево и почти сразу пожалели, особенно Икас — здесь все было покрыто мхом. И ладно я, я в обуви, а вот зверю шагать было заметно неприятно.

Шли долго, шагов четыре тысячи пятьсот пятьдесят — четыре тысячи пятьсот девяносто, точнее сказать не могу, так как несколько раз поскользнулась, отсюда и неточности в подсчетах. По всему выходило, что я уже три с половиной часа нахожусь в подземелье — не слабо. Откровенно злюсь на себя за отсутствие воды и еды, все же не на поверхности, где проблема решается быстро, должна была бы подумать. Обязана просто. И если не о себе, я-то протяну, то хотя бы об Икасе. Успокаивало лишь одно — в любом случае в течение суток смогу вернуться.

В следующее мгновение я так уже не думала! Потому что впереди обнаружился сидящий у стены скелет! Даже уже не труп, а высохшие, обтянутые кожей кости. Я присела рядом на корточки, запретив Икасу приближаться, усилила свет, осмотрела тело. Видимых повреждений нет, никаких. Истлевшая одежда целая, лицо чуть тронутое мутацией, рядом с левой рукой чашка...

— Грр, — прорычал шерстюсик на уже пустую тару.

— Яд? — скорее догадалась, чем спросила я.

Рядом со скелетом увидела слово, одно. Нацарапанное чем-то темным. Судя по символам, язык тот же, что и у надписей, разукрасивших тоннель вначале. И вот если с теми надписями было все ясно и никакой важной информации они в себе не несли, этой надписью я заинтересовалась. Настроила сейр на слабый сигнал, подключилась и попыталась вспомнить, о каком языке говорил Эран.

И вот она странность — я почти дословно прямо сейчас могу вспомнить, что говорил мне Араван, а фразу, произнесенную тар-эном, никак. Сесть бы на пол и сосредоточиться, но тут для этого чрезмерно грязно. Икас ткнулся носом в мое плечо, нервно погладила шерстюсика и, сидя на корточках, попыталась вспомнить.

Тень тогда выругалась, а Эран сказал...

В темном помещении словно вспыхнул свет, и я увидела себя, находящуюся на коленях у воина. Одна его рука обнимает мои плечи, вторая лежит на бедре, и от его прикосновений так тепло и спокойно, и голос... даже голос я слышу так, словно он гладит, нежно, но сильно и властно и словно... Стоп!

Тряхнула головой, прогоняя наваждение, и еще раз попыталась вспомнить. Тень, ее ругательство, да, я даже тень довела — горжусь собой, и задумчивую реплику Эрана: «Я знаю этот язык». Это я вспомнила, отлично, а какой это язык? Вновь пытаюсь воспроизвести в памяти ситуацию, вспоминалась исключительно ладонь воина на моей руке. И мысли понеслись совсем не в том направлении!

Молча залепила себе пощечину. Звук удара разнесся по тьме, вернулся глухим эхом, щека горела, но зато подействовало. Я вспомнила!

Вспомнила Эрана, его синие глаза, такие яркие на фоне загорелой кожи, и спокойный ответ:

«Да, ругательства на древнетшейском».

Древнетшейский.

Поднялась, вбила в поиск: «Тшейс». Система выдала сведения о планете малого круга близ Орейской галактики. Младший член Галактического союза, то есть вошедший на невыгодных экономических условиях, недостаточное развитие цивилизации, гуманоидное население и язык, не имеющий ничего общего ни с одной из виденных мной надписей.

Печально. Если бы не одно «но» — Эран сказал «Древнетшейский».

Вбиваю: «Древние цивилизации Тшейса».

Система выдала сведения о трех глубинных разрушенных поселениях, и все. По поводу самой цивилизации: «Причины гибели неизвестны». По письменности ничего вообще.

Смиряться с положением не хотелось, вбила поиск пиратской копии базы Института языковедения имени Грасса, развивающегося под эгидой Алтари, и, оставив систему выполнять запрос, двинулась дальше, зафиксировав на камеру как труп, так и надпись.

Переступать через кости то еще удовольствие, но поворачивать я не собиралась. Еще четыре тысячи шагов по истлевшему, а не живому, как в

начале пути, мху, под малоприятные размышления на тему «Почему тени разговаривают на языке давно погибшей цивилизации Тшейса». Ответа у меня не было, что вообще не радовало. Икаса уже тоже ничего не радовало, мы устали.

А затем я увидела тень!

И прежде, чем осознала, что делаю, ухватила Икаса за загривок и заставила прижаться к стене. Мы стояли неподвижно, когда задумчивая бормочущая тень бестелесным призраком проскользнула мимо, так и не увидев нас. Судя по поведению, шерстюзик ее тоже не засек и потому непонимающе смотрел на меня, но не шевелился.

Я простояла до тех пор, пока не затихло бормотание тени, затем осторожно продолжила путь, прислушиваясь к каждому шороху.

Спустя еще не более пятисот шагов увидела свет, но солоноватый запах ощутила раньше, как и Икас, вдруг начавший себя вести несколько нервно. Запах крови, да, его ни с чем не перепутаешь. Неудивительно, что я остановилась. И дело не в страхе — собой рисковать дело привычное, но рядом со мной Икас.

— Идем назад? — шепотом спросила зверя.

Шерстюзик дернул хвостом и устремился вперед. Я же осталась стоять и дождалась, пока Снежная смерть вернется. Опасно, слишком опасно отпускать его одного, так что вперед мы пошли вместе, точнее даже, прокрались, потому что впереди был не только свет, впереди были и эйтны. Я слышала смешки, звуки разговоров, а ощущала запах крови.

Пятьдесят шесть шагов, и мы из тьмы вышли к комнате, из которой два прохода вели в светлый, освещенный красноватым светом живого пламени коридор, а третий вел в другое, черное помещение. И что удивляло — наш ход был закрыт чем-то странным, напоминающим призрачную ткань или проницаемую преграду. Словно тончайшая черная пленка, дышащая пленка. Молча сняла шарф, намотала, прикоснулась — ткань беспрепятственно миновала преграду.

— Икас, рядом! — прошептала я и шагнула в проход.

Преграда пропустила и нас. Так легко и естественно, словно ее здесь и не существовало, но стоило мне обернуться — стена. Старинная стена из красноватых камней, и как я ни прикасалась, как ни пыталась сдвинуть — пленкой это больше не было, был камень. Икас, до крайности удивленный такими изменениями, даже поцарапал стену — ничего. Мы вошли, а вот выход не представлялся возможным. Единственное, что напоминало о месте, через которое мы прошли, — следы от когтей Икаса.

— Еще поцарапай, — попросила я, оглядываясь.

Странное дело, из-за стены я видела два выхода в светлые коридоры, причем видела их и сейчас, но вот вход в темень, еще один, я в данный момент не наблюдала, а из-за пленки он был виден отчетливо. Вернулась к тому месту, откуда вышла, постаралась четко вспомнить, где видела тот, второй темный проход. Вспомнила, подошла к противоположной стене, прикоснулась к камням — рука беспрепятственно вошла в кладку.

— Икас, — тихо позвала я, — пометь это место.

Шерстюсик подошел, важно кивнул и... пометил.

— Икас! — возмутилась я.

Зверь не отреагировал, он удивленно смотрел, как струйка исчезает, вместо того чтобы мокрым пятном растекаться по стенке. Заинтересовался. И уже не помечал, а делал мокрое дело, внимательно следя за процессом.

— Фу на тебя, — не сдержалась я.

На меня хмуро глянули, мол, «Сама просила пометить».

— Потом найдешь? — спросила шепотом, прислушиваясь к шуму впереди.

Шерстюсик кивнул и завершил с процессом. В принципе решение правильное — он потом действительно по запаху найдет, а запахи в замкнутом пространстве разносятся далеко, так что шанс был.

— Место запомни, — попросила я, — выбираться будем отсюда.

Икас кивнул, серьезно глядя на меня. Понимающий он у меня или... или чувствует что-то? Похоже, чувствует — ноздри черного влажного носа задергались.

— Веди, но осторожно, — приказала я.

Снежная смерть метнулся в светлый проход, я за ним.

Помещение, в котором мы оказались, было синим. Темно-синий камень, чем-то напоминающий сланец, и дверные проходы, ведущие в красно-кирпичные комнаты. Никакой мебели, забитый земляной пол, факелы в комнатах, но не в этом темно-синем тоннеле. И усилившийся запах крови. К источнику запаха Икас и помчался, замерев у следующего поворота. Я, следуя его примеру, быстро прижалась к стене, и вовремя — из красного прохода вышли две эйтны.

Не замотанные, и потому в красном, льющемся из дверного проема свете были отчетливо видны лысые, чуть трансформированные черепа,двигающиеся в разговоре изуродованные челюсти.

— Эшшсан гремха тоге, — мужским хриплым голосом произнесла одна из женщин.

— Харагата э, — ответила вторая.

Мимо нас они прошли, не заметив, но зато заметила я, как по

челюстям капала маслянистая густая жидкость. В том, что это была кровь, даже не сомневаюсь.

Когда шаги эйтн стихли, Икас скользнул в тот проход, откуда они вышли, я следом. В красном, наполненном светом живого огня помещении мебели также не наблюдалось, все те же голые стены. Миновав комнату, мы вновь очутились в синем коридоре, Икас ускорился и теперь бежал, я не отставала.

Но шагов через триста Снежная смерть резко взмыл вверх и повис на стене, над следующим проходом, а я так не могла. У меня когтей не было. В панике огляделась и спряталась в одном из красных проходов. И правильно сделала, потому что зацепись за что-то на стене — свалилась бы.

— Киран покинула дом повелителя, — произнес голос, чью обладательницу я не могла разглядеть.

— Ее требуется найти, — произнесла вторая эйтна.

— Стоит ли? — третий голос.

Я едва дышала, прислушиваясь к говорящим.

— О чем вы, эйтна Иллошан? — снова первая. — Она Аэрд, истинная Аэрд. Ее ДНК способна полностью трансформироваться. И мы получим то, к чему шли долгие годы.

— Да, долгие годы, — вновь третий голос, — но вспомним — дом воина Агарна в руинах, хассарат его в иных руках, кланом иной правит. Опыт, шейсы, опыт. Опасна дочь Киары, опасна.

И тишина.

Я мучительно ждала продолжения, но ни слова. Осторожно выглянув в синий проход, увидела трех удаляющихся эйтн в белом. В белом! То есть это не черномотанки, которые на поверхность выходят, это иные — белые. И то, как третья назвала их — «шейсы», есть в этом что-то схожее с Тшейс.

Бесшумно спрыгнул Икастик, глянул на меня, дождался кивка и устремился вперед, на запах, я за ним, уже чувствуя первые признаки усталости. Бежать пришлось недолго — не пробежав и тысячи шагов, мы были вынуждены вновь прятаться — еще две эйтны без платков на головах, облизывая кровь черными языками, миновали коридор, выйдя из одного красного прохода, чтобы пройти в другой. И вот теперь запах крови стал невыносим. Вот только был он какой-то... странный. Слишком солоноватый.

Икас вошел первым, я за ним. И сразу потянулась к носу, закрывая ладонью. Потому что призрачная пленка, которая здесь тоже имелаась на входе, похоже, придерживала запах, а вот в самом помещении ржаво-красного цвета вонь стояла невыносимая. Ну не вонь, запах крови, но

невыносимый до вони! А еще тут были чаны — много, много, много чанов с кровью, трубками, датчиками, подъемными механизмами и тушами без костей и шкуры, расположенными на трех из шести столах.

Икас встревоженно посмотрел на меня, и я пояснила очевидное:

— Они выращивают мясо.

Шерстюсик не понял, я лично тоже не совсем понимала, хотя... догадывалась. Медленно подошла к столу — пол здесь тоже был земляной, но весь пропитанный кровью, и ходить неприятно, Икас вовсе остался стоять на входе. Подойдя к столу, взяла один из воткнувших в деревянную поверхность ножей, ржавых, с деревянной, напитанной кровью ручкой, противно даже трогать было, и отрезала маленький кусочек мяса.

И меня накрыло ощущение голода! Зверского, жуткого, невероятного голода! В голове не потемнело — покраснело все, а вонь вдруг стала приятным, дразнящим, чуть пряным и невероятно вкусным запахом! Не есть — жрать захотелось! Впитаться зубами в мясо, рвать нежную солоноватую мякоть, заглатывать куски не прожевывая, утолить голод, наполнить пустоту, насытиться!

Я пошатнулась. Оглянулась на стоящего у двери Икаса, вновь посмотрела на мясо. Нестерпимо хотелось есть. Ощущение такое, что здесь, в этом ломтике было все, что мне нужно, — микроэлементы, витамины, энергия, питательные вещества. Все!

Тихое «Грр» Снежной смерти вырвало из окутывающего состояния транса. Сюда кто-то шел. Икас метнулся за чаны с мясом, я, бросив мясо, но удерживая нож, тоже спряталась за ближайшим из чанов.

Вошло двое, они тут вообще, как я заметила, в основном по двое перемещались. Прошли к ближайшему столу, о чем-то тихо переговариваясь, взяли ножи... Как препарировать трупы, я знаю, как разделять тушу животного тоже — обучали на курсах выживания, но чтобы вот так кроить мясо... Эйтны двигались молниеносно, шинкуя здоровенные куски на тонкие длинные полоски. Молча и неестественно. А после, воткнув ножи в стол, принялись с грацией гурманов поглощать эти кусочки, запрокидывая головы. И я поняла почему — они еще не мутировали! Лица оставались юными, человеческими, рты нормальными, губы припухлыми, обыкновенными. То есть они еще были людьми!

Бракованный навигатор! Я села, прижавшись спиной к холодному железу, откинула голову, больно ударившись, и едва не взвыла. Смотреть, как две юные эйтны себя гробят, не было никакого желания. Жалко до слез! Их жалко. Потому что отчетливо понимаешь, что на самом деле происходит. На Кахерде есть паразит. Попадая в тело жертвы, этот гад

вылупляется из личинки и начинает медленно расти. Очень медленно, очень осторожно и так же осторожно внедряется в тело носителя. А потом человек сам не замечает, как рука тянется не к нормальной пище, а к сладкому — шоколад, булочки, крем, конфеты, пастила, тянучки. Сладкое. Его постоянно хочется все больше, вот только не человеку, а паразиту, которому глюкоза позарез для завершения цикла взросления необходима. И сейчас, видя, как эйтны жрут мясо, потому что поеданием этот процесс трудно назвать, я понимала — мясо нужно не им, а той гадости, что сейчас медленно, но верно захватывает их тела. Впрочем, достаточно вспомнить изуродованный рот бабушки, чтобы понять — это пасть хищника.

В помещении тем временем отчетливо слышалось чавканье. Конечно, тень жрет, тень получает все необходимое для того, чтобы и дальше уродовать тело жертвы, подстраивая под себя. Теням хорошо. А мне нет! И с одной стороны, я понимаю, что вмешаться сейчас — обнаружить свое присутствие перед противником, а значит, нужно сидеть и, наплевав на собственное чувство справедливости, терпеливо ждать, пока эйтны уйдут. И как будущий капитан я обязана думать головой и сидеть тихо, давясь собственным негодованием и чувством неправильности собственных действий.

— Ненавижу мясо, — вдруг тихо сказала одна из эйтн, — потом тошнить будет.

— Вкуссно, — хрипло ответила вторая и тут же нормальным голосом согласилась, — но тошнить будет.

А вообще, если вот так подумать — я же еще не капитан, да? А значит, вполне себе имею право на безголовые поступки. Пока имею.

И в жутком помещении прозвучало шепотом:

— Икас, усыпить.

И два тела грохнулись на пол. Мгновенно поднявшись, торопливо оттащила первую эйтну за контейнер, Икастик, прелесть моя сообразительная, повторил маневр и притащил вторую. Обеим вытерла рты, у обеих проверила зубы — человеческие, даже прикус нормальный, что радовало. Ну и так как я не капитан и команды у меня нет, тащить обеих самой придется. Вернулась к столу, взяла несколько кусочков мяса, давя в зародыше жуткий голод, замотала в ткань, положила в карман на поясе, нож прихватила так же, не то чтобы понадобится, но так спокойнее. Затем одну девушку перекинула через плечо, вторую, к моему счастью, на спину закинул Икас. Просто двоих я бы не вытащила.

— Теперь давай к выходу, — шепотом попросила я.

Мой умный зверь кивнул и помчался прочь из этого страшного

помещения, но едва выбежал, повернул не туда, откуда мы пришли! Так как я бежала с утяжелением, догнать не смогла, и пришлось положиться на чутье Снежной смерти.

* * *

Бежали около часа. По совершенно незнакомым коридорам, после по непроницаемо черному гроту, где ориентиром направления для меня был звук дыхания Икаса. А в итоге уткнулись в скалу, и единственным просветом была щель на высоте метров сорока!

Молча посмотрела на шерстюсика. Мой звереныш кивнул мне и полез наверх, удерживая за шиворот свою эйтну. Я свою, тяжело дыша и обливаясь потом, уложила на камни, потому что вес в сорок килограммов тяну, проверено, но девчонка больше меня самой весила. Так что пока Икас, поражая меня своими очередными невероятными возможностями, карабкался наверх, я сидела и пыталась отдышаться.

Шерстюсик вернулся быстро и уже один. Глянул на меня, на эйтну, потянулся ко мне.

— Ее хватай, — приказала, поднимаясь, — я сама залезу.

Послушно схватив девушку, Икас полез обратно. Я же, достав нож, искромсала подол платья, запрокинула голову, прикинула маршрут и, не обращая внимания на подрагивающие от слабости руки, начала подниматься. Не то чтобы я верила, что смогу залезть, но выбора не было.

На середине пути вернулся Икас и страховал до самого разлома. А я уже ничего не замечала — в голове шумело, красный туман застилал глаза, в ушах билось сердце. Сорвавшийся из-под пальцев камешек едва не стал фатальным, но рывок, новый выступ, новое усилие — справлюсь. Уже справляюсь.

Едва вылезла на поверхность, невольно улыбнулась солнечному свету — на Иристане был закат. И сразу сейр щелкнул, подключаясь к связи. Я полезла смотреть, что там, — колонки цифр, параметров, столбики символов. И почти мгновенно уловила гудение двух летательных устройств.

То есть я еще тяжело дышала, привалившись спиной к теплым камням у излома скалы, а меня уже нашли! Не хило!

Из первого конусообразного аппарата, еще до того, как он приземлился, прыгнул Эран. Тар-эн, напряженный как струна и вообще взбешенный до крайности, решительно направился ко мне и замер, едва

приблизился на расстояние двух шагов.

Я не сразу поняла почему, а потом догадалась — в моем взгляде на него больше не было ни восхищения, ни восторга, а всплеск эмоций радости при виде воина я подавила, даже не задумываясь. И Икас, который отчетливо понял мои эмоции, зарычал, вздыбив шерсть на загривке. А я... я отвела взгляд и теперь смотрела не на воина, а на пожухлую желтоватую траву высокогорья. И где-то внутри отчетливо понимала, что выглядит это не слишком правильно и достойно, но не могла иначе.

Повелитель Иристана медленно сделал шаг, еще шаг, остановился, глядя на мои исцарапанные и пораненные ноги — да, подъем дался нелегко, перевел взгляд на ладони — тоже стерты в кровь. Нет, обычно я таких повреждений не допускаю, просто сейчас уже не до контроля было. А затем Эран взглянул мне в глаза. Этот взгляд я выдержала, вот только настороженность и враждебность никуда не делись, слишком отчетливо помнились еще те самые разукрашенные цветочками и надписями стены, слишком основательно накрывало ощущение глобальной подставы, и запах мяса словно витал в воздухе.

И я отвернулась. Протянула руку, погладила напряженного Икасика, вспомнила, что зверя нужно покормить, да и с девчонками что-то делать требуется, и вообще разобраться с тенью следует, а не стоять здесь и чувствовать, как болезненно сжимается сердце.

— Мне нужна лаборатория, — тихо сказала я, продолжая смотреть исключительно на шерстусика, — и Икаса накормить.

Эран не произнес ни слова, молча попытался взять на руки... я отступила.

Не хочу, чтобы трогал, не хочу революции гормонов, не хочу. Не сейчас, не после тех чанов с выращиваемым мясом и изуродованных лиц эйтн. Не хочу.

— Помоги, пожалуйста, с девчонками, — тихо попросила я, наклоняясь и пытаясь поднять ближайшую.

Эран не позволил, схватил и перекинул через плечо сам, Икас подхватил вторую, а я на подрагивающих от перенапряжения ногах пошла к летательному аппарату. Не оглядываясь.

История третья: О гласе Божьими медицинских экспериментах

Когда мы вернулись в дом повелителя Иристана, я получила все, о чем просила, — лабораторию, комнату с двумя кроватями, системы жизнеобеспечения и еду для Икаса. И даже то, о чем попросить не решилась, — отсутствие Эрана. Единственное, что сделал тар-эн по возвращении, — отвел меня в спальню, где система наподобие гелликса, только стационарная и без использования видимого спектра излучения, вмиг залечила все мои царапины, ссадины и порезы. После чего воин отступил и больше ко мне не прикасался. А я на него не смотрела. И поговорить мы тоже не смогли, Эран только спросил:

— Зачем ты это сделала?

А я вместо ответа сказала:

— Ты все знал.

И больше говорить было не о чем.

Я быстро вымылась, переоделась и ушла кормить Икаса, а Эран остался в спальне, сложив руки на груди и глядя в окно. На кухне со мной не говорили. Возможно, злились, а возможно, потому что я... плакала. Сидела за столом, смотрела в тарелку и молча вытирала слезы. Есть не могла и не хотела. Запах мяса душил, хотя и был другой, более правильный, чем там, в подземелье, и Икастик ел с удовольствием, а хейры сидели у двери с виноватыми мордами. Им тоже мясо дали, но зверюги не ели.

Щелкнул сейр. Торопливо достала, увидела на экране сообщение: «Информация найдена» и мысленно усмехнулась. Вообще, то, что я сейчас делаю, запрещено законом. Более того, системы информационной защиты Галактического союза взлом базы Института языковедения явно отследили, и будь я сейчас на Гаэре в университете — грозило бы мне отчисление, а так... Нет, ну я сомневаюсь, что кто-то попытается предъявить претензии Иристану.

Зря сомневалась, не успела я толком открыть базу, как вошел Эран. Заметив его приближение краем глаза, я продолжила свои противозаконные действия. Тар-эн подошел, понаблюдал за тем, как стремительно я просматриваю научные работы по древним языкам ушедших цивилизаций, и произнес:

— Представители службы ИЗГ вежливо интересуются, что конкретно мне понадобилось в Институте космического языковедения.

Надо же, таки поинтересовались. Вообще служба информационной защиты — это серьезно, но Иристан, насколько я поняла, гораздо серьезнее, так что тихо отвечаю, не отрываясь от работы:

— Мм-м...

Умный ответ, знаю. Повелитель Иристана помолчал, затем произнес:

— Насколько я понимаю, подобное является уголовно наказуемым на Гаэре.

Образцовый кадет Космического университета опять дал очень умный ответ:

— Ага.

Тар-эн тяжело вздохнул и молча протянул мне черный сгусток. Я уже знала, что это такое, у Дьяра было нечто подобное. Так же молча взяла, растянула, зафиксировала, созданный экран подключила к сейру, и теперь просматривать информацию стало гораздо удобнее, как и загружать картинки. Первым загрузила изображение трупа эйтны и надпись над ней, надпись выделила, увеличила и задала поиск по базе Института языковедения. Ну и пока система работала, осторожно встала, обошла Эрана и, скомандовав Икасику: «Догонишь», отправилась в лабораторию.

Но не успела выйти из кухни, как вслед мне прозвучало:

— «Не хочу».

Остановилась и, не оборачиваясь, спросила:

— Что?

— Слово, нацарапанное над трупом, означает: «Не хочу».

Постояла, постучала пальцем по косяку двери и так же, не оборачиваясь, сказала:

— Слушай, вот меньше всего верится, что перед смертью кто-то будет корябать «Не хочу».

Промолчал. Я неохотно развернулась, посмотрела на него и увидела, что в кухне мы уже одни. Когда ушли женщины, я даже не заметила, и теперь здесь находились только я, Эран, Икас, торопливо доедающий, и хейры, у которых, как и у меня, аппетита не было. И стоило осознать, что мы с воином практически наедине, так сразу захотелось уйти подальше. Как можно дальше. Я вообще пожалела, что вернулась. Не то чтобы выбор был, но и возвращаться не следовало.

— Мне не понравился твой поступок, — вдруг тихо произнес повелитель Иристана, но прозвучало угрожающе.

— Я буду вести себя так, как считаю нужным, — так же тихо, но

жестко и решительно ответила я.

Воин не отреагировал никак, однако напряжение теперь чувствовалось отчетливее, даже Икастик перестал есть.

— Ты полагаешь, что влечение было навязанным? — Вопрос Эрана прозвучал ровно.

Сказать или не сказать? Перед глазами пронесся тоннель, расписанный влюбленными девочками, надписи, рисунки, поцелуйчики. И, глядя в пол, я едва слышно ответила:

— Да.

— Это не так, — зло возразил тар-эн. — Я проверил, твое влечение не было лишаящим разума. Ты не вела себя как эйтны. Ты не сходила с ума, не настаивала, не требовала.

Оторвав взгляд от пола, взглянула на Эрана. Он казался совершенно спокойным, вот только собранность настораживающая и взгляд цепкий, пронизательный, ловящий каждый мой жест, отслеживающий мимику и эмоции. Эран что-то знал, но пытался понять, известно ли это мне, и вообще, что мне удалось выяснить. А сам говорить ничего не собирался. Совсем.

Пришлось быть откровенной мне:

— Я кадет S-класса, Эран, и поэтому смогла сдержаться, взять эмоции под контроль и уйти, несмотря на сводящее с ума желание на тебя... наброситься. А по сути... первое, что я испытала, увидев тебя, — желание. Сбивающее с ног, лишаящее чувства достоинства и уважения к себе невероятное желание.

Хотелось еще много чего сказать, но я замолчала, вновь отведя взгляд от воина.

— Женщины испытывают желание к тар-энам, это нормально, — хрипло произнес Эран.

К чему это было сказано? Видимо, чтобы что-то доказать мне, вот только:

— Да, мне показывали, — едва слышно ответила воину. — Вот только на меня это ни на Гаэре, ни здесь не подействовало. Ты оказался единственным, при взгляде на которого у меня напрочь снесло крышу. Единственным, рядом с кем я забывала обо всем.

На этот раз Эран молчал дольше, затем тяжело вздохнул и напомнил:

— Ты сказала иное, Кира. Что не только желание.

Что я могла ответить? Что меня восхитило и потрясло его благородство? Что откровенно подкупает честность? Что, помимо желания, есть что-то еще, что заставляет дико сожалеть при одной мысли, что я не

смогу с ним быть. Что я все-таки влюбилась и, засыпая вчера рядом с ним, чувствовала себя самой счастливой? Вчера... А ночью заявила тень и весь кайф испортила. Все испортила. Абсолютно все. И любые проявления чувств к Эрану у меня сейчас четко ассоциируются с обрисованным тоннелем, надписями, цветочками и поцелуйчиками тех безумно влюбленных девочек, которые скорее всего уже давно изуродованные мутацией эйтны!

Нестабильный атом!

— Я вижу, что ты уже приняла решение, — пугающе спокойно произнес Эран.

Молча кивнула в ответ.

— И я так понимаю, оно не в мою пользу. — Тон все так же убийственно спокоен, и что-то нехорошее определенно промелькнуло.

Но я все равно промолчала, мне решительно нечего было сказать в ответ — в моих планах на будущее Эрана не было, это факт. Говоря откровенно, в них и Иристана никогда не было. И теней тоже. Хотя вот тени я в ближайшее будущее уже внесла, и, пожалуй, в тот самый момент, когда увидела обезображенное лицо бабушки и уродскую усмешку тени. Не знаю, смогу ли я хоть как-то помочь бабушке, но вот с тенями разберусь определенно. А Эран... На какой-то миг представила, как я в форме капитана космофлота сбегая по трапу и попадаю в крепкие объятия воина, как он кружит и целует меня, как, взявшись за руки, мы идем в ресторан отмечать мое назначение, как я стою в белом пышном платье, а рядом в черном строгом костюме Эран, как мы отправляемся в медовый месяц на Синху или в другой тропический рай... Как я стою у пульта управления, командуя боем, и держу ладонь на маленьком, чуть выпирающем еще пока животике... И ведь отчетливо понимаю — этого не будет. Никогда не будет. Это Иристан, здесь нет романтики, курортов и ресторанов, здесь есть традиции, тени и тайны.

— Извини, — тихо сказала я, — мне нужно идти.

И я действительно развернулась, но едва шагнула, была остановлена откровенно злым:

— У тебя все так просто, Киран, принцесса Айгора. Есть ты, твои чувства, твои желания, твои планы на будущее, твоя ярость за навязанные эйтнами ощущения и твой собственный взгляд на проблему. Но ты ни на секунду не задумалась обо мне и моих чувствах. Чувствах — в появлении которых мне даже обвинить некого.

Осторожно оглянулась на Эрана — все так же спокоен, вот только синие глаза потемнели от ярости. Но и мне совсем невесело было,

наверное, поэтому ответила я достаточно резко:

— Я не принцесса Айгора, я кадет Киран МакВаррас.

Он мрачно смотрел на меня с минуту, а затем хрипло произнес:

— Ты — наложница. Без имени, статуса, принадлежности к роду и права голоса.

У меня сердце остановилось. Развернулась к Эрану, попыталась ответить, но, так и не сумев ничего сказать, лишь хватала ртом воздух, потрясенно глядя на воина. А повелитель Иристана все так же убийственно спокойно продолжил:

— Ты ни разу не задумалась о моих чувствах, женщина, так почему я должен щадить твои?

Видимо, вопрос был риторическим, потому что ответа он не ждал, холодно, зло, жестоко продолжив:

— Вопрос с кровью Аэрд будет решен в самое ближайшее время, и статус наложницы перестанет быть для тебя номинальным, женщина. Советую прекратить громить базы институтов и ознакомиться вплотную с обязанностями и ограничениями своего нового положения в моем доме, который ты больше никогда не покинешь, что бы ни заявляла твоя мать!

Молча развернувшись, я ушла. Встревоженный Икас шел рядом, обе хейры были испуганы настолько, что остались сидеть там же. Наверное, осознание всего услышанного накрыло только на входе в комнату, которую мне выделили как лабораторию, и то только потому, что отражение собственных чувств я увидела в глазах пришедших в себя эйтн — обе молча порывались встать, несмотря на обхватывающие руки, туловище и ноги эластичные ремни. Но девчонки рвались, словно не веря в то, что их связали. Вот так и я не поверила словам Эрана. Просто не поверила. И... и не хотела верить. Не хотела верить в то, что он такое сказал. В то, что выполнит сказанное. В то, что способен так поступить. Даже как-то всерьез не восприняла. Вот когда обозвал наложницей и женщиной — было обидно, а все остальное... В плохие намерения отца я поверила сразу, но в то, что Эран на такое способен... В голове не укладывается.

— Ты! — прошипела одна из эйтн.

Стою на входе, растерянно глядя прямо перед собой, и слов нет, и сил тоже нет. Щелкнул сейр. Открыла изображение, посмотрела — перевод нацарапанного над трупом слова действительно был «Не хочу», а также имелись варианты «Нет», «никогда», «через мой труп», «ненависть», но основным система выдала все же «не хочу». То есть Эран не соврал, как и всегда.

И тут я отчетливо осознаю, что Эран не солгал и в этот раз. Когда

сказал мне все это!

— Эшшшарган! — прошипела вторая эйтна.

Система мгновенно перевела: «Отзовись». То, что эйтна, точнее, тень обратилась не ко мне, а к моей предполагаемой тени, я сообразила, а вообще плакать хотелось. И с мамой связаться. И с Микой. И спрятаться где-нибудь, чтобы никто не увидел, и...

— Ахара! — снова эйтна.

На сейре перевод «Говори». Мне вообще не до разговоров, но вспоминаю бабушкино лицо, набираю код переводчика, подключаю голосовой модулятор и произношу едва слышно:

— Говорю...

И тут, вместо того чтобы, симитировав мой голос, произнести это слово на тшейском, устройство модулятором «Глас Божий» выдало:

— Агкеа тналло эдакре!

В шоке смотрю на экран, там перевод «Вещаю, блаженные, внимайте же!».

У меня шок. У девчонок тоже шок. У теней, которые огромными черными глазами поверх лиц эйтн взирают, также шок непередаваемый.

— Кипец, — только и сказала я, старательно соображая, как умудрилась включить этот модулятор вместо стандартного.

Потом сообразила — сохраненные настройки. Я сообразила, а сейр уже выдавал:

— Ашша атаргаэ сссах сарн атыю!

«Внимайте, ничтожные, конец света близок!»

И эйтна слева грохнулась в обморок. Девчонка справа оказалась постарше и повыносливее, но перепуганные глазищи вполлица.

— Да ладно, все хорошо будет, — с улыбкой сказала я.

— Шаннас эруэ гварссещ! — возопил сейр.

Эйтна грохнулась в обморок. Перевожу взгляд на экран, читаю: «Возрадуйтесь, смерть уже пришла к вам!»

Одновременно с этим обе системы жизнеобеспечения разом выдали сообщение: «Состояние глубокого шока», и я поняла, что допрос накрылся. И хоть плачь.

Открылась дверь, вошел пожилой воин в белом. Молча поклонился мне, прошел к первой эйтне, вывел экран системы жизнеобеспечения на внешний уровень, начал просматривать внутренние органы, какие-то датчики и показатели. В итоге приложил два пальца к шее, что-то кому-то сообщая. И я осторожно поинтересовалась:

— А что вы делаете?

Мужчина, не убирая пальцы от шеи, ответил:

— Они умирают, я связываюсь с эйтной-адасси, юных эйтн передадут...

— Нет! — практически закричала я.

Тар-эн из правящих прервал связь, сложил руки на груди и, не глядя на меня, он вообще старался не смотреть на меня, произнес:

— Если такова ваша воля, я, выполняя приказ повелителя, подчинюсь. Но позвольте заметить, принцесса Киран, это в высшей степени жестокая забава.

С трудом удержалась, чтобы не ответить крайне грубо. Но...

— Вы врач? — прямо спросила я.

— Специалист по жизненным формам, — сухо ответили мне.

— То есть врач, — отстраненно резюмирую.

Воин удосужился посмотреть на меня. Взгляд был далек от дружелюбного, и, судя по всему, тар-эн был оскорблен до глубины души сделанным мной выводом и вообще крайне недоволен фактом моего наличия. Мило улыбнулась в ответ.

С тяжелым вздохом воин прошипел:

— Принцесса Киран, если вы хотя бы попытаетесь прикоснуться ко мне, я... — и тар-эн осекся, вновь отведя взгляд.

Крайне удивленная его репликой, я переспросила:

— Что?

На меня хмуро и свысока посмотрели. Вообще мужчина был достаточно высок, но ниже Эрана, и весьма стар, но ни неможности, ни дряхлости в его облике не наблюдалось. А вот что наблюдалось, так это сначала недоумение, после легкая тень сомнения, а после мужчина облегченно выдохнул:

— Прошу прощения, принцесса, вы же эйтна первой стадии мутации.

И он улыбнулся, уже вполне дружелюбно и с явным облегчением. Мне же вообще весело не было.

— Простите, а вы вообще о чем сейчас? — просто не могла не спросить.

Воин вновь проверил системы жизнеобеспечения, затем нехотя пояснил:

— Женщины до рождения первого ребенка редко способны управлять собственными желаниями.

Я очень устала и потому, присев на край кровати правой эйтны, честно призналась:

— Не совсем вас поняла.

Какой-то из датчиков слабо запищал, врач нахмурился, тяжело вздохнул и сурово сказал:

— Эйтне требуется питание, принцесса Киран, немедленно.

Я пожала плечами и сказала:

— Подключите глюкозу. Вообще сама собиралась, но раз уж вы здесь...

На меня сурово посмотрели. Очень сурово. После чего воин осуждающе произнес:

— Чужие жизни не игрушка, принцесса Киран. Эйтнам требуется особое питание и сумрак.

Только сейчас я обратила внимание, что стекла на окне были затонированы, а потому лучи заходящего солнца сюда не проникали. Резко поднявшись, я подошла к створкам, распахнула. Свет хлынул в комнату. Датчики обеих систем жизнеобеспечения разом тревожно запищали. Обернувшись, посмотрела на застывшего от ярости тар-эна и просто сорвалась:

— Знаете, если кому-то и требуется питание, то вовсе не этим девочкам. Их вообще от мяса тошнит! Подключайте глюкозу.

Отмерший воин прорычал:

— Им белок требуется!

— Подключайте глюкозу! — потребовала я. — И витамины!

Несколько секунд врач молчал, а затем, шагнув ко мне, начал:

— Послушайте, вы...

Рычание Икаса заставило правящего заткнуться. Воин оглянулся на шерстюсика, узрел оскаленные клыки и вздыбленную шерсть и говорить что-либо нелicenseприятное передумал. Стоял, сжав зубы и скрестив руки на груди, и бесился все сильнее, с каждым тревожным позывным от систем жизнеобеспечения. Когда же запищало еще что-то, нервно выругался и, стараясь говорить спокойно, начал объяснять, едва сдерживая глухое раздражение:

— Принцесса, я не понимаю, чего вы добиваетесь. Их гибели? В таком случае вы на верном пути. Послушайте, если не принять меры, эйтны погибнут через сутки, и их смерть...

Я отошла от окна, приблизилась к тар-эну и устало спросила:

— Какие меры?

Ответ прозвучал неутешительный:

— Возвращение к эйтнам.

Я покивала и спросила:

— А если нет?

Тар-эн смерил меня ненавидящим взглядом и прошипел:

— Повышение температуры до критической и смерть.

Я прикоснулась к руке одной из эйтн — кожа ощутимо нагрелась, видимо, температура уже начала подниматься, как при воспалении. Искоса взглянула на воина, уточнила:

— Значит, сутки?

Мужчина кивнул.

— Ясно. Можете идти, — беззаботно приказала я.

Ничего не ответив, воин развернулся и вышел, громыхнув напоследок дверь. Громыхнул конкретно — но ни меня, ни Икаса это не впечатлило. Я вновь села на край кушетки и полезла в сеть искать дозировки вливания глюкозы и плазмы, Икас, зевая, устроился возле моих ног.

Дверь распахнулась еще до того, как мне удалось задать параметры поиска. Пожилой воин решительно вошел, закрыл створку и зло спросил:

— Чего конкретно вы добиваетесь?

В общем, некоторые решились на диалог. Улыбнувшись тар-эну, объяснила:

— Не так все просто с этой мутацией. Сами посудите — их держат в темном теплом помещении, фактически без доступа кислорода в необходимом для человека количестве, и заставляют есть исключительно определенное, выращиваемое на месте сырое мясо. Знаете, я бы сказала, что так штамм вируса выводят. Я не специалист в медицине и вообще еще только учусь, но даже моих знаний достаточно для того, чтобы понять — это неправильно.

— Почему же неправильно? — возразил тар-эн. — Это условия, способствующие их выживанию, иначе эти женщины просто погибнут. И заметьте, эйтнам нравятся подобные условия жизни.

Он это крайне убежденно произнес. Очень убежденно. С прямым взглядом и верой в глазах. А я достала сейр, вывела на экран изображение того трупа в проходе и надписи, этой несчастной женщиной нацарапанной. И вот это молча показала тар-эну.

Несколько секунд воин стоял с каменным, лишенным эмоций выражением лица, затем посмотрел на девчонок, вновь на мой сейр.

— У вас есть образец мяса, которым их кормили? — глухо спросил мужчина.

Я достала контейнер, в который переложила ткань с мясом, извлекла один из кусочков, протянула врачу. Тот укоризненно глянул на меня, коснулся собственного запястья и протянутое мной мясо взял призрачными щипцами, поместил в призрачную колбу. Стремительно подошел к окну.

То, что я увидела далее, выходило за грани разумного — у тар-энов Иристана оказались совершенно невероятные технологии. В несколько секунд возник стол, на него воин сгрузил имеющийся образец, а дальше увеличительное стекло, модулятор, какие-то аппараты и микросхемы возникли сами! Не обычные, не из металла, совершенно потрясающие и... странные.

— Принцесса, — не оборачиваясь ко мне, произнес воин, — их кровь у меня есть, — система как раз вгоняла иглы в вены эйтн, — нужна ваша.

Я покорно подошла, протянула руку. Забор крови произошел безболезненно, в воздухе перед воином мгновенно замелькали данные, и самым неожиданным образом вскрылся известный мне факт:

— Принцесса Киран, у вас блокиратор репродуктивной функции в крови! — обвинительно сообщил воин.

Ну я так сразу поняла, что это он о той принесенной Наской капсуле, которую я вколола перед ночью с Нрого. Однако, не подав вида, нагло поинтересовалась:

— И что?

На меня укоризненно посмотрели и с намеком сообщили:

— Повелителю нужен наследник.

Вот после такого я куда наглее спросила:

— А я тут при чем?!

Мне не ответили. Врач с сомнением посмотрел на меня, приложил два пальца к шее, видимо, стуканув куда следует, и вернулся к работе. Я тоже вернулась, сначала обратно на кушетку, потом в сеть.

А потом пришел он. Просочился сквозь двери, подплыл, как обычно, незамеченный задремавшим Икасом и остановился рядом со мной. Не удостоив тень и взглядом, я решительно отправила запрос в пиратскую базу, на тему «Древняя цивилизация Тшейса».

Тень, преотлично прочитавшая мой запрос, прошипела:

«Информации не будет».

— Да ладно, — я совсем злая была, — если инфа о вас есть в институте космического языкознания, значит, планету уже изучало как минимум два института археологии, а скорее всего все шесть имеющихся.

Врач обернулся, недоуменно взглянув на меня.

— Это я не вам, — мило улыбнулась тар-эну, — это ко мне тень подвалила, пообщаться на тему моей совести. Вы работайте-работайте, не отвлекайтесь.

Лицо у воина стало каменное и безэмоциональное, после чего мне самым вежливым тоном предложили:

— Вам следует отдохнуть, принцесса. Понимаю, день был трудным, ко всему прочему, труп и...

— Воин, — прошипела я так, что тар-эн умолк, — еще раз — я вроде как эйтна в начальной стадии и потому видящая. А раз видящая, то я вижу тени, вот одна сейчас ко мне и заявила. Работайте, пожалуйста.

Не знаю, что там дальше делал пожилой тар-эн, я углубилась в сеть, потому как данные по цивилизации Тшейса действительно оказались во всех шести крупнейших институтах археологии. И как же приятно оказалось в нарушение вообще всех законов Галактического союза туда залезть. На Гаэре такое непозволительно, ИЗГ мгновенно отслеживает и сажает, вот за мои нынешние действия грозило бы мне лет восемь строгой колонии, а на Иристане... Эран разберется. Он у нас решительный и злой, а за «наложницу» некоторым полагается ответить.

«Зззачем?» — глядя, как я закачиваю информацию, спросила тень.

— Знаешь, у меня тоже много вопросов, — зло ответила, — но я же не спрашиваю.

И никак не ожидала дипломатичного:

«Сспроси».

Подняла голову, взглянула на висевшее у кровати темное пятно тени, которая, кстати, висела там, куда не доставали солнечные лучи. Мысленно отметив этот факт, я подумала и решила спросить:

— Почему Эран?

Вопросов имелась сотня, но я почему-то задала этот и теперь, глядя на тень, ждала ответа. Жуткая субстанция поколебалась немного, а затем ответила:

«Кровь Аэ».

— Мне это ни о чем не говорит, — устало сказала я.

Тень кивнула, принимая мой ответ, и пояснила:

«Самый сильный, самый опасный. Аэрд — сильная кровь, но твоя кровь сильнее крови Аэрда, нужен был яд, способный отравить».

Из всего этого я поняла следующее:

— То есть реально опасен для меня был именно Эран, так?

Тень не ответила. Затем добавила:

«Киара сделала тебя сильной, выносливой, способной воспринимать боль легко. Мы не были уверены, что кровь Нрого даст нужный толчок для мутации. Кирата связалась с дочерью, внушила требуемое знание, и ты оказалась в нужном месте в нужное время».

Гадко так на душе вдруг стало. Действительно гадко. Мама доверяла своей матери, а оказывается, Киратой целиком и полностью управляет тень.

Впрочем, могла ли я осуждать бабушку, если сама собой в полной мере, как выяснилось, не владею.

«Не сопротивляйся, — вдруг произнесла тень, — со мной ты обретешь счастье, спокойствие, тишину в душе».

И в этот миг я поняла, насколько мне больно от слов Эрана. Сердцу больно. Я не ожидала от него подобного. Дело даже не в угрозах, я все равно вырвусь и добьюсь своего, дело в том, что он эти слова произнес. А я не ожидала от него такого. Вопреки маминым доводам, вопреки его статусу, вопреки тому, что он на крыше здания в ночь, когда нашел меня в квартале развлечений, требовал уважения к традициям Иристана.

«Не сопротивляйся, я сниму боль...» — шепот тени раздался очень близко.

Дернувшись, поднялась, подошла к окну и встала в лучах заходящего солнца. Тень осталась висеть в полумраке. Поймала на себе внимательный взгляд пожилого тар-эна, невесело усмехнулась. Вдруг захотелось выпить, устроить нечто феерическое, танцевать до утра, прогоняя все неприятные мысли. Захотелось. Но не буду. Алкоголь ослабляет защитные функции организма. Так что никакой выпивки вообще.

Противно пищали обе системы жизнеобеспечения, эйтны начали вздрагивать, тар-эн спешно вернулся к пробиркам и графикам, тень висела у двери, лучи заходящего солнца медленно покидали комнату с белыми стенами.

— Странно, — голос воина прозвучал как-то неуверенно, — такое ощущение, что это вирус.

Так и есть вирус. Вирус! И я улыбнулась тени. Коварно улыбнулась.

И весело предложила воину:

— А давайте мы от него избавимся.

— От вируса? — переспросил мужчина.

— И от вируса, и от его последствий. Это же все лечится, так? — предположила я.

Тар-эн согласно кивнул, но затем произнес:

— Эйтну помоложе вылечить можно, но вторая — заражение на восемьдесят процентов, здесь ни шанса.

Именно после этих его слов я поняла, что, вернувшись на Гаэру, засяду за изучение медицины. К бракованному навигатору мастера Лоджена, можно будет вдвое сократить часы обучения рукопашному бою, а вот знание медицины мне очень понадобится, хватит рассчитывать исключительно на гелликс. Кстати, в момент лечения Икаса гелликс не особо и помог, куда больше пользы принес Нрого.

И тут я вспомнила про Нрого, а точнее, про его тени. И насколько я помню, левый говорил, что его део, то есть правая тень, вывела Снежную смерть из восстановленной ДНК. Значит, мне нужен правый.

Последние лучи солнца скрылись за деревьями, и комнату мгновенно окутал мягкий полумрак. В то же мгновение тень оказалась совсем рядом, а системы жизнеобеспечения эйтн перестали пищать.

Вспыхнуло освещение. Тень от меня никуда не делась, искусственный свет ей не вредил. Пожилой тар-эн все так же возился со склянками, которые теперь действительно были стеклом.

Я отошла от окна, подключила обе системы жизнеобеспечения к сейру, чтобы контролировать все процессы, перепрограммировала и замкнула управление на собственном админ-допуске и только после этого ушла. Икас белоснежной тенью скользнул за мной, собственно, тень тоже скользила рядом. Молча. Пока молча. О том, что она начнет медленно сводить меня с ума, я уже догадывалась, а пока сущность искала ключи к моему разуму, и что-то подсказывало, что ей тоже будет достаточно всего двух процентов. А значит, права на ошибку у меня нет, как и на слабость.

— Икас, кухня, — скомандовала я.

Шерстюсик мгновенно сменил направление, ведя в нужное место.

Сейчас, когда повсюду включалось мягкое голубое освещение, дом и вовсе стал сказочным, невесомым каким-то, причем белый цвет особенно ярко выделялся в таком спектре свечения. И я словно ступала не по белоснежному ковру, а по снегу, не хватало лишь характерного поскрипывания, чтобы иллюзия была полной.

Спустя шагов двадцать поняла вовсе неприятное — меня начинало морозить. Вот откуда и ассоциация со снегом. Остановилась, нагнувшись, прикоснулась к ногам — ледяные. А еще вся ночь впереди, и волей-неволей чувство нарастающего ужаса зарождалось где-то внутри, и вот уже тень, молча скользившая рядом, воспринимается не просто как проблема, а как отголосок ночного кошмара, который еще только-только начинается. И этот кошмар мне откровенно ухмылялся.

— Считаешь, что это смешно? — зло спросила я.

«Ночь — мое время» — ответила тень.

И как я буду спать? Эта мысль неожиданно напугала.

Как?! А улыбка субстанции только ширилась, и чувство такое, что он ощущает мой страх. Ощущает и наслаждается им. Наверное, именно это и отрезвило — я прекратила паниковать и бояться. Остановилась, обстоятельно обо всем подумала — да, становиться изуродованной эйтной

не хочется, это факт. Но есть еще один известный мне факт: одной из самых известных женщин-капитанов является Эк Данар, и вот она как раз уродлива до безобразия — ей после битвы при Гшарре пол-лица снесло, и чтобы капитан выжила, часть лица закрыли хитином, также вживили глаз угрейца. Там сейчас не лицо — там пугающая рожа, но эта рожа известна на весь освоенный космос, личный состав на капитана Данар молится, пираты боятся до дрожи, и не то что враги — начальство уважает, вплоть до преклонения. Так что смысл мне пугаться? В конце концов, в человеке важно не отсутствие недостатков, а наличие достоинств.

Так что, расправив плечи и даже улыбаясь, я пошла за Икасом, который опередил на пару шагов и теперь сидел и ждал, и поинтересовалась у тени:

— А у тебя вообще какие знания есть?

Субстанция мигнула и удивленно посмотрела на меня.

— Способности, — поясняю, — вот у Нрого тени умные, у папандра до власти жадные, а у тебя какие-то бонусы имеются?

«Мм-м...» — недоуменно выдала тень.

— Что, вообще без способностей? — возмутилась я, сворачивая к лестнице.

Тень немного подумала и выдала:

«Управление».

— Здорово, — чуть подумав, решила я, — капитану знаешь как навыки управления личным составом нужны? Позарез. А у меня как раз с коммуникабельностью не особо получается, так что может оно и к лучшему.

«Что к лучшему?» — переспросила сущность.

— Что ты в меня вселишься. — Я завернула вслед за Икасом к кухне. — А вообще обидно.

«Что обидно?!» — Тень начала колебаться сильнее.

— Какой-то ты... никакой, — вполне искренне призналась я. — У тар-энов тени со способностями, а ты какой-то вообще не полезный толком.

И вот тогда тень зашипела:

«Я не тар!»

Меня эта информация заинтересовала, и потому отправилась я вовсе не на кухню, а прошла чуть дальше, вынудив Икаса последовать за мной, и завернула в первую попавшуюся комнату. Пустую. Где с удовольствием устроилась в кресле, глядя на возмущенное потустороннее создание.

— И что значит не «тар»? — лениво осведомилась у тени.

Тень что-то прошипела на своем, что сейр не смог идентифицировать,

и произнесла:

«Тары — раса, населяющая Тармену, эн — раса, населяющая Энастан, который теперь носит название Иристан, а я шейс!»

— Потому что с Тшейса? — несколько растерянно спросила я.

«Да!» — зло ответили мне.

— Любопытственно, — протянула задумчиво и тут же спросила: — Кстати, а почему раньше я тебя не видела?

«Недостаточный уровень мутации. — Тень начала успокаиваться. — В подземелье хассара Айгора ты почти обратилась, мы подгоняли, но вмешательство иноземца... Хашартах».

Повторила за ним. Любопытно же. Сейр вновь не перевел это слово, но я так поняла, что это идиома, в смысле особо замысловатое ругательство. Так, значит, Дейм меня спас, потому что если бы не он, я бы продолжала валяться без сил и возможности даже позвать на помощь, а дедок МакОрат не считал бы нужным сообщать об этом отцу, и никто не призвал бы эйтну. Кстати, об эйтне:

— А почему мне помогла эйтна МакДрагар, а не бабушка?

«МакДрагар! — Тень вот если бы могла сплунуть, то сплунула бы от злости, а так пришлось проглотить собственный яд и ответить: — Эйтна МакДрагар в страхе перед део хассара Шаега нарушила запрет. Я запретил лечить!»

Так, значит, вмешался правый! Не ожидала. Нет, если подумать, мне понятен его поступок — тени меня для Нрого хотели, но все же... надо будет отблагодарить.

«Почему больше нет страха?» — задала неожиданный вопрос тень.

Ответить я не успела — открылась дверь, вошла одна из синих женщин, поклонилась и произнесла:

— Повелитель ожидает вас в спальне, принцесса Киран.

Тень криво усмехнулась и протянула:

«Наложница-а-а».

Я не ответила ни женщине, ни шейсу, все так же задумчиво сидя в кресле. Вообще следовало отправляться спать — бег по подземельям эйтн вымотал, и поесть было необходимо, мне силы нужны, но... Проблема в том, что как раз силы разом меня и покинули. А в душе словно все горело от одной мысли — «Наложница».

И в следующее мгновение я включила экран сейра, набрала и отправила последовательный код из цифр и знаков препинания. Шифр старый, мною лично придуманный во времена моего детства, которое проходило в лагерях военного образца. Этот код знали я и мама — для нее

и придумала, сам шифр военных подразделений распространять было запрещено, а хотелось приобщить мамочку к тайне. Так что сообщение она прочтет и поймет. И примет меры. Она и Нрого.

А я, с диким ощущением совершенной ошибки, встала и пошла на кухню. Мне нужно есть и нужно быть сильной.

История четвертая:

О новых отношениях и старых истинах

В спальню я все же поднялась, жуя мною же наструганный салат, в котором были овощи, зелень и даже какой-то чуть кисловатый фрукт. Резала все это под удивленными взглядами женщин, которые почему-то больше со мной не разговаривали, а на все вопросы виновато отводили глаза. Напряженно, но терпимо. От предложенного копченого мяса отказалась наотрез. Чувствую, я его больше никогда есть не буду. Факт моего отказа от белковой пищи совершенно не обрадовал тень, но порадовал Икасика, которому весь предназначенный мне кусок и достался.

Из-за напряженной обстановки на кухне я решила поесть в другом месте и потому, захватив полную миску салата, отправилась в спальню. Ну не то чтобы в спальню, а скорее на балкон, прилегающий к покоем Эрана.

Правда, когда вошла, аппетит пропал окончательно.

— «Мама, — начал зачитывать мне стоящий у окна воин, — сообщи Нрого, что я приму дар его жизни».

Я споткнулась и едва не лишилась любовно состряпанного ужина. Но удержалась. А вот висящая рядом со мной тень в третий раз грязно выругалась, я шепотом повторила, и на этот раз сейр перевел, правда, все так же гласом Божьим:

— Да придет на голову эту неразумную великий Кипец!

Молча вошла в спальню, поставила салатницу на стол, выключила сейр, засунула его обратно за пояс, взяла свой ужин и промаршировала на балкон. И вот там, упав в кресло, я принялась ожесточенно есть. Тщательно прожевывая, глядя исключительно прямо перед собой, ни о чем не думая и сосредоточившись на том, что жевать нужно не менее двадцати раз.

И потому, когда ворвавшийся повелитель Иристана схватил второе кресло и разбил его об стену, даже не отреагировала, отсчитывая количество жеваний.

— Женщина! — взревел сдержанный, умный, благородный и великодушный в прошлом индивид.

Жую. Сосредоточенно. И ни на что больше не реагирую.

Остановился и Эран, и теперь он возвышался надо мной взбешенный, на грани неуправляемой ярости и самоконтроля, напряженный, злой. Затем опустил и, сидя передо мной на корточках, хрипло спросил:

— Почему Нрого?

Проглотила, толком не прожевав, посмотрела на воина, чьи резкие черты лица словно заострились в льющемся из комнаты свете, и неожиданно для самой себя честно ответила:

— Мне нужна помощь.

Лицо повелителя Иристана исказилось на миг, и он вновь спросил, но уже не скрывая злости:

— И ты веришь, что Нрого поможет?

Поковыряв вилкой салат, я нехотя ответила:

— Ну, допустим, Нрого я не особо верю, но вот его тени очень даже. Собственно, на тень хассара Шаега и весь расчет.

И посмотрела на Эрана. Прямо. Воин так же прямо смотрел на меня. Затем прозвучал его следующий вопрос:

— Моя помощь тебе не нужна?

И я как-то сразу поняла, что в скупой фразе скрывается многое. И обвинение, и обида, и злость. Я все поняла, но ответить хотелось резко. Чтобы ему тоже больно было. Как и мне после слов про наложницу. И в наступившей тишине отчетливо прозвучало:

— Спасибо, повелитель Иристана, вы уже «помогли».

Эран застыл. А я даже не отвернулась, продолжая смотреть в его суженные от ярости глаза и ждать... Не знаю, чего тут можно было ждать хорошего, впрочем, ничего хорошего я больше от Иристана и не ждала.

Воин медленно поднялся. Повернулся, прошел вперед, до ограды, могучие ладони сжали железный поручень. Жалобный скрип железа я расслышала отчетливо. О том, с какой силой нужно было сжать кованые перила, чтобы они издали такой звук, даже думать не хотелось.

— Да если бы я знал, что ты Аэрд, я бы не коснулся тебя и пальцем! — хрипло произнес Эран.

Почувствовала себя грязной. Впрочем, меня сразу за тьме приняли, так что эти отношения изначально ни к чему хорошему привести не могли. Но все равно до слез неприятно. И обидно и...

— Теперь знаешь, — зло ответила я. — Так что можешь не трогать ни пальцем, ни ногтем, ни всем остальным.

Эран стремительно развернулся, прожигая меня разъяренным взглядом. А я вновь принялась остервенело есть. От еды тошнило. Буквально, но я все равно проглатывала, усилием воли заставляя себя есть дальше. Потому что нужно. Нужно быть сильной.

— Киран! — Голос воина прозвучал неожиданно мягко, вот только это была обманчивая мягкость, потому что следующим, что он произнес, было:

— Мне не хотелось этого говорить, однако ты совершенно не осознаешь, что означает предъявленное на тебя право сильнейшего.

Есть я перестала и теперь напряженно, исподлобья смотрела на повелителя Иристана, который совершенно спокойно, и даже с нежностью, пояснил:

— Право сильнейшего означает, что ты принадлежишь мне. Целиком и полностью. Ни попытка принять чей-то дар жизни, ни желание избежать жизни со мной тебе не помогут. Если Нрого хочет тебя, ему придется бросить вызов мне, Кира. А хассар Шаега этого никогда не сделает по одной-единственной причине — превосходно осведомлен, что мне не составит труда убить его. Его или кого-либо другого. На Иристане сильнейший я, Кира.

Удар под дых! Жестокий, сбивающий с ног, лишаящий сил.

Я набрала салат на вилку, запихнула в рот, тщательно прожевала. Очень тщательно и медленно, а после, обдумав ответ, спокойно ответила:

— Насколько мне известно, в соответствии с традициями Иристана доставать меня правом сильнейшего ты будешь месяц, а после я, благодаря все тем же традициям, вправе закрыть дверь в спальню перед твоим носом!

Все это я произнесла гордо, не громко и не срываясь на крик, а ужасающую мысль о том, что, кажется, имею все шансы повторить судьбу матери, постаралась засунуть как можно глубже. Но вот чего я не ожидала, так проведения и Эраном параллели в прошлое. А он провел, усмехнулся и с нескрываемым чувством превосходства произнес:

— Твоя мать, Киран, в соответствии с традициями Иристана, была женой.

Я с трудом удержалась от вопроса: «А я?», но Эрану мой вопрос и не потребовался, он все так же чуть насмешливо продолжил:

— А ты рабыня. Наложница. Существо без прав и защиты. Соответственно, не вправе принимать решение по поводу проводить ночь со мной или же нет. Такого вопроса стоять не будет, женщина.

В следующее мгновение что-то сверкающее полетело в тар-эна, и я даже как-то не сразу поняла, что это был мой салат! В стеклянной салатнице. Да и прежде, чем поняла, в увернувшемся от снаряда воина уже несло и кресло! А я себя не помнила от ярости! Дикой, неистовой, клокочущей ярости! И, глядя на воина, без труда увернувшемся, четко осознавала — сейчас буду бить! Не убивать, как папандра тогда в нашей квартире, но бить точно!

— Женщина, — Эран не утратил каменного спокойствия, однако теперь отчетливо ощущалось, что и он на грани, — на будущее потрудишься

держат себя в руках.

Последняя капля!

Я ринулась в бой, четко просчитывая, куда буду бить — чтобы больно, но безвредно.

И остановилась в шаге от Эрана.

Замерла, тяжело дыша, с ненавистью глядя на воина и думая о том, где Икас? И тень.

Медленно обернулась — на балконе шерстюсика не наблюдалось. И тени также. А еще показалось или нет, но странное гудение, отдаленно напоминавшее звук силовых установок, словно прозвучало в воздухе. И в следующее мгновение я поняла — не показалось. Медленно вошла в спальню — тени нет. Икаса тоже. Все так же медленно, как заторможенная, дошла до двери, распахнула — тень висела в воздухе. Бледная, покореженная.

А разделяя нас, сверкала энергетическая решетка!

И как во сне — чуть слышный треск, гудящий от напряжения воздух, и решетка отодвигается от меня на метр, тесня шейса.

«Что происходит? — прошипела вдруг тень, и я едва слышала ее голос. — Что?!»

Гудение усиливается, решетка раздвигается, отодвигая тень от меня.

Эран, неслышно подошедший сзади, протянул руку, закрыл дверь и, обняв за талию, произнес:

— Если бы я знал, что ты Аэрд — не прикоснулся бы и пальцем. Возможно. А возможно, и нет, Киран, потому что решить можно любую проблему. И я ее решил!

Я едва дышала. Почему-то очень страшно стало и не по себе как-то. Медленно повернулась, запрокинув голову, посмотрела в синие глаза воина и спросила прямо:

— А о какой именно проблеме идет речь?

Эран несколько секунд смотрел на меня мрачно и даже как-то зло, а затем наклонился и прикоснулся к моим губам. Осторожно, нежно, едва-едва, и вдруг резко, почти болезненно смял, целуя жадно, неистово, агрессивно. А я... я задохнулась от злости и обиды. Рванулась, пытаюсь прекратить это, и в то же мгновение была прижата к двери жестким телом воина. Прижата настолько сильно, что не было возможности даже вдохнуть поглубже, не то чтобы вырваться. Но тар-эну этого было мало — движение, и мои руки подняты вверх, а запястья он сжал одной рукой, открывая пространство для маневров второй. И когда его ладонь скользнула по моей щеке, шее, плечу, а затем властно сжала грудь — я зарычала от ярости!

Потому что не было ни гормональной революции, ни крышесноса, ни упоительного блаженства — обида и злость. Дикая. Неистовая. И пугающая мысль — что же на самом деле я ощущала тогда в палатке? Что?!

Воин остановился. Замер, тяжело дыша и вздрагивая напряженным до предела телом, затем схватил за подбородок, приподнимая мое лицо и вынуждая взглянуть на него. Вгляделся в мои полные злых слез глаза и глухо застонал сквозь стиснутые зубы.

А затем подхватил на руки, отнес на кровать, осторожно положил, развернулся и вышел.

Наверное, только когда за повелителем Иристана захлопнулась дверь, я осознала весь ужас случившегося. Я не люблю Эрана. Никогда не любила. Я даже не хочу его. И влечения нет никакого. Это все тень. Мутация. Непонятно что. Но не любовь. Не страсть. Не желание быть рядом. Обман, раскрывшийся так резко и внезапно. И чувство пустоты, разрастающееся внутри и не исчезнувшее, даже когда открылась дверь и вбежал встревоженный Икасик. И такая апатия накатила.

В эту ночь я спала с Икасом, даже попросила его забраться на постель и, только обняв, смогла уснуть. Под утро. Выплакав все слезы, которые только были. И возненавидев Иристан до такой степени, что мама бы мной точно гордилась.

* * *

Утром меня разбудил сейр, выдав сообщение: «Сеть не найдена». Лениво открыла глаза, включила экран, обнаружила, что у меня вообще все заблокировано, выключила сейр и, повернувшись на другой бок, попыталась снова уснуть. Потом на границе сна и яви осознала, что кого-то не хватает.

Приподнялась, огляделась — Икаса не было. Пошатываясь от слабости, встала, вышла на балкон и увидела шерстюсика, резвящегося в саду с тремя маленькими хейрами, две взрослые зверюги сидели в сторонке и величественно наблюдали за шалостями малышни. Еще внизу находилось несколько синекожих женщин, которые убирали последствия моего вчерашнего погрома — осколки собирали и остатки кресла выносили. Ну и, собственно, сад также хранил следы вчерашнего потопа — трава вся мокрая, цветов не осталось, деревья выстояли, но в поливе теперь явно с месяц не нуждались.

А потом я увидела над деревьями тень! Темную, почти черную, которая мне весело замахала в ответ, и я ее сразу узнала:

— Левый!

На мой возглас дэо кивнул и даже чуть издевательский поклон изобразил, а потом развел призрачными когтистыми руками, указал на воздух и снова руками развел, намекая, что приблизиться никак не может, а так вообще очень рад меня видеть и поговорить надо.

Я торопливо закивала, спешно оглядывая дерево, над которым левый завис, на предмет влезания. Моего, естественно. Собственно, влезть было несложно вообще, но не в ночнушке же. Я махнула тени, чтобы подождал, и побежала переодеваться.

Белоснежное шелковое платье ожидало меня в гостиной, недвусмысленно вися на вешалке, но, сообразив, что в таком платье я никуда залезть не смогу, принялась искать остатки своей прежней одежды.

И не нашла.

Рюкзак нашла, запасной сейр, нож, но совершенно никакой одежды. Пришлось торопливо натянуть платье, влезть в белоснежные туфельки и, расчесав волосы, поспешить в сад.

Дорогу я помнила отлично. Выйдя из комнаты, столкнулась с двумя светловолосыми женщинами в белом, обе поклонились и произнесли уже поднадоевшее: «Принцесса Киран», ответив: «Здрасти», я помчалась дальше, так и не спросив, зачем меня ждали. На первом этаже застучала воинов. Толпа в двадцать четыре мускулистые махины поднялась с кресел и диванов при моем появлении, после чего все склонили головы в знак приветствия.

Уже несколько напряженно поздоровалась и с ними и, пройдя мимо двух стоящих у дверей воинов, вышла во двор. Только там, стоя под яркими лучами утреннего солнца, осознала, что меня так сильно удивило — уважение. Проявленное уважение как воинов, так и женщин. И вот что бы ни говорил Эран, а к наложницам так не относятся. И кстати, принцессой я была как раз у папандра, но отношение ко мне там и здесь — небо и земля.

Обойдя дом, посмотрела на то самое дерево, над которым висел левый, и увидела, что теней там теперь две. Собственно левый и моя, которая эйтновская. Левый выглядел довольным и счастливым, а вот шейс побитым каким-то и бледным. И самое любопытное — тени друг друга не видели. То есть вообще. Зато обе увидели меня, стоило мне появиться. И возникла проблема — мне нужно было поговорить с левым, очень нужно было, но так, чтобы шейс не слышал.

Проблема разрешилась сама собой еще до того, как я подошла к дереву — солнце поднялось выше, и эйтновская тень унеслась прочь, опасаясь света. Кажется, у меня сегодня день везучий.

«Киренок, — радостно завопил левый, едва я оказалась в пределах досягаемости его голоса, — рад видеть, малышка! И Нрого рад! И мой дэо за тебя переживал очень!»

И мне так приятно стало на душе, очень-очень, правда, мысль о залезании на дерево в платье немного портила все настроение.

«А, — продолжил левый, зависая над кроной, — мамань твоя прибыла вечером».

Я, уже примеряющаяся к ветке, чтобы запрыгнуть, остановилась и удивленно переспросила:

— Что?

«А где вежливость?» — поинтересовался тень.

— Привет, левый, — вежливо поздоровалась я.

«Типа здрасти! — весело ответил он. — Я говорю, Киара прилетела вчера, остановилась пока у нашего, но вообще рвется к племяннику. А так прилетели сегодня утром сюда, ну мы с Нрого и мамуль твоя, но нас не пускают».

— Куда не пускают? — не поняла я.

«К тебе. — Тень пожал призрачными плечами. — Говорю же, прилетели утром, на рассвете еще, а нас не пускают. Кстати, а чего это ты не во дворце живешь, а здесь?»

Сразу даже не ответила, потрясенная тем, что Эран маму ко мне не пускает. И, как-то не задумываясь, произнесла:

— Ему... дворца жалко.

«А-а, — тень хмыкнул, — нет, ну после случившегося с хассаром Айгора я его понимаю, ага».

А я не понимала, совсем. Как же так? Мама здесь, на Иристане, и, похоже, уже в столице, а я ее даже не увижу?

— Левый, — запрокинула голову, глядя на него, — а как ты меня нашел?

«Не я, правый, — пояснил дэо, — он Икаса почувствовал, а где Икас, там и ты, так что я сидел и ждал, а сейчас Нрого передам информацию».

Передал он молниеносно, потому что тут же продолжил:

«Кир, а храм эйтн тоже твоя работа?»

— Э-э, а что именно? — переспросила я.

Левый хмыкнул и выдал:

«Так вся планета в трансе — главный храм эйтн вчера снесли напрочь, до основания».

Учитывая, что я всего-навсего окно разбила, услышанная информация потрясла и меня. А потом я услышала:

— Принцесса Киран, повелитель ожидает вас в трапезной.

Обернувшись, увидела светловолосую женщину в белом, та стояла от меня шагах в семи, почтительно склонив голову.

«Принцесса? — удивился левый. — Странно, ты же по идее ашрэн — наложница».

— Это еще почему? — хмуро спросила я.

Женщина услышала, но поняла, что вопрос обращен не к ней, и только чуть ниже опустила голову. Ну а левый ответил:

«Он взял тебя по праву сильнейшего. Хотел как жену, но эйтна-хассаш не дала. Да ты же все слышала».

Слышать я слышала, вот если бы еще поняла. Махнув рукой левому, я повернулась и пошла в дом, с очень нехорошим предчувствием ожидая предстоящего разговора с Эраном.

Войдя в холл, вновь столкнулась с тем, что все воины при моем появлении поднялись, кивнула, несколько нервно, дождалась женщину и пошла за ней, указывающей путь.

Трапезной оказалось просторное помещение с рядом широких окон, выходящих в сад. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять — сидящий за столом повелитель Иристана мои переговоры с левым видел. Нет, саму тень он увидеть не мог, но вот меня видел преотчетливо, и сейчас синие глаза воина были сужены, на скулах двигались желваки, губы были сжаты. От меня, видимо, Эран тоже уже ничего хорошего совершенно не ждал. Ощущение предгрозового затишья повисло в воздухе.

Приведшая меня женщина низко поклонилась Аэ и покинула нас, плотно прикрыв за собой дверь. Невольно посмотрела на стол — завтрак имелся внушительный: и омлет, и мясо, и сыры нескольких видов, и два высоких бокала с чем-то мутным. А перед местом, которое, видимо, было определено мне, находилась салатница с салатом, подозрительно напоминающим тот самый, который вчера для себя сделала я.

Разговор начался с холодного:

— Доброе утро.

— Привет, — тихо ответила я.

— Садись, — воин кивнул, указывая на место рядом с собой.

Я прошла вдоль длинного стола, но села не рядом с воином, а на два места дальше, и теперь во главе стола сидел Эран, у которого глаза сузились, казалось, еще сильнее, и чуть дальше я. Вновь оглядев стол, я взяла несколько фруктов, странных, но на вид съедобных, и салат. Фруктов и салата не хотелось, но стоило лишь на мгновение вспомнить чаны с растущим мясом, и я вновь была готова ответственно давиться зеленым.

— Не любишь мясо? — глядя, как я набираю салат в тарелку, спросил Эран.

— Любила, до вчерашнего дня, — честно ответила воину.

Тар-эн... или правильнее будет тар кивнул и приступил к завтраку. Обильному, что неудивительно, учитывая комплекцию. А я, тщательно прожевывая каждую порцию салата, искоса изучала его лицо и... словно видела впервые. И чуть заостренные хищные черты, и суровые морщинки вокруг глаз и рта, и характер, отчетливо проступающий в его облике. Еще вчера Эран виделся мне совсем другим, а сегодня...

— Впервые видишь? — холодно спросил воин.

Решила, что теперь буду смотреть только в окно.

Но не прошло и пяти минут, как я вновь украдкой взглянула на воина, натолкнулась на его внимательный взгляд. И не нашла в нем ничего крышесносного. Не подгибались колени, не расплывался жар по телу, не устраивали революцию гормоны, но и назвать Эрана непривлекательным я бы не смогла. Просто мне нравились другие, менее серьезные. Откровенно говоря, мне всегда нравился Эд, способный и пошутить, и подыграть, и побыть суровым и невозмутимым. Мог ли мне гипотетически понравиться повелитель Иристана?

— Ты видела меня иначе? — хрипло спросил Эран.

— Да, — честно ответила я. — Более мягким, менее резким и жестким. Воспринимала ровесником, сейчас понимаю, что ты значительно меня старше.

Воин шумно выдохнул, отложил столовые приборы, сжал кулаки и, старательно сдерживаясь, спросил:

— Не нравлюсь? Не устраивает возраст?

Я привыкла быть честной сама с собой, ценила честность и в Эране и потому предельно правдиво постаралась ответить:

— Возраст — не совсем тот параметр, который имеет значение... — чуть запнулась, но после продолжила: — Например, Нрого, он же старый, но его воспринимаю как ровесника, то есть на равных. И мама, ты на год младше ее, насколько я поняла, но и мама мне ближе.

Поняла, что несу что-то не то, и замолчала. Воин также молчал, глядя даже не на меня — куда-то перед собой.

— Всегда этого опасался, — вдруг тихо произнес Эран. — Не связывался с женщинами с других планет, не желая видеть суррогат влечения вместо подлинных эмоций. Не позволял себе любить местных, отчетливо понимая, что трепет перед повелителем Иристана будет превалировать в их чувствах. И вот появилась ты. — Усмехнулся и горько

добавил: — Чувствую себя проклятым.

Я вернулась к салату, Эран продолжал сидеть без движения, глядя в никуда и думая о чем-то малоприятном, судя по сжатым губам. И потому я совсем не ожидала сказанного им:

— Ты не увидишь свою мать до тех пор, пока не примешь дар моей жизни. Что касается хассара Шаега, я запрещаю какие-либо встречи с ним.

Сказанное потрясло меня настолько, что я... продолжила есть салат, выверенно жуя каждую порцию двадцать раз и думая о системе пищеварения. Через минут пять воин спросил:

— Ты слышала мои слова?

Я кивнула.

— И продолжаешь есть? — откровенно удивился Эран.

— Это нервное, — набирая еще в тарелку, ответила я. — Понимаешь, мне было семь лет, когда на наш детский военный лагерь на Ритане напали контрабандисты. У них эскадра Вейнера как раз на хвосте была, а у него кличка в космосе — Зверь. Зверствует очень, особенно с пиратами, там после него потом судить нечего, сразу все выжившие пешим строем в психушку. Ну вот пираты и решили использовать детей в качестве живого щита. И когда они напали, мы как раз обедали. И мы едим, не отрываясь, сержант очень строгий был, не съешь — кашу на голову высыпает, и ходишь вот так до вечернего отбоя. Так вот едим, а вокруг стрельба, крики, шум. Но мы все равно из-за стола встали, только когда доели все. Потом выползли из столовой, а вокруг трупы, гарь, сержант наш при смерти. Но от пиратов отбились, а остальных Вейнер таки накрыл.

И выпалив все это, я продолжила есть. Эран помолчал немного, затем осторожно спросил:

— Ты тогда сильно испугалась?

Прожевав, я повернулась к воину и, глядя ему в глаза, честно ответила:

— Я тогда сильно разозлилась.

Эран неожиданно улыбнулся. Кивнул и вернулся к завтраку. Что ж, я тоже улыбнулась и коварно сообщила:

— И папандр не воспринимал меня всерьез. До определенного момента.

На что воин равнодушно ответил:

— Бывший хассар Айгора всегда переоценивал свои возможности.

Хотелось сказать что-нибудь язвительное, но тут Эран добавил:

— Как, впрочем, и все тар-эны.

А вот это меня уже заинтересовало, и потому, отставив личные претензии, я спросила:

— Так, значит, клан Аэ действительно пришельцы?

— Не только Аэ, — задумчиво ответил повелитель Иристана, — еще два клана — Таргар и Эншан.

Это уже было интересно.

— И вы тары? — уточнила я.

Взгляд внимательных синих глаз, кивок и вопрос:

— Тень рассказала?

— Шейс, — подтвердила я.

— Тебе удалось узнать многое, — улыбнулся Эран.

— Я способная, — ответила несколько кокетливо.

— Да, — улыбка воина исчезла, — ты идеальна.

Он взял бокал, выпил до дна тягучую мутную жидкость. И вдруг приставил два пальца к шее и словно прислушался к чему-то. Лицо его мгновенно вновь сделалось жестким, почти жестоким, и когда Эран вернулся к еде, и намек на полушутливый тон не осталось. Теперь воин сосредоточенно ел, а вот мысли его находились далеко.

Некоторое время помолчав, я спросила:

— Почему ты ничего не сделаешь с эйтнами?

— Например? — холодно спросил Эран.

— Неужели тебя все устраивает? — возмутилась я.

— Нет, — воин мрачно посмотрел на меня. — И потому во главе хранительниц была поставлена эйтна, не носящая в себе тени. И ты стала свидетельницей того, к чему это привело.

То есть эйтна-хассаш не имела тени? Так вот почему она не была изуродована. Но как тогда она могла стоять во главе эйтн? И тень, метнувшуюся за ней следом, я определенно видела! Столько вопросов. Я решила начать издалека:

— Как вообще вы допустили появление эйтн?

Эран потянулся ко второму бокалу, осушил и его, затем отодвинул тарелку, тщательно вытер руки, направил на меня мрачный взгляд и ответил:

— Когда мы появились на Энастане, на десять воинов приходилась одна способная дать потомство женщина. Местные женщины не годились не только для того, чтобы вырастить наших детей, но и гибли после первого же слияния. На тот момент договор с шейсами был единственным способом выжить и сохранить адекватную ситуации численность.

Из всего этого я зацепилась за последнюю фразу.

— Адекватную ситуации численность? — осторожно спросила я.

Повелитель Иристана безразлично ответил:

— Против нас была целая планета.

— Чем же вы так не понравились местным жителям? — Да, не удержалась и даже съязвила.

— Все просто, — Эран пристально посмотрел мне в глаза, — местные оказались не в восторге от того, что нам нужны были их женщины.

Эх, нет Микусика, она бы заценила романтизм ситуации — пришельцы основывают лагерь и начинают воровать женщин, прямо как в старые добрые времена освоения космоса. Прямо — ух. Наверное, и сражения были, и невероятные истории любви, и...

— Ты улыбаешься, — заметил повелитель Иристана.

Пожав плечами, ответила:

— Просто представила себе, как воины верхом на животных нападают на селение, хватают самых красивых девушек и увозят в закат. Первобытная романтика.

Следующее, что я увидела, — была широкая ухмылка Эрана и блеск обещания в синих глазах.

— Э, нет! — воскликнула я, мгновенно догадавшись, что конкретно мне обещает этот взгляд.

— Забавно, что ты считаешь романтичными условия на грани выживания, — отметил воин.

Я улыбнулась и попыталась объяснить:

— Так это же самое интересное, Эран. На грани выживания, на острие ножа, в состоянии постоянной готовности дать отпор — все инстинкты обостряются, отпадают надуманные проблемы и сложности. Захватывающее состояние, согласись.

Он кивнул, затем, как-то странно улыбнувшись, спросил:

— А когда идешь к цели?

— Да, примерно такой же адреналин, — согласилась я. — Но с целью проще — ее требуется достичь, и только.

— Ты рассуждаешь не как женщина, а как воин, — задумчиво заметил Эран.

Я широко улыбнулась. А воин добил:

— Но ты все равно женщина, и менять свое решение я не собираюсь, Кира. — Прямой взгляд синих глаз и сказанное с ледяным спокойствием: — Ты можешь идти к цели, можешь взорвать мой дом, тебе даже дозвоительно продолжить эксперимент с эйтнами, я препятствовать не буду. Но ты не встретишься с матерью до тех пор, пока не примешь дар моей жизни. Это мое решение. И если оно поставит меня на грань выживания, — жестокая усмешка, — что ж, я последую твоему совету и

буду искренне наслаждаться пребыванием на острие ножа.

Да, никакой мягкости — холодный синий взгляд с прищуром, жесткая и непримиримая позиция. Похож на адмиралов — те тоже вот такие, жесткие, не прогибающиеся даже по требованию сенаторов Галактики. Вот только адмиралы обычно имеют основания придерживаться жесткой тактики.

— Эран, а что не так с этим даром жизни? — прямо спросила я и посмотрела на него.

Воин взгляд не отвел, но в глазах промелькнуло нечто странное, чуть виноватое, после чего повелитель Иристана вдруг словно ожесточился и ответил так же жестко:

— Полагаю, мать ничего не рассказывала тебе о традициях и особенностях Иристана.

Можно было бы вступить в дискуссию, но я просто кивнула, подтверждая его слова.

— И о правящих ты ничего не узнала, находясь на Иристане?

Я вновь кивнула.

Эран рассмеялся. Смех, правда, вышел невеселый какой-то, горький даже, и оборвался он внезапно. А затем воин резко выдохнул, несколько секунд смотрел в окно, словно подбирая слова, и произнес:

— Ты — мое сердце, Киран. Все, что ты чувствуешь, — ощущаю и я. Злость, недоумение, досаду, растерянность, готовность сражаться, бешенство вчера ночью и ненависть, едва я к тебе прикоснулся. Мы — тары, мы не испытываем эмоций до тех пор, пока не обретаем свою единственную.

Он тяжело вздохнул и вновь перевел взгляд на окно, продолжив уже тише:

— У тебя извращенное представление о жизни на грани выживания. Представление цивилизованного человека, которому никогда не приходилось голодать годами, видеть, как умирают близкие, хоронить ежедневно, каждый раз закапывая в землю очередную часть души, пока не останется ничего, пустота в сердце и отточенные навыки выживания в любых условиях, при любых обстоятельствах. Я не знаю, на каком этапе у моего народа атрофировались практически все чувства. Гнев, злость, ярость, боль потери, радость, желание любить и быть любимым. У нас существует генетическая память, позволяющая получить весь опыт предыдущих поколений, но вот момент с утратой чувств остается тайной. Мы слишком долго были вынуждены выживать и, возможно, разучились чувствовать постепенно, теряя эмоции с каждым поколением. Не важно.

Важно другое — в соответствии с легендами, с нашими древними верованиями, а верить во что-то нужно, так что да, у нас есть боги, и вот, по легендам, эти самые боги наиболее сильным и достойным воинам возвращают сердце.

Эран резко повернулся, посмотрел прямо мне в глаза и хрипло продолжил:

— Единственную. Ту, что становится сердцем воина, возвращая чувства, эмоции, ощущения.

Я молчала, потрясенно глядя на воина, а повелитель Иристана, как-то странно усмехнувшись, продолжил:

— Тар-эны — наши копии, которые никогда не оставляют идею превзойти оригиналы. Даже легенду о единственной они попытались воплотить на свой лад. Жалкая пародия. Жаль, им этого не понять.

И вдруг, резко подавшись вперед, Эран почти прорычал:

— Когда я увидел тебя, твою реакцию на воинов в Шоданаре, первой мыслью было — эйтна. Очередная бабочка, рвущаяся к огню, в котором сгорит, и ведь бабочка даже на миг не задумывается о том, что ощущает огонь, глядя на ее гибель... Но твоя обида, твоя ярость на мое предложение обратить внимание на другого воина — и я поверил в лучшее. Слишком понравилась, слишком зацепила, и твое желание там, Кира, лишь слабый ответ моего, накрывшего лавиной. Мог ли я дать тебе уйти? Уже тогда вывод был очевиден — нет. Это было выше моих сил.

Он откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и продолжил:

— Правящий клан никогда не сражается за женщин. Не знаю, говорили тебе об этом или нет, тар-эны воспринимают это как признак слабости, а для нас все иначе. Сражаясь за женщину, начинаешь ощущать ее своей, открываешься, а вот это уже слабость, которой мы сознательно не допускаем. Но там, в Шоданаре, я был готов сражаться за тебя. По одной-единственной причине — какой-то тар-эн схватил МОЮ женщину за руку.

Усмешка, горькая, даже злая.

— Мне стоило остановиться уже тогда, Киран. Позвать воинов, приказать им вывести тебя и не прикасаться. Возможно, именно так я бы и поступил, не брось ты мне вызов. Не попытайся просто уйти. Но вызов! Мне. От женщины. Мне. И твоя трогательная просьба не приближаться — вот после нее я был готов бросить вызов всем тар-энам разом и по отдельности... О том, какую ошибку совершил, понял, лишь войдя в тебя.

Я вдруг поняла, что почти не дышала все время его монолога, боясь пропустить хоть слово, но после последней фразы не могла не спросить:

— Почему?

Эран отвел глаза. Но все же ответил честно:

— До последнего надеялся, что ты инопланетная тьяме.

И он меня шлюхой обозвал. Обидно, но ожидаемо. Спасибо маме, бабушке и всем теням заодно.

Но тут воин продолжил:

— Ты хоть на миг можешь себе представить, каково это — брать женщину, слышать ее стоны и понимать, какой болью для нее обернется это слияние? Я стал твоим первым мужчиной, Киран, и это ты ничего не понимала, а я уже знал — мой ген попал в твою кровь. Напрямую. И с этим уже ничего нельзя было сотворить. Я сделал все, чтобы тебе было хорошо, я пил твои эмоции, я, как в омут, нырнул в твои ощущения, я ловил каждый твой стон, каждый крик наслаждения и в то же время с ужасом думал о том, как предотвратить боль, которая начнет сжигать, едва мы закончим.

Он ненадолго замолчал, чтобы продолжить хрипло и едва слышно:

— Я вызвал эйтну-хассаш, едва обрел способность связно думать. Ее и еще троих. Двадцать минут требовалось, чтобы они прибыли на место. Всего двадцать минут, но ты, твои эмоции, твоя жажда. Жаль, в тот миг я воспринял ее буквально. Эти чувства, ощущения, потребность в чем-то свалились слишком резко, я не смог разобраться. Мог бы вызвать одного из воинов, но сама мысль, что тебя, после того что только что было, увидит другой — невыносима. И ревность сыграла со мной плохую шутку. Я ушел, найдя искомое, ощутил твою боль. Едва удержался на ногах, потребовал ускорить прибытие эйтны. Вызвал Дахра с оборудованием и поспешил обратно, чувствуя твою боль, нарастающую. А когда вернулся... пятна крови, порезанный полог и отсутствие той, что забрала мое сердце. И боль, боль, боль. Отчаяние. Упрямство. Снова боль. А потом ничего. И я стоял там, глядя на твою кровь, и не мог сделать вдох, настолько страшным оказалось потерять тебя.

— Я сознание потеряла, — призналась едва слышно, оглушенная его признанием. — Не выдержала... И едва увидела Наску... потеряла сознание.

— Зачем, Киран?! — не простонал, прорычал практически, с яростью глядя на меня. — Зачем?!

На это я могла ответить только одно:

— Да сама уже раз сто пожалела.

Эран застыл. Замер, глядя на меня и словно вообще не дыша. А я честно призналась:

— Не нужно было маму слушаться. Не нужно было. Я и не хотела, но этот проклятый Иристан, традиции, папандр и его интриги. Мама боялась,

что, когда вскрыется все с Нрого, меня ждут двадцать плетей. А лучше бы плети! — вдруг поняла, что едва на крик не сорвалась, и уже тише продолжила: — Не нужно было никого слушать. У меня была поддержка шефа, Наска в конце концов, нужно было просто свалить из дворца и спрятаться у Накара или где-нибудь еще. Не важно. А так получилось, что тень повлияла на бабушку Кирату, та предложила наилучший вариант маме, мама настояла на том, чтобы я пришла в Шоданар, нашла самого слабого воина и, переспав с ним, имитировала таким образом, что ночь с Нрого прошла как и полагалось. Бред. То есть оно, может, и сработало бы, если бы я нашла слабого воина, отдалась ему, вернулась, эйтна бы подтвердила, что интим был, я получила бы статус обещанной невесты, мама бы вытащила меня с Иристана, и ни папандр, ни его сыновья уже не претендовали бы, так как фактически я уже принадлежала бы МакДрагарам, но... Но вот это был момент, когда мозг твердит, что все правильно и разумно, а что-то внутри против категорически. Я не хотела идти. Я и в самом Шоданаре ходила, смотрела на перекачанных воинов и не хотела. Ничего.

— Значит, жалеешь? — тихо спросил Эран.

— А ты нет? — прямо спросила я, глядя на повелителя Иристана.

И услышала непробиваемо честное:

— Нет.

Не поверила. Несколько секунд смотрела на воина, а потом не сдержалась:

— Нас подставили. Обоих. Тени знали, что в тот день ты находился в Шоданаре, и мое влечение к тебе было спровоцировано. Нас подставили, Эран, подставили!

Меня остановил его внимательный взгляд. Внимательный, спокойный, чуть насмешливый. И когда я замолчала, повелитель с улыбкой поинтересовался:

— Ты знаешь, что твое рождение обернулось крушением всех надежд твоей матери?

Я промолчала. Эран нет, он задал издевательский вопрос:

— Жалеешь?

Замерла, недоуменно глядя на воина, а он продолжил:

— Уверен, с момента твоего рождения и Киара МакЭдл не жалела ни секунды. Не правда ли?

Мне нечего было сказать на это.

Эран продолжил:

— Да, подставили. Да, заставили включиться в игру по навязанным

правилам. Но жалею ли я? — Усмешка и уверенное: — Нет. Я получил дар. Бесценный и неожиданный. Я получил тебя, Киран. Я обрел то, за что готов сражаться до последнего вздоха и никогда никому не отдам. Ты мое сердце. Ты моя единственная. Ты — мой подарок богов, полученный вопреки всем интригам шейсов.

Молча уставилась в салат. Единственное, что я испытывала при осмыслении всей ситуации, — злость на шейсов и эйтн. Хорошего в случившемся не видела ровно с того момента, как у меня напрочь прошло все влечение к Эрану.

— Киран, — обманчиво мягко позвал повелитель Иристана, — тень, с которой ты общалась, принадлежала Нрого?

Взяв вилку, вновь начала ковырять салат и честно ответила:

— Тень эйтновская там тоже присутствовала.

Эран кивнул и поставил в известность:

— Больше не появится.

Бросив вилку, я откинулась на спинку стула, сложила руки на груди, ногу на ногу закинула. Мастер Илмер сказал бы, что меня слишком легко сейчас прочитать по жестам, но как-то не получалось сидеть расслабленно, учитывая, о чем я собиралась спросить:

— Значит, как ограждать девушек от теней и мутации вы знали, да?

— Нет.

Ответ прозвучал спокойно, и самое главное — если ответил, значит, не врет.

— Не знали? — Я откровенно удивилась.

Эран молча прикоснулся к запястью левой руки — в тот же миг свет скользнул по его пальцам и образовал трехмерный экран. А затем на экране показалась я, идущая с Икасом и разговаривающая с шейсом. Слова, мои взгляды на тень, моя реакция на его заявления, мой откровенный ужас, а ведь вчера мне было до крайности жутко при мысли, что я буду спать, а это... взлетит. Затем картинка изменилась. То есть прокручивалась все та же, но изменилась сама концепция — рядом с изображением появились символы, отслеживался мой взгляд, угол зрения, конкретно место, на которое я смотрела, ведь тень там не отображалась. А дальше начался подбор к изображению фильтров с разными, совершенно невероятными по виду, пространственно-частотными характеристиками. И на восьмом фильтре в кадре появилась собственно тень. Четко. Правда, выглядела она бело-серой субстанцией, в то время как я ее видела черной, но факт оставался фактом — воины вычислили тень.

— Раньше у нас не было таких данных, — пояснил мне Эран. — Ты

единственная, кто вот так открыто разговаривал с остатками шейса. Несколько часов потребовалось, чтобы выявить энергетическую сущность данной аномалии и рассчитать блокирующее излучение.

— Все так просто? — спросила я.

Хотя отчетливо видела — просто не было. На экране проскальзывали расчеты и формулы, в которых я понимала от силы два процента. А то и один. Работа была проделана колоссальная, а учитывая сжатые сроки...

— Спасибо, — тихо прошептала я, не глядя на Эрана.

Потому что уже поняла, почему он это сделал — видел мой страх прошлой ночью. И сделал все, чтобы спать я больше не боялась.

— Не за что, — ответил повелитель Иристана.

А затем так же спокойно, с непробиваемой уверенностью добавил:

— Отсечение тени блокировало и мутационные процессы. Пока на время. Но мы уже начали проводить исследования, есть первые результаты.

Вот после этих слов я все же взглянула на Эрана и прямо спросила:

— Вы что, взялись проводить опыты на тех девочках, которых я спасла?

Усмехнулся, укоризненно так, а затем спросил:

— Зачем они мне? У меня теперь в полном распоряжении семнадцать полностью прошедших стадию мутации. Есть на ком... эксперименты ставить.

Произнесено было жестко. До крайности жестко. Мне даже жутковато стало. И тут же вспомнились слова левого про разрушенный храм.

— Эран, — пристально смотрю на него, — ты правда главный храм разнес?

Несколько минут воин не отвечал. Но так как я продолжала вопросительно смотреть, резко выдохнул и отчеканил:

— Эйтны — основа существования тар-энов. Естественно, едва возникнет угроза существования эйтн, Иристан может ожидать гражданская война. Это понимают все. Эйтны стремятся к захвату власти на планете, для чего неоднократно пытались использовать тар-энов, как, например, твоего отца. Нам, правящим, это также известно. Удручает лишь одно — бросая вызов мне, эйтны не осознали последствий.

Невольно улыбнулась. В чем-то мы с Эраном оказались очень похожи. Даже как-то слишком. Но думать об этом не хотелось, я спросила о другом:

— Как вы допустили появление тар-энов?

Повелитель Иристана вопросительно вскинул бровь. Я пояснила:

— Вы тары, они тар-эны, симбионты, я правильно поняла? И существуют благодаря эйтнам, да?

Эран глянул в окно, после на дверь, затем уже на меня и нехотя произнес:

— Не моя ошибка.

Ключевое слово «ошибка». Я кивнула и решила больше ни о чем не спрашивать. Спросил он:

— Ты принимаешь мои условия?

— Насчет дара жизни? — задумчиво переспросила, вновь пытаясь продолжить есть салат.

Есть не хотелось. Точнее, хотелось, но мяса или чего-то жареного, острого, вредного. С маслом, сыром... мясом. Можно сырым. Но одно воспоминание о чанах с белковым содержимым, и я вновь жую салат, упорно и решительно.

— Да, — отвлек меня от гастрономических мыслей Эран.

— Нет, — дожевав, ответила я, даже не взглянув на воина.

Услышала, как он хмыкнул. А затем спросил:

— Неужели не скупаешь по маме?

Подленький вопрос. Резко вскинув голову, пристально посмотрела на воина. Он с усмешкой пояснил:

— Шейсы формируют очень сильную привязанность дочерей к матерям, Кира.

И вроде бы только слова, но взгляд слишком внимательный, немигающий, пристальный.

— Нет, — уверенно повторила я. — Ввязываться в обязательства, о которых мне ничего не известно, я не собираюсь.

Кивнул и мягко, обманчиво мягко сообщил:

— Я могу рассказать.

Бросив вилку и вообще идею доесть салат, он, кстати, невкусный, я снова скрестила руки на груди, прямо посмотрела на Эрана и начала допрос:

— Так я сейчас наложница?

Улыбаться перестал, кивнул.

— А почему меня так никто не называет? — Вопрос в лоб, прямой и со смыслом.

Усмехнулся. Ответил:

— Мне бы хотелось взглянуть на того, кто рискнет.

Даже так. Мне от его слов почему-то стало очень приятно, но в то же время:

— А как же незыблемые традиции Иристана? — ехидно так интересуюсь.

Воин улыбнулся. Просто улыбнулся и ничего не ответил.

— То есть там, где традиции тебе не по нраву, о них забывают? — догадалась я.

— Примерно так, — согласился Эран.

— А знаешь, — вот не смогла промолчать, — во дворце отца ко мне относились с нескрываемым презрением.

— Во дворце отца ты была одной из дочерей, здесь — сердце повелителя, разница существенна, согласишься.

Бросив на него откровенно недоверчивый взгляд, я невольно задумалась и так же задумчиво произнесла:

— Сердце повелителя — звучит пафосно.

— Пафос теряется на фоне правды, — холодно произнес Эран.

Вновь недоверчиво посмотрела на него и все же решилась спросить:

— В каком смысле «правды»?

— В прямом, — последовал непробиваемо спокойный ответ. — И в сравнении с этой правдой традиции меркнут, Киран.

О странностях ситуации я решила промолчать. Просто вспомнила, как передо мной склонялись воины из Аэ, с каким уважением относились женщины. Странно это. Очень. Все странно. Непонятно.

Внезапно Эран резким движением приложил два пальца к шее. Что-то выслушал, вероятно, что-то ответил. Едва убрал руку, направил прямой пристальный взгляд на меня.

— Плохие новости? — безразличная к его трудностям, предположила я.

— Раздражающие, — уклончиво ответил воин.

Глаза его между тем сузились сильнее, и я себя словно под рентгеном ощутила. Но взгляд не отвела. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, затем распахнулась дверь. Я вздрогнула и повернулась, отметив, что Эран не отреагировал, продолжая рассматривать меня.

А вот я совершенно забыла о его присутствии, едва увидела вошедшую — девушка в черной одежде растерянно остановилась, вглядываясь в меня, и шепотом спросила:

— Где я?

Спасенную вчера эйтну я узнала сразу и в то же время не узнала. Ее лицо было бледным, под неожиданно голубыми глазами залегли тени, весь вид казался изможденным, губы посиневшие, и на ногах она едва держалась. И не удержалась бы, не помоги ей тот самый врач, с которым мне также довелось вчера познакомиться. Именно светловолосый тар мне и сообщил:

— Полная амнезия, у нее паника и... простите.

От звука его голоса вздрогнули и я, и эйтна. А затем тар резким движением приложил два пальца к шее. Я стремительно обернулась и засекла, как повелитель Иристана убирает собственную ладонь от шеи. То есть Эран ему что-то сказал, но так, чтобы я не слышала. И, судя по спокойному взгляду на меня, воин считал себя вправе так поступать.

— Извините, — пожилой тар осторожно взял потрясенную девушку за руку, — принцесса Киран, мы будем ожидать вас в лаборатории.

С этими словами воин Аэ вышел и увел эйтну с собой.

А я вновь посмотрела на Эрана. Повелитель Иристана не сводил глаз с меня.

— И что именно ты не дал этому тару мне сказать? — начиная откровенно злиться, спросила я.

Воин медленно поднялся, затем перегнулся через стол, упершись в него сильными руками, и произнес:

— Киран МакВаррас, старшая дочь воина Агарна, наследница крови Аэрд, ты принимаешь дар моей жизни?

Я медленно поднялась и, тоже упираясь руками в стол, подалась к Эрану, так что теперь мы носами друг друга чуть не задевали, чтобы ему в лицо прошептать:

— Эран Дард Аэ, повелитель Иристана и глава какого-то там Аэ, я никакой дар жизни от тебя не приму, я тебе эту самую жизнь сейчас испорчу, гарантированно!

Улыбнулся, продолжая пристально на меня смотреть, и так же с улыбкой спросил:

— Угрожаешь?

— Предупреждаю, Эран, — холодно ответила я.

Мне надоели эти игры. Наверное, перепуганная эйтна стала последней каплей. Мог бы и дать с ней поговорить. Или с таром. Или хоть бы сам все объяснил.

Словно услышав мои мысли, Эран кивнул, а после чуть-чуть наклонил голову вправо, и теперь его губы были в миллиметре от моих, а потому каждое сказанное слово я не только услышала — ощутила.

— Киран, — легкая усмешка, — или ты принимаешь дар моей жизни, или никогда, я подчеркиваю, никогда, не выйдешь из этого дома.

Меня передернуло — такой уверенности в своих словах не было даже у отца. Вспомнила ту энергетическую решетку, что отсекала от меня тень шейса. И пришлось признать — Эран серьезный противник. Хуже того — он отлично знает, на что я способна, и недооценивать не будет. Но с другой

стороны... Я отстранилась, немного, только чтобы взглянуть в его глаза. И хватило взгляда, дабы понять — это я злюсь и отстаиваю свои интересы, находясь в здоровой памяти и холодном рассудке, с воином все иначе — взгляд помутневший, зрачки расширены, дыхание неровное, как бы он ни пытался это скрыть. И если у меня наваждение прошло и гормоны бунтов с революциями не устраивают, то с Эраном все совсем наоборот — его пламя вновь только разгорается.

Закрыла глаза, чтобы не улыбнуться в самый неподходящий момент, а после подалась вперед и нежно, едва-едва, прикоснулась к его губам.

Тихий, едва слышный стон сдал воина по полной программе!

Не скрывая коварной улыбки, я вновь села на стул, победно-торжествующе глядя на временно невменяемого Эрана. Мне нравилось! Все нравилось — ситуация, ощущение победы, осознание в некотором роде даже власти над воином. И вот я сижу вся такая довольная, а он стоит, глаза сужены, крылья носа дергаются от тяжелого дыхания, сквозь стиснутые зубы прорывается глухое рычание.

Но, справившись с собой, повелитель Иристана оформил рык в связную речь, выдав:

— Это подло, Кира.

— Что именно? — невинно хлопая ресничками, поинтересовалась я.

Промолчал, выразительно глянув на мои губы... потом ниже. С вызовом улыбнулась и заметила:

— Подло — удерживать меня силой, Эран. Подло — диктовать мне условия.

— Это мое право. Право воина, — рыкнул он.

— А-а, — закинув ногу на ногу и сложив руки на груди, я спокойно заявила в ответ, — тогда провоцировать тебя — мое женское право.

Теперь он смотрел мне в глаза. И только в глаза. Правда, его взгляд мне почему-то совсем не понравился. Вот вообще как-то.

— Ты хочешь поиграть? — прозвучал тихий и почему-то показавшийся мне угрожающим вопрос.

Играть мне вообще не хотелось. Просто совсем. И потому я честно призналась:

— Нет.

Потом подумала и добавила:

— Хочу к маме, потом к эйтнам, потом на Гаэру.

Вот, и абсолютная честность вообще-то приветствуется и поощряется по идее.

Но не на Иристане.

— К эйтнам зачем? — холодно спросил Эран.

Неопределенно пожала плечами. Не то чтобы я там жаждала мести, и все такое, но первое правило кадета Космического университета забывать нельзя, это раз, они испортили мне всю бабушку, это два, и третье — вот не надо было ко мне лезть и пугать, и особенно не стоило мне портить мой первый раз с мужчиной. А они взяли, влезли и все испортили! Я даже наркотиками никогда не баловалась, потому что терпеть не могу быть управляемой или зависимой, а эти влезли и управляли... В общем, всего этого я действительно объяснять не собиралась.

Так что просто молча посмотрела на повелителя Иристана, всем своим видом демонстрируя, что ответа не будет, согласия также.

Эран сжал зубы. Сжал настолько сильно, что казалось, еще миг, и я скрежет услышу. Но сдержался и повторил уже сказанное:

— Единственный путь из этого дома — принятие моего дара жизни. Сутки на обдумывание моего условия, в противном случае я начну медленно лишать тебя абсолютно всего, от сейра до Икаса.

Странное дело — отчетливо слышу каждое его слово и... не верю ни единому. Не верю, и все. Такое ощущение, что мы на учениях по освобождению заложников и капрал Симсар, единственный в космических войсках Гаэры носивший бороду, в очередной раз изображает диктующего условия пирата. То есть как бы видишь, осознаешь, как надо реагировать, но вот вообще не веришь. И неудивительно, что после его угрозы я просто улыбнулась.

Эран устало покачал головой, выпрямился, бросил на меня еще один взгляд и ушел.

Когда за ним захлопнулась дверь, я продолжала сидеть и улыбаться. Даже не знаю почему. И улыбалась я еще с минуту, ровно до тех пор, пока не достала сейр.

Улыбка исчезла вмиг — сейр был мертв. Абсолютно. В моих руках был мертвый кусок пластика, совершенно без каких-либо секционных элементов.

Молча поставила на стол, разобрала — внутри ни микросхем, ни кристаллов — серая безжизненная пыль. Тот факт, что восстановлению устройство уже не подлежит, стал очевиден.

Демонстрация серьезных намерений состоялась.

Подскочив, подбежала к окну — Икас играл уже не с малышами, а со взрослыми хейрами в саду, хейры терпели. Все терпели — и удар лапой по затылку, после которого утыкались носом в мокрую траву, и игривое потягивание за хвост, который шерстусик прикусывал, а потом начинал

тащить, от чего хейра проезжала с полметра по земле, прежде чем начинала вырываться, сверкая на солнце когтями и клыками. Мелькнула страшная мысль: «Сейчас у них приказ не трогать, а что, если поступит кардинально иное приказание?»

Бракованный навигатор! Совсем, вот совсем не хочется думать, что мама была права! Вот вообще как-то.

Я вышла из трапезной и отправилась в сад — в холле дома Эрана уже никого из светловолосых воинов Аэ не было, лишь двое у дверей. Мне вновь поклонились, правда, как-то настороженно. И, пользуясь тем, что больше никого не было, я решила выяснить этот момент.

Спокойно подошла к воину справа, он мне показался более молодым, встала в шаг от него и прямо спросила:

— А что не так?

Второй часовой не пошевелился даже, как распрямился после поклона, так и стоял, а вот тот, которого я решила попытать, взгляд отвел и чувствовал себя явно не очень уютно.

— Между прочим, невежливо молчать, когда девушка спрашивает, — достаточно нагло продолжила я.

Воин взглянул на своего напарника, потом себе под ноги, избегая какого-либо взгляда мне в глаза, и произнес:

— Поступил приказ отслеживать ваши перемещения.

Второй тар шумно выдохнул, явно демонстрируя неодобрение. Я же искренне сказала правящему:

— Спасибо.

И, обойдя его, вышла из дому. Правда, не сделала и двух шагов, как второй воин произнес:

— Женщины совершают легкие шаги, не замечая, что топчут не землю — обнаженные нервы.

Я обернулась. Тар сделал вид, что ничего не говорил.

Вообще ничего.

Подумав немного, я развернулась и пошла искать Эрана.

История пятая:

О даре жизни и сладком ужине

Повелитель Иристана обнаружился за третьей дверью справа от лестницы. И нашла я его только потому, что и эта дверь охранялась двумя воинами, которые хоть и поколебались, но меня пропустили. Смысл заминки стал ясен, стоило мне войти в просторное помещение — Эран был не один. Вокруг черного, в данный момент переливающегося темно-серыми лучами энергетического шара в широких белоснежных креслах сидели представители клана Аэ. Я насчитала двадцать шесть воинов. Все в белом, то есть белые рубашки, белые брюки, белая обувь. В дополнение к этому светлые волосы, синие глаза, загорелая кожа. И да — широкие плечи, мощные торсы, крепкие ноги. И мерцающие черным светом устройства на левых запястьях поголовно у всех. Сам Эран находился по центру, ничем, кроме наиболее широких плеч, не выделяясь среди собравшихся — то есть и кресло обычное, и никаких опознавательных знаков. Но едва я вошла, абсолютно все воины, кроме Эрана, разом поднялись. Единоновременно и синхронно. И так же синхронно, повернувшись ко мне, склонили головы.

— Добрый день, — едва слышно пробормотала я. — Извините, что помешала, я... попозже зайду.

Это всеобщее преклонение основательно напрягало. Решив не мешать, я собиралась выйти, как услышала:

— Подойди.

Неуверенно оглянулась, но под насмешливым взглядом повелителя Иристана все же решилась пересечь зал и остановилась рядом с креслом воина. Эран протянул руку, взял меня за запястье, властно подвел ближе и усадил к себе на колено. И все это столь спокойно, словно так и надо было.

И едва я села, остальные воины также опустились обратно в кресла. При этом на нас никто не смотрел, все не отрывали глаз от шара. Единственные синие глаза, что неотрывно смотрели в мои собственные, принадлежали Эрану. Как и вопрос:

— Что-то случилось?

Сидеть вот так мне было неловко, как, впрочем, и признаться:

— В принципе ничего.

Воин кивнул, сел удобнее, обнимая меня за талию, и присоединился ко всеобщим взглядам в постепенно увеличивающийся шар.

Заинтригованная, я молча просидела несколько минут, вместе со всеми глядя на шар. Неожиданно один из правящих поднял руку и произнес:

— Протест.

— Обоснуйте, — холодно приказал Эран.

И такое ощущение, что обоснование происходило также в шаре, потому что ни звука более не было произнесено. Но, устав смотреть на энергетическую оболочку и разглядывая воинов, я начала замечать, что они общаются. Не словесно, но по очереди и очень напряженно. Поджимались губы, на скулах ходуном ходили желваки, стискивались кулаки. Обсуждение шло бурное, очень живое, и да — напряженное. Спустя еще семь минут высказавшийся воин произнес:

— Протест снят.

Обсуждение продолжилось. На этот раз менее эмоционально, хотя, учитывая сдержанность воинов, и до этого все очень скромненько в плане эмоций происходило.

Неожиданно Эран осторожно коснулся моего подбородка, настаивая на внимании, и едва я повернулась к воину, он прикоснулся к своему черному браслету, отделил от него что-то темное, вязкое, чем-то напоявшее мне смолу, растянул и получившийся браслет надел на мое левое запястье. Затем взял мою правую ладонь, расслабил пальцы и двумя, указательным и средним, коснулся браслета.

Звуки! Картинки! Запахи! Схемы!

Я нырнула в них, как в прорубь, и замерла, оглушенная случившимся. Не напуганная, нет, пугаться смысла не было — я ощущала теплые ладони Эрана, биение его сердца, его поддержку, а потому чувство защищенности не покидало, но вот такой молниеносный переход словно в другую реальность оказался неожиданностью.

Как и речь очередного воина:

— Предоставленные принцессой видеозаписи доказывают, что мы более не вправе придерживаться политики невмешательства.

Я повернулась на голос — увидела все тех же воинов, вот только сидели они теперь не в просторном помещении, а во Вселенной. В открытом космосе, на фоне звезд, галактик и пролетающих астероидов. Полное погружение! Звезды даже не мигали, как будто мы реально за пределами атмосферы. Но в то же время — шар. Он оказался не энергией, а экраном, в котором сейчас калейдоскопом проносились картинки из подземелья эйтн.

— Мне непонятен принцип входа, — вступил в разговор еще один воин, — мы разобрали храм до основания, но под ним непроницаемая

скальная порода, никаких тоннелей, ничего.

— Напрягает также место, где была обнаружена принцесса Киран — мы с вами отчетливо видим, что никакими средствами передвижения повелительница не пользовалась, но как объяснить, что коридоры эйтн вывели ее на необитаемый материк за экватором?

Ух! Неожиданно. Крайне. И что значит необитаемый материк?

Эран протянул руку, его ладонь я отчетливо видела, и когда над ней вспыхнуло трехмерное изображение планеты, сразу поняла — это Иристан. А затем мигнула красным точка, над ней надпись «ИрАэ», надпись на понятном мне общегалактическом, но после... после точка выхода — я прошла через всю планету! Насквозь! Место, где меня нашел Эран, действительно было на совершенно ином материке!

— Еще любопытный момент, — вставил следующий из правящих, — эйтны, снабженные следящими устройствами, ни разу не совершали пространственные скачки подобные тем, что мы имеем возможность наблюдать в случае повелите... простите, принцессы Киран.

Оговорку я заметила. И, кажется, она была не первой. Повернулась к Эрану, но воин пресек какие-либо вопросы, задав свой собственный:

— Объясни, что ты видела здесь?

И шар отобразил момент, когда из темного тоннеля мы с Икасом вышли в коридор, по которому эйтны ходили. Вот только на записи не было видно того хода, который я увидела из тоннеля. И собственно, они не поняли, для чего Икас помечал территорию.

— Там вход, — нехотя пояснила я. — Такой же темный тоннель в отличие от синего и красных.

Все правящие и сам Эран с некоторым недоумением посмотрели на меня.

— Темный, красные, синие? — переспросил повелитель Иристана.

Я кивнула. Посмотрела на запись — там тоже отражались цвета.

Или не отражались.

На какой-то миг ощущение когнитивного диссонанса повергло в шок! А затем, подавшись вперед, я отчетливо увидела — не было никаких цветов! Сумрачные, серые, плохо освещенные подземные переходы, и только.

Внутри все похолодело. Закрыв глаза — четко воссоздала картинку увиденного, но только сейчас задумалась — а бывают ли темно-синие камни, излучающие свет? Умом понимаю — нет таких. Сейчас понимаю. А в подземелье я даже не усомнилась ни на миг. Увидела и приняла как данность, абсолютно и полностью доверившись собственному зрению. Как

оказалось — зря. Логика в увиденном не было — темно-синие камни не могут давать свет, а факелы не способны гореть вечно.

Еще раз посмотрела на демонстрируемое шаром изображение — факелов и не было. Не было их совершенно. По стенам змеились корни грибницы, а от фосфоресцирующих грибов и шел тусклый свет... Все оказалось совершенно иным!

А потом я вспомнила о еще одной нелогичности — мясо в ржавых контейнерах.

Медленно повернулась к Эрану, в ужасе глядя на него... и не смогла задать вопрос. Не смогла. Очень хотела, но... не смогла. Воин понял все сам, едва коснувшись моих похолодевших пальцев, и прямо спросил:

— Ты видела иначе?

Кивнула. Ни слов, ни сил, чтобы дать ответ, у меня не было.

Эран тяжело вздохнул, видимо, совершенно не обрадованный открывшейся информацией, и глухо произнес:

— Но девушку ты узнала.

Удивленно смотрю на него. Удивленно, да, но, кажется, начинаю понимать, для чего за завтраком привели эйтну. Оказывается, некоторым блондинистым требовалось увидеть мою реакцию! Вот еще бы понять, для чего.

— Эйтны друг друга утром не узнали, — без всяческих вопросов с моей стороны объяснил Эран. — Еще вчера они общались, называя имена, а утром не узнали тех, с кем вчера говорили о многом. Я заподозрил факт внесения шейсами изменений в зрительное восприятие.

Слов нет. Вновь посмотрела на шар — тот продолжал отображать своды тоннеля и... каменный пол. Каменный! А я готова спорить на зачет у Лоджена, что вчера шагала по земляному полу! Утрамбованному, но земляному. Ощущала это при каждом шаге! Значит, изменения не только в зрительном восприятии, они вторгаются глубже, гораздо.

Эран протянул руку и молча снял с меня черный браслет.

Вспышка темного света, и сознание заполняет яркий дневной. Мы вновь сидим в кресле в доме повелителя Иристана, все так же переливается энергетический шар, воины продолжают обсуждение уже мне недоступного. Но никаких сожалений по этому поводу нет, есть потрясение, с которым мне так сложно справиться. И в голове непрерывным потоком слова мамы про дерьмовый Иристан. Точнее, про то, что конкретно для меня он всегда будет дерьмовым.

— С тобой ничего не случится. — Эран осторожно погладил по щеке. — Ничего, Киран. Пока ты не приняла дар моей жизни, ты будешь

под постоянной охраной здесь, когда примешь, я смогу защитить тебя, где бы ты ни была. Все будет хорошо.

— Да? — хмуро переспросила. — Знаешь, я, когда взорвала дворец отца, тоже думала, что теперь все будет хорошо. И каков итог?

— Каков? — Эран улыбнулся. — Все хорошо, Кира. Ты здесь, со мной, я нашел способ защитить тебя.

Глядя на повелителя Иристана, я не сдержалась и честно ответила:

— Ничего хорошего, Эран. Вообще. И ты... ты сейр мой испортил.

Лицо воина потемнело, но это не помешало ему произнести:

— Я пойду и на более жесткие меры.

Вспомнила про Икаса. Желание спорить отпало напрочь, поэтому я просто отвернулась.

Повелитель Иристана отключил и свой собственный браслет, отпустил меня, поднялся и сам. А затем, взяв за руку, молча вывел из помещения, где воины клана Аэ продолжали совещание на тему эйтн. Понимаю их затруднения, если эйтны — основа существования тар-энов, то последние, а они крайне многочисленны, начнут войну.

Едва мы вышли, Эран, невзирая на присутствующих охранников, подхватил на руки и понес вверх по лестнице. Я молчала, ровно до тех пор, пока воин не принес меня все в ту же спальню и не положил на постель. И вот тогда не сдержалась:

— Причинишь вред Икасу, и я...

— Вред? — Уложив меня, сам Эран сел рядом, взял меня за руку. — Киран, я не вижу смысла причинять вред редкому животному.

Недоверчиво смотрю на Аэ, а он взял и продолжил:

— Я поступлю жестче — просто верну его Нрого.

Я села. Несколько секунд с откровенной ненавистью смотрела на воина, потом прошипела:

— Икас — мой зверь!

— Знаю, — спокойно подтвердил Эран.

Меня начинает злить его спокойствие.

— Икас — мой, — повторила с нажимом, — и Нрого он больше не воспринимает как хозяина.

Улыбка. Спокойная. И ответ:

— Знаю.

Вот после такого я откровенно зло спросила:

— Какого бракованного навигатора, Эран?! Вот просто объясни мне, какого...

И осеклась под его стремительно темнеющим взглядом. Только сейчас

я обратила внимание на то, как напряжен воин. Напряжен настолько, что под кожей отчетливо проступили не только мышцы — вены. И при этом Эран делал все, чтобы казаться спокойным, — тон голоса, осознанные спокойные реплики и дыхание — сейчас, когда я прислушалась, отчетливо поняла — он старательно его контролирует. Неужели мама была права, и сейчас у Эрана рвет крышу от того, что я рядом?

И как-то неосознанно, не задумываясь даже, я осторожно отодвинулась от воина.

Его глаза моментально сузились, и Эран хрипло произнес:

— Не надо. Не буди во мне инстинкт охотника.

Застыла там же, где была, испуганно глядя на повелителя Иристана. Вот действительно испуганно — мне совсем не нравилось то, что я сейчас наблюдала. Подобную степень возбуждения я уже видела — у наркоманов, тех, кто только начал колоться, — у шефа встречались. И один раз меня спасли только охранники, потому что накачавшийся тип на боль не реагировал вовсе и мои удары даже не замечал. А Эран больше того нарика раза в три.

— Я контролирую себя, — внезапно сообщил воин, — просто не провоцируй. Хватило поцелуя за завтраком.

Вот после этих слов почувствовала себя виноватой. Даже не могу объяснить почему.

Но то, что прозвучало следом:

— Да, твоя мать была права, — зло сказал Эран, — я медленно схожу с ума. Твой запах, твои эмоции, ты... Слишком близко, слишком остро, по оголенным нервам. Не выдерживаю.

Несколько минут в спальне висела тяжелая, напряженная тишина. Я едва дышала, Эран наоборот — хрипло, отрывисто и часто. Учитывая его габариты — выглядело устрашающе.

— Что тебя так испугало при просмотре записи? — сменил тему повелитель Иристана.

Я придвинулась обратно. Несколько минут сидела, обняв колени и глядя куда-то в никуда, потом едва слышно спросила:

— Они мясо выращивали в ржавых контейнерах?

И зажмурилась в ожидании ответа.

А ответа не последовало.

Эран потянулся, подхватил, вмиг пересадил меня к себе на колени, обнял и только тогда сообщил:

— Нет.

Наверное, мне было совсем плохо, потому что следующий вопрос я

задала, обняв его и прижавшись к воину:

— Мясо человеческое?

И крепко сжимающий меня повелитель Иристана произнес:

— Да.

С тихим стоном уткнулась в его плечо лбом, пытаюсь сдержать слезы. Плакать хотелось, вот только это не выход. Совсем не выход. Просто неожиданно трудно оказалось осознавать, что теперь я не могу доверять даже самой себе. Ни себе, ни маме, ни бабушке. Никому. Единственным вариантом был бы шеф — Исинхай уже проверенный, не подводил ни разу, но и на связь с ним выйти не имелось никакой возможности. Остается еще Дейм, если он не улетел, но на него я могла выйти только через маму. Нужно выбирать. Срочно. Но в данный конкретный момент я сидела на коленях у Эрана, обняв его, и мне почему-то не хотелось начинать действовать вот прямо сейчас. Наверное, это усталость. Точно устала. Правда, утро же еще совсем, да и уставать негде было, так что на усталость непохоже...

Тогда что?

Я прижалась к Эрану сильнее, уместив подбородок на его плече, задумчиво посмотрела на могучую шею воина. Нет, никаких гормонов и революций, но странное ощущение комфортности поразило. И запах у воина был приятный, терпкий, но приятный. И тепло его ладоней на моей талии. Приятно. Надежно как-то, и вставать не хочется совсем, даже несмотря на то, что утро, и как бы побег — первоочередная задача.

Внезапно Эран приложил два пальца к шее, видимо, выслушивая кого-то, но затем вновь обнял меня, даже не порываясь вернуться на совет.

— Тебе, наверное, идти нужно? — задумчиво проведя пальцами по линии роста волос, спросила я.

— Нужно, — не стал отрицать воин.

— Иди, — все так же шепотом, продолжая обнимать.

— Иду, — хрипло сказал он, сжимая меня чуть сильнее.

А в саду пели птицы, журчали ручейки заработавшей системы полива, шумели листья, и вообще было утро — яркое и солнечное. И никуда идти не хотелось. Совершенно. И думать тоже не хотелось ни о чем.

Эран вновь поднес руку к основанию гортани, выслушал что-то, что ему явно не понравилось, — я ощутила на мгновение напрягшиеся мышцы, но когда переговоры закончил, вновь вернул ладонь на мою талию, и мы продолжили сидеть.

— У вас интересная система сообщений, — заметила я, пропуская пряди его коротких волос между пальцами.

— Бесперебойная, — чуть хрипло произнес Эран.

— Это главный критерий? — Я продолжала гладить его волосы, мне нравилось и прекращать совсем не хотелось.

— Да, — сиплым голосом ответил воин.

— Почему? — Пальцы скользнули вниз, и теперь я задумчиво исследовала рельеф мышц.

Мне почему-то очень нравилось прикасаться к его коже, правда, если бы Эран не был настолько напряжен, понравилось бы больше.

Резко выдохнув, воин неожиданно грубо ответил:

— Потому что когда пропадает сигнал чьего-то сейра, начинаешь крайне высоко ценить преимущества генетической связи таров!

Где-то на краю сознания мелькнула мысль, что это он обо мне, моем сейре и пропавшем в подземелье эйтн сигнале, но почему-то я не уделила этому внимания. Потому что абсолютно все мое внимание было сейчас сосредоточено на... шее Эрана. У нас даже у десантников не имелось такой развитой мускулатуры, у них скорее определенные группы мышц разрабатывались, а тут — все. И сейчас в напряженном состоянии это было отчетливо видно, и я... изучала. Да, бред, но должна же я хоть как-то перед самой собой оправдать странность ситуации. Чисто академический интерес вполне себе неплохое оправдание, Мика бы заценила.

— Так, значит, генетическая связь? — Я отстранилась, внимательно посмотрела на шею Эрана.

Дернувшийся кадык привлекал больше всего внимания и стал следующим объектом подробного изучения.

— И как она работает? — спросила я, осторожно прикасаясь к повторно дернувшейся выступающей части шеи.

Эран не ответил. Я как-то даже не сразу поняла это, как и то, что, закусив губу и затаив дыхание, исследую все мышцы воина, и пальцы уже скользят вниз, к ключицам, фактически скрытым под основательно развитой мускулатурой. А дальше... дальше была рубашка, и именно это заставило осознать, что и ответа я не получила, и веду себя более чем странно.

— Прости, — мгновенно убрала руки, — чисто... академический интерес.

Вот только смотреть теперь в глаза воина я не собиралась, стыдно.

— Система сообщений имеет привязку к голосовым связкам, — негромко, хрипло и неожиданно низким голосом произнес Эран.

Мне было все так же стыдно, но любопытство оказалось сильнее — протянув руку, коснулась его шеи и спросила, взглянув в глаза воина:

— То есть прикосновения достаточно для активации связи?

Синие глаза повелителя Иристана словно потемнели еще сильнее и взирали на меня пристально, не отрываясь, не мигая.

— Не совсем. — Голос Эрана становился все тише. — Активирует мозг, но часть коры головного мозга, отвечающая за речь, пробуждается как раз таки прикосновением к голосовым связкам... — Пауза, затем хриплое: — Сдвинь пальцы чуть выше и правее.

Я не знаю, куда испарился весь академический интерес. Его больше не было. Я явственно ощущала прикосновение к мускулистой шее Эрана, и то, что сижу у него на коленях, и запах его тела, и взгляд, от которого голова начинала чуть-чуть кружиться. Но при всем при этом разум отчетливо отслеживал картинку мира — деревянный пол, изголовье кровати из светлого дерева, белоснежные легкие занавеси, сейчас подрагивающие от ветра из распахнутых окон... И все это затмевалось темно-синим взглядом Эрана, затмевалось все сильнее и сильнее...

И это были не гормоны.

Хотелось бы скинуть всю ответственность за нахлынувшие чувства на происки шейсов, вот только...

— Отпусти, пожалуйста, — стремительно отвернувшись от Эрана, попросила я.

И в то же время чувствовала — ноги ватные, тело не слушается, в горле пересохло, и нет уверенности, что встать и отойти я сейчас буду способна. С другой стороны — и с поломанной ногой двигалась, и с грузом, превышающим мой собственный вес, так что справлюсь. Должна.

— Как ты думаешь, что в данный момент ощущаю я? — внезапно спросил Эран.

Я не спросила, я вновь взглянула в его глаза и дара речи попросту лишилась.

Повелитель Иристана усмехнулся, его пальцы скользнули по моей шее, и тар с явной насмешкой хрипло спросил:

— Так, значит, никаких чувств, да, Кира?

Я замерла.

Эран укоризненно покачал головой, затем прикоснулся к моим губам, медленно обвел большим пальцем по контуру и прошептал:

— Извини, чисто академический интерес.

Дышать перестала. И только это позволило не застонать, когда рука воина, скользнув вниз, осторожно прикоснулась к моей груди, а сам воин, подавшись ко мне, вновь хриплым шепотом, с заметными издевательскими нотками произнес:

— Все еще научный интерес.

И вдруг, уронив на кровать, Эран навис сверху, прижав мои запястья к покрывалу. И, не давая мне ни шанса опомниться, медленно склонился к моим губам, прошептал:

— Вот только лично я предпочитаю науке практику, теория не мое, Киран.

Поцелуй получился жесткий, с привкусом властности, сильный, стремительный, не вопрошающий и не ждущий ответа. Но в то же время в прикосновениях воина не ощущалось... практики. И когда поцелуи переместились с губ на шею, движения стали куда более уверенными. Значительно более уверенными.

В следующее мгновение повелитель Иристана приподнялся на локтях, улыбнулся неожиданно тепло и спросил:

— Что?

Устроившись поудобнее, я сделала то, что явно не стоило делать, — провела кончиком пальца по лбу воина, затем исследовала нос, следом было прикосновение к губам, и я не удержалась от собственного вопроса:

— Ты раньше целовался?

Воин медленно опустил голову, устроившись на мне фактически, прикоснулся губами к моим губам и ответил:

— Нет.

— Только со мной, значит? — обнимая его широкую шею руками, поинтересовалась я. — А почему?

— Тебе это нравится, — просто ответил Эран.

Мне в данный момент гораздо больше нравилось ощущать его тяжесть на себе, его тепло, его силу, биение его сердца, и четкая картинка мира медленно растворялась в новых, таких непривычных ощущениях. Очень медленно... И весь мир затмевало синевой глаз склонившегося надо мной воина...

— Я чувствую твоё желание, — выдохнул повелитель Иристана, вновь прикасаясь к моим губам, — оно не такое, как раньше. Другое, осторожное, чуть пугливое, медленное, правильное.

Закрыв глаза, с трудом сдержала стон. Кто бы мне сказал, что простые слова могут сводить с ума. А сводили.

— Мне нравится, — прошептал Эран, скользя губами по моей шее.

Одно движение, всего одно-единственное — но по телу разливается что-то теплое, тягучее, полное непонятного ожидания.

— Тепло? — Хриплый голос воина медленно, но окончательно сводил с ума. — Удивительно, ты ощущаешь желание как волну тепла.

Внезапно пробудившийся чисто академический интерес позволил кое-как собраться с силами и спросить:

— А ты иначе?

— Абсолютно иначе, — подтвердил Эран, и его губы спустились к основанию шеи, чтобы согреть кожу дыханием.

Мелочь! Мелочь ведь, но тело выгнулось навстречу воину совершенно произвольно, как, собственно, произвольно вырвался и мой стон. И это отрезвило. Даже не стон, а то, что я совершенно перестаю себя контролировать.

— Эран, — попыталась оттолкнуть его, — хватит на сегодня практики, пожалуйста.

Остановился мгновенно, приподнялся и теперь нависал надо мной, держа могучее тело на вытянутых руках, но взгляд... Внезапно отчетливо понимаю, что отступать никто не намерен. В смысле, он не намерен. И под его голодным, полным решимости взглядом я вдруг почувствовала себя такой маленькой и слабой и абсолютно беззащитной. Поведение воина изменилось в тот же миг — он на секунду закрыл глаза, а затем, вновь взглянув на меня уже гораздо спокойнее, неожиданно предложил:

— Хочешь ощутить мое желание?

Резко выдохнув, я, чуть нахмурившись, спросила прямо:

— Пытаешься сыграть на моем академическом интересе?

Отрицать никто не стал. Как, впрочем, и утверждать, что мне непременно понравится. Эран просто с очень загадочной улыбкой смотрел на меня, не подталкивая к решению, которое я уже приняла фактически. Да, было интересно. Очень интересно узнать, что конкретно сейчас чувствует он. И, поддавшись любопытству, я прошептала:

— Хочу.

Победная улыбка Эрана мне вот сразу очень не понравилась. Но, во имя Бесконечного космоса, мне все равно очень хотелось знать. Любопытство вообще вещь коварная.

— Расслабься, — прошептал воин, — и смотри мне в глаза. Не отрываясь. Пока не почувствуешь.

Подвох. Вот был в этом какой-то подвох, и потому я прямо спросила:

— Пока не почувствую что?

— Меня, — пояснил Эран. — Мое желание. Мои ощущения.

Да, заманчиво. Я постаралась расслабиться, тем более сейчас, когда воин держал вес тела на вытянутых руках, с расслаблением выходило куда легче, чем если бы он на мне лежал, так что я постаралась. Действительно постаралась, но стоило начать смотреть в его глаза...

Синие. Бесконечно синие. Как летнее небо. Как океан на Дансере. Как синий лед Экары.

И словно в состоянии глубокого гипноза, синева его взгляда медленно, волнообразно надвигалась, поглощая мое сознание, все сильнее с каждым ударом сердца.

— Эран... — испуганно прошептала я.

— Дыши, — его голос доносился будто издалека, — медленно, спокойно, все хорошо, Кира. У тебя все получается.

Не знаю, что у меня получалось, — мне хотелось закрыть глаза, но не хватало сил. Хотелось отвернуться — я не смогла. На меня медленно, осторожно, словно боясь спугнуть, накатывала волна чужого разума.

Я просто поняла это слишком поздно.

Фатально поздно!

— Эран, — голос не слушался, — Эран, ты...

Обжигаяще горячие губы накрыли мои, не позволяя продолжить.

А в следующее мгновение мир перевернулся!

Просто взял и изменился! Совершенно.

И я увидела себя, испуганную, сжавшуюся, с широко распахнутыми глазами и чуть приоткрытым ртом. И как-то неожиданно поняла, что я очень красивая. Даже вот такая, перепуганная насмерть. Очень красивая. Нежная, желанная.

— Эран... — Я услышала свой голос словно со стороны...

Нежный. Чуть дрожащий. Приятный. Никогда не думала, что у меня такой голос. И губы, когда при произнесении слов двигаются, к ним прикоснуться хочется...

От этих непонятных мыслей начинаю дышать чаще и замираю, осознавая, что, когда вдыхаю, грудь тоже двигается... И она тоже очень красивая. Соблазнительная. И к ней тоже очень хочется прикоснуться. До безумия хочется, причем не столько ладонью, сколько губами.

«Можно поиграть, — голос Эрана вдруг прозвучал словно внутри меня, — но осторожно. Хочешь?»

Я прошептала:

— Да.

И как во сне увидела, что моя правая рука скользнула по животу вверх, коснулась застёжки на платье, и пальцы, такие тонкие, маленькие, с коротко обрезанными ноготками, осторожно потянули ткань. Щелчок. Невольно вздрогнула всем телом, а глаза, они теперь казались огромными и от удивления, и от испуга, и от осознания неправильности происходящего. Но еще движение, и, оттягивая верх платья, ладонь заскользила по коже,

обнажая грудь. И почти сразу, не во мне, но я отчетливо ощутила, заныло, обжигая болью, чувство всепоглощающего пульсирующего возбуждения. Не моего.

А вот испуганный вскрик был моим.

И мир мгновенно вернулся на место!

Тяжело дыша, да что там дыша — жадно хватая ртом воздух, я смотрела на напряженного, внимательно вглядывающегося в меня Эрана и пыталась осознать, что только что произошло.

Что это было вообще?!

Очередной порыв ветра коснулся обнаженной груди, и я мгновенно одернула ткань. Замерла. Потом подняла руку, посмотрела на пальцы — вообще ничего красивого. Рука как рука, самая обыкновенная.

Перевела удивленный взгляд на Эрана, увидела его успокаивающую улыбку, услышала его спокойный голос:

— Все хорошо, Кира.

Замерла, недоверчиво прищурившись, а после... мысленно рванулась к нему, к его глазам, с размаху вновь погрузившись в это странное измененное сознание, и невероятным образом уловила отголосок победного: «Ты моя!»

Я окаменела. Эран застыл. Всего на миг, но охватившее его напряжение я все равно почувствовала.

— Бракованный навигатор! — мрачно выругалась.

И осеклась. Потому что свой собственный голос вновь слышала со стороны. И, несмотря на злость, которую действительно ощутила, сейчас, находясь будто вне своего тела, в этом ругательстве услышала отголосок слез.

«Да, — тяжелый вздох могучей груди, как мой собственный, — я вижу это именно так — ты проявляешь агрессию, чтобы скрыть истинное отношение. Вот как сейчас — обиду».

Обидно действительно было. Обидно до слез. И еще обиднее было смотреть на себя сверху и видеть, как из широко распахнутых глаз медленно стекают слезы.

— Кира, — повелитель Иристана склонился надо мной, скрадывая губами слезы, и их солоноватый привкус я почему-то отчетливо ощутила, — Киран...

Внезапно что-то дернуло, неприятно, словно слабый электрический заряд.

Эран мгновенно перевернулся на бок, приложил два пальца к шее, и я услышала словно издали:

«Выявили схему ввоза».

Голос был мне незнакомым, низким, с какими-то рокоющими нотками.

«Следы?» — а вот теперь вопрос задал Эран.

«Никаких. Начать зачистку?»

Судорожно вздохнув, я закрыла глаза...

И моментально об этом пожалела.

Я больше не лежала на постели в доме повелителя Иристана. Нет. В лицо ударил жаркий ветер с примесью пыли и грязи, вынудивший прищурить глаза, а взгляду представился раскуроченный военный лагерь. Действительно раскуроченный. Содранное полотно экзопалаток, вывернутые штыри системы наведения, используемой при разгрузке противоракетного оборудования, остатки пищеблока, все еще выстреливающего концентрированным пайком, судя по размеру, десант-войск, и валяющиеся тела в черных, без опознавательных знаков, комбинезонах...

«Повелитель?» — удивленно позвал все тот же низкий голос очень немолодого тара.

Я открыла глаза.

Поймала на себе задумчиво-заинтересованный взгляд Эрана, стремительно поднялась с постели.

И едва не рухнула обратно, ощущая сильное головокружение. В то же мгновение воин оказался рядом, придержав за талию.

Судя по тому, что он продолжал держать пальцы у гортани, разговор закончен не был, вот только я ничего больше не слышала. Но вот Эран убрал ладонь, обнял меня уже двумя руками и мягко спросил:

— Испугалась?

— Нет, — резче, чем следовало бы, ответила я.

Воин улыбнулся, губы его больше не пошевелились, но в моей голове прозвучало:

«Уверена?»

Резко отшатнувшись, я добила лишь того, что Эран шагнул за мной, продолжая осторожно придерживать. Осторожно, заботливо, с явным пониманием происходящего. С абсолютным знанием о том, что произошло!

— Эран, — у меня дрожал голос, пальцы вцепились в его ладони, — Эран, что это?

И его невероятно спокойный ответ:

— Установленная генетическая связь.

Несколько секунд я потрясенно смотрела на воина. Затем молча, но

решительно заставила отпустить меня. Прошлась по спальне, остановилась у окна, коснулась белоснежной занавески, пропустив ее между пальцами просто так, для успокоения, и, резко обернувшись, прямо спросила:

— То есть ты сейчас просто связь установил?

Он не ответил.

— Эран! — срываюсь на крик.

Даже не отреагировал. Все так же стоял и смотрел на меня, едва заметно улыбаясь.

— Слушай, ты, право левого трицепса! — окончательно разозлилась я. Реальность дрогнула.

Вот только что я стояла, вцепившись в ткань занавески, и смотрела на спокойно наблюдающего за мной высокого светловолосого воина... Но всего миг, и я вижу себя, стоящую у окна. Белое платье обнимает стройную фигуру, черные волосы струятся по плечам, ярко-зеленые глаза потемнели от ярости, губы после всех поцелуев пунцово-красные, влажные, манящие. И я самой себе показалась невероятно красивой в этом приступе гнева, удивительно нежной, невероятно хрупкой и крайне ранимой.

«Ты очень красивая», — прошептал голос внутри меня.

И я с ужасом поняла, что меня, вот такую красивую, воин просто не слышит. И что бы я сейчас ни говорила, его взгляд медленно исследует контур тела, проступающий под обтянувшей на ветру тканью платья, а обоняние ловит запах. Мой запах. Я даже не сразу поняла, что он у меня есть, но Эран чувствовал, и сейчас, когда я видела себя его глазами, я тоже чувствовала. А еще, глядя на себя его глазами, я чувствовала себя... слабой.

«Хрупкой, — прошептал голос внутри меня, — очень-очень хрупкой».

Эран медленно подошел, прикоснулся к моей ладони, скользнул вверх, сжал запястье, поднес к своим губам.

«Руки тонкие, — шепот, от которого замирает сердце, — нежная кожа, прозрачная настолько, что я могу рассмотреть сеточку вен».

Внезапно поняла, что чувствую себя кешрианкой. Натуральной коренной кешрианкой. Так как только у народа с Кешриа самки не разговаривают. Не то чтобы им запрещали или тому подобное, просто в процессе эволюции у человеческих женщин талия тоньше и плечи уже, а у кешрианок голосовые связки недоразвитые. Нет, сами девчонки ничего — хорошенькие, глаза вполлица, волосы до пола, фигурки хрупкие, особенно на фоне кешрианцев-самцов, у которых рост в два с половиной метра, но не разговаривают. Вообще. И даже язык жестов у них отсутствует. И вот когда мы, кадеты, в увольнительную разок вышли из лагеря и попытались пройти по магазинам на Кешриа, то в какой бы магазин ни пришли, везде

была одна и та же картина — нас, девчонок, кешрианцы слушали с самой умильной улыбкой. Сладости бесплатно сунуть пытались, присесть предлагали и слушали, слушали, слушали. Там уже отборная ругань пошла, за которую и в изолятор загреметь было можно, а эти все равно слушали. И улыбались. И смотрели как на чудо... Самый жуткий поход по магазинам в моей жизни.

Но там Кешриа, как ни злишься, отчетливо понимаешь, что местные иначе не могут, а здесь же нет!

Закрyla глаза, дернула головой, открыла и теперь вновь видела своими. Невольно глянула на свое запястье — никакой тонкой кожи лично я не заметила, рука как рука, ничего сверхвыдающегося, да и слабости не вижу. Взглянула на воина — Эран пристально наблюдал за мной, отслеживая каждое движение, каждую эмоцию. И этот внимательный взгляд почему-то вызвал улыбку. Даже не знаю почему. Возможно, мне было приятно чувствовать себя такой важной, но с другой стороны — в моей жизни иначе и не было. С самого моего рождения я была самым важным человечком в жизни мамы, когда прошла отбор и была помещена в группу 3-класса, стала важна для преподавателей. Никем я себя только у отца чувствовала.

Отобрав руку у воина, отвернулась к окну, поискала Икаса — мой пушистик все-таки сумел растормозить хейр, и теперь все трое животных носились по саду, играя в догонялки. Забавно очень — хейры прыгали на деревья, а Икас взбирался за ними следом, делая вид, что собирается откусить нервно дергающиеся хвосты.

— Им не нравится, — неожиданно произнес Эран.

— Почему? — искренне удивилась я. — Играют же.

— Икас играет, хейры в ярости и уже готовы напасть.

Воин чуть присвистнул, и обе черные зверюги, наблюдавшие за приближением Снежной смерти, разом спрыгнули с дерева, чтобы медленно, шагом, полным достоинства, попытаться удалиться в дом. Попытаться. Потому что Икас хотел играть, и вместо того чтобы дать невольным подругам уйти, заревел во всю глотку и веселыми прыжками помчался их догонять.

Хейры развернулись молниеносно — плавным хищным движением. Оскалили клыки. Икастик, обескураженный совершенно, остановился, удивленно переводя взгляд с одной черной на другую, и уши его тоже двигались. А затем обе хейры вдруг припали к земле и замерли, в то время как хвосты у них бились о траву с заметной уже даже мне яростью.

— Дакш! — прикрикнул Эран.

Хейры застыли. И хвосты у хейр застыли тоже.

И в этот момент обиженный Икас припал к земле, потом пополз на брюхе к ближайшей хейре и, недолго думая, лизнул ее в нос. Зверюга вскочила, продемонстрировав ярость — клыки сверкают, хвост просто-таки избивает землю, а Икас поднялся, лизнул ее снова и опять припал к земле с самым лукавым выражением на морде. И хейра застыла, медленно повернула голову, взглянула на вторую, та ответила таким же недоуменным взглядом, а после эта первая бухнулась на землю, потянула морду к шерстюсику и тоже лизнула его в нос. Икас заурчал от удовольствия, подскочил, перепрыгнул хейру и умчался. Ненадолго. Уже через секунд тридцать в доме раздался чей-то вскрик, после чего показался мой безумно счастливый Икастик, тащивший в зубах тушу какого-то нехилого животного средней степени подрумяненности, и вот эту свою добычу шерстюсик радостно приволок обалдевшим хейрам.

— Это был обед, — усмехнувшись, произнес Эран.

— Чей? — не поняла я.

— Наш, — пояснил воин. — Я ночью охотился.

Повернувшись, я присела на подоконник и удивленно спросила:

— Ты охотишься сам?

— Нечасто. — Эран не смотрел на меня, задумчиво разглядывая сад.

За этим скупым ответом явно было что-то, чего мне тар говорить не хотел. А я, кстати, никогда ни на кого не охотилась.

— Эран, а почему ты меня с собой не взял? — немного обиженно спросила я.

Повелитель Иристана перевел взгляд на меня, усмехнулся и зло ответил:

— Я ушел, чтобы тебя не... взять.

Никогда не подозревала себя в излишней стеснительности, но сейчас покраснела вмиг, чувствуя, как горят щеки.

— Киран умеет смущаться? — насмешливо поинтересовались сверху.

Смутившись окончательно, раздраженно ответила:

— Эран умеет издеваться, так почему бы Киран не научиться смущаться?

И, прыгнув с подоконника, попыталась уйти.

Очень гордо, вскинув голову и расправив плечи. Совсем гордо.

Но, едва выйдя из спальни, ощутила насмешку. Его насмешку. Замерла, закрыв глаза, и в тот же миг Эран продемонстрировал то, что увидел он — я, с пылающими щеками, делано-гордо покидаю территорию. И вот его глазами все выглядело очень даже не гордо, а вовсе глупо, если

честно.

Постояв секунд тридцать, кадет Киран МакВаррас крутанулась, решительно вернулась в спальню и, пока повелитель Иристана, удивленно вскинув бровь, смотрел на меня, подошла, обняла воина, страстно поцеловала в отместку за собственную уязвленную гордость, после чего отошла, отсалютовала, повернулась и вот теперь вышла.

В спальне никто больше не насмехался!

Выйдя в коридор, я прошла до лестницы, спустилась на первый этаж, увидела выходявших из зала заседаний воинов, которые, едва заметив меня, чинно поклонились и замерли, позволяя мне уйти. Чувствую себя помесью бога с чудом, странное ощущение. Молча ушла в лабораторию, даже не решившись произнести хоть слово. В голове царила звенящая пустота, чувство непонимания происходящего росло в геометрической прогрессии, и радовало только одно — некоторым сейчас не до смеха, и так им и надо.

Миновав длинный коридор, распахнула знакомую дверь и остановилась — эйтны вели себя странно. Обе сидели на кроватях, обе обнимали руками колени, обе дрожали как в лихорадке.

— Здравоф, — осторожно поздоровалась я.

Эйтны вздрогнули. Разом. И дрожать перестали. Потом та, что помоложе, взглянула на меня ничуть не черными, а совсем даже светло-голубыми глазами и спросила:

— Где я?

— Оу, — я даже растерялась, но после зашла, дверь закрыла и весело ответила: — Дома.

Та, что постарше, подняла голову, и теперь вздрогнула я — один глаз у нее был карий, второй — непроницаемо черный. Жуткий. Покрасневший. Слезящийся.

— Конъюнктивит, — потрясенно пробормотала я.

— Мое имя? — встрепелась женщина.

И мне стало стыдно за свою оговорку.

— Нет-нет, — заверила я, — это ругательство такое. А как вас зовут, вы не помните?

У эйтны поникли плечи, голова безвольно опустилась.

Шейсам конец! Всем! Разом! Без альтернатив и компромиссов! Все, достали!

— Повелительница.

Повернув голову на источник звука, засекала момент, когда тонкая

белоснежная и непрозрачная перегородка, вообще не замеченная мною до этого момента, истаяла, открывая взгляду маленькую лабораторию и того самого пожилого тара, который в прошлый раз, если мне память не изменяет, называл меня «принцесса Киран». Странно, да?

— А почему сразу повелительница? — несколько воинственно спросила я.

Тар обернулся, окинул меня чуть насмешливым взглядом и пояснил:

— Вы приняли дар жизни повелителя, следовательно, теперь вы повелительница.

Стою как оплеванная!

Слов нет, даже нецензурных.

— Но это мелочи, — огорошил воин, — подойдите сюда.

Подошла.

На призрачном серебристом экране, фактически висящем в воздухе, отразилась фигура женщины с затемнением в области груди. И не успела я спросить, что это, как мужик просветил:

— Она умирает.

И даже вопросов не возникло, кто именно, я просто оглянулась на эйтну, которая постарше.

— Есть два варианта, — абсолютно равнодушно продолжил тар, — можем вернуть к эйтнам, сегодня возвращаем им семь гибнущих, можем оставить здесь, если вам, — усмешка, — все еще требуется игрушка для исследований.

Хмуро взглянула на мужчину, он удивленно на меня, и пришлось пояснить:

— Вот не будь вы пожилым человеком, я после таких слов дала бы в морду!

Тар оторопел, потрясенно глядя на меня.

— Между прочим, — кажется, я разозлилась, — с вашими хваленными технологиями могли бы и вылечить ее!

Взгляд мужчины неожиданно потемнел, после чего воин поднялся, поклонился, развернулся и направился к выходу. Молча. Такой громадный разгневанный айсберг.

— Что, даже сказать нечего? — разъяренно спросила я.

Он ускорился.

— На правду, мужик, не обижаются! — Да, злюсь.

Тар остановился. Медленно развернулся, холодно посмотрел на меня.

Секунда, вторая, третья...

Эйтны трясутся, система в мини-лаборатории почему-то подвывать

начала, белые стены на меня лично давят, воин с седыми волосами в белоснежном костюме с ненавистью смотрит синими глазами.

— Ну, давай, скажи хоть что-нибудь, — сложив руки на груди, нагло требую.

Воин мрачно произнес:

— Вы очень красивая.

Кипец. Других слов нет.

Но это было начало, потому что далее тар добавил:

— К сожалению, этим ваши достоинства исчерпываются.

Все, это война!

Скрывая ярость за милой улыбкой, я вежливо произнесла:

— Вы тоже внешне очень даже ничего — высокий, мускулистый, черты лица правильные, даже возраст не портит. Одно плохо — заносчивый, нетерпимый, тщеславный и ума, несмотря на прожитые годы, не хватает!

Высказала, глядя в синие глаза тара, и никакого чувства сожаления в душе, вообще никакого. Потому что не правы они. Значит, как дело коснулось интересов повелителя Иристана, так нашли выход за сутки и отгородили меня от тени. От тени. От субстанции, которая по идее призрак, и смогли. А как решить проблему с этими шейсами, которые веками калечили девчонок, так тут «есть два варианта, можем вернуть эйтнам, можем оставить»... чтобы сдохла. Ухмырки каерские!

Воин после моих слов мрачно сложил руки на внушительной груди, одним этим жестом сразу напомнив, что я этому громиле едва ли до плеча достаю, и тихо, но с прорывающейся глухой яростью произнес:

— Я провел ночь в этой лаборатории. Всю ночь. И вы меня сейчас пытаетесь обвинить в бездействии, повелительница?!

Нехило вывернулся. Даже подействовало бы, не обучайся я на капитана, а у нас, будущих капитанов, навыки управления персоналом все-таки имеются. И потому совершенно спокойно, равнодушно и вообще представив себя в форме капитана и на капитанском мостике флагмана космического флота, я ответила:

— Результат — вот то, что от вас требуется. Оправдания — язык слабых, сильные не оправдываются.

Пожилой воин смотрел на меня несколько долгих секунд. Внимательно смотрел, затем улыбнулся, прошел обратно к своему месту за лабораторным столом, сел и, не открывая новый график на экране, сказал:

— Красота не единственное достоинство.

И я так поняла, что это было извинение.

— Уверена, вы тоже гораздо лучше, чем мне показалось за время нашего недолгого общения, — в свою очередь завуалированно извинилась я.

Тар кивнул, затем указал мне на экран и начал объяснять:

— Потребуется пересадка внутренних органов, полное переливание крови и искусственное сердце.

Ух, вот это ого.

— Все так плохо? — Я подалась ближе к экрану, пытаюсь определить значения символов.

— Тело изношено, — пояснил мне воин.

Обернувшись, взглянула на эйтну — ну лет двадцать пять на вид, не больше.

— Внутренние органы соответствуют возрасту девяносто лет, — ошеломил меня тар. — Артерии никуда не годятся. Есть шанс сохранить ей жизнь, повелительница, но шанс ничтожен, ее тело полностью перестроилось под контроль тени, и с подобным контролем она проживет еще около восьмидесяти лет, после всех перечисленных мной необходимых операций — максимум двадцать.

Тупик. Был бы, если бы не одно «но».

— С шейсом это не жизнь, — тихо сказала воину.

Тар пожал плечами и заметил:

— Симбиоз — приемлемая форма существования.

— О да, — я присела на краешек стола, — видели мы такую «приемлемую форму существования», на Эрхаде — там гонз-паразит влезает в тело жертвы и мило ею руководит, примерно так года три, пожирая одновременно.

Неожиданно воин нахмурился, затем вновь вернулся к расчетам, перемежая графики текстовыми параметрами, визуализационной доской, каким-то странным черным мелькающим экраном, после чего задумчиво произнес:

— Цепочка питания... да, это возможно...

И мы его потеряли. Тара, в смысле. Он перестал реагировать на меня, на писк системы, вообще на все, полностью погрузившись в расчеты. Я некоторое время ждала, после чего прямо спросила:

— То есть органы не изношены, а съедены?

— Вполне возможно, — не отрываясь от работы, ответил воин. — Не напрямую, а энергетически.

— И? — спросила я, ожидая продолжения.

— Да-да, идите, — рассеянно ответили мне, вообще на вопрос не

реагируя.

Я же говорю — мы его потеряли. Зато есть шанс воспользоваться состоянием воина по полной программе, и самым вежливым голосом я тихо поинтересовалась:

— И что, я действительно приняла дар жизни повелителя?

И, затаив дыхание, жду ответа.

— Да-да, — рассеянно ответил тар, — он распахнул свое сознание, вы вошли, увидели мир его глазами. Древний ритуал, практически не применяется уже около трехсот лет.

Бракованный навигатор!

Старательно подавив раздражение, снова словно невзначай интересуюсь:

— То есть вот так все просто?

Но меня уже никто не слушал. Вообще. Эран сволочь!

И тут произошло нечто — в сознании что-то изменилось, и я услышала спокойный голос повелителя Иристана:

«Что-то случилось?»

Да, случилось. И еще как случилось. Или случится. Это как посмотреть.

— Эран, — проговорила я вслух, — а вы, тары, вы вообще смертны?

В смысле я тебя, гада, за такое просто прибью!

Усмешка, на каком-то эмоционально-сознательном уровне я ее ощутила. Затем пришел и ответ:

«Планы на будущее придется пересмотреть, Киран. Я сказал тебе об этом еще в квартале развлечений. Научись воспринимать мои слова всерьез».

Ничего не ответив, я просто шагнула к эйтнам, решив, что они первоочередная задача, а с некоторыми я разберусь позже. Эран ждал ответа, я ощущала его ожидание, но старалась думать о чем угодно, кроме повелителя Иристана. Точнее, думать исключительно об эйтнах, и чувство ответственности позволило вернуть самоконтроль очень быстро.

Для беспокойства просто не осталось времени.

Сначала я позвала двух синекожих женщин, потом потребовала ванну для эйтн, потому как обе пропотели не раз за эту ночь и купание даже в своем неменяемом состоянии восприняли с радостью. В шесть рук мы вымыли обеих, после я потребовала одежду, долго выбирала и в итоге остановилась на свободных рубашках и льняных штанах. Брюки девчонки восприняли неоднозначно, молоденькая надела все же, та, что старше, не захотела, и пришлось уговаривать. Что не понравилось мне — эйтны

больше не разговаривали.

Улыбались, кивали, послушно делали все, что я просила, даже поели салат, мною лично приготовленный, но не разговаривали. И потому, унося тарелки и остатки еды обратно на кухню, я была совсем расстроена.

Открыла дверь, увидела, что теперь в помещении для приготовления еды находятся все четыре кухарки, кивнула в знак приветствия и пошла мыть посуду. Просто в первый раз их тут не было, и я хозяйничала спокойно.

— Повелительница, — несколько напряженно произнесла Ксана, глядя, как я начинаю мыть первую тарелку.

— Кира, — угрюмо поправила я, берясь за вторую.

— Повелительница, что вы делаете? — спросила женщина.

Молча выдраиваю третью по счету тарелку. Молча и вообще не реагируя на обращение.

Несколько минут молчания, и неловкое:

— Киран...

Выключила воду, отставила щетку, повернулась, вопросительно посмотрела на Ксану, кухарка совсем тихо повторила вопрос:

— Киран, что вы делаете?

— Развлекаюсь, — невесело ответила я.

Ривин, повязывая передник, осторожно спросила:

— Вы себя хорошо чувствуете?

— Нет, — абсолютно честно ответила я.

Кухарки с явным сомнением в отношении моей нормальности переглянулись. И я уже было собиралась спросить, в чем дело, как дверь распахнулась, обнаруживая запыхавшегося пожилого тара, который прямо с порога заявил:

— Повелительница, вы были правы! Ситуация обратима!

Улыбнулась. Почему-то на более бурную реакцию сил не осталось, но здорово же как.

— Выводите эйтн в сад, я запросил новое оборудование, через час начнем подачу питательных веществ непосредственно в кровь, так что все установить нужно.

Кивнула и едва слышно, но очень искренне сказала:

— Спасибо.

Тар пожал плечами, ладонью растрепал волосы, как-то по-мальчишески улыбнулся мне и выдал:

— Мое восхищение.

После чего поклонился и покинул нас. Меня, мою радость и четырех

кухарок, шокированно на меня смотрящих. Но мне было как-то все равно, я радовалась, это была такая тихая радость, со слезами на глазах, потому что только сейчас я поняла, что смогу помочь бабушке, и когда мы с мамой улетим с Иристана, Араван больше не будет один. Наверное, это самая большая радость — знать, что ты сможешь сделать чуть-чуть счастливее близких. Кстати, этих двух эйтн тоже заботам Ара поручу, или вообще с нами улетят. Хоть поймут, что такое свобода.

С этими мыслями я собралась было уйти, как Ксана задала неожиданный вопрос:

— Повелительница, есть ли пожелания насчет вечерней трапезы?

И я осталась. А кто бы не остался на моем месте?

— Вечерней трапезы? — переспросила я с самым невинным видом. — Для повелителя?

Кухарки, недоумевая по поводу моей широкой улыбки, осторожно кивнули. Я же вспомнила одну маленькую деталь — ни разу не видела, чтобы Эран ел сладкое.

— Сейчас меню набросаю, — почти пропела, присаживаясь за стол. — Полагаю, начнем с таких маленьких приторно-сладких пирожных, после мясо в сахарном соусе с орешками, потом салатик из чего-нибудь, посыпанный сахарной пудрой, потом...

Все четыре женщины нехорошо на меня посмотрели.

— Разгромлю кухню, — пригрозила я.

Не то чтобы испугались, но степень моей неготовности к компромиссам осознали.

— Все сладкое! — отчеканила я. — Абсолютно все. Вот все, что есть у вас в традиционной кухне, все приготовить.

Кивнули, но явно нехотя.

— Между прочим, имею полное право на месть, — заверила я.

Не особо поверили, но право-то у меня есть, следовательно, согласились.

До вечера я провозилась с эйтнами. Обеими. У специалиста по сохранению жизни, то есть откомандированного мне пожилого тара, что-то не получалось, и потому мы сидели в саду — я, эйтны и Икас, стандартно отсыпавшийся днем. Шерстюсик и эйтна постарше лежали, мы с молоденькой эйтной сидели и пытались говорить. Получалось плохо, девушка не знала ничего о себе и постоянно чувствовала жажду. Спасибо синекожим женщинам, они всегда были рядом.

На закате пришла третья с синей кожей, поклонившись, сообщила:

— Повелительница, повелитель ожидает вас в трапезной.

Лично мы уже поели — салат, причем и я, и эйтны, а Икастик перед сном догрыз внушительный кусок мяса, так что я бы с удовольствием отказалась, если бы не ожидание приятного.

Так что за служанкой я шла, едва не припрыгивая, в приподнятом настроении вошла в дом, пролетела мимо склонившихся воинов и сама, не дожидаясь, пока откроются, распахнула двери в трапезную.

Эран, сложив руки на могучей груди, стоя у окна, ждал меня.

Танцующей походкой подошла, встала рядом, поняла, что отсюда открывается превосходный вид на нашу чудную компанию — Икастик, эйтны, синекожие женщины, одна из которых уносила поднос с пустыми тарелками. И стало ясно — Эран в курсе, что я уже плотно поужинала.

— Но ты все равно пришла, — протянул повелитель Иристана.

— У меня организм растущий, и потому аппетит хороший, — вру нагло и уверенно.

Право на месть — оно очень способствует.

Тар медленно повернул голову, взглянул на меня, прищурился, но, видимо, был действительно голоден и потому сделал приглашающий к столу жест. Как самая послушная девочка на свете, я пробежалась до стола, села, схватилась за нож и вилку и в нетерпеливом ожидании посмотрела на Эрана.

— Ты меня пугаешь, — улыбнулся повелитель Иристана.

— Просто очень голодная. — Да, игра на грани фолла, но меня понесло.

— Насколько голодная? — иным, низким и чуть хриплым голосом спросил Эран.

Подавшись к нему, я выдохнула:

— Очень, очень, очень голодная...

Мышцы повелителя напряглись так, что даже под одеждой вены проступили, но уже в следующее мгновение Эран взялся за вилку и спокойно, но чуть угрожающе, произнес:

— Этой ночью я не буду охотиться.

И мне почему-то резко расхотелось с ним шутить. Но процесс уже был запущен, внушительный кусок мяса уже был отрезан, тягучий и явно безумно сладкий соус уже обволок опущенный в него кусочек, а после всего этого оказался отправлен в рот воина.

Белые крепкие зубы сомкнулись.

Я перестала дышать.

А повелитель Иристана сделал первое жевательное движение, причем очень медленно, словно не веря тем вкусовым ощущениям, которые сейчас

чувствовал. И после, не проглатывая даже, с четким осознанием произошедшего, перевел взгляд с тарелки на меня.

— Ой, — я осторожно положила и нож и вилку, — что-то мне больше есть совсем даже и не хочется.

И очень осторожно отодвинула стул.

Эран сглотнул.

В следующее мгновение весь мой заготовленный гневный монолог выветрился напрочь, потому что воин угрожающе поднялся...

— Н-н-не надо вот так подниматься, — нервно попросила я, тоже поднимаясь.

Взгляд воина потемнел, глаза прищурились, на скулах заиграли желваки, весь вид тара стал до безумия угрожающим.

— Эррран! — шагнула назад.

Стул с грохотом свалился.

Мускулистая рука воина метнулась к столу, пальцы сжали скатерть... Рывок! И всю трапезную наполнил грохот и звон освободившей стол посуды!

— Э-э-эран! — Шаг назад, и я едва удержала равновесие, споткнувшись об упавший стул. — Э-э-эран, не надо на меня вот так смотреть...

Воин медленно склонил голову к левому плечу, отшвырнул в сторону скатерть и шагнул ко мне — плавно, хищно, разъяренно.

Отшатнулась! Не удержавшись, упала на колено и мгновенно вскочила, не отрывая взгляда от вообще терявшего адекватность повелителя Иристана, который сделал еще один шаг.

— Эран, вот стой, где стоишь! — нервно потребовала я. — Это вообще было мое право на месть! И я на нее имею право! И ты должен мои права уважать!

— Я тебя сейчас поважаю, — хрипло ответил взбешенный воин.

— Не надо! — вконец перепугалась я.

Прищурил глаза сильнее, красноречиво сообщив — пощады не будет.

— Эран, — обошла стул и, пятясь, спиной вперед начала отступление к двери, — Эран, давай мы...

— Давай! — прошипел он.

И рванул ко мне.

С диким визгом я метнулась к двери, подбежала, схватилась за ручку, потянула на себя, и... дверь закрыли! Не дав и шанса на спасение! А затем он перехватил поперек живота, дернул, отрывая мои вцепившиеся в ручку пальцы, и в следующий миг я, задохнувшись от ужаса, полетела на пустой

стол, но все равно начала сопротивляться, едва воин навис надо мной. Выставила ладони, пытаясь оттолкнуть обезумевшего повелителя, и вскрикнула, едва он, сжав запястья, завел мне руки за голову, а затем зло и решительно дернул ткань платья вверх, оголяя ноги. Хрипло зарычал, прикоснувшись к обнаженной коже и не реагируя на мою ругань, сжал материю.

Треск!

— Бракованный навигатор, Эран! — заорала я.

Эран, отпустив мои руки и уперевшись в стол, медленно нагнулся, чтобы выдохнуть в губы:

— Сладкий ужин — кто рассказал об этой традиции?

А у меня почему-то закружилась голова, как от десятка алкогольных коктейлей, и я вообще перестала соображать, что происходит, как происходит и вообще для чего происходит. Нужно было бы испугаться, но его близость, его дыхание и этот хриплый голос просто сводили с ума, не оставляя пространства для страха. Сознание рвало на части, про гордость вообще молчу, она гибла в конвульсиях, придавленная нахлынувшими ощущениями, от которых я была не готова отказываться.

— Киран... — хриплый шепот потрясенного моей реакцией на него воина.

Запоздало вспоминаю, что он меня чувствует, причем практически все эмоции ощущает, в буквальном смысле. И на миг стало стыдно, но одно прикосновение его пальцев к моей щеке — и волна тепла по всему телу, а адреналин исчез, сметенный нахлынувшей волной тепла. Я застонала, вновь выгибаясь на жестком столе, распахнула ресницы, посмотрела на Эрана и увидела в его глазах разгорающееся пламя, в котором лично я уже откровенно сгорала... И не было ни шанса спихнуть все эмоции на шейсов — я вдруг отчетливо поняла, насколько хочу этого конкретного воина. Всего. Полностью. И обхватив его шею, я приподнялась, чтобы жадно потянуться к губам, прикусить почти до крови и, ощутив солоноватый привкус, окончательно утратить остатки разума. И плевать на все! Подумаю о будущем потом, позже, завтра! Сердце неистово билось, дыхание сорвалось, едва я поцеловала его, и все могло катиться в Бесконечный космос!

И у кого-то тоже весь самоконтроль полетел в мертвые галактики, и, прижимая к себе, воин начал жадно целовать в ответ. Затем опрокинул на стол, рванул ткань платья, обнажая мое тело, и вот на этом моменте я уже перестала что-либо соображать.

А потом, когда все так же упирающийся в стол руками воин, пытаюсь отдышаться, смотрел на меня потрясающими синими глазами, я, сладко потягиваясь, вспомнила об одном моменте:

— Что за традиция с засахаренным ужином?

Эран усмехнулся, странно как-то, затем укоризненно покачал головой и произнес только:

— Киран-Киран...

— Да-да, — с готовностью отозвалась я.

Синие глаза вспыхнули каким-то странным интересом, и, вновь склонившись надо мной, Эран коварно переспросил:

— Да-да?

Где-то на периферии сознания что-то такое предостерегающее дернулось, но наивная я повторила свое:

— Да-да.

— К демонам этот ужин, — и, отпрянув, стремительно оправил свою одежду.

Приоткрыв рот от удивления, я едва не вскрикнула, когда приведший себя в порядок Эран шагнул к валяющейся на полу скатерти, подхватил ее, поднял меня со стола и вмиг спеленал. А потом решительно понес прочь из трапезной.

Выйдя в холл, взлетел по лестнице, стремительно прошел по коридору, внес меня в спальню, поставил на ноги, раскутал, а затем с самой наглой улыбкой порвал все мое платье! И когда лоскутки ткани упали на пол, вновь тяжело дыша, сообщил:

— Я не наелся.

— А мама запрещала кушать в кровати, — зачарованно глядя на него, прошептала я.

— А еще разговаривать с незнакомцами. — Теплые ладони скользнули на мою талию.

— Разговаривать с незнакомцами особенно, — подтвердила я, закрывая глаза и подаваясь навстречу сладкому поцелую.

«Кира, что же ты делаешь?» — пронеслось в голове, но мои руки уже обвились его шее, и, поднявшись на носочки, я подставила губы осторожному поцелую, нежному, медленному, затягивающему куда-то в безвременье и напрочь лишаящему всех мыслей...

Впрочем, одна мелькнула — там, в палатке в Шоданаре, мыслей было много, здесь с ним и сейчас, без дурмана, навеянного шейсами, я оказалась не способна думать ни о чем, кроме сводящих с ума прикосновений воина...

— Эран, — приподнявшись, я перебралась с подушки на повелителя Иристана, устроилась на его широкой груди и, посмотрев в синие глаза, повторила вопрос:

— Так что за сладкий ужин?

Он протянул руку, провел по волосам, обнаженной спине, чуть ниже... улыбнулся и ответил:

— Когда женщина отказывается проводить ночи с воином, она подает ему сладкое.

— Правда? — Я искренне удивилась.

Поглаживая меня по выдающемуся месту, Эран, продолжая улыбаться, произнес:

— Без влияния тени ты вспыхиваешь сильнее и горишь ярче.

Медленно краснею под его внимательным взглядом.

— Киран еще будет утверждать, что я ей не нравлюсь? — почти издевка.

Прищурившись, зло смотрю на Эрана.

Воин с улыбкой смотрит на меня и, прежде чем я высказала некоторым все, что я по их поводу думаю, вдруг тихо произносит:

— Ты можешь встретиться с матерью.

— Да? — недоверчиво переспросила. — Почему? В смысле за что мне столь щедрый дар? — Да, сарказм, и да, мне не стыдно.

Его рука вновь коснулась моих волос, и, глядя мне в глаза, Эран сказал:

— Потому что теперь я знаю.

— Знаешь что? — осторожно уточнила.

Промолчал, все так же с улыбкой глядя на меня.

Не ответит, это я уже поняла.

— И когда смогу маму увидеть? — спросила, устраивая голову на его плече.

— Утром, — ровно ответил Эран, — в моем присутствии.

Вскинувшись, хмуро посмотрела на воина и услышала далее:

— Киран, мое сердце принадлежит тебе, а ты принадлежишь мне.

— Странное заявление, — заметила я, вновь укладываясь на Эране.

Сердце воина билось четко и размеренно, ладонь скользила по моей спине, убаюкивая и успокаивая, но до спокойствия мне было далеко. Как и до беспокойства. Просто сейчас все было безумно далеко, все, кроме Эрана

и его прикосновений.

— Ты взрослеешь, — почему-то сказал повелитель Иристана.

— Мм-м? — отозвалась, уже на грани сна и яви.

— Не согласна, но возражать не стала, — пояснил он.

— Есть смысл? — сладко зевнув, устроилась удобнее на нем. — Ты мое сердце, я твое сердце, ты решил, я решила... Без разницы.

— Да? — переспросил Эран, и рука его продолжила путешествие вниз по моей спине.

— Потому что, — я вновь зевнула, — что бы ни решил ты и твое право левого трицепса, мой план действий уже составлен.

— И какой? — Мне показалось, что в голосе воина промелькнули нотки тревоги.

— Отомстить шейсам, уничтожить их источник, вылечить бабушку, свалить с Иристана, — совершенно искренне ответила я и, обняв его, постаралась заснуть.

А меня больше никто не поглаживал.

— Киран, — злой голос донесся сквозь дрему, — ты осознаешь, что ничего не выйдет?

— Да нет, все получится. — Я медленно проваливалась обратно в сон. — Трудности возникнут, только когда на Гаэру вернусь, — учебный материал придется навестывать и летные часы отрабатывать...

И я почти заснула, почти, потому что в следующее мгновение села на Эроне, потеряла лицо и сонно произнесла:

— Икас и эйтны.

Ничего не ответив, повелитель Иристана приложил два пальца к шее, через мгновение произнес:

— Зверь ест, эйтны пока в саду, приказать, чтобы отвели в лабораторию?

— Нет, я сама, — легко вскочила с кровати и направилась в ванную. — Девчонки боятся ваших, со мной им спокойнее.

Когда я, мокрая после купания, вернулась, Эран, уже совершенно одетый, стоял у окна, а на постели меня ждало темно-синее платье, тоже длинное, но ткань поплотнее. Одеваясь, я искоса взглянула на воина, невольно улыбнулась, заметив его сурово-серьезное выражение лица.

— Меня беспокоит, — хрипло начал Эран, — что ты, как и твоя мать, живешь иллюзиями.

Безразлично пожала плечами — меня все устраивало. Кроме одного — безумно хотелось спать, едва на ногах держалась. Мелькнула мысль, что

странно все это, но, вспомнив сексуальный марафон с ненаевшимся Эраном, я перестала беспокоиться по поводу излишней сонливости. Подошла к воину, приподнявшись на носочках, осторожно поцеловала его и прошептала, глядя в суровые синие глаза:

— Мои иллюзии. Хочу — живу с ними, хочу — живу ими.

И, развернувшись, гордо направилась к двери — шатнуло меня уже там, когда открывала, и удержаться удалось с трудом, а точнее — Эран удержал, с его скоростью неудивительно.

— Кира? — встревоженно позвал воин.

И чего опять происходит? Постояв пару минут в обнимку с дверным косяком, я бодро ответила воину:

— Все замечательно. — Подумала и спросила: — А на ручки можно?

Молча подхватил и отнес обратно на кровать. Сел рядом, прикоснулся ко лбу, щекам, шее, взгляд становился все более встревоженным.

— Что? — теперь напряглась и я, схватив его за руку.

— Моя кровь, — после недолгого размышления ответил Эран. — Ты укусила, во время поцелуя. Это последствия.

— Любовь — яд, — улыбнулась я.

В голове постепенно прояснялось.

— Не стоило кусаться, — мягко упрекнул воин, но почему-то тоже улыбнулся.

Не сразу поняла почему, потом заметила — я продолжала держать его ладонь и даже сейчас, когда увидела это, отпустить не хотелось.

— Мне нравится твоя улыбка. — Эран наклонился, осторожно поцеловал, а выпрямившись, устало добавил: — Нужно поесть.

Я кивнула и отпустила его ладонь, понимаю, что голоден — наши десантники поменьше будут, а едят будь здоров и вечно голодные при этом. Но повелитель Иристана даже не сделал попытки подняться, продолжая внимательно смотреть на меня.

— Иди, ты же голодный. — Я осторожно села. — А мне действительно стоит проверить эйтн.

История шестая: О бое с тенью, проверке на прочность и женских слабостях

К эйтнам меня отнесли на руках, не слушая никаких возражений. Повелитель просто спустился со мной по лестнице, совершенно не глядя на вытянувшихся у двери воинов, которые... ну они ведь видели, как Эран меня спеленутую наверх утаскивал. И тут я понимаю, что грохот посуды и мои крики тут тоже сто процентов слышали и... И Эран вынес меня в сад, прошел к покрывалу, на котором продолжали сидеть эйтны, осторожно усадил и меня, затем поднялся и ушел, оглянувшись раз пять.

И пока он уходил, сидела, улыбалась как идиотка и не сводила с него глаз. Однажды Исинхай сказал: «Отношения прекращаются в тот момент, когда их начинают выяснять». Кажется, начинаю постигать мудрость шефа — чтобы все было потрясающе с мужчиной, нужно забыть про все претензии и просто наслаждаться им, эмоциями, ощущением того, как все внутри тает от нежности.

Повернувшись к эйтнам, улыбнулась обеим и совсем не ожидала, что та, что постарше, безэмоционально произнесет:

— Влюбилась.

— Что? — переспросила не столько из-за сообщения, сколько удивленная тем, что она заговорила.

— Влюбилась, — повторила эйтна и посмотрела на меня совершенно черными глазами.

А затем встала, хотя весь день от слабости не могла руки поднять, и сказала:

— Идем, хочу показать.

Я медленно огляделась — Икаса не было, но раз Эран сказал, что он ест, значит, шерстюсик на кухне. Хейры, причем обе, едва мой взгляд упал на них, поднялись, подошли и встали передо мной, глядя умными зелеными глазами. Вторая эйтна была безразлична к происходящему и сидела, уронив голову на грудь... А когда я подошла, она была более живая, что ли. В общем, во всем этом я уловила что-то нехорошее. Зловещее даже, я бы сказала.

И тут внутренний голос произнес: «Что происходит?»

Ну про внутренний это я перегнула — произнес Эран. Но у меня в

голове.

«Киран, два пальца к шее, активируй участок головного мозга, отвечающий за речь, и ответь», — четко скомандовал воин.

Так, я не одна, значит, можно рискнуть.

— Конечно, я пойду с тобой, — поднимаясь, ответила эйтне.

Женщина кивнула и шагнула с покрывала на траву. А там лежала упущенная в обед вилка, лежала зубчиками вверх — эйтна наступила, не поморщившись, сделала следующий шаг, оставив окровавленную вилку лежать на прежнем месте. Определенно, здесь что-то происходит. И, пользуясь тем, что эйтна шла впереди и не могла видеть, я прикоснулась двумя пальцами к шее и спросила:

«Эран, ты где?»

«Оглянись», — усмехнулся воин.

Оглянулась — стоит на пороге, жует, видимо, из-за стола вскочил, и внимательно следит за моим передвижением. Невольно улыбнулась, и тут эйтна сказала:

— Смотри.

Удивленно взглянула туда, куда она указывала, — черный валун, мне до колена примерно высотой, с одной стороны отполированный временем и водой, используемой для полива.

— Камень, — задумчиво озвучила я увиденное, — и что?

Наверху раздалось тихое гудение — вскинув голову, увидела троих воинов, зависших в метре от нас, мысленно поразились паранойе Эрана и вновь взглянула на эйтну.

— Так что не так с камнем?

У женщины было странное лицо, какое-то неживое, когда она произнесла:

— Ты не видишь. Присмотрись.

Присела на корточки перед валуном, с самым сосредоточенным видом присматриваясь...

«Что там?» — раздалось в моей голове.

— Да ничего такого, — ответила вслух, — просто черный камень.

Протянула руку, разместила ладонь на бугристой прохладной поверхности и повторила:

— Просто самый обычный черный ка...

Толчок в спину! Сильный! На удивление сильный! И я лечу лицом вниз, едва успев выставить руки, чтобы избежать травмы...

Но самым жутким стало то, что обе мои ладони провалились в никуда!

И я следом!

В черное непонятно что, пока не свалилась на каменный пол, больно ударившись бедром.

Хотя нет, это было еще ничего, действительно жутко стало, едва прозвучало у меня над ухом:

— Здравствуй, мое новое тело.

И удар по лицу, от которого меня отшвырнуло во тьму, о стену, оказавшуюся совсем недалеко. По стене, сдирая кожу с локтей, я сползла вниз. В ушах звенело, но все равно подняла голову, огляделась и осознала, что совершенно ничего не вижу в этой крошечной тьме.

— Страшно? — прошипел шейс.

И снова удар. Я повалилась на пол, инстинктивно приняв упор лежа, сплюнула кровь и поняла, что все — кто-то попал! Круто попал, и это совсем не я.

Закрыла глаза, вдох-выдох, и сосредотачиваюсь на звуках.

— Думаешь услышать мои шаги? — тихий приближающийся смешок. — Напрасно, Киран из рода Аэрд.

Снова удар. По животу. И кстати — больно.

Вот только на этот раз я была готова — напряжение мышц, и обошлось без повреждений, а вскочила я теперь сама, вновь настороженно прислушиваясь.

«Киран! — Голос в голове, и я едва сдержала восклицание: — Где ты?»

Промолчала, во-первых, не знаю, во-вторых, тень не идиот, сразу догадается, для чего мне два пальца, прижатые к шее, еще сломает их, с него станется.

«Киран, — вновь голос Эрана, — если ты у эйтн, твоё зрение будут искажать намеренно, но есть шанс — используй новые возможности, посмотри иначе».

Как? Я едва не спросила, к счастью, он продолжил:

«Момент, когда ты увидела себя моими глазами, вспомни, повтори...»

Дослушать не удалось — удар по лицу, и я вновь падаю, сгруппировавшись, но ладони ободрала до крови, правый бок тоже и все равно мгновенно вскочила, прижавшись спиной к стене. Так, по крайней мере, сзади не нападет.

«Шейсы!» — хриплый рык внутри моего сознания.

Эран взбешен — я нет, ярость мне сейчас ни к чему, я слушаю мрак! То еще удовольствие, когда в ушах после падений и ударов непрекращающийся звон.

— Что-то не так, пантеренок? — отвратительно слащавым голосом

вопросила тень.

— Просто интересно, — я старалась отслеживать его перемещения, — вы так со всеми эйтнами общаетесь?

Порыв воздуха справа — выставила блок и приняла удар на запястье.

— Вот как... — прошипела тень.

«Киран, посмотри моими глазами», — приказал мой воин.

Да, прибор ночного зрения не помешал бы, один вопрос — как выполнить совет повелителя Иристана.

Порыв воздуха слева — уклонилась от удара, но быть слепым котенком смерти подобно, особенно если учесть, что оружия при мне никакого, а слабость буквально валит с ног. И я попыталась следовать совету Эрана — на миг прикрыла глаза, вспомнила, как растворилась в его синих омутх, словно прикоснулась к воину.

И распахнула ресницы!

Увиденное не просто потрясло — заставило приготовиться к жестокому бою.

Карги!

Четверо взрослых, полуразумных каргов. Четвероногие, бесхвостые, покрытые густой жесткой шерстью, с розовой, почти человеческой кожей, со строением внутренних органов, практически идентичным гуманоидным... С клыками и пастью, способной жрать все — от травы, до животных. Да, карги были всеядны, как и человек. Когда-то их выращивали на мясо, позднее, после внедрения более дешевых источников белка, поголовье резко сократили, почти до уничтожения. Но спустя годы, подвергнув генному модифицированию, каргов тайно стали выращивать на органы, выдавая полученное за части человеческого тела. Все вскрылось невероятным образом — поумневшие после мутаций животные обрели подобие речи и выложили в единое информационное поле обращение к человечеству. Поднялся скандал, и под влиянием общественности каргов изъяли из лаборатории и перевезли на одну из незаселенных планет Галактического союза. Некоторое время об их жизни на планете вещали каналы видео, защитники животных следили за тем, чтобы поголовье не сокращалось, каргам возили корм и прививали от болезней... Пока в одну ночь самцы не напали на поселение тех, кто так ратовал за их освобождение и свободную жизнь, и не сожрали ученых, прежде чем подобралась к кормам. На этом история не закончилась — полуразумные животные оценили вкус человеческого мяса и оказались вполне способны управлять кораблями. Естественно, бунт подавили, но еще несколько лет никто не впускал на борт корабля защитников животных, какие бы сигналы

о спасении они ни посылали. Ведь карги оказались весьма хитры — они покидали планету, отлетали подальше, начинали дрейфовать и гнали в космос сигнал спасения на всех частотах. Когда их впускали, вели себя тихо и нападали обычно со спины. Сердобольные выживали редко. И в целом в рукопашной схватке с каргами шансов у обычных людей практически не было в силу незнания некоторых особенностей этих животных — каргов можно было убить только ударом в шею, исключительно в одно место, добраться до которого было затруднительно из-за наличия у самцов очень внушительных клыков.

Но для меня это проблемой точно не было, спасибо мастеру Лоджену.

«Киран, вверх!» — скомандовал Эран.

Пока я рассматривала каргов, он рассмотрел помещение, видимо, увидел что-то. С трудом подавила улыбку — вверх мне смотреть было некуда, мне бы эенг сюда или палку длиной в полметра. Стараясь не выпускать животных из поля зрения, огляделась — здесь когда-то был склад, виднелись части поломанной деревянной мебели и несколько длинных ржавых гвоздей. Не полметра, но мне... хватит.

«Киран! — прошипел воин. — Вверх, там ниша. Отсидишься там. Киран, вверх! Не смей вступать в схватку!»

Отсиджиться в нише не было никакого желания, против этого восставала вся моя гордость. Ко всему прочему, эти уже начали бой, то есть сами наравались. И теперь я внимательно изучала противника, готовясь не просто дать отпор — поубивать к бракованному навигатору!

— Она нас видит, — заговорил вдруг один из каргов.

— Отчетливо, — подтвердила я, делая плавный шаг в сторону.

Они напали разом, помчавшись, как четыре торпеды, — не знаю почему, но целая и здоровая я им была не нужна, а вот живая точно — самцы не пускали в ход клыки и не смогли использовать свое преимущество — мое чересчур длинное платье. И я смогла уйти от столкновения, отпрыгнув в сторону, а затем еще прыжок, и гвозди оказались в пределах моей досягаемости. Следовало бы еще укоротить платье — но карги народ подвижный, на свободные пару секунд рассчитывать было глупо.

Первого зверя я достала стандартным приемом — нападение, захват-удар. Не промахнулась, но гибнущее животное протащило меня на себе через весь склад, и в стену мы врезались оба. Я поднялась, карг остался сотрясаться в агонии — трое еще живых стали осторожнее.

«Киран, я прошу тебя...» — судя по тону, Эран вообще прибег к просьбе впервые в жизни.

Не ответила — у меня оставался один гвоздь, трое противников и ни секунды времени, чтобы выдернуть второй гвоздь из гибнущей туши, потому что карги действительно отличаются умом — они разделились. Двое начали двигаться в предсказуемом стремлении зажать меня в тиски, третий медленно отступал...

«Будет удар сзади», — внезапно почти безжизненно произнес воин.

Я не была с ним согласна, так как сзади находилась стена. И все же Эран оказался прав — разбежавшись, карг вскочил на стену, промчался по ней, несколько скачков, и попытался ударить мне, не ожидающей подобного, в спину. Едва успела уйти от удара и чуть не попала под копыта бокового карга. Быстро действуют, слаженно, но совершенно не способны предугадывать последствия собственных атак. Я не стала уходить от удара карга справа, даже понимая, что травма неизбежна, я лишь смягчила удар, крутанувшись в момент столкновения, шаг навстречу нападающему слева — перехватила в движении и перебросила, используя исключительно силу его движения, на клыки остановившегося карга справа. Животные грохнулись на пол, я нанесла удар правому, добила порывающегося высвободиться левого.

«Хорошая техника, — хрипло похвалил Эран, когда я рывком выбралась из-под медленно заваливающейся туши. — Но у тебя перелом бедра».

На самом деле только ушиб, но ответить я не могла — третий карг, склонив голову к земле и роя копытом камень, утробно зарычал.

— Классный рык, — я улыбнулась, — здоровский такой.

Зверь издал хрип, а после сообщил знакомым мне голосом:

— Непривычное тело, в твоём мне будет куда удобнее.

— Ну что ты, — я нагнулась, выдернула гвоздь из подышающего животного, — прекрасно выглядишь. В тему, я бы даже сказала, сразу видна вся скотская сущность.

Шейс зарычал, но не сдвинулся с места — видимо, он, как и Эран, решил, что после удара у меня что-то сломано. Усмехнувшись, плавно отошла от двух уже трупов, развела руками, демонстрируя, что я в полном порядке. Карг продемонстрировал весь набор зубов, но нападать не спешил. Мне это было на руку — я с трудом восстанавливала дыхание.

— Так, значит, вы и в животных вселяетесь, — стараясь не показать, что в голове шумит, поинтересовалась я.

— Когда нет выбора, — прошипел шейс.

— А что, действительно выбора не было? — Мне бы сесть сейчас, но стою, стараясь не шевелиться.

— Не оставили! — рыкнул карг. — Разрыв связи при внедрении — убийственен, Киран, дочь Киары.

Я осторожно попятилась назад, до упора о стену, прислонилась, давая отдых телу, пусть небольшой, но в данной ситуации значительный, прокрутила в голове сказанное тенью и поняла — он ослаб. Ослаб и потому в меня сейчас вселиться не может, силенок не хватит, и стало ясно, к чему это показательное избиение. И поняла, что нужно потянуть время, еще чуть-чуть, пока не перестанет кружиться голова.

— Значит, питаетесь каргами, — медленно проговорила, стараясь незаметно перенести вес на не пострадавшую ногу.

— Слабая замена человеческому мясу, — ответил шейс, — но на короткий срок приемлемая.

Маленькие круглые глазки зверя следили за мной с нескрываемой ненавистью. Это хорошо, это правильно — ярость противника оборачивается против него же, в бою нужен только холодный рассудок, и потому я не буду думать о его последней реплике. Не сейчас.

— А почему в другую жертву не вселился? — иронично поинтересовалась я, чувствуя, что слабость медленно отступает.

Не то чтобы совсем ушла, но для нападения мне теперь сил хватит.

— Другую жертву? — Шейс в теле карга издал хрип и прошипел: — Думаешь, так просто вторгнуться в чужое тело?

Думаю, самое время напасть. Мне многого не надо, выводы я уже сделала — шейс боится атаковать и готов разговаривать, лишь бы не нападала я. А разговоры... полагаю, не я одна тянула время, вот только мне помощи ждать неоткуда, а шейсу... Шейс уже дожидаться не успеет. Не двигая головой, чтобы не выдать себя, торопливо осматриваю помещение — выход здесь всего один, значит, туда он и метнется. Метнется, как только решит, что я готова к бою.

А я готова!

Обманный бросок в сторону карга, и он срывается на бег к выходу, стремительный и быстрый! У каргов ограниченный обзор, происходящее за спиной они не видят, и потому бросившийся наутек шейс так и не понял, что я мчусь не за ним, а наперерез. И когда почувал неладное, было уже поздно — прыжок сверху, удар ногами по толстой спине животного, и потерявший равновесие зверь повалился на пол, а подняться я уже не дала — вонзив гвоздь между ребер. Сразу же, не выдернув гвоздь и не нанося фатального удара, я откатилась в сторону.

Вовремя!

Изо рта раненого животного послышался сип, а затем над ним

взметнулась тень. Всего на миг! Она возникла темным призрачным пятном, а после повалилась на пол, как вполне живое и подверженное закону притяжения существо. Огромные когти заскребли по камню, дикий вой разнесся под потолком, а после шейс с трудом поднял голову и ненавидяще посмотрел на меня.

— Катись в космос, — совершенно спокойно пожелала ему.

С содроганием осознавая, что убиваю впервые в жизни. И этих животных, и шейса. Это ведь не бой в симуляторе и не андроиды для тренировок. И на моих руках кровь, настоящая, уже липкая кровь, и от этого словно черная дыра разрастается внутри. Меня не учили убивать, десант — да — они с подготовительных курсов птицам головы отрывают, чтобы смерть была обыденна, действительно на уровне привычки. А я вообще никогда не должна была увидеть кровь на своих руках!

Ничего, справлюсь, я сильная.

Поднялась рывком, прошла по этому подземному складу, нашла разбитое стекло, выбрала осколок покрупнее, надрезала платье и безжалостно оторвала весь подол, оставив рваную юбку где-то выше бедра, где-то ниже. Порвала отрезанную ткань надвое, первым куском стерла кровь каргов, второй пошел на перевязку собственных ран. Одна, внушительная, была на бедре — зверь задел клыком, вторая чуть выше локтя на левой руке — содрала кожу, когда волочилась вместе с первым каргом по полу.

Потом почему-то села, обняла колени руками и несколько секунд пыталась справиться с накатившей апатией. Меня трясло и трясло все сильнее. Убивать — это сложно. Очень сложно. Я к такому оказалась не готова. Психологически не готова — знания есть, умения и навыки выработали, а психологической подготовки никакой.

Но жалеть себя времени не было. Поднялась, подошла к умирающему зверю — шейс темной призрачной субстанцией лежал без движения, но я не подходила ближе, что-то останавливало, а карга следовало добить. Он сейчас был собой, то есть просто полуразумным животным, и потому, кося на меня глазом, тихонечко взвизгнул, и я подумала, что не справлюсь. Но отошла, нашла длинную доску, выдернула из первого карга гвоздь, обрывками своего платья привязала его острием вверх к доске, направилась к животному.

Тихий тоненький визг, хриплое «Нет» от шейса, и мой точный удар.

Уходя, я не оборачивалась и думала только об одном — когда стану капитаном, плакать будет запрещено, тогда я не позволю себе ни единой

слезинки, а сейчас это просто усталость, и... и я оказалась не готова убивать. Совершенно не готова, значит, плакать можно, наверное. Хотя бы чуть-чуть, выплескивая это жуткое ощущение крови на своих руках...

На выходе из склада я остановилась, разглядывая окрестности огромной пещеры. Не знаю, что за «прибор ночного видения» внедрил в меня Эран, но я отчетливо видела в крошечной мгле и могу поклясться, здесь действительно темно — растущие по стенам чуть фосфоресцирующие грибы тому прямое доказательство.

Забавненько.

На движение километрах в трех к северу я среагировала тоже подозрительно быстро. Прищурилась — и изображение четырех направляющихся в мою сторону эйтн мгновенно увеличилось. Бракованный навигатор! Я испуганно моргнула, и все исчезло, то есть зрение вернулось к прежнему созерцанию пещеры. Выдохнула медленно, спокойно, вновь сосредоточилась на движении, которое почему-то отчетливо ощущала, картинка увеличилась, и увеличилась сильнее, едва я чуть сильнее сощурилась. Да, эйтны, четыре, на летательных платформах. Рассмотрела и скудный груз на одной платформе — наручники, веревки, какие-то ампулы.

Кажется, это за мной.

А у меня нет оружия. Здорово, будем импровизировать. Стремительно огляделась — нет, можно было вернуться на склад и поискать еще гвоздей, но даже представлять не хочу, что придется вонзать ржавое железо в человеческие тела. Хорошо, пусть не совсем человеческие, но я четко осознала — не смогу. И потому сосредоточила внимание на камнях, их здесь было немало. Оглянулась — метрах в сорока от земли в скале имелась расщелина, в ней пещера, а рядом площадка, тоже естественного происхождения, вполне способная вместить троих, не то что одну меня.

Развернувшись, пробежалась до стены и начала подъем. Вздвигаться было несложно, сорвалась всего раз, и это подстегнуло двигаться быстрее. Вскрабкалась на площадку, залегла в нише, скрываясь от глаз подлетевших эйтн, и, приставив два пальца к шее, мысленно позвала:

«Эран?»

Тишина, затем странный голос:

«Гарданг. Слушаю, повелительница».

Ничего себе.

«Гарданг? — переспросила осторожно. И не дожидаясь ответа: — А Эран где?»

Секундная пауза и рычащее:

«Сейчас будет у вас».

«Зачем?» — искренне удивилась я.

И тут что-то прогремело внутри склада. Громыкнуло знатно, а после я услышала:

«Да, Гарданг. Вышла на связь?! Киран, ты меня слышишь?»

«Отчетливо», — призналась я.

«Состояние?»

«Чье?» — не поняла я.

«Твое! — рык. А после: — Где ты?»

И хотя я уже начала догадываться, где затесались некоторые синеглазые, громыкание внутри только что покинутого мною склада было весьма красноречивым, все равно спросила:

«А ты?»

Но вместо вменяемого «расколошматил, к навигатору, стену и пришел тебя спасти» услышала взбешенное:

«Где ты?!»

Внизу снова грохот — видать, меня ищут. И, не удержавшись, ехидно сообщила:

«Я на курорте, лежу на берегу моря в дико откровенном бикини, строю глазки всем проходящим мимо особям мужского пола».

— Что?!

Кстати, вопль я услышала вживую, ага. И он разнесся эхом под сводами пещеры и заставил затормозить подлетающих эйтн. Те оказались сообразительными — сначала остановились, а после развернули летательные платформы и давай драпать на увеличенной скорости. Это они зря, воины на ускоренное движение реагируют быстрее.

— Взять! — раздался приказ вышедшего из склада Эрана.

Он вообще сейчас здорово смотрелся — спина широкая, руки могучие, шея накачанная, светлые волосы в серой пыли, видимо, раскрошил скалу знатно. Я любовалась несколько минут, пока рванувшие бегом за эйтнами воины не перехватили черномотанок практически в полете. Красивое было зрелище — вот светловолосые несутся по пещере, перепрыгивая через камни, затем слаженно взмывают вверх, и серебряные диски вспыхивают уже в воздухе, а у эйтн не остается ни шанса на спасение. Красотень. Вообще шикарно сработано, и все бы ничего, но тут я отчетливо слышу:

«Повелительницы нет».

И взбешенное от Эрана:

— Киран!

Стоит ли удивляться, что после такого я осторожно отползла подальше

от края площадки, только бы меня никто не увидел.

«Где ты?» — раздалось уже по внутренней связи.

«Сваливаю», — честно призналась я.

«Что?» — не поверил в такую наглость повелитель Иристана.

«Сваливаю, — терпеливо повторила я. — Ты злой и страшный, а еще тиран, деспот и меня к маме не пускаешь. Так что я сваливаю, Эран, а ты займись самовоспитанием, вот».

У меня почему-то настроение стало такое потрясающее и вообще здоровское! Одна проблема:

«Икасика верни, а?» — попросила я.

Тишина.

«Ладно, сама заберу, — решила я. — Все, любимый, пока».

А сама даже не пошевелилась. Нет, я бы с радостью смылась в этот самый миг, но после обретения странного зрения отчетливо поняла: малейшее движение — и меня засекут. Прищурилась, вглядываясь в группку эйтн и воинов, и картинка тут же стала ближе, отразив обыск содержимого ящика с ампулами одним из таров. Потрясное зрение! И никаких биноклей не нужно.

«Кира, — судя по голосу, Эран прилагал титанические усилия, чтобы не срываться на рык, — я разрешу тебе видаться с матерью».

Не удержавшись, ехидно ответила:

«Спасибо, в разрешениях не нуждаюсь, предпочитаю все себе разрешать сама».

Пару секунд казалось, что после этого тут все ломать и крушить начнут, но в пещере царила тишина, вследствие чего я осторожненько подползла к краю площадки, глянула вниз и... увидела ноги, на уровне собственно моих глаз. Медленно подняла голову, посмотрела на разъяренного Эрана, зависшего на серебряном диске в метре от меня, и удивленно спросила:

— А как?

— Ночное зрение, — холодно ответил Эран. — Ты не отключилась во время разговора.

М-да, косяк. С другой стороны, теперь буду знать.

Кстати, о знании:

— А как сюда пробились?

На лице воина отразилась судорога, и Эран хрипло сказал:

— Даже не спрашивай.

— Не буду, — согласилась я.

Затем поднялась, потянулась, растягивая мышцы и позвоночник,

улыбнулась взбешенному Эрану и сделала шаг назад. Эран прищурился. А я снова шагнула назад.

— Провоцируешь ведь, — хрипло произнес воин.

Улыбнулась, весело подмигнула Эрану, крутанулась и прыгнула вниз. И почти сразу ухватилась за выступ и, не раскачиваясь, швырнула свое тело в пещеру.

— Киран! — взревел повелитель Иристана.

А я окончательно колени ободрала и ладони тоже при падении, но все равно вскочила и бросилась к расщелине. Потому что каким-то своим эйтновским, что ли, чутьем ощущала там очередной пространственный портал, как тот темный, через который проходила, впервые спустившись подземелье.

Не ошиблась.

Призрачная пленка пропустила меня и отсекала рванувшего за мной Эрана. В голове мгновенно раздалось:

«Послушай, женщина, мое терпение закончилось!»

Стоя в тускло освещенном коридоре из синих кирпичей, я только и могла сказать, что:

«Вау, серьезно?»

Тишина в ответ.

Шагнув по земляному полу, я начала медленно двигаться вперед, готовая в любой момент спрятаться, а потом прямо спросила:

«Эран, а чего ты вообще ждал? Что я вернусь обратно к тебе? Не спорю, „утолять голод“ с тобой просто потрясающе, но он ведь рано или поздно утолится, а дальше что?»

Вообще дальше был тупик, поэтому я свернула в очередное помещение из красного кирпича и пошла вдоль стены, продолжив разговор:

«У меня другие планы на будущее, Эран. Вообще другие. Ко всему прочему, давай откровенно — ты обманом заставил меня принять твой дар жизни, причем конкретно так провел. Думал, я не устрою скандала? Зря. Нет, скандала, конечно, не было, но не потому, что я тебя простила, а потому, что собиралась свалить при любом раскладе».

И вот тогда прозвучало глухое:

«С Иристана тебе не выбратся».

«Да ладно, я прекрасный пилот, могу и сама взлететь, если пассажиром не возьмут».

«Ты не найдешь ни одного свободного корабля».

«Ой, да не скажи, карги же на чем-то прилетели, — коварно ответила я, — так что один свободный кораблик я точно откопаю».

«И во вселенной тебе не скрыться!» — судя по голосу, он был в бешенстве.

«А на Гаэре действует программа защиты», — нагло сообщила и остановилась.

Потому что впереди снова был тупик. Такой тупиковый тупик, заложенный красным замшелым кирпичом. Я его даже потрогала — тупик. Немного поразмыслив, я прищурилась, перестроив свое зрение на манер таров, вгляделась в стену и...

Все изменилось.

Стены не было. Кирпичей не было. Света толком не было. Не обтесанная — оплавленная скальная порода, причем оплавленная так, что я, оказывается, шла не по ровному земляному полу, а по потекам, по которым вообще так просто не пройдешь, местами и прыгать нужно.

«Загадка мироздания...» — задумчиво сказала я. Причем Эрану сказала.

«Покажи», — холодно потребовал он.

«Как?» — Мне действительно стало интересно.

«Пальцы к вискам». — А злой до взрыва сверхновой.

«Слушай, как-то странно у вас с пальцами — приложил к шее — внутренне заговорил, приложил к вискам — все всем показал... Пугающая тенденция, не находишь?»

Тишина в ответ, ну я и не стала ему показывать. Двинулась вперед, перескакивая с одного оплавленного камня на другой... Не удержавшись, упала, зашипела от боли и...

Все изменилось.

Я встала уже с земляного пола, оглядела коридор, синие кирпичи, узкие проемы без дверей, ведущие в помещения, отделанные красными кирпичами... и происходящее резко перестало мне нравиться.

«Эран, а как вы меня нашли, а?» — спросила осторожно.

«Определили точку выхода, нашли ближайшую на поверхности. Вылетели на место, провели серию направленных взрывов, запустили бур», — ответ был четким, фразы отрывистыми.

Злится.

«А мне карту можно?» — вообще чуть не прошептала.

Тишина, затем хриплое:

«Ты сейчас у центра ядра планеты».

«Не пробурить, да?» — решила я повредничать.

«Время», — просто ответил Эран.

«То есть уже бурить начали?» — не поверила я.

«Уже вылетели к экватору», — взбешенно ответили мне.

«А-а...»

И я остановилась, а потом подумала и направилась в обратном направлении, размышляя, как бы отключиться от Эрана. И главное, от его карты. Шею потеряла, виски тоже потеряла, макушку почесала и, не прикладывая пальцы к шее, позвала:

«Эран?»

Тишина. Может, и получилось — а я сорвалась на бег.

Вернуться к исходной точке трудностей не составило, у меня с ориентированием вообще проблем никогда не было, и, шагнув к стене, которая внешне была непроходима и непоколебима, я вышла к пещере. Той самой. Прокралась к выходу, огляделась — пещера была пуста, причем совершенно, за исключением четырех брошенных летательных платформ.

Спустившись вниз, пробежалась до платформ, выбрала из них наименее пострадавшую, вспомнив слова Нрого, вошла в управление и задала формат полета — ручное управление. Затем самым вандальным образом выломала панель управления из ближайшей платформы и долго искала карту. Нашла в двести четырнадцатом пункте меню, в очередной раз прокляв заумные технологии Иристана. Ну, бракованный навигатор, ну неужели нельзя было все проще сделать! Но в итоге у меня была карта, судя по которой, я находилась в южном полушарии, ближе к южному полюсу. То есть теоретически наверху должен был быть снег.

Закрепив панель с картой на поясе, я направила платформу вверх на максимальной скорости.

Минут через сорок стало ощутимо холодать, еще минут десять я кружила по пещерным ходам, которых в потолке пещеры оказалось множество. В шестом по счету нашлась расщелина, сквозь которую действительно показался заснеженный пейзаж. В общем, я поняла, что карта рабочая и я все настроила правильно, после чего полетела вниз, попутно терроризируя панель управления платформы на предмет возвращения в исходную точку полета, то есть мне надо было туда, откуда эйтны прилетели.

И даже получилось. Следующий час платформа плавно несла меня над руслом подземной речки, над развалами обрушившихся в подземелье скал, меж сталактитов и сталагмитов, образующих причудливые пейзажи...

А потом влетела в черную призрачную пленку.

Я мгновенно сверилась с картой, и, оказалось, что нахожусь уже в северном полушарии, где-то в степях, точнее, под ними. Судя по карте, впереди имелось и море... Причем вот контуры мне как-то очень знакомы

оказались, ну вообще как-то. И город, по очертаниям напоминающий меч... Вот по городу я и сообразила, что нахожусь на исторической родине. А когда платформа полетела над гротом, в котором все шипело, сомнений уже не осталось, и я свернула к стене, точно помня, что где-то здесь есть вход в убежище Накара.

Нашла минут за пять!

Подлетела, набрала код на двери и едва не затанцевала от радости, когда дверь открылась.

А вот внутри все оказалось не столь радостно — пусто, разгромлено, перевернуто вверх дном. Да, обыск тут провели, не щадя ничего. Оставив платформу у двери, я пробежалась по коридору до медотсека — его не тронули. Раздевшись, стерла с себя кровь и забралась в гелликс, поставив программу максимально быстрого восстановления. Кайф.

Выбравшись, нашла комнату у моря, в которой в прошлый раз спала, здесь в шкафу для меня имелась одежда, еще с того раза заготовленная Накаром, и я очень надеялась, что в кухне найдется что-нибудь съестное. Просто после гелликса голод не шуточный просыпается.

Надеялась не зря — кухню тоже не громили, так что я поставила завариваться кофе и открыла холодильник. Из съестного — черствый хлеб и пара огурцов. В моем положении выбирать не приходилось, съела, что было, захватила кофе и отправилась искать комнату связи.

Зря, тут вообще ничего не оставили, что стало ясно еще на подходе, потому что провода и детали устлали пол нехилым слоем. И все равно подошла, остановилась на пороге, оглядела покореженное оборудование и увидела несколько сломанных сейфов, грудой валяющихся в углу. А мне, кстати, большего и не надо было.

Около часа я потратила на то, чтобы из шести сломанных собрать один рабочий. Результат, конечно, был далек от совершенства, но на связь устройство вышло, а едва я вбила параметры, на экране отобразилось неверящее собственным глазам лицо Исинхая.

— Кира? — потрясенно спросил он.

— Здравов, шеф, — весело ответила я, потянувшись к давно остывшему кофе.

Не допила просто, села разбираться с сейрами и забыла.

— Кира, ты где? — тут же спросил Исинхай.

— В берлоге Накара. — Я вообще была очень рада видеть шефа и улыбалась не переставая. — Кстати, зачем вышла на связь, шеф, мне бы оружие.

За что люблю Исинхая — соображает он быстро, и потому следующим

вопросом было:

— Взрыв, убийства?

— Взрыв! — При воспоминании об убийствах меня передернуло. И кофе я не допила, вдруг такое ощущение возникло, словно у меня снова кровь на руках.

— Взрыв, значит. — Шеф пристально посмотрел на меня. — Киран, с матерью связывалась?

— Сразу после вас свяжусь, — заверила я.

Исинхай криво улыбнулся, потом приказал:

— Покажи, где ты.

Подняла сейр, давая обзор шефу.

— Стены не громили, — после недолгого изучения сделал выводы он. — Иди на кухню, двигай холодильную установку, там панель. Код — год восстания шахтеров на Старжи. Второй код — взрыв сенаторского корпуса в Алтари. Третий — Танаргская военная революция. Сразу не входи — двенадцать секунд ждать нужно. Вопросы?

— Пасибки, шеф.

— Удачи, пантеренок, — усмехнулся он. — Расскажешь потом старику, где, чего и как.

— Обязательно, вы оцените, — заверила я, поднимаясь.

И вот еще одна черта шефа — с расспросами не лезет, понимает, что любой разговор — потерянное время.

Только предупредил:

— А с матерью не связывайся, ее пасут.

Нахмурившись, кивнула и, вырубив сейр, пошла на кухню.

Холодильная установка сдвинулась раза с третьего — пришлось рычаг искать, потом ввела последовательно три кода на бумажном календаре, обнаружившемся на стене. Естественно, бумага была только на вид всего лишь бумагой, на деле, едва я ввела последний код, стена щелкнула и разъехалась, открывая ступени, ведущие вниз. Терпеливо отсчитала положенные секунды и только после спустилась.

Свистеть от восторга я начала, еще даже не охватив взглядом все имеющееся здесь богатство, — а покидала склад, едва дыша и проклиная собственную жадность, но каждый кадет Космического университета точно знает — взрывчатки много не бывает. Личного состава, продовольствия и даже топлива перебор случается, но вот взрывчатка — это святое.

Свой «святой» груз я с трудом дотащила до платформы, зафиксировала, установила режим полета «продолжить маршрут в исходную точку» и приготовила сейр. С мамой все равно хотелось

связаться, просто риск следовало минимизировать. Так что я ждала, терпеливо ждала, пока впереди не покажется еще одна черная призрачная пленка, и прямо перед ней, остановив платформу, я торопливо набрала код.

Ответ пришел не сразу, а когда засветился экран, я увидела раскосое лицо Нрого.

— Привет, мам, — ехидно поздоровалась с тар-эном.

Усмехнулся, учтиво склонил голову и произнес:

— Приветствую, принцесса Киран.

— Здравов, Нрого, — весело ответила ему.

Где-то рядом с ним, или в нем, были тени, и вот с левым я бы пообщалась с огромным удовольствием, а правому надо было бы сказать:

— Там у Эрана Икас остался, заberi, а? А то вдруг его хейры обидят, — попросила я.

Нрого вздернул бровь и повторил:

— У Эрана остался Икас... А Кира не осталась?

— Нет. — Я улыбнулась. — Так мама где?

— Эйтна МакЭдл прибыла, — задумчиво ответил воин. — Странные дела творятся, Киран, правящий клан начал уничтожение связующих. Разрушаются храмы, эйтны, что спастись не успели, схвачены. Хассараты готовы поднять оружие.

И он выжидающе посмотрел на меня. Я на него. Нрого на меня, чуть прищурившись.

— Картинку приближаешь? — догадалась я.

— Что? — не понял воин.

— Ты глаза прищурил, — пояснила, — значит, изображение приближаешь, чтобы рассмотреть лучше.

И взгляд Нрого изменился мгновенно. Он пристально посмотрел на меня и задал неожиданный вопрос:

— Ты стала Аэ?

— Чего? — удивилась я.

— Это способность Аэ — видеть близко без приборов.

«Ого!» — только и подумала я.

— А у них много способностей? — Любопытство во мне неистребимо.

— Разве это имеет значение, если учесть, что таров — мало?

— А тар-энов кипец как много, — догадалась я, на что намекнул Нрого.

Вот, космос, неужели будет война?!

Перестук каблучков, и я по звуку узнала легкую мамину походку, затем картинка дернулась, видимо, воин передал сейр, и я увидела маму.

— Пантеренок, — прошептала она.

— Привет, мам! — Я заулыбалась.

Тут Нрого широкой ладонью накрыл сейр и что-то явно сказал маме, потому что когда убрал руку, я увидела растерянный мамин взгляд, затем прозвучал и потрясенный вопрос:

— Киренок, ты... ты приняла дар жизни повелителя?

Вот морда узкоглазая, все с ходу и выдал!

Скривившись от осознания, что я в очередной раз дура, нехотя ответила:

— Ну не то чтобы приняла, мне его впарили под видом расширения эротических горизонтов...

— Как? — разъяренно воскликнула мама. — Как ты могла?!

Начинается.

Устало вздохнув, раздраженно пояснила:

— Ситуация была к отказам не располагающая...

— Это как? — Мама откровенно злилась.

— Ну что значит как? — в свою очередь, начала злиться я. — Мам, учитывая, что ты меня родила, сама должна быть в курсе, как и что, вот. И тему закрыли.

Выпалила, а глаза опустила и на маму не смотрю. И она молчит. Я так остороженько одним глазом глянула — мам глядит на меня суженными зелеными глазищами и злится. Конкретно так.

— Что? — не выдержав, спросила я.

— А ничего, только теперь повелитель Иристана всегда, я повторюсь — всегда, Киренок, будет знать, где ты находишься и что чувствуешь.

Ничего себе...

— А я тоже буду? — спросила заинтересованно.

— Нет, — прошипела мама, — связь в одностороннем порядке.

— А-а, типа очередная иристанская дискриминация, — догадалась я.

Мама кивнула.

А затем куда-то пошла и, видимо, отойдя от Нрого, начала говорить:

— Твоя бабушка здесь.

О, неужели тень позволила ей повидаться с дочерью, или это очередной ход в игре шейсов? Вообще, чем дальше, тем больше бесят они меня.

— Иристан практически в состоянии войны, — продолжила мама. — На востоке твой отец...

— Не называй его моим отцом! — нервно потребовала я.

Мама кивнула и продолжила:

— Агарн собирает войска, на его сторону переходят многие хассары.

Папандр успокаиваться не желает. И да, мне вдруг стало интересно:

— То есть хассар Айгора готов выступить против правящего клана?

— Нет, Киренок, ты не поняла, — мама выглядела очень серьезно и как-то расстроено, — после того как ты уничтожила все, что создал Агарн, хассаром Айгора стал глава рода МакОрат.

— Ну да, дедок, помню, — сухо сказала я. — И он тоже присоединяется к восстанию?

— Нет, он нет, — странная улыбка, — он слишком доволен новой должностью, чтобы потерять ее, и потому целиком и полностью на стороне Аэ.

— Коварный деда, — протянула я, — вот он сразу мне и не понравился, а когда ударил в живот, понравился еще меньше. Мам, а бабушка у тебя зачем?

И вот тут Киара МакЭдл остановилась, огляделась по сторонам, затем прислонилась спиной к стене и тихо сказала:

— Не могу отделаться от ощущения, что это не она... — И взгляд ее стал растерянным. — Я уже ничего не понимаю, Кира, какие-то интриги, ходы, планы... Я говорила с Нрого и поняла, что направила тебя в Шоданар в тот единственный день, когда там был повелитель Иристана. Понимаешь? А он, — голос мамы сорвался, — он был там по просьбе эйтны МакВаррас, якобы чтобы не оскорбить род МакВаррас игнорированием состязаний воинской доблести, но сама уважаемая эйтна этого разговора не помнит.

Потрясенно молчу, глядя на маму, она едва слышно продолжила:

— Иристан — как же я ненавижу эту планету, где у всего не двойное, тройное дно и правда как песок — ее невозможно удержать в руках. Я запуталась, Кира, я уже ничего не понимаю. Я всегда верила словам матери, верила беспрекословно, а сейчас слушаю ее и ловлю мелкие несоответствия и больше... не верю.

Последнее слово — стон.

— Я была уверена, что повелитель тебя не тронет, — судорожный вздох, — уверена, Кира. У него нет эйтны, нет, понимаешь. А без эйтны слияние — яд, убивающий женщину очень быстро. Они же тар-эны, Киран, они симбионты, в них инопланетный ген, уничтожающий иммунную систему крайне стремительно.

Молча смотрю на маму и понимаю, как многого она не знает. Во-первых, Эран не тар-эн, он просто тар, то есть там не ген, там он весь инопланетное создание. Во-вторых, как-то покорила меня эта безусловная вера в то, что без эйтны женщина сто процентов сдохнет сразу

после секса. Я не сильна в теориях мировых заговоров, но как будущий капитан заговор среди личного состава определить смогу. Так вот — незыблемая вера в незаменимость эйтн как-то слишком уж была незыблемой. При всем при этом никак не могу отделаться от мысли, что неиристанки, массово проживающие в квартале развлечений, вовсе от интима с тар-энами не страдали. Более того, я отчетливо вспомнила разговор с Джем на кухне у Накара перед гонками на лемаках и ее слова: «Воины — они какие-то особенные, и семя у них не только живучее, оно и женщину меняет. На моих глазах тридцатилетние, что начинали спать с тар-энами, стремительно молодели — месяц, другой, и им уже не дашь больше двадцати». То есть одним яд, а другим — плюс к здоровью и молодости... Странно, очень.

А потом я вспомнила, что было между мной и Эраном всего часов пять назад. У нас же все было, причем несколько раз, а результат? Да, мне немного не по себе было вначале, слабость странная, и вообще голова кружилась... как после некоторых прививок в университете! Я ведь и до гелликса с ранами и потертой местами до мяса кожей себя на все сто чувствовала! Я себя действительно превосходно чувствовала и чувствую.

— Кир, — отвлекла меня от размышлений мама.

Подняла вопросительный взгляд на нее и в очередной раз поразилась — мамочка у меня очень красивая и молодая еще совсем. У нее прекрасные волосы, прекрасная кожа, и она никогда не болела... Сравнить с папандровым бегемотом, так вообще небо и земля. И вот любопытно — почему так?

— Мам, извини, — сказала я и вырубилась сейр.

В следующее мгновение я приставила два пальца к шее и нервно позвала:

«Эран».

Тишина, а затем снова:

«Гарданг. Слушаю вас, повелительница... чтоб вас!»

«А что такое?» — мгновенно изобразила я невинность.

«Да ничего! — прошипел неведомый воин. — Будь ты моей дочерью, отшлепал бы зараз... — Он оборвал себя и прошипел: — Простите, повелительница».

Я усмехнулась, а потом даже не знаю почему сказала:

«Когда я была маленькая, у меня папы не было, а у Мики был, так вот он однажды ее отшлепал...»

«Мика?» — переспросил воин.

«Моя подруга, — ответила и поняла, что вообще изливаю душу

непонятно кому. Кстати: — А вы кто? — спросила, добавив в голос подозрительности. — И почему отвечаете за Эрана?»

«Наставник. Эран рос в моем клане после гибели отца. Отвечаю я, так как только у меня, помимо повелителя, доступ к этой частоте мозгового излучения, — хмуро сообщил неведомый Гарданг».

У меня перехватило дыхание и как-то не по себе стало, но я все равно спросила:

«У Эрана погиб отец?..»

«Его убили, — холодно пояснил воин. — Повелительница не пережила его смерти и угасла через несколько лет».

Молчание, а затем этот Гарданг, уже не скрывая злости, спросил:

«Что вы желали, повелительница?»

Чего-то хотела, да, точно... А сейчас стою и думаю, как же тяжело было Эрану. И пусть гибель отца краткосрочное горе, но каково это — видеть, как медленно умирает твоя мама...

Мама! И тут я вспомнила о своей маме и, в общем, о сути вопроса.

«Гарданг, хотела уточнить, вот ваше племя...»

«Клан», — сурово поправил меня воин.

«Угу, — с гордыней у них тяжело. — Вот ваш клан прибыл на Иристан, и что, женщин с вами совсем не было, да? Ну, вопрос не в этом, я просто понять хочу, вы когда местных женщин воровали...»

Однако Гарданг перебил меня спокойным:

«Три клана переселялись на трех кораблях, повелительница. Разведывательный, пассажирский и военный. Разведывательный опустился на поверхность планеты, и спустя несколько месяцев исследований пассажирскому, на котором находились женщины, дети и те из мужчин, кто избрал не военную профессию, были сброшены координаты для посадки. Но при входе в атмосферу корабль по непонятным причинам загорелся. Выжили единицы. Военный корабль приземлился без эксцессов. Таким образом, нас осталась одна двадцатая от первоначальной численности, и женщин среди нас практически не было. Я понимаю, что ваше воспитание дает почву для осуждения наших действий, но когда речь идет о выживании клана, мораль теряет значение. Мы должны были выжить, мы выжили».

Ого...

«А вообще вопрос был не об этом», — честно призналась я.

«А о чем, позвольте спросить, повелительница», — в голосе отчетливо читалось глухое раздражение.

«Зачем вы с шейсами связались?» — прямо спросила я.

Гарданг некоторое время молчал, затем все так же раздраженно ответил:

«Местные женщины гибли, шейсы предложили помощь».

«А откуда они у вас вообще взялись?» — Кстати, да, это был интересный вопрос.

«Находились на пассажирском корабле в тюремном отсеке», — отчеканил Гарданг.

И я так поняла, что разговор ему был крайне неприятен, но я же до самого интересного добралась, ведь по сути:

«Шейсы, получается, погибли, да? Корабль ведь сгорел, да? Как же они к вам пришли?»

На этот раз воин молчал вообще долго, затем нехотя и с глухим раздражением ответил:

«Прошло около семнадцати лет, когда одна из местных девушек пришла к воину сама. Они соединились. Она страдала, как и все, но восстановилась быстрее, однако после, родив дитя, изменилась. Потом в ней заговорил шейс».

«Стоп, — я начала нервно постукивать по приборной панели летательной доски, — вы только что сказали: „Она страдала, как и все, но восстановилась быстрее“, — то есть не все женщины гибли?»

«Сильные выживали, пройдя через мучения», — подтвердил Гарданг.

«Вот атом нестабильный, — выругалась я. — Слушайте, а только мне вся эта ситуация навевает мысли о вирусе, а?»

Воин промолчал, я продолжила:

«Сами посудите — внесение вируса, мизерный инкубационный период, причем период, зависящий от силы воина, а потом, собственно, пик болезни. Сильные выживают, у слабых иммунная система пасует. А дальше что было?»

«Шейс сумел стать полезным, — произнес Гарданг, но теперь без злости, а с какой-то усталостью. — Женщины перестали гибнуть, был заключен договор».

«А в чем состоял договор?» — мгновенно спросила я.

«Основание храма, в который мы перенесли тюремный блок, демонтировав его со сгоревшего корабля. Так тела шейсов обрели захоронение. Позднее эйтны переместили храм в одну из пещер Иристана, мы не отслеживали».

«Почему не отслеживали?» — возмутилась я.

«Повелительница, — прошипел Гарданг, — мы воины, нас не интересуют религиозные отправления иной расы!»

«Да? — язвительно переспросила я. — Слушайте, вот был на Илоте один случай, попавший в анналы всех криминальных сводок. Так вот там один святой отец Космической церкви внезапно стал обрастать прихожанами. Те приходили, слушали, рты разинув, и потом опять приходили, во все большем количестве, потому что своих друзей и членов семьи притаскивали. И жертвовали, жертвовали...»

«Это вы сейчас к чему?» — перебил меня воин.

«А к тому, что правительство Илота тоже оказалось типа воин, и ему было как-то лево на религиозные течения, пока не выяснилось, что во время служб святой отче наркотик распылял, конкретный такой, действенный, вызывающий привыкание с первого раза. Когда же все вскрылось, в наркологическую клинику полтора материка превратилось!»

Тишина, затем хриплое:

«Я понял».

Я тоже поняла, что как-то чересчур увлеклась разговором. С другой стороны, разговор получился содержательным, и я теперь представляла, что примерно искать — храм с куском от тюремного блока, в котором... Кстати, а в котором что?

«Гарданг, — позвала я, — а тела сгорели полностью?»

«Это тюремный блок, повелительница, изолированный тюремный блок, погибли все, но фрагменты тел сохранились, насколько мне позволяют судить просмотренные воспоминания предков, примерно семьсот тел сохранились частично, около четырехсот полностью».

«Что?! — Я просто не верила. — А сколько всего было шейсов?»

«Полторы тысячи, — ответил воин. — Один совершил самоубийство во время полета, остальные на момент катастрофы были живы».

«Спасибо, Гарданг», — прошептала я и обессиленно опустила руки.

Несколько секунд я потрясенно стояла, глядя в черную пленку пространственного перехода перед собой. В голове крутились обрывки слов и почему-то цифры картинками...

Затем вновь прикоснулась к шее и спросила:

«А зачем вы везли с собой полторы тысячи шейсов?!»

И спокойный ответ:

«Шейсы были виновны в гибели членов клана Аэ. По приговору их должны были казнить на могилах тех, кто погиб по их вине. Тела для захоронения также находились на пассажирском корабле».

Рука соскользнула по шее вниз... Полторы тысячи шейсов, чей приговор — смерть. Смерть для всех. Один кончает жизнь самоубийством и... И тут я вспомнила тень. Тень, у которой были ограничения — ведь она

могла входить только через двери, в то время как у теней воинов возможностей было куда больше — левый сквозь стены свободно пролетал. Так вот в чем вопрос — для чего шейс покончил с собой? Не для того ли, чтобы освободиться?! И почему два корабля приземлились, а третий фактически взорвался при входе в атмосферу Иристана? И... И эти шейсы!

Я торопливо включила сейр — мама ответила, и я увидела ее, сидящую на тахте рядом с бабушкой. Они о чем-то говорили до моего вызова, и мама была бледная, растерянная какая-то. Но на маму я глянула только мельком, потому что едва бабушка поймала мой взгляд, ее глаза начали меняться, словно загорелись ненавистью, и я услышала то, что явно не могла слышать мама:

«Ты ответишшь за его сссмерть!»

Я улыбнулась, словно ничего и не было, и попросила:

— Мам, можно мне Нрого на одну секундочку?

Посмотрев на меня с явным сомнением, мама все же передала сейр, и экран отразил раскосое лицо хассара Шаега. Я улыбнулась тар-эну и без лишних слов попросила:

— Запри маму.

— Киран шутит? — хрипло спросил воин.

— Когда-то Нрого сказал, что Киран не дура.

Хассар Шаега ничего не сказал мне больше, я лишь услышала его приказное:

— Взять.

Потом мамин крик и бабушкин, возмущенно что-то требующий. Шум борьбы, рык одного из воинов: «Эйтна опасна». Выстрел. Еще один. Снова крик... бабушкин. И хрип, который издают при вырубавшем ударе в живот. И звук упавшего тела...

Появившийся следом на экране Нрого произнес вроде и спокойно, но я видела, как хищно заострился его нос, когда тар-эн сказал:

— Эйтна МакЭдл хотела убить твою мать.

— Я знаю, — прошептала едва слышно. — Спасибо, Нрого.

Он величественно кивнул, принимая мою благодарность, и задал вопрос:

— Где сейчас, Кира?

Усмехнувшись, едва слышно ответила:

— На тропе войны.

— Эйтну добить? — спросил хассар.

— Нет, пожалуйста, отправь ее к Эрану, там лаборатория, их... — Голос сорвался, потому что я даже толком не знала как, но очень верила,

что их можно вылечить.

И я выключила сейр.

Затем поправила фильтры, вставленные в нос, а то мало ли, вдруг там опять будет кислорода не хватать, к тому же для страховки захватила сонный газ с собой. Потом, размахнувшись, выбросила сейр и на панели нажала «продолжить движение». Платформа плавно вошла в черную дрожащую пленку перехода. Бросив взгляд на карту, поняла, что в единый миг преодолела четверть планеты, а платформа летела все дальше, к следующему переходу.

Он оказался последним, и, пролетев сквозь, я очутилась в крошечной тьме.

Зажмурилась, представила себе взгляд Эрана, как я растворяюсь в его глазах, и распахнула ресницы — теперь мне все видно было отчетливо. Все, включая эйтну, бредущую по тропинке между скалами. И я нажала на «стоп».

Двенадцать секунд на захват пленной, сорок на то, чтобы ее раздеть, сорок пять, чтобы одеться в снятое, минута — затащить связанную эйтну на платформу, две минуты на закладку первых мин и подстройку детонатора.

Самое неприятное — я отчетливо понимала, что многие эйтны погибнут. Оно так — либо ты проводишь операцию по уничтожению, либо по спасению, одно из двух, и не иначе. И все же, продвигаясь к исходной точке, помимо минирования запланированной пещерной площади, мне удалось вывести из зоны покрытия взрыва двенадцать эйтн, что было несложно — погрузка бессознательных тел на их собственные платформы и точка прибытия «Дворец повелителя Иристана», а дальше устройство летело само. И все же это были одиночные эйтны, на группы свыше двух нападать я не решалась, поэтому, пользуясь маскировкой одеяния черномотанок, пролетала мимо, останавливаясь лишь для того, чтобы методично заложить очередное взрывное устройство.

Спустя час подрывной деятельности я увидела храм. Внушительный, желтый от освещающих его огней, по форме напоминающий итонийское строение — резной квадрат по периметру, островерхий сверкающий купол, углы квадрата так же венчают островерхие купола, но значительно меньшего размера, чем основной. Поразило, что все окна оказались слепые, как и массивные двери, тоже являющиеся фальшивкой, вход был всего один, неприметный, сбоку, но именно в него входили и из него выходили эйтны.

И не только!

Впервые увидев рваные движения этого существа, я решила, что мне показалось. Но стоило прищуриться, как я словно стала значительно ближе, и это ничуть не обрадовало! Я вообще едва не свалилась с платформы, инстинктивно дернувшись назад. И только приказав себе собраться, рискнула еще раз приблизить пространство, чтобы рассмотреть его. Существо было черным. Совершенно черным. Две пары черных фасетчатых глаз, вытянутый вверх череп, жуткая пасть с торчащими жвалами, странной формы туловище, прикрытое просторной черной накидкой, которая крепилась у шеи внушительным золотым медальоном, руки тонкие, без рельефа мускулатуры, ноги были скрыты, но вот стопы имели три загибающихся когтя...

До меня не сразу дошло, что я вижу шейса.

А когда осознала, поняла и еще кое-что — это клон. Они использовали сохранившуюся ДНК, чтобы возродить себя. Из храма появился еще один шейс, и еще. И еще четверо. Потянувшись к панели детонатора, не дрогнувшей рукой увеличила силу взрыва втрое. Затем активировала и ионные распылители — уж после них и намек на ДНК не останется.

Еще раз посмотрела на храм. Сверившись с картой, удостоверилась, что летательная платформа несла меня конкретно к нему, то есть именно там находилась исходная точка маршрута. Значит, туда и собирались привезти меня, изрядно потрепанную каргами. Прямо в лапы этих...

Остановив платформу, перенастроила режим управления на ручной и взялась расставлять вторую огневую линию направленного действия, медленно облетая храм и надеясь, что у меня еще есть немного свободного времени.

Время закончилось, когда я охватила 217 из 360 градусов периметра храма. Именно там, устанавливая очередную мину, я и ощутила взгляд. Не знаю как, иногда такое бывает — мастер Илар говорил, что это шестое чувство. Медленно подняла голову, и только тогда шейс зарычал. Такое же рычание раздалось позади меня, а затем от летательной платформы прозвучало «Маршрут завершен». Осторожно глянув, увидела стоящего рядом с платформой шейса, который, видимо, и... завершил программу полета.

Осторожно пошевелила носом, проверяя фильтры — правый не порадовал, травил воздух. И вот это уже совсем нехорошо.

— Киран, дочь Киары, — угрожающе протянул стоящий позади меня шейс. — Киран, убийца Ханнака.

Бракованный навигатор, снотворное я рассчитала на гуманоидов, сработает ли с этими, один космос знает, но рисковать не имеет смысла.

— Ханнак, — я так догадалась, что это была моя персональная тень, — подставился сам. Я его предупреждала, он предупреждению не внял.

Не поднимаясь, оставаясь все так же на коленях, шмыгнула носом, вытерла, как если бы был насморк, поправляя правый фильтр, и активировала шесть ближайших мин.

Заряды сдетонировали последовательно, и над моей головой пронеслась стена огня, узко направленная, четкая, мощная. Я не успела зажмуриться и потому отчетливо увидела, как обугленная половина стоявшего передо мной шейса падает на мелкое крошево пещерного камня. После повалилась и вторая его половина... Кровь у шейса оказалась красная...

Это меня и вырубило.

Несколько секунд, таких важных, я провела стоя на коленях и глядя на красные стекающие капли. Воспоминание о крови на ладонях подорвало мою психику гораздо сильнее, чем думалось, и вскочила я, только услышав приближающийся вой.

Вскочила, развернулась в сторону надвигающейся опасности и застыла...

Так вот у шейсов были самки. Много самок. Сейчас на меня неслась лавина из не менее чем тысячи шейс, но новое зрение реагировало на движение, и я волей-неволей выхватывала сбегających по отвесным скалам четвероногих существ, передвигающихся как пауки, только... быстрее. А еще чем ближе они были, тем отчетливее я понимала — это мутировавшие эйтны. И как-то слишком поздно накрыло осознание — тары не стали бы обрекать на такую мучительную казнь женщин, значит, те полторы тысячи осужденных все были мужского пола. И эти вот тени, они... им тоже нужны были самки, вот для чего мутация — вся эта лавина искореженных монстров, это иристанские женщины!

И я понимала, что нужно двигаться. Прямо сейчас, немедленно. Начать действовать, добежать до платформы, вскочить, взлететь, активировать взрыватели...

Понимала четко, но это были женщины и... у них красная кровь. А еще они жертвы, искалеченные жертвы шейсов...

И у меня ступор.

Отчетливо это осознаю, но не могу пошевелиться. Я уже видела такое у пилота перед тренировочным боем — он застыл, глядя в одну точку, и не реагировал на приказы. Шок, просто шок, перегрузка нервной системы. Капитан тогда влепил ему пощечину, наотмашь, больно. Драс мгновенно

вернулся в состояние повышенной боевой готовности и великолепно отработал летную. Там был капитан Никсон, а здесь его нет, и некому привести меня в чувства.

Одна из самок вырывается вперед, прыжком, приземляется на свои искалеченные, вывернутые мутацией конечности, тянется мордой к трупку шейса, издает утробный рык, вскидывается и припадает к земле, готовясь к прыжку. Она в трех метрах от меня, остальные уже в десяти... Это было ошибкой, начинать операцию без поддержки. Я капитан, я привыкла работать в команде, я не умею рассчитывать операции с расчетом только на одного.

Я не справилась.

Это провал.

Шейса, капая слюной, взвилась в воздух...

И мир словно замедлился. Я видела, как шейса будто пружина отскочила от земли, как отброшенные ее конечностями отлетают камешки, как она летит ко мне, замедленно, словно в кошмарном сне...

Выстрел.

Он прозвучал совсем близко. Шейсу отбросило назад, на подбегающих монстров, а меня резко крутанули за плечо, и я увидела белую рубашку. Больше ничего не видела, только белую рубашку. Повсюду раздавались выстрелы, потом у меня кто-то отобрал панель детонатора, и будто издали услышала: «Хорошо сработано». И воздух начал греметь от взрывов — тары уничтожали первую линию.

А потом Эран обнял, взял за подбородок, заставляя запрокинуть голову, и, глядя мне в глаза, спросил:

— Что, Кира?

Сглотнув комок в горле, тихо ответила:

— У них кровь... красная.

Он нахмурился и хрипло спросил:

— Первый раз убивала?

— Да, — почти беззвучно прошептала я. И добавила: — Я не смогла. Даже пошевелиться. Ступор, и не смогла. Я...

Резко выдохнул, но это было единственным проявлением гнева. А я стояла и осознавала, какое же я ничтожество. Бесхребетное ничтожество. Начала и не справилась. Просто — ничтожество.

Эран молча стащил с моей головы намотанную ткань, потом и все остальное одеяние эйтн, и обнял, и прижал к себе, крепко-крепко, так что у меня от недостатка кислорода голова закружилась, и повелитель Иристана отпустил. А затем начал отдавать четкие приказы своим воинам.

История седьмая: Об эйтнах, шейсах и третьей силе

Тары убивали всех, кроме эйтн. Я в этом не участвовала, сидела в стороне, под присмотром двух воинов, и вздрагивала, когда раздавался очередной выстрел. Просто сидела и смотрела на свои руки... все время казалось, что они в крови.

Даже не знаю, сколько прошло времени, когда кто-то взял и накрыл мои ладони своими, — подняла голову, встретила с синим взглядом Эрана. Он глядел со странным спокойным гневом, как умел, наверное, только он.

— Если бы не кровь, я бы справилась, — не люблю оправдываться, а сейчас занималась именно этим, — и если бы...

Повелитель Иристана улыбнулся. Это была такая нежная, понимающая и в то же время полная затаенной радости улыбка.

— И чему ты радуешься? — враждебно спросила я.

Эран усмехнулся и ответил:

— Ты поняла, что нуждаешься в защите. Я рад.

Достал со своим правом левого трицепса! Подавшись к воину, я отчеканила:

— Не в защите, Эран, в психологической подготовке. Я прокололась только на финальном этапе, в остальном операция практически идеальна и...

— Их еще много осталось, тебе оружие дать? — Синий взгляд стал жестким.

Весь мой запал пропал моментально.

— Женщина не должна убивать, — очень спокойно, но с непробиваемой убежденностью произнес воин, — ваша суть дарить жизнь.

— Шовинист, — хмуро пробормотала я, отвернувшись.

Но Эран сжал мои ладони, нежно погладил, и это его мужское превосходство почему-то больше не раздражало и протестов не вызвало. У него были сильные руки, большие, с длинными пальцами и чуть шершавые. Руки воина.

Где-то вдалеке прогремел взрыв, затем серия. Мгновенно узнала Сайку — SIK580, которые я расставила на территории в пределах километра до объекта. Значит, приступили к зачистке периметра.

— Храм нашли? — тихо спросила я.

— Нашли тюремный блок и тысячу триста сорок восемь шейсов. Живых. Полноценных. Половозрелых. В возрасте от ста семи до пятидесяти четырех лет.

— Должно быть тысяча пятьсот, ровно. — Я встревоженно посмотрела на Эрана.

— Я знаю. — Он поднялся и, так как держал за руки, заставил подняться и меня.

Страшный момент — мне предстояло увидеть гору трупов бывших эйтн, и я струсилась, самым банальным образом зажмурив глаза.

— Восстановлению не подлежат, — проинформировал Эран, — некоторые насчитывали возраст свыше двухсот лет.

Приоткрыв один глаз, недоверчиво взглянула на него и не менее недоверчиво спросила:

— Как узнали?

Воин достал и молча продемонстрировал прибор, напоминающий счетчик для проверки радиации. Не спрашивая разрешения, я выхватила его у Эрана, прошла к ближайшей мертвой шейсе, присела, приставила к ее коже, и счетчик выдал число 320 лет. Вопрос: она бежала быстрее всех в силу возраста? Они что, с возрастом становятся только сильнее?

Шорох камней за моей спиной, затем подошедший Эран мягко забрал у меня прибор, так же бережно заставил встать, развернул к себе лицом и, едва я на него взглянула, произнес:

— Достаточно. Путь подготовлен и безопасен, ты возвращаешься домой.

— Ура! — фальшиво обрадовалась я. — Мы с мамочкой летим на Гаэру.

Губы воина превратились в тонкую линию, глаза тоже недобро сощурились.

От дальнейших разбирательств отвлекло появление третьего участника, и должна признать, он заслуживал внимания — совершенно седой, но до старости ему было о-ой как далеко, как и Нрого примерно, мускулистый, но с какой-то невыраженной мускулатурой, хотя в плечах широкий, почти как Эран, и глаза у него оказались странными — темно-фиолетовыми. И это не было обманом зрения — чем ближе подходил воин, тем отчетливее становилось ясно — его радужка закрывала почти весь глаз, зрачок же был маленьким и вовсе не из-за сумрака в пещере, просто очень маленьким. Воин в черной безрукавке, черных брюках и армейских ботинках приблизился, поклонился мне и обратился к Эрану:

— Повелитель, странное явление, приборы не улавливают. Возможно, если повелительница...

— Нет, — отрезал тар.

Во взгляде воина промелькнуло неодобрение, но еще один поклон, и он отступил.

— А это кто? — глядя в сторону уходящего, спросила я.

— Гарданг, он заменил мне отца, — произнес Эран с таким видом, что я как-то сразу поняла — сейчас от меня отмажутся и пойдут смотреть, чего там такого с приборами.

— А, так это я с ним общалась. — Да, я догадливая.

Между тем шорох камней позади меня продемонстрировал, что к нам идет кто-то еще. Оглянулась — двое таров, то есть фактически мой конвой. С нескрываемым негодованием взглянула на Эрана.

— Ты не готова это видеть, — произнес он.

И в этот момент раздался крик. Громкий, полный ярости и не потревоживший ни единого камешка в пещере. Потому что крик раздался по другой, внутренней связи, и как-то сразу я поняла — Оэн Гер ранен. Ранение смертельное. А следом в сознании пронеслось — темный зал, заваленный костями, двое шейсов — один из которых раскручивал цепь с гроздьё лезвий, второй сотрясался в агонии...

— Оставайся здесь! — приказал Эран и сорвался с места.

Что я могу сказать — тар был бы вполне способен обогнать скоростной болид на старте. Дальше, конечно, победил бы болид, но вот на старте...

Вспышка боли. Острая, четкая. И я снова смотрю на мир глазами погибающего воина. Не знаю, что за связь у них, но уже можно предположить, что убийства нераскрытыми не остаются — потому что то, что я видела сейчас, было последним, что в своей жизни видел тар Оэн Гер. И я отчетливо вижу снесенную стену. Она падает, осыпаясь пылью и кирпичной крошкой, но еще до того, как осколки стены упали на пол, Эран ворвался в помещение. За ним Гарданг и еще несколько воинов. И последнего удара не произошло — цепь перехватил повелитель Иристана, его наставник опустил на колено перед воином и... изображение исчезло.

Я моргнула, настороженно оглядывая пещеру и ожидая, что в следующий миг вновь увижу происходящее глазами умирающего воина. Но вместо этого увидела тени! Сотни яростно мечущихся теней! Их и медленно сжимающийся энергетический контур, который тени, несмотря на все старания, не могли пересечь.

Выглядело жутко!

Жутко настолько, что я сама не заметила, как оказалась за спиной одного из своих конвоиров, и все равно продолжала заворуженно смотреть.

— Повелительница, вас что-то путает? — негромко спросил второй тар.

— Скорее ужасает, — выдохнула я.

Воин мгновенно прижал два пальца к шее, а затем, видимо, получив приказ от Эрана, повернулся ко мне и сказал:

— Вас ожидает экхар.

Ох, не знаю. Менее всего мне хотелось сейчас совершать хоть какие-либо движения — потому что привлекать внимание теней было явно нежелательно.

— Повелительница, — позвал первый воин, тот, за чьей спиной я и стояла.

И в этот миг одна из теней, прекратив попытки пробить контур, стремительно развернулась и взглянула прямо на меня.

Ужас!

Это был просто бешеный ужас!

Потому что стоило этой тени меня увидеть, как вся темно-призрачная масса, как единый организм, в синхронном порыве помчалась на меня...

«Дыши, — спокойный голос в моей голове, — все хорошо, они не способны причинить вред».

Звучало очень успокаивающе, но когда глаза видят надвигающуюся лавиной смерть, одних слов мало. Впрочем, орать во весь голос я не стала, доверилась Эрану, и не зря...

Первую тень размазало по вспыхнувшему в метре от меня защитному контуру тонким воющим слоем. Остальных ждала та же участь, разве что теперь они были скопом.

«Не смотри», — непробиваемое спокойствие Эрана успокаивающе подействовало и на меня.

И я нашла в себе силы отвернуться и, глядя исключительно на камни под ногами, спросить:

«Что с ними будет?»

«Не слышу, — прозвучало в ответ. — Два пальца к шее».

Приставила, погладила шею, убрала руку. Видеть я сейчас тени не могла, но вой слышала отчетливо — кровь стыла в жилах. Бракованный навигатор, я думала, страшнее съемок с мест Хварской катастрофы я уже ничего не увижу. Хотя нет, перегибаю, там было хуже — дети, после просмотра вместо мультфильма выброшенной хакерами в сеть учебной программы десанта набрасывающиеся на домашних животных и рвущие их

зубами, это поужаснее каких-то теней будет.

И, подняв голову, посмотрела на черную массу, целенаправленно загоняемую тарами в центр пещеры.

«Кира», — встревоженный голос.

Приложила два пальца к шее и ответила:

«Все хорошо, я видела вещи и похуже, просто как-то подзабыла об этом на Иристане и вообще расслабилась».

Тишина, затем напряженное:

«Ты видела вещи и похуже?!»

Я решила, что дальнейший разговор не имеет смысла, и потому направилась к своей летающей платформе, внаглую игнорируя конвой. Дошла до платформы, заметила останки шейса... красную кровь, развернулась и глухо сказала тарам:

— Все, уводите меня.

Что примечательно — ни один даже не улыбнулся. Но оба разом пальцы к шее приставили, попереговаривались о чем-то с Эраном и... остались стоять на месте.

— И чего стоим? — возмутилась я.

«Сейчас буду, отнесу тебя сам», — раздался голос Эрана.

Два пальца к шее, и хмурый вопрос:

«Это еще почему?»

«Там бой был, много трупов», — лаконичный ответ.

И я поняла, что после сегодняшнего Эран меня вообще за неизвестно кого принимает. Развернулась, увидела кровь, отвернулась снова и решила, что пусть принимает. С меня на сегодня хватит, а завтра уже буду опять сильная и смелая. Но не сегодня.

Повелитель Иристана появился достаточно быстро, без слов подхватил на руки и взлетел. Глянула вниз, поняла, что он тоже на серебристом диске перемещается, то есть им даже тариге не нужны были, они сами летают вполне себе даже ничего.

— Не смотри вниз, — приказал Эран.

Судя по тому, как быстро мы летели, он спешил вернуться обратно.

— И что там в храме такого? — не удержалась я от вопроса, обняв его за шею и закрыв глаза, потому что уже ни на что смотреть не хотелось.

— Полное подтверждение твоей теории, — ответил воин. — Храм, в котором находился сохраненный тюремный блок, лаборатория, клоны.

— Шейсов?

— Да. На меня сейчас смотри. И только на меня.

Я посмотрела и... засмотрелась. Суровое сосредоточенное лицо,

взгляд, устремленный вперед, сжатые губы, обозначившиеся скулы... неожиданно мелькнувшая улыбка.

— И чего ты улыбаешься? — поинтересовалась я.

— Сложно дать четкий ответ. — Воин мельком взглянул мне в глаза.

— Почему? — уже стало любопытно.

— Потому что, мое сердце, любые трудности меркнут на фоне тебя.

Я задумалась, а после с нескрываемым подозрением спросила:

— Это сейчас комплимент был или упрек?!

— Констатация факта, — улыбнулся шире воин.

Хотела еще поспорить, но мы уже прилетели, причем прямо к летательному аппарату, очень по форме капсулу напоминающему.

Эран внес меня внутрь, усадил в кресло, которое мне было заметно велико, пристегнул, присел передо мной на корточки и тихо сказал:

— Попытаешься вытворить еще что-то — отшлепаю.

— Что? — возмутилась я.

— Повторить? — явно издеваясь, поинтересовался повелитель Иристана.

Я от подобного заявления впала в ступор, Эран же лишь улыбнулся, погладил по щеке и сообщил:

— Тебя отвезут к матери, но учти — Нрого не смеет смотреть, говорить, прикасаться.

И после этого воин поднялся, подошел к выходу, постоял, пока закрывалась дверь, и выпрыгнул только в самый последний момент. Но мне хватило, чтобы понять — он просто закрыл от меня следы произошедшего здесь! И все равно я увидела трупы шейсов, разбросанные по долине и скалам...

И вот когда я это увидела, я сообразила главное — это не моя операция была плохо продумана, это тары мне врага всполошили! И эти монстры шейсы — по ходу, не я была причиной их лавины! И...

«Эран, — я нажала на свою шею сильнее, — так это вы мне всю диверсию сорвали!»

«Мм-м?» — с явным удивлением.

«Это вы мне всю операцию сорвали! — разъяренно повторила я. — Я планировала по-тихому все проверить и по-тихому уйти! А засекли меня из-за вас!»

В ответ усталое:

«Хороший план, но не учитывает наличие теней, а оборудования для изоляции энергетических сущностей у тебя не было».

Ну и я решила больше не выступать. Не то чтобы он прав, хотя вообще

прав, но так просто... в общем, не выступать.

«Но именно ты указала на опасность проблемы и привела к месту расположения храма», — вдруг произнес Эран.

И я улыбнулась. Ничего не стала говорить в ответ, но проулыбалась все минут двадцать, что мы мчались сквозь толщи земли.

А после был скрип при торможении, капсулу качнуло, и она остановилась. В тот же миг воин, сидящий впереди меня, поднялся, подошел и отстегнул ремни безопасности, затем взял за руку, помогая подняться.

Вывели меня под конвоем, после был второй летательный аппарат, этот перемещался уже по воздуху — минут семь. А потом мы зависли прямо в воздухе, и я, сидя опять вся пристегнутая, увидела, как к открытому люку подлетела летательная платформа с управляющим ею воином, и меня опять отстегнули, сопроводили, передали с рук на руки, усадили в кресло, пристегнули... Начинало раздражать, если честно.

Не менее раздражающим было и то, что сопровождало на этот раз пять таров. Один управлял этой платформой, четверо зависли на своих стационарных серебряных дисках.

Приставив пальцы к шее, я позвала:

«Эран...»

«Занят!» — был ответ.

Но через мгновение голос, уже знакомый мне:

«Что-то случилось?»

«Гарданг?» — догадалась я.

«Да, повелительница».

А с Гардангом разговаривать проще, он куда более откровенен.

«Хотела поинтересоваться, почему у меня конвой в целых пять таров?»

«Странный вопрос», — ответил воин.

«Нормальный, — парировала я. — А что вы там нашли?»

Смех, я расслышала его очень отчетливо, а после веселое:

«А к тому, что правительство Илота тоже оказалось типа воин, и ему было как-то лево на религиозные течения, — повторил он мне мои собственные слова, но затем уже серьезно и с подчеркнутым уважением: — Вы мудрая девочка, достойная быть сердцем повелителя».

И, несмотря на то что говорил он искренне, это чувствовалось, что-то меня в этом глубоко оскорбило, даже не знаю что. Перегнувшись через подлокотник, взглянула на ИрАэ. Город показался огромным и уж точно был раз в двадцать больше столицы хассарата Айгора и гораздо краше. Отсюда, с высоты птичьего полета, виднелись сверкающие в солнечном

свете реки, пересекающие город, мосты, дороги, дворцы, храмы, стоянки для летательных аппаратов, а вдалеке космопорт. И нельзя было не взглянуть на дворец — сверкающий золотом, с внушительной лестницей, ведущей ко входу, тенистыми садами... энергетическим куполом. То есть все красиво, пристойно, роскошно, но под внушительной защитой.

Наверное, этот купол и сподвигнул спросить:

«Что значит „достойна быть сердцем повелителя“?»

Тишина в ответ.

«Просто интересно, — продолжила я, наблюдая за тем, как платформа и вообще мой эскорт мягко сворачивают вправо, направляясь к зданиям, построенным вокруг дворца, — сама формулировка... задевает!»

«С вами сложно, повелительница, — сделал неожиданное признание Гарданг. — Это был комплимент».

«Мне или Эрану?» — решила уточнить я.

«Вам и ему», — не сдался воин.

«А ему за что?»

Тишина, затем обстоятельное, но с прорывающимся глухим раздражением:

«Только сегодня, беседуя с вами о шейсах, я счел оправданным поступок повелителя, вопреки всему ринувшегося разыскивать ту, что счел тьяме».

«Мм-м... а раньше считали иначе?»

Секунд пять Гарданг молчал, а после:

«Слушай, ты, мелкая, вздорная, безголовая девчонка, говори что хотела, потому что у меня на разговоры времени нет!»

Зря он так Определенно зря.

«А что вы сейчас делаете?» — невинно поинтересовалась я.

Тишина.

«Ладно, пусть со мной кто-нибудь другой поговорит».

На этот раз ответил:

«Повелитель в отношении вас, по-ве-ли-тель-ница, доверяет двум воинам — мне и себе. Говорите, я слушаю очень внимательно!»

«А Эран врал, что тары сдержанные», — обиженно заметила я.

«Прошу прощения, — прошипел Гарданг, — но... — Минутное молчание и злое: — Я с искренним уважением отношусь к выбору повелителя, и вы достойны уважения, вы это доказали. НО! Он как мальчишка стоял со стаканом в руке, пока я исследовал палатку, и этот стакан дрожал. Дрожал в руке Эрана. И лопнул, осыпавшись осколками, когда я сообщил, что следов чужого присутствия в палатке нет. И вся та

кровь, что была повсюду, — ваша. И что палатка была разрезана изнутри. И что женщина ушла сама. Своими ногами».

Теперь молчала я.

Мне нечего было сказать, да и момент тот вспоминать не хотелось вовсе. Точнее, хотелось, сам мой первый раз с женщиной, но не то, что случилось в дальнейшем.

«Как вы ушли?» — вновь прозвучал голос Гарданга.

«Ногами», — зло ответила я.

«Я видел женщин после слияния, они не были способны ходить», — парировал воин.

И я почему-то призналась:

«Недалеко ушла, потеряла сознание, как только добрела до Наски».

«Наска? Раб хассара Айгора, работал на теневого короля Исинхая, был убит хассаром Шаега?»

«Вы много знаете», — удивленно выдохнула я.

«Вы сумели заставить пересмотреть политику правящего клана», — сухо ответил Гарданг.

«В каком смысле?»

«Прежде Аэ не вмешивались во внутренние дела хассаратов».

«А сейчас?»

Молчание, затем тихое:

«Ваши слова: „А к тому, что правительство Илота тоже оказалось типа воин, и ему было как-то лево на религиозные течения“ заставили взглянуть на ситуацию под иным углом. Поймите — тары не коренное население, мы те, кто пришел, захватил часть территорий и установил свой собственный порядок. Мы жили так сотни лет — три клана, во главе сильнейший из воинов Аэ. Веками установленный порядок. Мы изначально укрепились на материке, отделенном океанами от густозаселенных областей планеты, и не вникали во внутренние дела коренного населения. Ситуация изменилась триста семьдесят лет назад — в степях появился один сильный лидер, сумевший объединить разрозненные племена и начавший строить корабли. Началась война — мы вмешались. Наши технологии, как вы понимаете, значительно превосходили технологии аборигенов».

Мы как раз подлетали к одному из квадратных строений, но я тронула за плечо своего водителя, и едва он остановился, жестом попросила подождать, затем спросила у Гарданга:

«А до этого аборигены корабли строили?»

«Нет», — после некоторого замешательства ответил воин.

«Странно, — потому что действительно странно очень, чтобы один

лидер и племена объединил, и корабли строить начал. — А что было дальше?»

Пауза и сказанное с неохотой:

«Эйтны предложили решение — тар-эны, местные воины, принявшие генетическую память таров и, как следствие, гарантирующие безусловное подчинение сильнейшему на уровне подсознания».

Нет, вот меня одно упоминание про эйтн уже напрягло, а воина я прямо спросила:

«И где были ваши мозги?!»

«Мне всего пятьдесят!» — прорычал воин.

«А-а... извиняюсь, у вас мозгов еще не было, — проямлила я. — В общем, ваши предки согласились?»

«Это было разумное решение, — судя по тону, Гарданг был на меня зол. — На Иристане установлен единый порядок, мы не дробили собственные силы, отправляя в кланы своих наместников, ситуация была под контролем, и все хассары подчинялись правящему клану».

«А, ваше извечное право левого трицепса», — вздохнула я.

«Право сильнейшего!»

Мы помолчали.

Воин, управляющий летательной платформой, обернулся и спросил:

— Повелительница желает еще ждать?

— Разговор важный, — пояснила я.

У воинов вопросов больше не было, зато имелся у Гарданга:

«Для вас разговор важен?»

«Да, — потирая шею, ответила я, — позволяет многое понять. Знаете, для чего мой отец приволок меня на Иристан?»

«Расплатиться с Нрого в обход древней традиции отдавать старших дочерей правящему клану».

«Нет, — я усмехнулась, — но, кстати, любопытная традиция, интересно вообще, для чего повелителю столько девушек».

«Отдавал достойным воинам», — последовал ответ.

«Ужас!» — было моей единственной реакцией на услышанное.

Гарданг не стал развивать тему и вернулся к исходному:

«Целью хассара Айгора было нечто иное?»

«Да, — не стала отрицать я. — Папандр хотел, чтобы я унизила Нрого, стала женой Ригана или Дьяра, мутировала после родов и добилась поста эйтны-хассаш, а затем способствовала тому, чтобы клан МакВаррас стал правящим».

Несколько секунд молчания, затем хриплое:

«Нелогичное поведение».

«Почему?» — удивилась я.

«Тар-эны симбионты, впуская тень тара, они становятся подобными нам, воинам, истинным тарам, а это гарантирует абсолютное подчинение сильнейшему воину. Сильнейший — повелитель. Ваши предположения по поводу отца основаны на догадках?»

То есть мне вообще не поверили, но не признаются в этом из уважения к повелителю. И тут я вспомнила, с каким почтением на меня смотрели воины. Да и сам Гарданг — если он воспитывал Эрана, то вполне ожидаема хотя бы какая-то фриivolность в отношениях, но нет — полнейшая субординация. Особенность таров? И тар-энов? Но мне известны двое, кто был готов бросить вызов Эрану, — мой отец и Нрого. И что примечательно — у отца странная до ужаса тень, у Нрого их вообще две.

«Повелительница, вы устали от разговора?»

«Нет, я думаю», — ответила Гардангу и убрала руку от шеи.

Я вдруг подумала вот о чем — шейсы плели заговор, так? И вот плетут шейсы заговор, и вследствие заговора повлияли они на бабушку, она на маму, и мама приказала мне пойти в парк местный и найти слабого воина. Мама точно знала, что я сделаю все, чтобы выполнить. Просто мы с мамулей не раз бывали в переделках, и я также точно знала — выживу, только если буду следовать всем ее указаниям. Кстати, еще момент — бабушка просила увезти меня... Хотя тут вопрос, кто тогда говорил — бабушка Кирата или засевший в ней шейс, так что не показатель. Показатель другое — эйтна-хассаш была вообще не в курсе, что это я та тьяме, которую они должны были отыскать. И эйтны, что меня лечили.

Но в то же время — Эран находился в Шоданаре, а шейсы знали, что меня привлечет самый сильный воин. Что-то здесь не так! Что-то вообще не так!

«Гарданг, я не могу понять, — решение все рассказать ему было неожиданным, но я действительно не сумела бы разобраться. — Почему вы раньше не могли разобраться с шейсами?»

Вопрос был не лишен оснований — Эран за сутки сообразил, как отгородить меня от тени. За сутки. Просто чтобы я могла спать спокойно и не бояться. Лично я схему действия энергетического контура так и не поняла, а он это изобрел. Взял и сделал, и защитил. И разрушенный храм эйтн в столице, и та бойня, что устроили в подземелье, и...

«Эйтны никогда не переходили дорогу правящему клану», — последовал ответ.

Вот оно!

Эран и я. То, что произошло в Шоданаре, и было крушением всех планов шейсов, потому что Эран назвал меня своим сердцем. Я стала важна для него, и воин начал действовать. Но в то же время опять что-то не сходится...

«Что-то не так, — нахмурившись, сказала я воину, — не могу понять. Сколько думаю, никак не могу понять... С одной стороны, ощущение, что меня знатно подставили, спровадив в Шоданар в тот день, когда там был Эран, с другой — шейсам внимание правящего клана было вовсе не выгодно!»

Несколько секунд молчания и задумчивое:

«Лираэт неизменно избавлял повелителя от повышенного внимания со стороны девушек Иристана, тьяме и юных эйтн».

И все сошлось!

Потому что я отчетливо вспомнила, что Араван, а значит, и папандр были убеждены, что тот, кому я отдала невинность, был Лираэтом, а он вообще бабник, куча жен, наложниц и тьяме. А еще никогда не забуду тот момент Шоданаре, когда ко мне и Эрану, чьего имени я тогда еще не знала, подошел светловолосый воин, и Эран спросил: «Он не нравится?» И всю мою обиду от того, что единственный мужчина, к которому меня так тянуло, счел, что меня так ко всем воинам тянет, и предложил вообще какого-то левого. А оказывается, вот в чем дело! «Лираэт неизменно избавлял повелителя от повышенного внимания со стороны девушек Иристана, тьяме и юных эйтн!» Замечательно! Просто слов нет. И действительно такой бабник не стал бы искать сбежавшую девушку, и мониторить квартал развлечений на предмет поиска этой девушки тоже не стал бы, и вообще уж точно не назвал бы меня «Мое сердце». Вот гадство!

А вообще есть еще один вопрос:

«И чего тогда Эран за мной увязался? — мысленный вопль — это нечто. — Он же мне сунул своего Лираэта, который у него буфер от гормональных взрывов иристанских теток, и все, мог бы прекратить на этом все!»

«Что? — даже без паузы переспросил Гарданг. — Он... сунул вам Лираэта? А потом что, отнял?»

Судя по всему, наставник повелителя Иристана был вообще не в курсе произошедшего.

«Не отнимал, — прошипела я, — незачем было, я сама ушла!»

«Что?» — вот теперь, судя по всему, мне вообще не поверили.

«Сама ушла!» — разъяренно ответила я.

«Как?..» — В голосе воина послышалась растерянность.

«А что я, по-вашему, должна была делать? — возмутилась я. — У меня тут первая любовь, гормоны бунтуют, я от него глаз отвести не могу, а он мне сует вообще левого воина со словами: „Этот не нравится?“ Да пусть вообще скажет спасибо, что по морде не получил за такое!»

Разозлилась я жутко. Это вообще как называется?! Да как в принципе он посмел подозвать этого Лираэта, да...

«Я потрясен», — голос Гарданга звучал на удивление глухо.

«Вы про „по морде не получил“? Да, тоже потрясена, что сдержалась. Просто очень больно было».

«Нет, я о высокой степени вашего самоконтроля, позволившей безошибочно отделить симпатию от желания, спровоцированного в вашем теле мутацией шейсов».

Теперь потрясена была я. Потрясена настолько, что не нашла слов для того, чтобы хоть как-то прокомментировать сказанное воином. Впрочем, Гарданг сменил тему и поделился со мной явно запретной информацией:

«Исходя из всего произошедшего и после допроса эйтны-хассаш, мы склоняемся к версии, что в деле имеется третья сила».

«Что?» — не поняла я.

«Третья сила. Мы, шейсы и кто-то еще, чьи мотивы на данный момент неизвестны».

Я попыталась забыть о моменте с Эраном, просто все мысли вдруг как-то только о нем стали, и вспомнила тень моего отца. Ту самую — странную, не похожую ни на шейсов, ни на тени воинов. И именно эта тень, которая управляла отцом, и прошипела эйтне-хассаш: «Ты клялась мне!» Значит, она не шейс и не на стороне шейсов...

Без пол-литры не разберешься. Хотя, может, и разобралась бы, но мне восемнадцать, у меня первая любовь, и я просто обязана знать ответ на очень важный вопрос!

«Гарданг, так я не совсем поняла, что там с высокой степенью моего самоконтроля и вообще».

Воин вздохнул и тихо, так что я едва расслышала, произнес:

«Вы единственная, кто увидел в нем его самого, а не воина клана Аэ».

«И что бы это значило?» — Я уже вообще ничего не понимала.

«Лираэт — кровный брат, — пояснил Гарданг. — Женщины никогда не видели разницы».

Я потрясенно уронила руку, отрывая пальцы от шеи и прекращая таким образом контакт. У меня был шок. Такой здоровый, как все черные дыры разом! И непонятный настолько же. Насколько непонятный, что я опять приставила два пальца к шее и позвала:

«Гарданг?»

«Занят», — ответил мне повелитель Иристана.

«А ты, значит, свободен?» — И кто бы мне объяснил, почему я опять злюсь.

«Ненадолго», — напряженно ответил Эран.

«Слушай, а вот я не поняла, Лираэт тебе кровный брат, так? Это по отцу или по матери? Хотя о чем это я, на вашем шовинистическом и патриархальном Иристане побочные дети могут только у мужиков быть! Так вот, я не поняла, он брат, да?»

Некоторое замешательство ощутилось, затем последовало:

«Да, старший. Почему тебя это интересует?»

«Насколько старший?» — потребовала я ответа.

«На двенадцать лет», — ответил Эран.

Я умолкла. Ненадолго, правда, потому что тут же решила прояснить момент:

«А почему ты тогда правишь, а не он?»

«Я сильнее, — глухой раздраженный ответ. — К чему был вопрос?»

Убрала пальцы и вообще решила больше не разговаривать. В конце концов, нужная информация по Эрану и у мамы есть, так что...

«Киран!» — разъяренный голос повелителя Иристана.

Я отвлеченно посмотрела вдаль на горизонт, потом на здание внизу, к которому мы, видимо, и летели, и, тронув воина за плечо, попросила:

— Спускаемся.

Но не успели мы долететь до крыши, как меня позвал Гарданг.

«Повелительница?»

Приставив пальцы к шее, поинтересовалась:

«Вы уже освободились?»

«Так как вы уже довели повелителя, то да, освободился», — не слишком ласково ответили мне.

«Чем я его довела? — удивилась я. — Просто спросила про Лираэта».

И как-то сразу вспомнились слова братика насчет повелителя Иристана: «Не поверишь, у мужика даже ни одной жены нет. Женщины в его дворце есть, традиции предписывают заботиться о вдовах, и отношения с некоторыми из них присутствуют, но поговаривают, лед — и тот теплее главы клана Аэ. Правящий клан во многом особые — но этот, вероятно, слишком много времени провел в клане Таргар. Да, он воин, сильнейший из тар-энов, и доказал свое право сильнейшего всем, кто бросал вызов, но не иметь жен, детей — это ненормально».

Я и спросила напрямую:

«Гарданг, почему у Эрана нет ни жен, ни детей?»

Ответ оказался странным и повторял слова Аравана:

«Повелитель воспитывался в клане Таргар».

«Мм-м?»

Тяжелый вздох и с хорошо скрываемым глухим раздражением:

«Воины клана Таргар берут в жены одну женщину, особенную, ту, что заставляет сильнее биться сердце».

«Э... — протянула я и ляпнула совершенно излишнее: — А вы, наверное, очень малочисленные...»

В ответ тишина.

«Простите, — покаянно попросила я. — Просто вырвалось».

«Нас мало», — сухо ответил Гарданг.

И отключился. Не знаю, как я это почувствовала, но точно ощутила, что отключился.

Я тоже убрала пальцы от шеи, потому как мы прикрышились. В смысле посадочная площадка обнаружилась на крыше. И едва летающая платформа опустилась, воин повернулся, расстегнул ремни безопасности, освобождая меня, и с этого момента я начала вести себя как и всегда.

— Маааам! — вопль на весь дворец.

— Кира, я внизу, — раздалось откуда-то собственно снизу.

И я, вскочив с места, разбежалась и сиганула вниз, ловко уйдя от попытки одного из конвоиров схватить меня, и на землю спрыгнула до того, как остальные рванули на перехват.

А потом уже никто никуда не рвался, потому что я увидела маму. И как-то разом забыла обо всем на свете, включая Иристан, загадочную третью силу и даже мои мысли по поводу Эрана. Нет, сам Эран не забылся, что странно, а вот все остальное напрочь.

— Мам... — севшим голосом прошептала я.

Она была в черном летном комбинезоне, с собранными на макушке в хвост волосами, и эта прическа словно подчеркивала появившуюся на висках седину. А еще я отчетливо разглядела темные круги под глазами цвета весенней яркой травы, и морщинку, залегшую меж бровей, и скорбные складочки возле губ, которых раньше не было, и бледность, и то, что мамуля заметно похудела, и царапину на скуле. И я стояла и просто разглядывала ее во все глаза, а мамуля тоже рассматривала меня, словно веря и не веря в то, что видит, словно вообще увидела впервые, словно...

— Пантеренок, ты так... выросла, — вдруг прошептала мамочка.

И это разом сняло весь ступор от встречи.

— Мам, мне восемнадцать, в моем возрасте уже не растут, —

рассмеялась я и потопала к ней.

Сначала потопала, а в итоге обняла с разбегу, крепко-крепко, как в детстве, и почувствовала себя дома. Вот просто дома, и все. Единственное, что как-то выбивало из настроения, — сама мама. Она была, во-первых, растерянная, а во-вторых, кто-то много выпил. Действительно много.

— Кирюш, — простонала мамочка, обнимая меня наконец-то, — Кирюшенька...

И тут один из воинов Аэ произнес:

— Тень!

И почти одновременно с этим раздалось:

«У нее шок после случившегося с эйтной МакЭдл».

— Левый! — Я, отпустив мамочку, обернулась и улыбнулась тени Нрого.

Тени, которая осталась висеть метрах в шести от нас, потому что один из воинов недвусмысленно направил на нее оружие. Второй, глядя на прибор, произнес:

— Не шейс, что-то другое.

«К-к-кира, — заметно струхнул левый, — они меня видят?»

— Риторический вопрос, левый, — невольно улыбнулась я.

А дальше все случилось как-то неосознанно — я приставила два пальца к шее и произнесла мысленно:

«Кханар, тень не представляет угрозы».

И только после этого я осознала, что мне никто воина не представлял и я вообще, по идее, не знаю его имени. Но тот, кто наставил оружие на левого, кивнул, затем приставил два пальца к шее, и я услышала:

«Вас понял, повелительница».

И он убрал оружие, а после вернулся на исходную позицию.

И вот тогда раздалось потрясенное:

— Киран?!

Виновато глянула на мамулю, мимолетно отметив отвисшую челюсть левого. А мама, разом сбросившая с себя и оцепенение, и растерянность, прошипела:

— Это что сейчас было, доча?!

— Мм-м... — Я вдруг поняла, что когда она там, на корабле ругалась, оно мне как-то спокойнее было, а сейчас стало стремно. — Мам, понимаешь...

Ничего придумать я не успела, потому что услышала:

«Ты мне нужна», — от Эрана.

Виновато улыбнувшись маме, приставила два пальца к шее и ответила:

«Ну?»

«Глаза закрой, — приказал повелитель Иристана и, едва я подчинилась, спросил: — Сколько переходов?»

Ошеломительное ощущение присутствия в мрачной конусообразной пещере накрыло с головой. Что потрясло — рост Эрана, с его ростом все виделось как-то поменьше, а я сейчас смотрела его глазами. И отчетливо видела темное помещение, без переходов. Но затем... это было что-то внутреннее, что-то мое... И изображение мигнуло, а после я поняла, что стены пещеры вовсе не каменные, нет, тут повсюду были черные зеркала, в которых отражались то горы, то море, то лес, то развалины дворца папандра, то какая-то громадная, заслоняющая небо гора, то сад в доме Эрана, причем с этой позиции я четко разглядела, что отражался в нем вид как раз с того камня, в который меня затянуло тогда... Зеркала, зеркала, зеркала... Подвижные, словно не стекло, а мираж, парящий над перегретой солнцем дорогой...

«Сотни, Эран», — тихо ответила я.

«Приборы не отслеживают, — пояснил он. — Засекли благодаря сбоям навигационной системы».

«Что будешь делать?»

«Думаю над этим, — ответил повелитель Иристана. — Куда они ведут?»

«В разные места, здесь и тот переход, что в саду твоего дома».

И я ощутила его злость. Как вспышку. Через мгновение от ярости не осталось и следа, только холодное спокойствие.

«Что не так?» — спросила осторожно.

«Тот валун был перенесен и уничтожен», — произнес Эран.

Бракованный навигатор, а переход остался!

«Засада», — потрясенно выдала я.

«Да, полагаю, идеальный вариант, — ответил воин. — И охранный контур».

С трудом подавила улыбку, я вообще-то просто выругалась, но в принципе да, засада и контроль в данном случае лучший способ и под охраной объект оставить, и проследить, будут ли перемещения, и переловить всех, кто попытается использовать систему переходов.

«Как мама?» — задал неожиданный вопрос Эран.

«В шоке», — честно ответила я.

«Ее можно понять — воспитание тар-энов не учитывает особенностей нас, таров».

«И что ты этим хочешь сказать?» — осторожно так интересуюсь.

«Она будет во многом не права».

И я ощутила его улыбку, а после и то, что Эран отключился. Не удивлена — зачистка дело серьезное, а он занимался сейчас именно этим.

Но вот остался маленький такой момент — как мне теперь смотреть на маму.

— Киран, — зло протянула Киара МакЭдл, едва я все-таки на нее посмотрела, — ты приняла дар жизни Эрана Дард Аэ?!

— Мы это уже обсуждали, — нехотя напомнила я.

Мама нахмурилась, затем вернулась в беседку, села на диван, потянулась к столику, налила себе полный стакан виски, глянула на меня и спросила:

— Будешь?

— Не-а, я больше не пью. — Прошла, осторожненько села рядом и в ответ на ее вопросительный взгляд пояснила: — И мясо пока тоже не ем.

Злость в мамином взгляде сменилась тревогой, но я честно призналась:

— Все хорошо, мам, Эран решил проблему с тенью, но я все равно так перепугалась, что пока пить не буду... лет десять. Или двадцать...

Взгляд у мамы стал вконец удивленным, а я тихо добавила:

— Или даже тридцать...

Молча отодвинув от себя стакан, мама села ближе ко мне, взяла за руку и прямо спросила:

— Что с тобой? Действительно перепуганная вся. Сжавшаяся. Последний раз я тебя видела такой в семь лет, когда на ваш детский лагерь напала группировка Акерна.

И я почему-то прошептала:

— Я сегодня каргов убила. Сама. Там крови было... много.

Мама судорожно выдохнула и обняла за плечи.

— Да, тоже в шоке от себя, — угрюмо призналась я.

— Разумных? — тихий вопрос.

— Трое — да, один — с тенью внутри. — Нашла, о чем с мамой говорить, вообще ее столько времени не видела, а в результате вот, жалею. — Как-то меня это подкосило, — призналась шепотом.

— Нормально. — Мама погладила по плечам. — Меня после первого убийства часа три рвало, и руки тряслись неделю.

С сомнением глянула на нее, мамуль улыбнулась и добавила:

— Говорят, со временем к этому привыкают, но в отношении меня не сработало. Убивать тяжело, Кирюсик, именно поэтому я и не пустила тебя в десант.

Да, был такой момент в моей жизни, когда я хотела быть как эти космические герои и вообще десантом бредила и втихаря мышцы качала.

«Меня тоже корежило после первого убийства. — Левый подлетел ближе, уселся на стол. — Кир, объясни, почему они меня видят и что вообще у правящих за дела творятся?»

— В эйтнах такие же тени, только другие — шейсы, Эран нашел способ оградить меня от мутации и влияния тени, и в данный момент у таров есть приборы, позволяющие видеть и блокировать энергетические сущности. Ну и вы с дэо тоже попали.

Потрясенное, какое-то растерянное молчание, затем мама тихо спросила:

— И... прикоснуться к тебе как к... женщине повелитель теперь тоже...

— Это личное, мам, — отрезала я, не желая продолжать данную тему в присутствии левого.

Нет, маме я бы еще могла сказать, но не левому же! Хотя кое-что сказать следовало:

— Ты в своих предположениях опиралась на информацию от бабушки, да?

В маминых глазах появились слезы.

«Зря ты об этом, — серьезно проговорил левый, — когда на тебя родная мать с ножом кидается, это страшно. Мы Киару едва прикрыть успели — эйтна сильная оказалась. Зверски сильная».

Мама на это никак не отреагировала, разве что слезинки с ресниц сорвались...

— Да это вообще не она была, мам, — торопливо проговорила я. — Не бабушка, понимаешь, а шейс!

— Я сейчас успокоюсь, и ты мне все объяснишь, — шепотом сказала она. — Дай минутку...

Естественно, дала и сидела молча, осторожно глядя ее по руке, но мама вдруг словно сорвалась и заговорила быстро, зло, шепотом:

— Мы с ммма... с мамой, — выговорила это слово вообще с трудом, — договаривались, что когда тебе исполнится двадцать, мы вернемся на Иристан, проникнем в Каарду, ты получишь тень воина, и это остановит любую возможность мутации. Это был наш план. А сейчас я не знаю, что думать... И склоняюсь к мысли, что, последуй я оговоренному плану, ты могла бы попасть сразу в руки эйтны-хассаш... Той, кто в те давние времена, через служанку, передала мне сейр... Той, кто, как я сейчас понимаю, имела планы на мою дочь... И мне страшно даже подумать, что, не найди нас Агарн, не привези он тебя на Иристан силой, спустя два

года...

Договаривать она не стала. А и не требовалось — я тоже уже все поняла. И теперь стали ясны слова эйтны-хассаш: «Помнишь, Агарн, помнишь? Твоя единственная и эту отравила бы, но я вмешалась, Агарн! Я! И Киара получила сейр, а Ашара тайно убирала отравленные продукты... Так выжила твоя дочь! Я спасла ее! Киран принадлежит мне! Мне!!!»

— И я одного не могу понять, — продолжила мама, — если моя мать всегда была под влиянием эйтн, если в ней никогда не было... материнского, как вышло, что мне позволили стать воином?!

— «Киран и Киара — те двое, что в силе своей могли разрушить все, ибо, когда они были вместе, равных им не было... и сила их росла. Я лишила близнецов матери — сила росла. Я подвергла Кирана болезненному посвящению — они разделили боль на двоих, и воин выжил...» — дословно передала я слова эйтны-хассаш.

Мама вскинула на меня потрясенный взгляд, я же в этот момент вспомнила и еще кое-что: «Потому что Киара знала то, что не должна была знать, и залогом ее молчания являлась только ее мать...» И возникает такой нехилый вопрос — а что именно знала мама, что могло навредить эйтнам?

Но спрашивать здесь и сейчас я не собиралась — и левый рядом, и с правящим кланом непонятки настолько, что я не в курсе, подслушивают они сейчас или нет. Однако точно могу сказать теперь — эйтна и шейсы — это одно, а папандр и его тень — совершенно иное. Значит, третья сила действительно папандр и его тень... Хм.

— Мам, а у тебя сейр есть? — спросила я.

Мне без слов передали устройство, сняв его с пояса.

И я поняла, насколько же мне тяжело было без привычного сейра, без его возможностей, без информационной базы и вообще связи даже!

Включив, мгновенно перенастроила с маминого номера на свой и вздрогнула, увидев:

«Где ты?» — от Дэйма.

Точно, Дэйм!

— А где твой сейр? — спросила мама.

— Эран уничтожил, — отмахнулась я, торопливо печатая сообщение.

«У меня все хорошо, улечу с мамой».

Ответ пришел быстрее, чем успела переключиться на поиск информации.

«Где ты?»

«У Эрана», — торопливо отпечатала.

«Координаты?»

Мне вот это уже не очень понравилось.

«Дэйм, не могу сейчас, нужно решить одну проблему, я улечу позже».

«Координаты?»

Странное дело, я ощутила раздражение.

«Координаты, Кира!» — пришло новое требовательное сообщение.

«Я улечу позже, Дэйм!» — раздраженно написала в ответ.

«Сам запеленгую», — ответил он.

Вырубил сейр. Поймала на себе заинтересованный мамин взгляд, врубил сейр обратно и отпечатала:

«Занята пока, пойми».

Не ответил. Меня это откровенно напрягло, и вообще:

«Дэйм?»

Тишина. Проверила сигнал — никто не перехватывал, у маминой техники вообще всегда норм с защитой, а тут уж. Впрочем, как оказалось, это просто кое-кто решил потрепать мне нервы:

«ИрАэ, столица».

Вырубил сейр. Машинально.

Посидела, нервно постукивая пальцем по экрану. Вообще, по хорошему, следовало бы слетать в клан МакВаррас самой, ну если не самой, то Аравана взять, но... но... Но чувствую себя слабой, усталой и разбитой. Несмотря на гелликс, мышцы ноют, тянет бедро, на которое удар карга пришелся, и в душе как-то надорвано все. Нет, в клан я не хочу, не выдержу, но кое-что узнать нужно.

Закрела на пару секунд глаза, вспомнила коды сейра Дьяра, там был номер, с которым старший братец, он же мой несостоявшийся муж, общался чаще.

Набрала по памяти и вздрогнула, едва сейр отобразил лицо папандра, только помоложе! Но точно не Дяр, у него волосы покороче, хотя этот с ним примерно одного возраста, и я предположила:

— Риган?

Тар-эн криво усмехнулся и произнес:

— Киран.

— Киран — это я, — не согласилась с братом.

Тот насмешливо выгнул бровь, но больше ничего не сказал, продолжая с ненавистью смотреть на меня. И вот эта неприкрытая ненависть и вынудила напомнить:

— Между прочим, исключительно благодаря мне ты сейчас глава рода МакВаррас!

Хмыкнул, оценив мои слова, чуть заметно склонил голову, иронизируя

над самой мыслью о благодарности, затем спросил:

— Чего желает моя благодетельница?

Я ничего не желала, просто интересно было:

— А папик где?

Риган нахмурился, почесал переносицу, сжал, затем глухо ответил:

— Не в курсе.

— В смысле? — не поняла я.

— В смысле никто не знает, — рыкнул он. — Когда правитель передал власть в хассарате Айгора главе клана МакОрат, отец ушел. Его единственная и Адалин живут в моем доме.

Пауза, затем тихо:

— Последняя, с кем связывался отец, — ты, с тех пор мы не можем его найти.

— А искали? — с подозрением спросила я.

— Это наш отец, естественно, и я, и братья сделали все, чтобы найти его.

Укор в его словах нельзя было не заметить, одна проблема — стыдно мне не было. Ни капельки. Ни на грамм!

— Пытаешься надавить на мою совесть? — прямо спросила я.

— Сомневаюсь, что она у тебя есть, — насмешливо ответил брат.

— Имеется, но не в отношении папандра, — проговорила я. Затем добавила: — Впрочем, тебя отец под Нрого не подкладывал, да и Дьяру для интимных игр не отдавал, так что полагаю...

— Не тебе судить о делах воина, женщина! — вызверился на меня Риган.

— Когда мужчина не прав, он начинает повышать голос, — парировала я.

Тар-эн отключился.

Вот просто взял и вырубил связь.

— Агарн исчез? — тихо спросила мама.

— Да. — Я разулась, забралась на диван с ногами и посмотрела на зависшего над столом левого.

Тот смотрел на маму, мама на него, затем левый произнес:

«Будет мстить».

— И удар нанесет по самому дорогому, — едва слышно произнесла мамуля, испуганно глядя на собственные руки. — Киран, я думаю, тебе сейчас лучше оставаться у повелителя. Месяц, может, два, а лучше несколько лет.

«Араван, — сказал левый, — Кира под защитой повелителя, удар будет

по тому, кто дорог вам обеим».

— Каэрла граханар!

Вопль мамочки заставил меня вздрогнуть, левого открыть рот от удивления, а Нрого выскочить из дома. Суровый воин в заправленных в ботинки серых брюках и зелено-серой свободной тунике с обрезанными рукавами, что только подчеркивало его мускулистые руки, остановился, едва увидел меня, после перевел взгляд на мамулю.

— Киара, нужна помощь? — спросил хассар Шаега.

— Прости, все хорошо, — сдавленно сказала она.

И меня потрясло то, как эти двое общались — мило до крайности, как очень давние друзья. Очень давние и чем-то явно связанные. Интересно чем? С мамой вообще поговорить хотелось, причем наедине... особенно сейчас.

Два пальца к шее, и я позвала:

«Эран».

«Слушаю», — пришел мгновенный ответ.

«Мне бы с мамой поговорить, без свидетелей», — осторожно попросила я.

В ответ тишина. Долгая, напряженная, разгневанная какая-то. И все же он ответил:

«Нет».

И тут уже я разозлилась, правда, это была какая-то усталая злость.

«Эран, так нельзя! Я просто хочу...»

«Нет, Кира. У меня нет причин доверять твоей матери, а после сегодняшней выходки я не могу доверять и тебе!»

«Какой выходки?» — потрясенно переспросила я.

«Нападение на шейсов, — тихо и очень зло ответил он. — Я едва успел, Кира, и я отказываюсь думать о том, что было бы, если бы я не успел!»

И сказать на это мне было нечего. Вообще нечего. Перед глазами как наяву взвившаяся в воздух шейса и я, скованная ступором...

«Я возвращаюсь в ИрАэ, просто подожди меня».

Убрала пальцы от шеи, устало поднялась и вышла из беседки.

— Киран, — мама догнала, обняла за плечи, — что случилось?

Рассказывать при всех я не стала. Посмотрела на маму, ей тоже было что мне сказать и тоже не при всех. Неприятное чувство.

— Эран возвращается, — сказала тихо.

Взгляд мамы потемнел, а слова она, похоже, просто не удержала:

— Менее всего я хотела, чтобы ты стала наложницей на Иристане!

Удар, который она не намеревалась нанести, потому что мгновенно прошептала:

— Прости, пантеренок.

— Тебе не за что извиняться, — так же тихо ответила я.

Ситуация вообще складывалась мерзкая. Нет, я не злилась на Эрана, почему-то вообще не злилась, не могла злиться на того, кто сегодня спас мою жизнь, просто все это... Мама права...

— Прорвемся, — сказала я.

Затем спрятала мамин сейр за пояс, глянула на небо — такое синее-синее, как глаза моего воина, улыбнулась и спросила:

— Что будешь делать?

— Действовать, — едва слышно сказала мама.

Искоса взглянула на нее. То, что действовать, я в этом даже не сомневалась, но, бракованный навигатор, не без меня же.

Нервно оглядела сад, вспомнила сад в доме Эрана, тот черный камень. Кстати, да, мама тени видит, возможно, она и переходами шейсов воспользоваться сможет. Мысль показалась не лишенной смысла...

* * *

Мне было невесело и тяжело. Мы сидели в трапезной — Эран, Гарданг, Лираэт и Ошер. Последние двое — родные братья повелителя Иристана, Гарданг — наставник и воспитатель, и я. Разговор не клеился, аппетита не было, хотелось забиться куда-нибудь и выплакаться, но так, чтобы никто слез не увидел.

Воины ели молча, быстро, сосредоточенно.

А потом Гарданг сказал:

— Повелительница, я приношу вам свои изви...

— Кира, — тихо попросила я, не поднимая взгляда от тарелки.

И никто даже не стал возражать. Не знаю, сами ли они были тоже в угнетенном состоянии или мое настроение так повлияло, но тары молча вернулись к еде. Я так же молча ковыряла салат. Грустно, тошно, ощущение, что везде запах крови. Никогда не думала, что я настолько слабая.

Рядом засопел лежащий у моего стула Икасик.

— Киран, — внезапно позвал один из воинов.

Подняла голову, с удивлением поняла, что Лираэт. И да, он действительно был похож на Эрана — тоже громадный, мускулистый,

загорелый, только волосы чуть длиннее, торс стройнее, лицо слащавее. Насколько я помнила, Лираэт был старшим, но вот с первого взгляда я бы сказала, что Эран старше его значительно. Не из-за внешности, морщин у обоих толком не было, просто у Эрана взгляд жестче и пристальней, лицо волевое, и мягкости в нем ни на атом.

Лираэт улыбнулся мне и продолжил:

— Сегодня вы доказали всем трем кланам, что достойны быть повелительницей.

Мой взгляд отразил все мое удивление.

— Лир! — Ошер мрачно взглянул на него.

И вот это жесткое осаживание и спровоцировало мои слова:

— Ну не знаю... — Я еще поковыряла в салате. — Лично мне пока никто не доказал, что достоин того, чтобы я была его повелительницей.

Есть перестали все. А я почему-то испытала приступ аппетита и радостно захрустела овощами. А проглотив, продолжила:

— Нет, серьезно, кто они вообще такие, эти ваши три клана? Я их даже не видела толком, серьезно, с шейсами мы и то плотнее общались.

Четыре суровые воинские морды сурово глядели на меня. На скулах Эрана заиграли желваки. Мило ему улыбнулась и продолжила:

— Пока что все, что я про вас знаю, так это то, что облажались вы по полной с этими эйтнами!

Секундное молчание, затем взбешенное от Эрана:

— Киран!

— Да-да, любимый? — мгновенно отозвалась я.

Воин, готовый выдать мне очередную порцию иристанской морали, умолк, недоуменно взирая на меня.

— Правда люблю, очень-очень, — искренне призналась я, но затем добавила: — Но вот не знаю за что. Потому что облажался ты на уровне со всеми!

На сей раз рыка не последовало — Эран просто стиснул челюсти.

А у меня снова аппетит пропал, и уже устало, тихо добавила:

— Понимаю, что вы имели дело с местным населением, фактически с аборигенами, но насколько же нужно было не любить население планеты, давшей вам дом, чтобы вот так запустить ситуацию с эйтнами и шейсами.

Тишина со стороны воинов длилась недолго, и нарушил ее Ошер:

— Не дело женщине влезать в...

— Пострадала моя бабушка. — Я гневно посмотрела в синие, не такие синие, как у Эрана, чуть посветлее, глаза тара. — И моя мать пострадала тоже. И я. А вы мне сейчас заявляете, что это не мое дело? И как хватает

совести на подобные заявления?!

Ошер нервно глянул на Эрана, после на меня и уже не столь уверенно и свысока проговорил:

— Нам искренне жаль, что наши предки пошли на сговор с шейсами. Но в тех условиях не оставалось ничего иного — среди выживших практически не было ученых, только воины.

Я выслушала все молча, затем тихо сказала:

— Мне жаль, что вы обратили внимание на проблему только тогда, когда она затронула интересы повелителя Иристана. А раньше вам было просто плевать!

— Кира, — попытался урезонить меня Эран.

Но куда там. По сути, смешно, наверное, смотрелось — четыре здоровенных бугая и худенькая в сравнении с ними кадетка Космического университета. Вот только бывают в жизни моменты, когда вообще плевать на размер собеседников.

— На себя посмотрите. — Я схватила салфетку с колен, скомкала, швырнула на стол. — Как вам жилось, а? Неплохо ведь, не так ли? А вы в курсе, сколько девушек бегали по подземельям главного храма эйтн к вам? А затем расплачивались «чудеснейшим» из ощущений — потерей собственного тела! Каково вам было бы чувствовать, что в вашем теле поселился кто-то другой, и мало того что поселился — уродует вас с каждым днем все сильнее!

Теперь единственным, кто на меня смотрел, остался Эран — остальные отвели глаза.

— Ты все сказала? — спросил повелитель Иристана.

— Нет, — вскинув подбородок, ответила я.

— Мы слушаем дальше, — произнес Гарданг. — Заслужили.

И вот против его заявления никто не выступил. Даже я. Просто все окончательно надоело, стало плохо, и накатила депрессия. А может быть, все дело в том, что папандр оказался прав — я кадет, и для меня четко существует разделение на своих и чужих. Так вот Иристан моя родина, каким-то невероятным образом я свыклась с этой мыслью, и иристанцы для меня — свои, а вот тары — чужие. И эти чужие конкретно так обидели иристанцев. Более чем конкретно, а еще ситуацию с эйтнами довели до полного абзаца.

Но предъявлять обвинения и возмущаться я смысла не видела, гораздо больше интересовало другое:

— Что будет дальше?

Отвечать мне никто не спешил, опасались продолжения скандала?

— Эран? — Я посмотрела на повелителя Иристана.

И ему пришлось дать ответ:

— Стратегия уничтожения шейсов разработана. Применяем.

Ответил с явной неохотой, взбешенный, вероятно, самой мыслью, что практически отчитывается передо мной. А я вообще другое хотела услышать.

— Что будет дальше с моим народом, Эран?! — уточнила вопрос.

Гарданг тихо выругался. Осекся почти сразу, но поздно, я уже где-то слышала это «АРГАЭ МКЕСЕ! ТОЭРНО ГАВАШШ ЭХТЕРРО!».

— Непереводимая идиома, да? — мило интересуюсь у воина.

Наставник Эрана хмуро кивнул.

— Знаете, — я откинулась на спинку стула и сложила руки на груди, — давайте я вам сейчас опишу эту ситуацию так, как ее вижу я. Итак, вы прилетаете на чужую планету, вообще ни у кого ничего не спрашивая, даже у своей совести, и мало того что сами вселяетесь, так еще шейсовое гадство привозите с собой. Кстати, манечка возить с собой осужденных на казнь говорит о двух чертах вашего тарового характера — тупости и пафосности.

Скрежет зубов в тишине трапезной прозвучал отчетливо.

— Не перебивайте злых женщин, нас это только сильнее злит, — наставительно посоветовала я.

Скрежетать перестали. Я обвела взглядом трех напрягшихся, с трудом сдерживающих эмоции воинов в белом, демонстративно не посмотрела на Эрана и продолжила:

— Затем, выживания ради, вы начинаете посягать на местных женщин и угнетать местное население.

— Кира! — прошипел Эран.

— А дальше, — я повысила голос, — вам было вподляк заботиться о туземках, с коими вы же... развлекались, и вы решили проблему самым легким способом — пошли на сговор с шейсами. А чего, бабы-то не свои, чужих-то не жалко.

— Киран! — взревел повелитель Иристана.

— Эран!!! — ничуть не тише рявкнула я. — Имей терпение выслушать до конца. И не надо заливать про то, что вы считали ранее это лучшим выходом. Я — иристанка! Я, не ты! И я сегодня увидела, во что веками превращались иристанские женщины благодаря вашему попустительству! А еще, если хочешь знать, я — Аэрд, а как мне сообщила тень — Аэрд традиционно эйтны. Знаешь, что это значит? То, что сегодня среди тех ходящих на четырех лапах паукообразных монстров сто процентов были и

мои прабабушки! Как тебе такая правда, Эран? И как, по-твоему, я должна относиться к подобной правде?!

На меня больше никто не смотрел, и зубами тоже больше не скрипел никто.

— Кстати, — продолжила уже тише, — почему такая хрень с родом Аэрд, никто не знает?

— У вас ДНК содержит рецессивный ген, — глухо ответил Гарданг.

Я кивнула, хотя мало что поняла. Настроение оставалось подавленным, и плакать хотелось все больше.

— О, — глянула на Эрана, — пока не забыла, освободи синекожих женщин.

Воин нахмурился.

— Ну ладно, не освобождай! Это же возмездие за то, что их мужья и братья на твой священный Иристан напали! — Я поднялась со стула, все равно есть не хотелось. — Так что оставляй все как есть и подожди, пока они революцию какую-нибудь втихаря устроят, и вот тогда тебе будет мучительно стыдно. Прямо как сейчас!

И я направилась к двери, свистом позвав Икаса за собой, но была остановлена тихим:

— Хорошо.

Развернувшись, взглянула на Эрана. Тот, спокойно встретив мой взгляд, повторил:

— Хорошо, я освобожу рабов.

Ничего себе, я вообще уступок не ожидала никаких.

— И мы предпримем меры для лечения всех выживших эйтн, — добавил Ошер.

— Что касается местного населения — хассары управляют хассаратами в соответствии с традициями и устоями своего народа, мы не вмешиваемся, так что никакого угнетения нет, — вставил Лираэт.

Вот это точно бракованный навигатор в действии...

А потом я подумала — здесь ведь братья Эрана и его наставник, то есть получается что-то вроде семейного совета, так?

Медленно вернулась, наплевав на присутствующих, обняла повелителя Иристана со спины, погладила по мускулистым плечам и спросила:

— Это вы все сейчас со мной для галочки согласились, или все реально?

Лираэт мне улыбнулся, Ошер переглянулся с Гардангом, он и ответил:

— Ложь неприемлема для таров.

Кивнула суровому наставнику, а после честно сказала Эрану:

— У меня шок и истерика, я не справляюсь, так что ушла плакать.

Но едва отошла от него, как была поймана за руку, прижата к могучему телу воина, и меня прямо спросили:

— Это была шутка?!

— Нет, — прошептала я, — правда. Думала, хоть с мамой поговорить смогу и успокоюсь, а не вышло.

— Почему? — мгновенный вопрос.

Вытерла набежавшие слезы, так и истерика приближалась неотвратимо, пожала плечами, а потом плюнула на условности и честно призналась:

— Я нормально поговорить хотела, без свидетелей, а ты мне кучу народа на хвост посадил и сам постоянно вмешивался. Даже поплакать толком не получилось, ни мне, ни маме. А у нее, между прочим, тоже истерика!

Воин явно не знал, что сказать, просто потрясенно смотрел на меня.

— К маме хочу! — капризно заявила я.

Синие глаза повелителя Иристана продолжали потрясенно меня разглядывать.

— Дочери привязаны к матерям, — негромко произнес Гарданг, — к тому же Киара воспитывала повелительницу одна, заменив ей всю семью.

Эран глянул на наставника, затем на меня и спросил:

— Отвезти в дом гостей?

Я так поняла, он это про те строения вокруг дворца. Нет, к Нрого мне не хотелось, так что:

— К Аравану, мама все равно сейчас у него будет, она соскучилась.

Мой величественный воин кивнул, затем поднялся, вернул меня на мое место, снова сел и попросил:

— Поешь.

— Не могу, — честно ответила я.

— Подожди меня, — попросил Эран, усадил обратно на стул и вернулся к трапезе.

Вообще, ел много. Много и достаточно быстро, остальные также вернулись к еде, изредка бросая на меня взгляды, в которых был интерес, но никак не осуждение. В связи с этим возник вопрос:

— И что, ругаться за мою самонадеянность никто не будет?

Никто не стал, лишь Эран произнес:

— Ты могла погибнуть.

Икас подошел, разместил огромную морду у меня на коленях и посмотрел очень недовольно. Он все понимал, и он переживал, но тоже не

ругался. С улыбкой почесала его за ухом, чувствуя, как глаза вновь наполняются слезами.

— Я буду, — неожиданно сообщил Эран.

— Что будешь? — не поняла я.

— Ругаться, — пояснил повелитель Иристана, вытирая руки.

— А остальные будут? — поинтересовалась я.

— Остальным нельзя, — пряча улыбку, сообщил Лираэт.

— А почему? — живо заинтересовалась я.

Брат моего воина несколько растерялся, после чего произнес:

— Вы больше чем жена, повелительница, вы сердце повелителя, его чувства и эмоции, его дыхание, его жизнь. Оскорбить вас, даже проявлением недовольства, значит бросить вызов сильнейшему воину Иристана.

Искоса взглянула на Эрана, тот был напряжен настолько, что даже жевать перестал. А вот потом я посмотрела на Гарданга, который, кстати, как раз таки выражал мне свое недовольство. И седовласый воин, поняв намек, глухо произнес:

— Я попытался принести свои извинения.

— Да все норм, — заверила я, — забили. — А после протянула: — Кажется, традиции Иристана начинают мне нравиться.

Эран шумно выдохнул, а Лираэт с улыбкой поправил:

— Не Иристана — таров. На Иристане нет и не было ничего подобного в силу отличия коренного населения собственно от нас.

— И в чем отличие? — поинтересовалась я.

А дальше прошло нечто — светловолосый воин перегнулся через стол, схватил мою руку и молниеносным движением материализовавшегося в его ладони ножа резанул мой палец.

Я вскрикнула, Эран отшвырнул Лираэта от меня, и тот, пролетев через всю трапезную, приложился спиной о колонну, а я... Я потрясенно смотрела на капельку крови, появившуюся на левой руке Эрана, на указательном пальце... именно там, где его брат ранил меня...

Несколько секунд я потрясенно смотрела на повелителя Иристана, даже не взглянув в сторону поднимающегося со стоном Лираэта, тихо выругавшегося Гарданга и обозвавшего брата идиотом Ошера. Я смотрела на Эрана. На него, и только на него. Затем медленно поднесла свою ладонь к лицу, слизнула кровь с пальца... Ранка на пальце повелителя Иристана перестала кровоточить в тот же миг.

У меня был шок. Эран смотрел хмуро и как-то виновато. Гарданг и Ошер поднялись. А единственное, о чем я могла думать:

— Страшно представить, что с тобой будет, когда я рожать начну...
— Я... подготавлиюсь, — хрипло ответил воин.
— Да? — Во мне исследовательский азарт проснулся. — А я троих детей хочу...

Заметно побледнев, Эран произнес:

— Хорошо.

— Четверых, и без анестезии, — продолжила вредничать я.

Огромный властный великий воин выглядел все бледнее.

— Пятерых! — заявила громогласно, чувствуя, что истерика начнется с приступа смеха.

Он попытался что-то сказать и не смог, судя по всему.

— Да, — радостно выдохнула я, — но вообще шестеро тоже весьма неплохо, правда?

— Правда, — прохрипел Эран.

Я милостиво кивнула, принимая его согласие, гордо вскинула подбородок и ушла. Я решила не говорить Эрану про депиляцию и массу прелестей, позиционирующих как жертва во имя красоты. Он мне этот дар жизни сам всучил, не ознакомив с последствиями, вот пусть сам и наслаждается... всей гаммой результата.

Нет, вообще-то у меня был шок, но после всех событий сегодняшнего дня сил на переживания не осталось совершенно.

Поднялась наверх, кивнув мимоходом воинам, находящимся на страже у дверей, вошла в спальню и уже там начала снимать мастерку, а вот майку и брюки не успела — теплые ладони догнавшего воина скользнули на мою талию.

Прислонилась спиной к его могучей груди, закрыла глаза и спросила:

— То есть когда меня карги ранили, ты все почувствовал?

— Каждый удар, — глухо ответит Эран.

Я промолчала, только осторожно его по пальцам, переплетенным на моем животе, погладила.

— И вот скажи мне, — протянула устало, — зачем оно тебе нужно было — связываться с этим даром жизни?

Молча вытянул руку, затем кинжалом, который возник во второй, полоснул по коже. Я вскрикнула, глядя, как на его руке появляется багрово-красная полоса. И вздрогнула, услышав:

— А боли нет.

— Вообще? — недоверчиво выдохнула, в изумлении глядя, как затягивается рана.

— Вообще, — ответил воин.

Порез на его ладони затянулся, воин молча стер кровь, и я увидела, что даже шрама не осталось.

— Ты меня пугаешь, — честно призналась Эрану.

— Особенности таров, — пояснил он.

Затем вновь обнял, а я смотрела, как кинжал, став сиянием, втянулся в его браслет.

Мы постояли, потом я тихо спросила:

— Эран, а ты понимаешь, насколько это все для меня дико?

— Понимаю, — произнес он.

Стоим посреди спальни, ветер из открытых окон, взметая белые занавеси, овеивает обнаженную кожу, пригибает стоящие в углах белые цветы, шевелит ворсинки на белоснежном покрывале, имитирующем шкуру животного...

— Эран, а почему у вас все белое? — поинтересовалась я.

— Тарстан — планета, покрытая вечными снегами, — объяснил воин. — Белый — наш родной цвет.

Мы с мамой бывали на подобных заснеженных планетах, и потому я, на своей шкуре ощутившая, что такое холод, пробирающий до костей, сказала:

— Теперь понимаю, почему вы с нее смылись — замерзли.

Шутка вообще-то, но Эран отреагировал серьезным:

— Нет, мы не ощущаем холода. Причина была в другом — планета гибла.

Я не хотела сейчас слышать про гибель планеты, потому что до сих пор, стоило закрыть глаза, я будто наяву видела взвившуюся в воздух шейсу...

Эран мягко развернул к себе, посмотрел на меня, тихо спросил:

— Не можешь забыть?

— Нет, — прошептала я.

Тишина, затем провокационное:

— Помочь?

— Помочь с чем? — Я обернулась, взглянула на обнимающего меня Эрана, уловила его предвкушающую улыбку и не удержалась от ядовитого: — Мужчина, и ты действительно полагаешь, что этим сможешь заставить меня забыть о...

Правитель Иристана плавно обошел меня и прошептал:

— Проверим?

— Эран, — я занервничала, — если ты попытаешься промыть мне

мозги, я...

Он вновь обошел и, оказавшись за моей спиной, прошептал:

— Мозг сейчас интересует меня в последнюю очередь, — его пальцы скользнули по шее вниз, затем на плечо, оттягивая бретельку майки. — Закрой глаза.

И я почему-то подчинилась.

И стоило закрыть глаза, как отчетливо почувствовался ветер, несущийся из открытых окон и едва ощутимо ласкающий кожу... И звук расстегиваемой молнии заставил вздрогнуть... И нежные губы Эрана, целующие обнаженное плечо... И шелест упавшей на пол ткани... И прикосновение сильных пальцев к обнаженной талии... И дыхание воина, стремительно меняющееся... И его ладонь, скользнувшая под пояс моих спортивных брюк, и...

— Эран, кажется, меня уносит, — выдохнула я.

— Я держу, — прошептал он, касаясь губами уже моей шеи.

И действительно держал, обнимая за талию и прижав к себе так крепко, что упасть не осталось никакой возможности, но вот улететь... Я улетала, ощущая себя невесомой и парящей, не замечая, что одежды на мне остается все меньше, а поцелуев становится все больше. Я просто летела, закрыв глаза и доверившись сильным пальцам, нежным прикосновениям, осторожным движениям, хриплому дыханию воина, и никак не ожидала, что в итоге мы окажемся стоящими под теплыми струями воды, но даже там Эран все продолжал и продолжал нежно целовать, обнимать крепко, бережно и удерживать, не давая упасть. Не позволяя сползти по его сильному телу вниз, не позволяя испугаться падения даже на миг, заставляя довериться ему целиком и полностью. И я, запрокинув голову, подняла руки, обнимая его могучую шею. И все ужасы прошедшего дня как-то отступили, утратили значение, словно оказались смыты тем океаном нежности, в который меня погружал Эран, медленно, осторожно, чувственно. И эти прикосновения вдруг стали ощущаться гораздо ярче. И я уносилась вслед за его движениями, с трудом дыша, едва не захлебываясь и чувствуя, как забываю обо всем космосе, о шейсах, об Иристане, об... Нет, о планах на завтра забыть было невозможно, но сама мысль, что завтра я проверну нечто грандиозное, очень радовала... как и то, что творил с моим телом воин.

— Ты меня с умаводишь, — простонала я.

— Нет, — Эран потерся носом о мою шею, — еще нет, сердце мое.

— Уверен? — едва слышный вопрос.

— Абсолютно. — Движение, и повелитель Иристана развернул к себе

лицом, чтобы, приподняв за подбородок и глядя на меня, добавить: — Я тебя чувствую.

А я больше не чувствовала себя подавленной после всех сегодняшних событий. Это как взять что-то тяжелое и разделить на двоих, а то и попросту отдать. Что-то фантастическое, когда с каждым поцелуем словно уходит тревога, горечь, ощущение собственной слабости и появляется что-то другое — светлое, значимое, парящее...

История восьмая: О побеге, опасных ритуалах и мертвых капитанах

Это было потрясающее утро. Пели птицы, журчал фонтан во дворе, я с теплой улыбкой вспоминала вчерашнюю ночь с Эраном и никак не могла отделаться от этой улыбки. Я с ней, похоже, и спала, с ней проснулась, с ней раз двадцать поцеловала моего воина и пообещала вести себя хорошо и без причины никуда, вот совсем никуда не уходить с территории крепости МакЭдл. Естественно, слова «без причины» были произнесены очень тихо, примерно так же тихо, как он когда-то сказал про последнего воина с конца...

Я даже улетала с улыбкой, разве что когда меня посадили в кресло, пристегнули, взлетели и уже не могли видеть выражения моей мордашки, улыбка стала гораздо шире, коварней и вообще с оттенком предвкушения.

Потому что впереди, и я в этом даже не сомневалась, меня ждало огромное, потрясающее, невероятное и классное приключение! Ибо все вылазки с мамой — это было круче любой проделки с Микой! Это было круче даже разборок со Скользким Алом и ведения гонок лемаков, это...

«Чувствую, что тебя переполняет радость», — прозвучал в моей голове голос Эрана.

«Вчера была волшебная ночь, — честно призналась я, чтобы в дальнейшем с чистой совестью солгать, — и я не смогу забыть о ней весь день!»

«Вернешься?» — последовал провокационный вопрос.

Переиграла...

«Хочу побыть с мамой», — непреклонно заявила я.

Он промолчал, затем сухо напомнил:

«Крепость МакЭдл будет охраняться по периметру!»

«Да-да, я помню, — инструктаж просто мне за завтраком провели, — дом брата не покидать, взрывов не устраивать, за побег отшлепаешь. Я все помню, Эран, у меня отличная память».

«Память отличная, исполнительность хромает».

Типа это был намек. Нахмурившись, я ответила:

«Моя исполнительность позволила вам накрыть притон шейсов».

«Поверь, даже это не примирило бы меня с твоей смертью».

Да, накосячила, да, меня шейса едва не порвала на атомы, да, виновата, и что теперь?! Я ничем, кроме своей жизни, не рисковала, так что нечего мне сейчас головомойки устраивать!

Но воину ответила прямо противоположное:

«Верю, Эран, прости».

И он больше не ругался, лишь сказал:

«Твоего отца нигде не могут найти. Если наши предположения верны и он одержим сущностью шейса — он опасен. Не покидай пределов крепости МакЭдл!»

«Да, Эран, да, я все помню, и, в конце концов, куда я денусь, вокруг крепости будут твои тары».

Промолчал. И молчал весь полет — минут двадцать.

А затем, когда мы пошли на снижение, тихо сказал:

«Я тебя чувствую, Кира, и сейчас я отчетливо ощущаю, что ты мне лжешь. Но учти, сердце мое, покинешь дом МакЭдл, и я забуду о сдержанности!»

Прозвучало как угроза, и у меня появилась пара вопросов по этому поводу, но какой смысл? Я понимала, что только начну возражать — и этот корабль просто не сядет, а развернется и унесет меня обратно на разборки со сплошным тестостероном. И мне, конечно, нравился Эран, даже такой, каким я его видела без налета гламурности от шейсов — взрослый, суровый, могущественный, сексуальный такой, но... одно дело — он и совсем другое — приключения и выяснение до конца проблемы с шейсами. При таком раскладе Эран мог идти нервно включать двигатель в сторонку, вот.

Так что я не ответила. Вот ни слова. Я снова заулыбалась, дождалась, пока корабль сядет, терпеливо подождала, пока меня отстегнут от сиденья, и помчалась быстрее астероида на выход. Но где-то там, в подсознании, мелькнула мыслишка: что бы ни случилось, попадаться Эрану нельзя, лучше будет так же осторожно вернуться, а потом повелитель Иристана пусть доказывает, что я из дома Аравана смывалась.

Когда люк опустился, всю кабину залил солнечный свет, и я прищурилась, но все равно увидела маму и Ара, ожидавших меня с двумя тариге.

Ждали они совершенно напрасно — один из таров подошел к Ару и, совершенно игнорируя мою мать, что-то ему сказал. Братик тут же нахмурился, взял маму за локоть и увел к платформам. И они взяли и улетели без меня! Вот вообще без меня!

А этот воин подошел, опустился передо мной на одно колено, склонил

голову и произнес:

— Прошу прощения, повелительница, но повелитель дал четкие инструкции, он опасается за вас.

— Что? — Мой сиплый голос издал что-то невнятное.

К шлюзу подлетела многоместная платформа, и угадайте, где я сидела? Посередине! В кресле! Пристегнутая! Стерпела, конечно, деваться было некуда.

Но как выяснилось — это было только начало!

Едва мы подлетели к крепости с высоченной стеной (Иристан продолжал удивлять), светловолосые воины облетели всю стену, расставляя на ней какие-то приспособления, после что-то активировали, и весь дом накрыло защитным пологом. И вот только тогда платформа, на которой находилась я, подлетела к воротам и опустилась на песок.

Ворота открылись. За ними стояли два воина клана МакЭдл и злая мама, которая мне сразу заявила:

— Это перебор!

— Что ты, мне все нравится! — съязвила я.

— Судя по твоему лицу, ты просто безмерно счастлива, — в тон мне ответила мамуля.

— И не говори, — я дождалась, пока меня отстегнут, — парю от восторга просто!

— Зззаметно, — прошипела моя родительница.

Я же, едва освободили, вскочила, добежала до края платформы, спрыгнула и с разбега обняла мамочку.

— Это кипец, — прошептала она мне.

— У меня есть идея, — ответила я.

И обниматься мы перестали.

— Ну, пока, — заявила я тарам, схватила мамулю за руку и втащила в крепость.

Воины МакЭдл, не сводившие глаз с меня и мамы, закрыли ворота.

И в тот же миг в крепости раздался вопль:

— Свободааааа!

— Ты чего орешь? — поинтересовалась мама.

— Да так просто, адреналин зашкаливает. Где Араван?

И тут на мамином лице появилась совершенно фантастическая улыбка, и она с придыханием прошептала:

— У него дети...

— У кого? — не поняла я.

— У Аравашечки. — И вид у мамы стал совершенно невменяемый.

А я поняла — мало ей было одной меня, ой мало, с таким-то материнским инстинктом и нерастроченной материнской любовью ей троих надо было как минимум.

Мама смешная.

Я не лучше!

— Тетя Киа! — Трехлетний Дарран соскочил с колена сидящего на террасе второго этажа Ара и рванул ко мне.

Подхватила мелкого на бегу, подбросила, поймала и тут же поставила на пол, так как требовалось ловить второго — Илрану трех с половиной, но он как-то поспокойнее братика и бегаёт медленнее.

— И тебя поймали, ап! — подбросила и его.

В результате радостный визг одного пацана и обиженное «Исе хосю» от Даррана.

— Тетя Кия, — коверкая мое имя на манер малышей, произнес Араван, — садитесь к столу и прекращайте мне сыновей баловать.

— Кирюш, они мальчики, — напомнила мама, присаживаясь за стол.

Ну и что, что мальчики. Я потискала Илрана, покружила ещё чуть-чуть Даррана и только потом пошла к столу, и то исключительно из-за того, что Араван уже явно сердился. Да-да, за прошедшие два часа я успела познакомиться с племянниками, влюбиться в них основательно и понять, что мне двух часов было мало.

— Немного любви им не помешает, — присаживаясь на стул, сказала я.

— Киран, какая любовь?! Они мальчики, будущие воины, им любовь не полагается в принципе. — Ар явно был мной недоволен. А затем, повысив голос: — Женщины, где мой завтрак?

Мы с мамой только весело переглянулись. У Аравана, как оказалось, уже четыре жены и шестеро сыновей, с девочками ему не повезло. К женам относится нейтрально, так как был вынужден жениться в достаточно юном возрасте, чтобы род не прервался. А вот детей не просто любит — боготворит и обожает. Но скрыть пытается, причем не то чтобы от нас — даже от самого себя.

— Ар, не вредничай. — Мама положила ладонь поверх его широкой и сильной руки.

— Не нужно учить меня, как мне жить, — но вздох был явным свидетельством того, что он уже успокоился. — Мне и так тяжело, тетя Киара. Дед был женат на единственной женщине, которая родила ему всего двух детей. В результате к семи годам, когда деда умер, я остался один.

Совсем один.

— У тебя было опекунство дяди Роэ, и бабушка также старалась быть рядом, — напредила мама.

Араван смерил ее усталым взглядом темно-зеленых глаз и повторил:

— Я был один. Без матери и отца, без братьев и сестер. Совсем один. Как глава рода я даже не мог поселиться у дяди Роэ, и мне приходилось спать одному в полупустом доме, слуги не в счет. И все бы ничего — одет, обуи, накормлен, но я рос, окруженный любовью, и когда ее не стало, было очень больно. Поэтому повторяю в очередной раз — не нужно баловать моих детей. Пусть привыкают к жизни с малых лет, чтобы потом не пришлось выть от тоски, потеряв любимых и дорогих людей.

Мы в ответ промолчали. Какой не баловать?! Как выяснилось, мы с мамой на детях помешанные, причем в прямом значении этого слова. Обе, откровенно говоря, ждем, пока Араван отвлечется, и валим на женскую половину к племянникам. Они такие потрясающие, особенно Имир, которому всего полгодика. Но все это быстро прекращалось, так как брат тоже не вчера родился и нас в страшном подозревал, а потому и ловил на горячем... гад.

Но малые у Ара потрясные — все зеленоглазые, кроме Каинаса — тот крошка совсем, родился неделю назад и еще голубоглазый, а еще детки все темноволосые и такие классные! И жены тоже очень-очень даже, несмотря на то что серый цвет брюнеткам не особо идет, все равно очень милые девочки. Правда, молчаливые и покорные не в меру и на нас смотрят, как на снег посреди жаркого лета, а то и еще с большим удивлением. И даже сейчас, когда накрывали для нас стол на террасе, нет-нет да и поглядывали с изумлением, поражаясь тому, что есть мы будем с тар-эном.

— Араван, — мама взяла чашку с крепким местным напитком кроваво-красного цвета, — попроси девочек забрать детей.

Просить не пришлось — жены мгновенно закончили с сервировкой стола, подхватили малышей и беззвучно скрылись.

— Нет, это никуда не годится. — Мама тяжело вздохнула.

Араван в черной свободной рубашке, черных брюках и военных ботинках сурово глянул на мамочку и сурово же произнес:

— Не лезьте в мою жизнь, тетя Киара!

Однако, не собираясь сдаваться, ма прищурила глаза и протянула:

— Неужели тебе не хочется видеть своих женщин красивыми, в легких струящихся платьях, а не в этих хламидах, с распущенными волосами, счастливыми и улыбающимися? Араван, я прекрасно понимаю, что они проведут всю свою жизнь здесь, за высокой стеной крепости, воспитывая

твоих детей и ублажая тебя по полной программе. Я также отчетливо понимаю, что девочки даже мечтать о чем-либо ином не смеют, в их понимании им еще очень даже повезло, но... Но просто поверь, мой мальчик, ты сам будешь гораздо счастливее, если будешь видеть их улыбки.

Нахмурившись, брат взглянул на меня, я улыбнулась ему и, примиряя их обоих, сказала:

— Ма, Ар просто никогда не покидал пределов Иристана, но я уверена — одна прогулка по Гаэре, и он...

— Привезет себе еще пару жен, — закончила за меня мама. — Кирюсь, еще раз посмотри на братика и скажи честно — твоя реакция, увидь ты его дома.

Она сознательно употребила термин «дома», потому что исподволь, осторожно уже взялась за мое воспитание. Я, хоть и раскусила ее, все равно глянула на Ара, встретила его взгляд и честно призналась:

— Да, нямочка, пол-универа побежали бы за ним следом.

— Тар-эны привлекают женщин, но не настолько, — возразил Араван.

Я вспомнила тех громил из папиного клана МакВаррас — вот те да, те слишком громадные, братик же был стройнее, при том, что рост также запредельный, и кожа у него посветлее, и мускулы поменьше, и выражение лица нормальное вполне, без презрительной брезгливости ко всем окружающим.

— Ты моложе тех воинов МакВаррас, которых я видела, и слабее, так что тебя бы не пугались, как их, и, следовательно, ты гарантированно привлек бы половину нашего универа, — заключила я.

— Кстати, о слабости. — Мамуль, как и я, в тунике и шортах, точнее, это я у нее прикид одолжила, выглядела как девчонка, возраст выдавал лишь внимательный взгляд, да еще и серьезное выражение на лице. — Араван, мы должны прорваться в Каарду.

Брат, который как раз начал есть, подавился, захрипел, закашлялся. Поднявшись, я милостиво постучала его по спине, после села обратно. Несчастный Ар с покрасневшим лицом, покрасневшими же и заслезившимися глазами посмотрел на меня, потом на маму, в итоге просипел:

— Женщины, вы ополоумели!

Не, ну мы не звери, мы дали ему немного времени прийти в себя, чаю выпить и только после этого приступили к разговору.

— Агарн МакВаррас будет мстить, Ар, и так как Кира теперь под защитой правящего клана, а я вне досягаемости для него, мстить он станет тебе.

Воин хотел было что-то сказать, но передумал. Почти швырнул чашку на стол, и та жалобно звякнула от подобного обращения, откинул черные волосы за спину, сел ровнее, затем медленно огляделся. У клана МакЭдл была замечательная крепость — высокая крепостная стена скрывала вполне уютный дом с тенистыми террасами, садом, искусственным ручьем, в котором сейчас купались дети Ара под присмотром двух жен. От нас они находились метрах в ста, но веселый смех малышей доносился и до террасы, и я видела, как медленно мрачнеет лицо брата.

— Прекрати, — тихо приказала мама, — и послушай.

Он повернул голову, направил потемневший от злости взгляд на маму.

— Прекрати, я сказала, — повторила она.

— Прекратить что? — гневно переспросил Ар. — Прекратить объективно оценивать ситуацию?! Хассар... в смысле, бывший хассар будет мстить, тут вы правы. Единственная приемлемая для тар-эна месть — вызов на бой. И я проиграю, в этом нет сомнений. Даже несмотря на возраст, Агарн МакВаррас сильнейший в хассарате Айгора, я видел его в боях — равных нет.

Я встревоженно посмотрела на маму, но ей было не до меня — эти двое сейчас говорили исключительно между собой.

— Ар, — мама улыбнулась, — а ты видел в бою хассара Шаега?

Кивнув, брат подтвердил:

— Нрого сильный воин, равный Агарну.

Мама тоже кивнула и произнесла:

— Ты станешь сильнее.

Воин усмехнулся, наглядно демонстрируя свое отношение к маминым словам.

Но у Киары МакЭдл был козырь, о котором брат не знал.

— Настолько сильным Нрого сделала я.

И усмехаться Араван перестал. Еще один быстрый взгляд на своих купающихся неподалеку сыновей, а после напряженное:

— Я слушаю.

Мне тоже было очень интересно, и мама, улыбнувшись мне, рассказала о том, как почти двадцать лет назад хассар Шаега получил вызов от сильнейшего воина своего клана, и он точно знал, что проиграет. Его брат Сарг, друживший с братом и сестрой МакЭдл, обмолвился друзьям о предстоящем, а мама рассказала своей матери — бабушке Кирате. И тогда бабушка посоветовала попробовать вселить в Нрого вторую тень, что должно было сделать его сильнее. И они решили попытаться. Мама, дядя Киран, младший брат хассара Шаега и сам Нрого

пробрались в священную и охраняемую Каарду, остались там на ночь, а ночью мамочка провела ритуал, как научила ее бабушка. Так у Нрого и появился левый, с которым я сегодня оставила Икасика, потому что шерстусик соскучился по правому, и Акаши, и правый должен был ему сделать какие-то прививки.

— Тот бой Нрого выиграл, — завершила свой рассказ мама.

Араван молча взял чашку, начал ее задумчиво крутить, затем хрипло произнес:

— Несколько лет назад один инопланетник проник в Каарду, — взгляд на меня, с намеком, что речь идет о Демоне, — с тех пор гору охраняет клан Таргар.

Мама тихо выругалась, я же начала вспоминать, где я это название слышала. Вспомнила и воскликнула:

— У них там Гарданг главный?

Мама кивнула. Я сникла. Гарданг — это сила, чего уж тут.

— Допустим, проникнуть мы сможем, — у мамы тоже настроение испортилось, — но вот выйти уже вряд ли — Гарданг наш запах учует и пойдет по следу.

Гарданг, конечно, сила, но не настолько же.

— Ничего не выйдет, — глухо произнес Араван.

Мы с мамулей не были столь категоричны, мы вообще и не такое устраивали, правда, не на Иристане, но опыт имелся внушительный.

— После ритуала Ар будет спать не менее пяти часов, и первые сутки ощущается слабость, — начала мама.

То есть на обратном пути нас стабильно схватят... И тут мне вспомнилось некстати: «Я тебя чувствую, Кира, и сейчас я отчетливо ощущаю, что ты мне лжешь. Но учти, сердце мое, покинешь дом МакЭдл, и я забуду о сдержанности!» Поежившись, я вспомнила срыв Эрана тогда в столовой после сладкого ужина, и вот точно уверена — там он себя еще вполне в руках держал... Короче, мне попадаться нельзя определенно!

— Мы уйдем первыми, мам, — присоединилась я к планированию, — и отвлечем погоню на себя.

— Хороший ход, — похвалила мама.

— Я против, — не согласился Араван.

— Да ладно, что они нам сделают? — Мамуля улыбнулась. — Кира — повелительница, ее не тронут, я под защитой хассарата Шаега и Нрого лично, так что у нас проблем не будет.

У мамы нет, а вот у меня...

— Мамуль, — осторожно начала я, — а что, от погони шансов уйти

вообще нет?

Внимательно посмотрев на меня, мама спросила:

— Попадаться нежелательно?

— Неа! — заверила я.

Чуть нахмурившись, Киара МакЭдл внесла неожиданное предложение:

— У меня корабль в горах хассарата Шаега. В Каарде волновое искажение идет, так что я смогу отправить сигнал системе наведения, и, покинув священную гору, мы получим шанс покинуть и Иристан. Что скажешь?

Меня удивил вопрос. Нет, вот действительно удивил — ведь мама фактически спрашивала, хочу ли я остаться. Остаться здесь, на Иристане, с Эраном.

И этот вопрос поставил меня в тупик. Потому что была вчерашняя ночь, наполненная нежностью и любовью, потому что имелся вчерашний разговор в столовой, где и Эран, и его братья, и даже Гарданг продемонстрировали готовность слушать и слышать меня, и оставалась нерешенной проблема с той, недостающей тенью, которая, как я подозревала, находилась в отце и... Как бы я ни была зла на папандра, он мой отец, я должна сделать хоть что-то, чтобы помочь ему. Да, мамин вопрос действительно поставил меня в тупик, более того, я поняла, что не могу сейчас на него ответить.

— Поговорим ночью, — заметив тень сомнений на моем лице, сказала мама.

Я кивнула и задала главный вопрос:

— Ар, откуда приходила бабушка Кирата?

Удивление на лице брата сложно было описать, но он справился с собой и ответил:

— Она всегда появлялась в детской, там сейчас живут Дарран и Ниран. Мы с мамой переглянулись.

— Готовь альпинистское снаряжение, — приказала мамуля Аравану. — Крюки, веревки, маски, перчатки и спецсредства, блокирующие запах. Две тариге затащи в дом незаметно. Я на кухню за едой, Киран в детскую.

— Еда зачем? — не понял Ар.

— Поверь, понадобится, — улыбнулась мама. — Время!

Схватив булочку, я первая помчалась выполнять свое задание. Прошла почти через весь дом, поднялась на третий этаж, кивнула Шеррите, второй жене Ара, которая как раз несла своего маленького в сад, на прогулку перед

обеденным сном, и вошла в детскую. Игрушек тут имелось немерено — зверюшки, мечи, кинжалы, луки со стрелами, щиты, ножи — в общем, сразу видно, кого из малых воспитать собирались. Комната была небольшая, с одним решетчатым окном, видимо, для безопасности, также имелся небольшой шкаф в углу, две кровати, мягкий ковер на весь пол и, собственно, все. Никакого шейсового перехода видно не было, но это не значило, что его тут нет, и, касаясь стены пальцами, я медленно обошла все по периметру.

Но я все шла и шла, переступая валяющиеся на полу игрушки, и ничего... совсем. Паника немного так появилась, но, подавив ее, я завершила круг. Постояла, нахмурившись, а затем еще раз внимательно посмотрела на ковер.

Через минуту ковер был безжалостно свернут, и я начала ползать по полу, исследуя его.

— Тетя Кия игает, — заявил неожиданно появившийся Дарран.

Я обернулась, подмигнула стоявшему в дверях малышу и поползла дальше вдоль стены, продолжая исследовательскую деятельность.

— А у тети Кийи нету носьки, — внезапно сказал маленький.

— Все у тети Киры есть, — возразила я, ощупывая пол.

— Носьки нет, — упрямо возразил он.

Хотела было уже ответить, но решила глянуть на себя и застыла — ноги у меня действительно не было. До колена почти! Потому что портал был не в стене и не на полу, он завис между ними, образуя угол градусов в девяносто!

— Да, мой хороший, у тети нету не только носьки, но и мозгов, — согласилась я, стремительно поднимаясь. — А у тебя есть мел?

Ребеночек, мокрый весь, прошлепал в комнату, и я, не удержавшись, сбегала к шкафу, достала полотенце, схватила мелкого, закутала, а он нахмурился, прямо как Ар, и хмуро сообщил:

— Я злослый!

— Угу, — торопливо обтерла этого взрослого, поставила на пол, — мел дай, мужчина.

Заулыбался, гордый тем, что его мужчиной назвали, дошел до кровати, пошарил под ней, достал мел. Вот с помощью мелка я и обозначила границы перехода, получилось не особо радостно — я пролезу, мама тоже, Ар с трудом, тариге, то есть платформы их летательные, — никак.

Так что когда появились Араван и один из его воинов, втащившие тариге вообще через окно, ими собственноручно прорубленное из гаража в дом (иначе никак, за крепостью же наблюдали), оказалось, что все их

усилия были напрасны.

Отослав воина, братик проследил за тем, как я беспрепятственно вхожу и выхожу из воздуха и как мама, при условии, что я ее держу за руку, тоже и входит и выходит, и задал неожиданный вопрос:

— А если его растянуть?

— А если порвется? — предположила я.

— А если мы войдем, а платформы попробуем втащить? — Мамино предложение оказалось самым разумным.

Просто там, по другую сторону, был заброшенный храм в пустыне, так что имелась возможность поэкспериментировать.

Вообще суть наших приготовлений в крепости МакЭдл не понял никто — Ар ни перед кем не отчитывался как глава рода, а мы, когда вытаскивали кровати малышей, сказали им, что будем играть и болтать всю ночь, чтобы уж ка-а-ак наговориться, чтобы надолго хватило. В итоге Ар запер дверь в спальню, заблокировал окно, подключился к системе управления домом и поставил блок на открытие двери, а после этого мы и приступили к операции «Усиление Аравана».

Для начала перетаскили все снаряжение через портал в храм (точнее, я перетаскивала), а мама и брат разбирали тариге, максимально уменьшая их. Поэтому я в итоге заносила через переход рулевое управление, а уже потом держала Ара за руку, когда он перетаскивал сами платформы.

Переход не порвался, хотя со стороны храма он выглядел как пленочка, причем изрядно потрепанная. Но мы справились.

И потом, пока мы с мамой проверяли снаряжение и грузили рюкзаки, Ар обратно прикручивал детали тариге. Ему в рюкзак мы грузили исключительно еду, и в итоге он не выдержал:

— Тетя Киара, это уже смешно, я себя проглотив ощущаю.

— Ты таким и станешь после ритуала, Ар... ап-чхи! — сказала мама.

Просто храм был заброшенный, в пустыне, пыли тут было много и скорпионов. Но последние, едва появился Араван, почему-то сбежали — наверное, опыт жизненный имелся.

— Араван, сверь координаты! — приказала мама, едва все было упаковано. — Пантеренок, осмотри храм, возможно, еще есть переходы.

— Не понадобятся, мы в шести минутах полета, — сказал Ар.

И указал на пролом в стене справа.

Мы с мамой перебежали через весь храмовый зал и в разломе увидели горы, из которых возвышалась одна, покрытая снегом и затмевающая небо.

— Священная Каарда, — с благоговением протянула мама.

У меня благоговения не было, у меня имелось неприятное ощущение

подставы — я хотела к Каарде, переход вывел к Каарде! Странно, и весьма. Это получается, я могу управлять переходами?

— Кир? — Мама заметила мое напряжение.

— Мамуль, вопрос: а в самой Каарде переходов нет? — поинтересовалась я.

— Нет, там искажения и системы навигации сбой дают, что уж говорить о переходах.

Ага, то есть без того, чтобы договориться с тарами, подложив под них местных женщин, шейсы никак не могли добраться до погибшего корабля... Весело, но логично.

— А ближе к Каарде храмов нет? — снова задала я вопрос.

— Нет, пантеренок, — улыбнулась мама, — нам сейчас очень повезло, потому что ближайший храм, из которого и отправлялись в святилище готовящиеся к поступлению, находится в часе езды от входа в Каарду, а тут... Нам действительно очень повезло, Кирюшь.

— Не повезло, — отрезала я, глянув на переход, — это не было везением, мам.

И не стала говорить маме, что это я, получается, направила нас максимально близко к цели. Бракованный навигатор, это уже интересно.

Подойдя к мерцающей пленочке, я осторожно прикоснулась к ее поверхности и подумала, что мне нужен дом Эрана. Миг, всего один, и я отчетливо разглядела знакомый сад, деревья, систему полива... Весело!

Затем подумала о подземелье Накара — мгновение, и вот передо мной знакомый грот и снующие по нему тары, которые непонятно что там делали, но явно кое-кто светловолосый с синими глазами взялся уничтожать переходы шейсов!

В принципе я понимала мотивацию его действий — та самая последняя тень тоже явно переходами пользуется, отца ведь так и не нашли, несмотря на все запредельные таровые технологии.

— Кирюш, — позвала мама, — время.

Я отошла от перехода, посмотрела на маму и брата — они оба уже были на тариге, Ар должен был лететь один, но мы решили, что вторую летательную платформу оставим в качестве страховки здесь, так что полетим все вместе на первой. Подхватила рюкзак и, застегивая его, подбежала к маме.

— Маскировка, — с улыбкой скомандовала мама, натягивая на лицо маску.

У меня такая шапка-шлем тоже была, и Ару мама выдала, но он вообще с трудом влез в нее. Затем в ход пошла отражающая краска, для

помех при наведении оружия, маскирующий запах спрей, перчатки. Да, попасться мы не планировали.

— Из Каарды есть ход, — поправляя маскировочный костюм Аравана, сказала мама. — Подозреваю, что он ведет к этому храму, проверю, когда будешь отсыпаться.

— Я не... — начал братик.

— Ты помолчишь, — отрезала мама. — Если нет, мы уведем погоню за собой, ты прокрадешься сюда и вернешься домой.

Оглядев нас, ма кивнула и приказала:

— На взлет!

Араван перепрограммировал тариге на бесшумный полет, да и направление было не на основной вход, а на пещеру соседней горы, так что шанс прорваться у нас был.

Платформа мягко оторвалась от пола, подняв облако пыли, и мы двинулись к пролому в стене, чтобы, едва покинув развалины храма, резко уйти вниз, к самой траве, где мы с мамой спрыгнули, достали ножи и приступили к сенокосу.

Маскировка в итоге была на уровне, и к священной Каарде очень медленно и не привлекая внимания в итоге двинулся гибрид куста и стога сена...

— И не улыбаться! — рявкнула мама.

Мы с Араваном не улыбались, мы ржали от своего видона, причем долго, но тихо. В итоге на подлете к горе мама готова была нас прибить, и прибила бы, но случилось нечто!

Совершенно невероятным образом в моем сознании вдруг развернулась спутниковая карта данной местности, точно данной, потому как в центре изображения высилась гора, и я не знаю, как сообразила прошептать Ару:

— Стой!

Брат отреагировал мгновенно, мы замерли.

А между тем карта в моем сознании медленно проворачивалась, и я услышала отдаленное:

«Ложная тревога».

Говорил тар, определенно тар, только у этого голос был низковатый и чуть сиплый. Но главное то, что мы успели отреагировать вовремя, и потому, хууу, пронесло.

Как бы не так! Внезапно я услышала дико знакомый голос, который с выводом первого не согласился:

«Проверить».

И в тот же миг на карте ожили шесть точек, которые начали стремительно двигаться в нашем направлении, со всех сторон!

— Кира, в чем дело? — напряженно спросила мама.

— Нас засекли, — ответила я. — Шесть таров приближаются.

— Не ощущаю, и система не засекла, — произнес Ар.

— А ты мне поверь, они приближаются, и достаточно быстро. Бракованный навигатор!

Мама ни возражать, ни ругаться не стала, она просто приняла мгновенное решение:

— Дальше пешком.

— Не успеем, — прошептала я, по карте было не сложно рассчитать расстояние от нас до пещеры.

— Успеем, — заверила ма, прыгивая с платформы. — Ар, для тариге задай параметры влета в Каарду. Через центральный вход.

— Понял.

Через мгновение мы с Аром тоже прыгнули и тут же упали в траву, а тариге, получив новые параметры, плавно разворачиваясь, полетела к самой высокой горе.

И в моей голове мгновенно изменилось изображение — словно я упала с высоты птичьего полета и зависла над платформой, которая была полускрыта травой и кустарником, и казалось, живой стог плывет над саванной.

Класс! Я уже собиралась похвалить маму, как услышала спокойное:

«Диверсия. Группа от одного до трех, не тар-эны. Контролировать периметр Дешры».

Дослушав, я тихо спросила:

— Мам, Дешра — это что?

— Гора, к которой мы движемся, — прошептала она, — не переживай, они охраняют Каарду, сейчас вернутся к ней.

Короче, я поняла неприятное — Гарданг умнее.

— Мам, они по внутренней связи получили приказ контролировать периметр Дешры, — сообщила ей.

Следующие несколько минут мама с Аром ругались на пару, и я бы тоже присоединилась, если бы не одно ма-а-аленькое досадное «но»!

«Сердце мое!» — раздалось неожиданно в моей голове.

Атом нестабильный!

Бракованный навигатор... Уткнувшись носом в ладони, пытаюсь проигнорировать и не думать, совершенно не думать о некоторых синеглазых.

«Где ты?»

Злой, не оставляющий простора для лжи вопрос. И тут я подумала: он же меня чувствует, так? Это значит, врать нельзя. Это значит, говорим правду и только правду.

Я прикоснулась двумя пальцами к шее и сказала:

«Привет, любимый». — Между прочим, правда, все до последней буквы, потому что и правда влюбилась немножко.

Молчание, затем спокойное:

«Хорошо, верю, дальше?»

Дальше так дальше:

«Я дома, любимый, с мамой и братиком».

И ни капли лжи — Иристан мне вообще дом родной.

«Не лжешь...» — задумчиво протянул он.

А то, я такими темпами скоро и детектор лжи обходить с легкостью начну.

«И я занята, любимый, — мягко добавила, — дай с родственниками пообщаться».

Осторожненько убрала руку от шеи.

— Что? — прошептала мама.

— Надо выбираться, — тоже шепотом ответила я.

— Я могу управлять тариге дистанционно, — произнес Ар, и я сразу поняла, что мы точно родственники.

— Сейр Кире кинь, — приказала мама, — у нее опыта в таких делах больше.

Черный сгусток Ар бросил без предупреждения. Поймала, растянула, подключилась. Сейр был совсем как у Дьяра, так что разобралась без проблем и внедрилась в систему управления тариге. В следующее мгновение платформа резко сменила направление и полетела к нам.

— Кир, ты что творишь?

— Доверься мне, — шепотом ответила я.

И платформа зависла над нами.

Закрела глаза — сверху за нами наблюдали, причем очень внимательно, но — они видели только тариге.

— Ползем, медленно и плавно, — скомандовала я.

И мы поползли под прикрытием медленно летящей над нами платформы.

«Неожиданный ход», — услышала я слова Гарданга.

«Уничтожить?» — неприятненький такой вопрос.

«Да», — последовал приказ.

— Всем стоять и вжаться в землю, — приказала я.

Мы остановились — платформа плавно полетела вперед.

Чтобы взорваться через семь шагов.

— Твою ж мать! — прошипела мама, пригнувшись, когда над нами просвистел пылающий кусок от тариге.

— Ты моя мать, — ехидно напомнила я.

— Как обратно выбираться будем? — спросил Ар.

— Пока никому не двигаться, — предупредила шепотом.

В идеале было бы, чтобы тары поверили, что уничтожили противника, и свалили, но нет!

«Место обследовать!» — прозвучал приказ Гарданга.

Кипец! Полный и основательный! Его что, вообще провести нереально?

И тут мама прошептала:

— А ну-ка давайте вперед.

— Как далеко? — спросил Ар.

— Восемь шагов, — скомандовала мама.

И мы поползли, а карта в моей голове, она нас засекла! Засекла и начала приближать изображение, но тут... Все замигало, и пошли помехи.

— Мы в зоне волн, — мама глянула на меня. — Что там?

— Искажения.

— Шикарно, — она приподнялась, — впереди пещера, от нее двенадцать метров на юг вверх по склону, и вот в ту черную расщелину, видите?

Мы приподнялись следом за ней, проклиная ползающую мошкарку, пыль, жару и степной бурьян, но разглядели указанное мамой.

— На счет «три». Три!

И она, вскочив, помчалась вперед, Ар, хоть и не был готов к подобному, рванул за ней, я следом.

«Взять!» — прозвучал в голове холодный приказ Гарданга.

Точнее, он начал звучать как «Взя», а закончился как «уаоать» — я так понимаю, помехи и на связь таров воздействовали. Отлично!

Мы пробежали, словно к пещере, а затем мама резко ушла влево и вверх, юркнув в расщелину, я следом, Ар подождал меня и влез последним. Все заняло секунд семь, но и передышки не было.

— Скорее! — приказала мама.

И мы помчались по камням, пригибаясь там, где излом сходил над нами, перепрыгивая через валуны и слыша стук падающих камней, вылетающих из-под подошв настигающих нас таров.

— Впереди пропасть, — прошептала мама, — за мной.

Мы с Аром переглянулись и подчинились.

Бег по краю пропасти, и мама срывается вниз, туда, где смерть! Араван мотнул головой, показывая мне, что это безумие, я оббежала его и сиганула за мамой. Падение вниз, удар о землю, сгруппироваться и откатиться, следом прыгнул Ар. И почти сразу мама указала на реку, которая бурлила так, что сразу становилось ясно — там масса порогов!

Тут уж и я была уверена — бред!

Но мама с разбегу прыгнула в реку и не вынырнула. Помянув бракованный навигатор, я нырнула за ней.

Оказалось — именно в этом месте в дне реки был излом, и, нырнув в воду, мы оказались в нижней пещере, точнее, грохнулись на песок, мокрый и холодный.

— Ну, мама, — прошипела я, откатившись в сторону и отплевываясь от воды и песка.

Сверху свалился Ар. Приподнялся на четвереньках, прохрипел что-то, тоже сплюнул песок и вскочил. Поднялась и я.

— Молодцы, детки, — с нескрываемой гордостью похвалила мама.

Мы с Аром готовы были ее прибить!

Мама, наверное, это поняла и потому торопливо направилась в глубь пещеры, туда, где было совсем темно. В расщелине тоже света много не наблюдалось, но здесь вообще мгла крошечная обступила вскоре. Прошли минуты две, и только тогда мама зажгла осветительную капсулу. Зеленоватый свет выхватил из мрака наши силуэты, каменную крошку, осколки от породы и стенку с кривым изломом, возле которой мы оказались.

— В детстве мы с Кираном часто здесь бегали, — начала рассказывать мама, передав капсулу Аравану и приступив к ощупыванию скола на стене, — тогда же и обнаружили парочку секретов этой горы. К примеру, вот таких.

Когда стена содрогнулась, открывая проход, мы оба с братом переглянулись и передумали маме скандал устраивать.

— Скорее, — поторопила гордая пантера МакЭдл, — воины клана Таргар точно о проломе в реке не знают, но, боюсь, догадаются быстро.

Ар первым шагнул в проход, я следом, ма последняя.

Как мама закрыла стену, я не поняла, зато, завершив, она спросила у Ара:

— Принцип понял?

— Нечетные панели, — ответил брат.

— Умничка, но это путь про запас, на самый крайний случай. А утром ты пойдешь по основному, ясно?

— Да, мам... тетя Киара.

Я едва удержала улыбку, мама даже сдерживаться не стала и, кивнув Ару, сказала уже нам обоим:

— Все, народ, можете расслабиться. Здесь нас не найти никому, охотники сюда также не сунутся. До полуночи гуляем. Пошли.

И мы пошли. Мама, напевая, шла впереди, мы следом... все время замедляя шаг. В итоге, спустя две пещеры, причем пещеры идеально правильные, но в то же время не вытесанные, мы с Аром остановились. Не знаю, как брат, а я вдруг поняла страшное — это не пещера! И не гора!

— Кирюш, я тебе могу правду сказать, но оно тебе надо? — Мама остановилась, развернувшись вполборота.

Сглотнув, я огляделась. Сейчас световую капсулу держал Араван, и поэтому мне были хорошо видны стены... ложбинки, ведущие по ним... выбоины в стене, подозрительно одинаковые и на равном расстоянии...

— Ма-а-ам, — протянула я, — мы на корабле, да?!

— Да, — очень спокойно ответила мама.

— Не понял! — это Ар.

— Что-то подобное я и подозревала, — простонала я.

Мама подошла, по очереди взглядела в наши разочарованные морщи и сказала:

— Пошли, здесь есть одно потрясающее место. Киран называл его «Сад для пантерки».

Мама легко шагала, ее шаги гулко отдавались под сводами этой... пещеры... грота... замка... или все же корабля. Корабля будет вернее.

— Космический корабль, — вдруг произнес Араван. — Очень напоминает иристанские конструкции. Скажу больше — сейчас за поворотом должны быть полукруглые двери в рубку управления...

Мы ускорили шаги, дошли до поворота и увидели... арку... за ней пространство, столь знакомое каждому, кто управлял космическим кораблем. И такое невероятное ощущение, что стоит закрыть глаза и...

Я не знаю, как это произошло. Это не было влиянием шейсов, и это явно не зрение таров, это просто как взять и шагнуть в прошлое...

И мир наполнился красками, звуками, запахами! И я вдруг оказалась стоящей на входе в рубку управления, сверкающую огнями, полыхающую отблесками звезд. И здесь были люди... странные, очень высокие, мускулистые, затянутые в черные комбинезоны и живые! Настоящие и живые! Они двигались, сдержанно и собранно, словно тары у Эрана, что-

то решали, а вокруг были приборы и механический голос вещал на непонятном мне языке...

Удар!

Я вздрогнула и распахнула глаза — тишина, мертвая такая, темнота, никакой жизни... только мама и Ар в изумлении на меня смотрят.

— Ты не эйтна! — отошла от шока мама. — Ты не можешь видеть прошлое!

— Ма-ам, не мешай! — прошептала я и снова закрыла глаза...

...Это как влететь в водоворот — меня закружило, а выбросило все в той же рубке управления, вот только теперь все вели себя иначе. Оглушительно были приборы, какая-то женщина, стоя недалеко от входа, обнимала ребенка и плакала... Но мужчины панике не поддались, а за пультом управления сидел человек в синем мундире. Светлые волосы собраны в хвост, плечи расправлены, спина прямая, но при этом его руки на пульте управления и весь он там...

«Эгео таэшш, эгео таэшш, — повторял он, пытаясь добиться хоть чего-то от приборов. — Эгео таэшш!»

Повинуясь какому-то странному порыву, я подошла ближе, вгляделась в экран...

И все поняла!

Корабль падал! То, что я видела, означало лишь одно — отказали системы управления! Огромный корабль слишком стремительно шел на сближение с поверхностью планеты, и тормозные системы не в силах были помочь. И мне как будущему капитану хватило мгновения, чтобы понять — они обречены!

— Нет... — простонала я, понимая, что уже ничего не исправить.

Подобное мы проходили на симуляторах, много раз. Нас приучали действовать в любой ситуации, приучали подавлять страх, но если откровенно — страшнее падения только взрыв в космосе.

«Эгео таэшш», — вновь простонал капитан гибнущего корабля.

Мне нечем было ему помочь... просто нечем. Конечно, хотелось бы увидеть на симуляторе надпись «Симуляция завершена», и вообще хотелось бы верить, что все закончится хорошо, но — я точно знала, что корабль разобьется, а все пассажиры погибнут. Абсолютно все. И все, что у них останется, — это подобие жизни в телах воинов, которые станут симбионтами — тар-энами...

Жаль, бесконечно жаль, и, поддавшись порыву, я в жесте поддержки осторожно опустила ладонь на плечо капитана...

В ту же секунду капитан вскинул голову, и ярко-синие глаза в

изумлении взглянули в мои.

ОН УВИДЕЛ МЕНЯ! Он смотрел мне прямо в глаза! Не менее удивленно я смотрела на человека, умершего многие сотни лет назад, если судить по останкам корабля!

«Кто ты?» — губы капитана шевелились, но голос я слышала внутри себя.

А затем гневное:

«Не мешай, я должен спасти корабль!»

Наверное, не стоило, но я тихо сказала:

— Все погибнут.

И сказала зря — светловолосый капитан вдруг сгорбился, сжал руки, и я с трудом расслышала из-за воющих сирен тихое:

«Моя вина»...

Рывок!

Меня что-то отбросило назад, вырвав из яркого шумного прошлого, момента чужой обрывающейся жизни, в серое и безрадостное настоящее! Вырвав безжалостно и грубо.

Следом мне залепили пощечину, которая вмиг обожгла щеку, и я услышала мамин крик.

— Нельзя! Нельзя, Кира!

Я отпрянула от нее, открыла глаза, огляделась. Пошатнулась и явно свалилась бы на пол, не поддержи меня Араван. У него же я неожиданно даже для самой себя и спросила:

— Что такое «Эгео таэшш»?

Брат удивленно вскинул бровь, но послушно перевел:

— Дословно: «Я не могу этого допустить». Это язык воинов.

Но тут вмешалась мама, схватила меня за руку и потащила прочь, отчаянно ругаясь. Ар, удивленный и обескураженный, шел за нами.

— Не смей закрывать глаза, — прошипела мама, уводя меня прочь по пустым темным проходам, едва освещаемым нашей капсулой. — Не смей, поняла?

— Поняла, поняла, — и раз, и закрыла.

И все изменилось в мгновение, словно огонь пробежался по кромке реальности, удаляя налет времени со стен. А стенки были белыми! Полы темные, покрытые странным прорезиненным ковром, с зеленоватыми росписями. И тут бегали дети, прогуливались подростки, спешили по делам взрослые...

Удар по щеке, причем по той больной щеке, которой уже и так досталось, заставил вернуться в нашу серую реальность.

— Кирюш, — мама стояла передо мной не просто злая — взбешенная. — Кирюш, это ведь не сон, понимаешь?! Это реальность, просто другая! И когда ты переносишься туда, здесь твоя оболочка истончается, пантеренок! Ты полупрозрачная становишься!

— Ой, — только и сказала я.

Мама неодобрительно головой покачала, с тревогой вглядываясь в меня.

— Кира, нельзя, понимаешь? Нельзя! И самое главное правило, которое ты уже нарушила, — нельзя смотреть им в глаза!

Мое любопытство было сильнее страха, отсюда и вопрос:

— А почему?

— Обернись... — прошептала мама.

Я обернулась. Позади нас шел встревоженный Ар, а еще чуть дальше его я увидела... тень! Черную, призрачную, чуть подрагивающую, и эта тень шла за мной! Не просто за мной — четко глядя на меня, не отрывая от меня взгляда, целенаправленно двигаясь ко мне!

— Бракованный навигатор, — только и сказала я.

— Хуже, — мама снова потянула меня вперед. — Хуже, Кирюш, потому что ты — ты не чудо, ты чудовище!

«Начинается», — подумала я и обернулась.

Тень продолжала идти за нами.

— Не оглядывайся! — рявкнула мама.

Я оглянулась в последний раз и закрыла глаза — по белоснежным коридорам, среди жителей этого громадного космического корабля, шел тот самый капитан. И все расходились перед ним, уступая дорогу и с почтением кланяясь. А он шел за нами, не отрывая взгляда ярко-синих глаз от меня.

— Убью! — прошипела мама.

Я мгновенно ресницы распахнула, отвернулась и стала вести себя как примерная девочка. Но такой адреналин, и сердце так быстро бьется! Очень быстро! А у капитана глаза как у Эрана, почти такой же яркий синий оттенок!

— Киран, я тебя точно прибью. — Мама в ярости. — Не смей больше смотреть на него.

— У него глаза такие... си-иние, — протянула я.

И мама остановилась на полном ходу так, словно на стену налетела! В неярком зеленоватом свете осветительной капсулы выражение ее лица испугало не только меня, даже Ар вздрогнул и отступил.

— ЧТО??? — заорала мама. — Что ты видела?!

— Л-л-людей, — испуганно прошептала я.

— КАК ИМЕННО ТЫ ИХ ВИДЕЛА?

— Как людей. — Я еще на шаг отступила.

В ответ тирада на неизвестном мне языке, но Ар покраснел, это даже при нашем скудном освещении было заметно. Дальше мы опять быстро-быстро шли по коридорам, даже почти бежали, ровно до какого-то столба. Там мама остановилась и свернула вправо, отсчитывая шаги. На сто пятнадцать свернула влево и приложила ладонь к стене. И корабль содрогнулся. Засверкали огни на стенах, а сама стена дрожала, со скрипом открывая проход.

Когда дверь открылась, перед нами возник сад. Самый настоящий, с зелеными деревьями, цветущими растениями и ковром травы под ногами.

— Неожиданно, — высказался Ар и первым шагнул, вынув из ножен короткий меч.

— Здесь максимум могут быть птицы, — успокоила его мама, войдя следом. — Так уж вышло, что в момент крушения тут был пролом, поэтому сад выжил. Он единственное, что осталось живого на корабле. Идемте. И осторожно, здесь крен градусов в тридцать.

Крен имелся все градусов сорок, потому как идти было не особо удобно и приходилось временами придерживаться за деревья и ветви, чтобы не соскользнуть по траве вниз. Сам сад имел метров двести в длину и примерно около ста в ширину. Кое-где виднелись плодовые деревья, но плоды там были явно на стадии загнивания.

— Мам, — я в очередной раз поскользнулась и налетела на Аравана. Брат понимающе улыбнулся и подставил спину. Ну я и забралась на него, как мартышка. — Пасиб, — это Ару. — Мам, так что случилось с кораблем?

Мама шла позади нас, осторожно и очень сосредоточенно, а еще у нее лицо было встревоженное.

— Кирюш, чуть позже расскажу, хорошо?

— Как и всегда, — недовольно протянула я.

— Я посмотрю на тебя, когда у тебя появятся дети! — Да, мама была сердита.

Коварно улыбнувшись, я крепче обняла Ара, который тоже едва слышно хмыкнул после маминых слов. А потом шепотом спросил меня:

— Что там с этими тенями?

Я оглянулась, увидела невероятное и прошептала брату:

— Одна из них все еще топает за нами.

Ар вздрогнул всем телом и поторопился. Спустя пару минут опять же

шепотом спросил:

— Ты видящая, но сильнее тети Киары, я правильно понял?

— Вроде того.

А потом резко стало холодно и подул ветер. Мы приблизились к скале, которая проломила стенку корабля, сейчас туда задувал ледяной ветер с заснеженной вершины горы, и снег даже виднелся в проеме.

— Сворачивайте вправо, — скомандовала мама. — Ар, отпусти уже Киру.

Тар-эн меня нехотя отпустил. Нехотя, потому как ему тут явно было не по себе. Я его понимала — неприятно, когда другие видят, тени, к примеру, а ты слеп, как новорожденный котенок.

Вправо вела дорожка, на которой сквозь покрытие тоже пробивалась трава. Мы прошли немного вверх и остановились на краю круглой углубленной площадки, в центре которой оказалась вода.

— Здесь когда-то располагался бассейн, — мама подошла, — каким-то образом при проломе это осталась самая ровная площадка. Давайте устраиваться, нужно отдохнуть вам и найти то, за чем пришли, мне.

Мы с Аром уселись на траву, брат снял рюкзак, начал разминать плечи.

— Сына, тебе сейчас поесть нужно, — мама бросила ему два свертка. — Кир, мы на соке.

Мне полетела упаковка, себе мама взяла такую же. Кстати, есть хотелось очень сильно, но, видимо, еда была нужнее Ару.

— Мам, а что ты сейчас искать будешь? — вскрывая упаковку, спросила я.

— Пойду искать тень, — мама улыбнулась. — Найду тень самого сильного, умного и достойного воина, приведу в храм Каарды, и мы обновим татуировку Аравана, затем я проведу слияние.

И тут до меня дошло нечто странное:

— Мам, а остальные воины как получают тени?

Усмехнувшись, мама пояснила:

— На этом корабле было более трехсот тысяч жителей. Большинство гражданские, и в момент гибели они находились в трюме, готовясь к экстренной высадке... не успели. — Ма запнулась, потом продолжила: — Храм Каарды и есть тот самый трюм, и больше всего теней там.

И снова она замолчала, тяжело дыша и пытаясь что-то сказать, но, видимо, горло сжало спазмом. Мы с Араваном не перебивали, ждали, пока она справится с чувствами. Справилась.

— Они просто очень хотели жить, Кирюш, — прошептала мама. — Такое сильное желание, единый порыв сотен тысяч живых существ. Нам

никогда не понять, как это произошло, но они не погибли в полном понимании этого слова. Они все словно живут и не живут одновременно.

— Охренеть! — других слов у меня нет.

— Впервые слышу об этом в таком контексте. — Ар тоже был шокирован, просто он оказался сдержаннее.

Пожав плечами, мама с улыбкой смотрела на нас.

— Вопрос, — да, это опять я, — я так понимаю, что гражданские — это «не качественные» тени, да?

— Примерно так.

— А кто получает «качественные»? — Во я загнула, зато вопрос по существу.

— Сильнейшие воины.

— А моя тень? — тут же спросил Ар.

— Тебе ее подбирала бабушка, и поверь, это значит, она была одна из лучших. Согласись, ты сильнее сверстников.

— Согласен. — Араван немного расслабился.

Ну, он расслабился, а я себя рыбой на крючке ощущаю. Крючок — любопытство мое неумное.

— Мам, а тени понимают, что происходит?

То есть я знала, что, к примеру, у Нрого они явно соображали, а вот у остальных...

— Нет, Кирюш, нет, — ответила мама. — Первая тень, поселенная в теле воина, просто получает шанс на жизнь, после его смерти она возвращается в Каарду, не помня случившегося. А воин получает генетическую память симбионта, его силу, скорость, устойчивость к болезням. Вот откуда столь агрессивная микрофлора — даже ДНК подвергается изменениям. Но если теней две... тогда все меняется. Нрого был способен одновременно разговаривать с обеими сущностями, более того — отпускать их. Его первая тень оказалась ученым, вот как были возвращены к жизни те вымершие звери, которых мы называем Снежная смерть.

— Ого! — Ар чуть подался вперед. — Так, тетя Киара, а запросы и пожелания вы принимаете?

— Начинай. — Мама рассмеялась. — Но, по сути, я знаю, кого приведу, — помощник капитана. Он взрослый, но не старый, настоящий лидер и очень силен. Ну а самое главное — увлекается оружием, как и ты.

Ар удивленно на маму смотрел.

— Мы с твоей бабушкой хотели его Кирану, но на момент посвящения принять такую сильную тень для него было невозможно, и так там все

было крайне экстренно, а потом... Мы не успели, к сожалению.

И тут я спросила:

— А почему не капитана?

Ма вздрогнула и шепотом призналась:

— Он не идет на контакт. Совсем. Остальные застыли в момент, когда была надежда спастись, а он... Он постоянно переживает гибель корабля и взрыв. Каждый день в одно и то же время, на протяжении многих лет, Кирюш. Там очень искалеченная душа, он считает себя виновным в гибели подчиненных. Я тебе больше скажу — эйтны, что входили с ним в контакт, сгорали заживо. Как и почему, я не знаю. Но после того, что ты рассказала, у меня сердце замирает. Хотелось бы обо всем спросить у бабушки, но...

Она замолчала, мне тоже нечего было сказать, и только Ар спросил:

— Что произошло?!

Ма попыталась ответить и не смогла. Она внезапно подтянула колени к подбородку, обняла их, уткнулась лбом и задыхалась так, что сразу стало ясно — пытается сдержаться. Я поднялась, подошла к ней, села рядом, погладила по плечу и начала рассказывать:

— Ар, насколько я поняла, дело было так — примерно триста с лишним лет назад на Энастан...

— Что? Какой Энастан? — удивился он.

Мы все стянули маски, едва вошли в корабль, и сейчас изумление отчетливо читалось на лице воина МакЭдл, совершеннейшее изумление.

— Араван, — я понизила голос, — как, по-твоему, на Иристане все воины тар-эны?

— Да, — совершенно уверенно ответил брат.

— Нет, — тихо возразила я, — это вы тар-эны, то есть симбионты, а правящий клан, они тары...

Мама подняла голову, уже не скрывая слез, потрясенно посмотрела на меня, и я продолжила, рассказывая уже им обоим:

— Эта планета носила название Энастан, и здесь жили мы — энастанцы. Но в один далеко не прекрасный день на далеком, ну я так думаю, что далеком, Тарстане случилась какая-то катастрофа, и сюда прилетели три клана, на трех кораблях. Разведывательный, пассажирский и военный. Догадываюсь, что военных и разведывательных было не по одному, но не суть. Разведывательная экспедиция опустилась первая, при посадке погиб пассажирский корабль, затем на Энастан опустились корабли военных. Но масштаб трагедии можете себе представить — осталось очень много раздавленных горем мужчин и минимальное количество женщин. И осознание, что нужно как-то выжить. Ар, кинь мой

сок, в горле пересохло.

Брат, одеревеневший от поступившей информации, неловко бросил, но я все равно поймала, сделала три глотка и продолжила:

— Планету они обозвали Иристан и начали налаживать быт. А для быта и собственно продолжения рода им требовались женщины...

— Твою мать, — простонала мама.

— Хашшраг! — выругался Араван.

— Да-да, — мило улыбнулась я, — местные женщины.

И замолчала. Мы все молчали, потом мама тихо сказала:

— Если все так и было, то выживала одна из десяти, Кирюш.

— А вот в этом я сомневаюсь, мам, — честно призналась я. — Более того — я искренне подозреваю, что вся эта идея со смертью женщин от слияния — частично мистификация, частично ложь!

Теперь и мама, и Араван слушали меня затаив дыхание, и я продолжила:

— Пара моментов, вызвавших у меня удивление, — на Иристане есть кварталы развлечений, и там нет и никогда не было эйтн, это первое, и второе — реально погибали те, кто был не нужен эйтнам, мама. Вспомни историю с Нрого — думаешь, это он был «ядовитый»?

— Нет, — глухо отозвался Араван, — эйтна-хассаш открыто призналась, что по ее приказу женщин практически убивали.

Мамино лицо нужно было видеть. Несколько секунд она открывала и закрывала рот, силясь что-то сказать, а после:

— И сколько же лжи я принимала за правду?

Вот за что люблю мамочку — сразу все поняла и осознала.

— Много, мам, — я успокаивающе погладила ее по спине, — к примеру, ты утверждала, что повелитель не тронет меня, потому что знает о последствиях. В то же утро появилась бабушка, и ты бы видела, что творилось с Эраном, после того как эйтна Кирата сняла с лица платок...

Аравана передернуло, и я поняла, что он тоже видел. Бедный Ар.

— Но, — продолжила я, — когда тары нашли способ отсекал тени, применяя защитный контур, у нас не то что все было совершенно без последствий, произошло кое-что похуже... — И, нервно сглотнув, я все же сказала: — Я начала Эрана видеть иначе. Другим, настоящим. И стало ясно, что шейсы уже вторглись в мое тело и влияли на мое восприятие мира — там, в Шоданаре, я влюбилась в Эрана, которого видела более молодым, менее суровым и серьезным, более привлекательным. И когда наваждение исчезло, это был шок.

Теперь шок был у моей матери. Глухой стон сквозь стиснутые зубы

и... шок. Она даже не ругалась, видимо, не могла произнести и звука.

Зато Ар тихо спросил:

— Шейсы?

— О да. — И тут я поняла, что реально злюсь на правящий клан. — Видишь ли, тары летели не одни, с ними имелись еще осужденные на казнь шейсы, в количестве полторы тысячи особей мужского пола, и трупы таров, убитых этими шейсами.

— Что? — не понял брат.

Надо было видеть его — черные волосы только подчеркивали побледневшее лицо, глаза сужены, ноздри шевелятся от дыхания, по скулам желваки, челюсти стиснуты, и вообще он был в бешенстве.

— А, видишь ли, у воинов, то есть великих и безупречных таров, — с сарказмом начала я, — есть потрясающий обычай — таскать с собой трупы, чтобы, захоронив их на новой земле, совершить акт возмездия и казнить всех повинных там же, на могилке. Классный обычай, да?

Араван с шумом выдохнул и неожиданно глухим голосом произнес:

— Так поступают все воины...

— Что? — едва не заорала я.

Глядя мне в глаза, Ар повторил:

— Так поступают все воины, Киран. Это традиция Иристана... — Затем сбился, взгляд его стал каким-то рассеянным, и он спросил: — Не Иристана, да?

— Да нет, как раз Иристана, — с горечью ответила я, — но не Энастана точно!

— Я встречала, — вдруг заговорила мама, — в пещерах, там, где были древние и такие несуразные строения, название «Ирания»...

Ирания?! И вдруг у меня очень четко сложилось — Тарстан, Энастан, Иристан... Это получается, Энастан было название тоже тарское, а на самом деле наша планета вообще по-другому называлась?

— Вот гадство! — других слов не было.

Ни у кого не было. Мы сидели, откровенно говоря, потрясенные, особенно мама и Ар. Но мне так только показалось, брат действительно одна кровь с нами, потому что оправился быстро и спросил:

— Что с шейсами?

— А шейсы очень хотели жить, — тихо ответила я. — Хотели настолько, что один из них покончил жизнь самоубийством и... обрел свободу.

Мама удивленно на меня посмотрела, Ар так и вовсе с заметным недоверием. И тогда я пояснила:

— В бабушке Кирате — шейс! И ее мутация — это всего лишь подстройка шейсом захваченного тела под себя.

— Кира, ты о чем? — изумилась мама. — Это не...

И осеклась. Да-да, провести параллель было несложно — если воин способен вобрать в себя тень и стать тар-эном, то есть симбионтом, то что мешает осознать, что эйтны тоже своеобразные симбионты. И мама, похоже, осознала.

— Только тут есть одно отличие, — продолжила я, — тар-эн это действительно симбиоз — то есть воин получает возможности и знания тара, а тар обретает подобие жизни, а в случае с шейсами все иначе — тени шейсов захватывают тело жертвы абсолютно и полностью. И тело, и разум.

В саду на давно погибшем корабле стало невероятно тихо. Настолько, что мне казалось — я слышу, как падает снег. Медленно, с тихим шорохом, успокаивающе...

— Так вот, — продолжила я, — тот шейс, что покончил с собой и обрел свободу, он, похоже, и стал причиной гибели корабля.

— Чтобы дать тем тысяча четыреста девяноста девяти свободу? — догадался Ар.

— Полагаю, что да.

Я посмотрела на маму, мамуля казалась совершенно подавленной, и я понимала почему — для нас с Араваном бабушка была не особо близким человеком, а для Киары МакЭдл услышанное стало ударом, пожалуй, более сильным, чем попытка матери убить свою дочь...

— Шейсы очень хотели жить, да, Кирюш? — сипло спросила она, невидяще глядя перед собой.

В этот момент я подумала, что никогда не расскажу маме о том, что видела в подземелье, точнее, о храме расскажу, а вот о тех искалеченных женщинах, что стали полностью изуродованными и утратили разум, — нет.

— Дальше, — попросил Араван.

И я рассказала:

— Дальше что-то пошло не по плану шейсов, это уже мои догадки, так что могу ошибаться, но — шейсов вряд ли устраивала форма существования в образе теней, а добраться до своих останков, чтобы клонировать себя, они не могли, вот и начали искать варианты добиться союза с выжившими тарами, способ стать им полезными. И нашли.

Мама повернула голову и теперь внимательно смотрела на меня, Араван тоже ловил каждое слово, а я даже не знала, как им об этом сказать. И все же я была обязана.

— Мы — Аэрд, — начала я, — и наш род, как некоторые другие на

Иристане, отличается наличием рецессивного гена.

Тихий стон мамы, скрип зубов Аравана, а я продолжила:

— Именно девушка из рода Аэрд и стала первой жертвой шейсов. Насколько я поняла, внедрение проходило в три этапа — в момент рождения, когда младенец испытывал боль, в момент слияния именно с воином — когда организм был ослаблен борьбой с микрофлорой тара, и в момент, когда женщина рожала. Три этапа — и шейс захватывает чужое тело.

Жутко от этих слов стало даже мне самой, представляю, что чувствовали мама и Араван.

— Так, значит, женщины не гибнут? — спросил брат.

— Насколько я поняла, микрофлора таров как вирус — переболеешь, и все, иммунитет вырабатывается, — сказала я. — Могу и ошибаться, мы медицину еще толком не проходили, так что я не специалист, но догадываюсь, что слабые умирали, сильные выживали... До появления эйтн.

— А как они появились? — Снова Араван, мама просто потрясенно молчала.

— Та девушка из рода Аэрд, что пришла к тарам, выбрала сильного воина. — Я рассказывала осторожно, потому как боялась, что если начну дословно вспоминать слова Гарданга, могу связаться с ним по этой странной мозговой частоте таров. — Она родила и мутировала, после покинула селение пришельцев, а вернулась уже как эйтна, предложив помощь. И женщины умирать перестали...

— Я так понимаю, они и до этого не особо гибнут? — прошипел Араван.

— Вы воины, — тихо произнесла мама, — для вас женщина нечто хрупкое, нежное, ранимое и слабое, в то время как вы сильные и все можете. Полагаю, тары пошли на сделку, да, пантеренок?

— Да, мам, — подтвердила я. — В обмен на свои услуги шейсы выпросили лишь тюремный блок со своими останками, мотивировав просьбу тем, что хотят достойно похоронить...

— Себя? — хмыкнул Араван.

— Типа того. — Я невесело улыбнулась.

— Бред! — мрачно произнес он.

И я поняла, что обожаю братика! Вот обожаю, и все, за ум, догадливость и сообразительность!

— Ты вот сразу понял, Ар, а тары нет! — воскликнула я. — Они даже не снизили до того, чтобы подумать! Они сходили в Каарду, извлекли

тюремный блок и, не распечатывая, выдали эйтнам. А те уволокли громадину в подземелья, устроили там себе храм и начали размножаться.

— Как размножаться? — переспросил Ар.

— Эйтнами, — пояснила я, — они же все жить хотели, вот им и требовалось как минимум полторы тысячи эйтн.

— Как минимум? — отозвалась мама. — А что с максимумом?

Я промолчала, но мама у меня умная и начала догадываться:

— Мутация была конечна, так? — Голос ее стал хриплым. — А значит, со временем женщины полностью менялись и... Киран, они ведь не убивали тех, чьи тела больше не могли выполнять функцию эйтн, так?!

У мамы по жизни имелась одна проблемка — она сильно умная! Вот слишком даже! Зато у меня проблем нет, и я это — умею молчать!

— Кира?!

Игнорируя мамин крик, я продолжила рассказывать:

— Но не только у таров были проблемы с мозгами, я так подозреваю, что и шейсы с умом не особо дружат, и тот первый шейс, что их «спас», чего-то не поделил со своими соплеменниками и ушел в массы.

— Как это? — не понял Ар.

Поморщившись, честно призналась:

— Я мало что знаю про этот момент, но тары поселились на обособленном материке, так?

Ар кивнул и подтвердил:

— У правящего клана материк самый маленький на планете, но ты права — обособленный. Дальше.

Мама на меня сверкала глазами, она ход со сменой темы разговора засекла быстро, однако тоже внимательно слушала.

— Ну так вот, — продолжила я, — лет триста назад среди племен местного населения появился один крайне умный индивид, который встал во главе какого-то племени, а после объединил их всех, научил строить корабли и повел в бой на таров.

— Ашерхад, — потрясенно сказала мама.

— Не знаю, Гарданг его имени не сообщил. — Я пожала плечами.

— Гарданг? — изумилась мама. — Ты говорила с Гардангом?

Я кивнула, мама хмыкнула и поинтересовалась:

— И как он тебе?

— Умная сволочь, — была вынуждена признать я, памятуя о нашем прорыве в Каарду и его распоряжениях, — прям как ты, мам.

Мамуля нахмурилась, послав ей воздушный поцелуй, я продолжила:

— Тары их разбили, видать, сами уже умудрились свои технологии

воссоздать, но перед ними встал ребром вопрос — что делать с местным населением, которое надо было как-то контролировать. От идеи назначить на местах своих правителей тары отказались — я так понимаю, в падлу было жить с аборигенами, и вот тогда, о чудо, пришли шейсы!

— Твою мать, — выругалась мама.

— Тар-эны, — догадался Араван.

— Именно так, — просияла я фальшиво-радостной улыбкой. — Тарам же было лень контролировать местных, они решили пойти по пути наименьшего сопротивления, предложенного шейсами, просто внедрить в местных свои правила, традиции, законы. И среди главных законов — Право Сильнейшего.

— Потому что все тар-эны подсознательно безусловно подчиняются сильнейшему, а сильнейшие на Иристане — правящий клан, — сипло произнес Ар.

Я кивнула. Мама снова выругалась.

— Тары недооценивали противников, — продолжила я, — за истекшие годы шейсы не только создали для себя армию. Фактически тар-эны — это армия, чье выживание зависит от эйтн, но также клонировали себя, восстановив ДНК из останков тел. Я видела четырех, но, полагаю, их было больше... — Голос как-то резко сел.

— Видела? — спросил Ар.

Я кивнула.

Мама начала старательно дышать, и я поняла — снова пытается совладать с собой.

— Вот такая вот печальная история, — поспешила закончить я свой рассказ. — Шейсов сейчас схватили всех, эйтн также. Будем лечить.

Мама, которая совершенно сникла, после моей последней фразы вскинула голову и переспросила:

— Лечить?!

— Ага, — подтвердила я. — Ошер клятвенно заверил, что они предпримут меры для лечения всех выживших эйтн.

Молчание, затем мама уточнила:

— Ошеран Дард Аэ, старший брат и заместитель повелителя?

— Угу, — снова подтверждаю, — у нас вчера что-то типа семейного совета было — я наезжала, тары оправдывались. Закончилось все приемлемо — Эран синекотжих рабынь освободит, шейсов уничтожают, эйтн лечить будут.

Мама с Араваном переглянулись.

— Ну чего? — Я не совсем поняла их реакцию.

Передернув плечами, мамуля резюмировала мною сказанное:

— Правящие допустили тебя на высший совет, позволили изложить свою точку зрения и приняли твои слова к сведению... Поверить не могу!

— Я тоже, — сказал Араван.

— Да даже я не особо верю, чего уж там, только все было не так, — села ровнее. — У меня было настроение плохое, и я вообще собиралась пойти поплакать, а они облажались и приносили извинения.

— Извинения? — Ар был в трансе. — Воины... извинения... женщине?!

Нахмурившись, я попыталась вспомнить, как было дело, и задумчиво ответила:

— Началось вообще с того, что Лираэт сказал что-то вроде: «Сегодня вы доказали всем трем кланам, что достойны быть повелительницей».

— Невероятно... — пробормотал братик.

— Слов нет, — согласилась мама.

— Это великая честь, Киран, — с жаром произнес Араван, — это честь, которой не удостаивалась ни одна из жен повелителей Иристана. Ни одна, понимаешь? Это означает, что тебя приняли, не просто приняли — признали равной правящим! Это... — Казалось, от волнения Ар сейчас вскочит и будет ходить из стороны в сторону. — Кира, это честь, которой не удостаивалась ни одна дочь хассара! Ни одна! Это гораздо почетнее, чем быть единственной! Это... Ты должна была поклониться и поблагодарить за оказанную честь! Надеюсь, ты хотя бы поблагодарила?!

Скептически глядя на перевозбужденного братика, я вспомнила, чего там было дальше вчера, и честно призналась:

— Ответила, что лично мне пока никто не доказал, что достоин того, чтобы я была их повелительницей.

Ар вскочил! Мама простила свое извечное: «Кира-а-а-а!», я, ничуть не чувствуя за собой вины, тоже встала и сказала:

— Знаете что, они вообще захватчики! И эйтны появились из-за них! И, в конце концов, правящие реально облажались и по всем параметрам виноваты, и вот если бы не я, серьезно, даже не прикалываюсь, так вот если бы не я, то прошло бы лет десять, и папандр бы всю власть на Иристане захватил, так что...

Мама взяла меня за руку, силой усадила обратно, и вот едва я села, мрачно спросила:

— Что?!

Араван тоже сел, вопросительно на меня глядя, пришлось рассказать о своих подозрениях:

— Тысяча четыреста девяносто девять теней были захвачены, то есть сами понимаете — одной не хватает. И я так догадываюсь, что вот тот Ашерхад, который триста лет назад поднял восстание, вследствие которого правящие согласились завести тар-энов, так вот его тогда не убили. В смысле того мужика убили, а тень, то есть шейс, остался. И я подозреваю, что именно этим шейсом одержим бывший хассар Айгора, то есть Агарн МакВаррас.

Мама и Ар молчали, посему я добавила:

— А собственно, сам шейс повернут на тебе, мам, и боюсь, эта тварь любит тебя гораздо больше, чем отец.

Наверное, информации было слишком много, потому что следующие минут десять я пила сок, а мама и братик пытались переварить услышанное и вообще были в шоке. Но это не помешало маме все же собраться с мыслями и напомнить:

— Ар, ты должен есть.

— Аппетит пропал, — огрызнулся братик.

— Возвращай обратно, — приказала мама, поднимаясь. — Потому что теперь мы точно знаем, что Агарн придет за тобой и у него тоже две тени. А я никогда не прощу себе, если ты пострадаешь по моей вине!

Брат хмуро посмотрел на маму, я примерно так же, а еще добавила:

— В этом нет твоей вины, мам. Ни грамм улечки.

Ма очень медленно присела на корточки передо мной, взглянула на меня своими огромными зелеными глазами и тихо сказала:

— Из-за меня Агарн МакВаррас пошел на захват власти в клане, из-за меня стал сильнее и пошел на сговор с тенью, из-за...

— Из-за того, что ты Аэрд, — жестко перебила я ее. — Мама, вдумайся еще раз — именно Аэрд традиционно становились эйтной-хассаш. А папандру нужно было, чтобы эйтной стала женщина из рода МакВаррас, то есть я, для того чтобы захватить власть на Иристане.

— Что? — выдохнула мама.

— Папочка лично мне об этом рассказал, — просветила я ее. — Так что кончай убиваться с этим чувством вины, и чего у нас там дальше?

Дальше мама встала, постояла немного и сказала:

— Я должна идти искать тень для Аравана.

— Удачной охоты, — пожелала я.

Но, не двинувшись с места, она пробормотала:

— Уматывать с Иристана. Быстро, решительно и максимально далеко!

Тут уж я не согласилась:

— А эйтны?

Мамуль нахмурилась.

— И с тар-энами чего-то делать нужно, — продолжила я, — либо прекращать этот симбиоз, либо наладить, потому что теперь без эйтн дело заглохнет.

Мама окончательно нахмурилась, а я честно призналась:

— И бабушку вернуть надо.

— Тебе обучение завершить нужно, — прошипела мама.

Это да — и прогуляла я уже изрядно, а мастеру Лоджену, к примеру, не докажешь, что тебя с Гаэры родной папандр уволок, и все равно придется ему все бои пересдавать.

— Нужно, — согласилась я.

И вот тогда мама жестко добавила:

— Я не для того тебя растила, чтобы ты была всего лишь наложницей пристанского воина!

— Единственной повелителя Иристана, — поправил Араван.

— Да без разницы! — возмутилась мама. — Кира, ты представь — проснешься утром и поймешь, что могла стать кем угодно, а превратилась лишь в жену и наложницу. Ты другая, пантеренок, другая. И, как и я, ты захочешь большего, чем может дать любовь мужчины.

— Так, давайте без ереси, — возмутился Араван, — воин дает женщине все, что ей нужно.

Мама просто смерила его внимательным взглядом и ехидно спросила:

— Секс раз в неделю и приказным тоном: «Где мой обед, женщина?» — это, по-твоему, предел женских мечтаний? Ар, я всегда думала, что ты умнее толпы озабоченных собственной значимостью тар-энов, не разочаровывай меня.

Араван смущенно умолк. Видимо, он не так безнадежен.

А у меня очередной вопрос:

— Мам, а может, ты просто никогда не любила? — Кстати, вопрос, на мой взгляд, в тему.

Но ответа я не дождалась.

— Ладно, молодежь, я пошла. — Мама поднялась одним плавным движением. — Ведите себя хорошо. Вон с тем призраком, что стоит у дерева, не разговаривать. Кир, помни, что переход в другую реальность чреват возможностью там и зависнуть. Я ушла.

И мы с братом остались одни. На жутком кораблике, полном призраков. И все бы ничего, но как-то вдруг тоскливо стало и страшно.

— Брр, — первым отошел от желания застыть и не двигаться Араван, — там, внизу, в пещере все это не так жутко.

— А чего там? — Я старалась не смотреть на указанное мамой дерево, где был призрак.

— Красиво, свечи, ковры, — перечислил брат. — И эйтны курсируют время от времени, все одно не так жутко.

— И не говори. — Я пересела к нему ближе, потом и вовсе на колени забралась. — Все, — говорю, — теперь мне не страшно.

— Почему? — Ар осторожно обнял.

— Теперь, если на нас нападут, тебя первого съедят! — хихикая, сообщила я.

Меня подло и коварно попытались ссадить с ног, но я притворно заорала и вцепилась в братика всем, что имелось, включая зубы.

— Не кусайся! — возмутился Араван.

— Не отдавай меня на погибель неминуемую! — Но кусаться перестала.

— А меня, значит, можно? — возмутился огромный мускулистый воин.

— Ага. — Да, я наглая.

— Ну все! — разозлился братик. — Твоя смерть пришла!

В следующее мгновение я оказалась перекинута через голову. Ар бросился сверху, был пойман на мои полусогнутые ноги и полетел кувыркком. Когда мы оба подскочили, довольные тем, что теперь весело и уже не так страшно, братик задал только один вопрос:

— Тренированная?

— Естественно!

— Здорово! — И тар-эн снова бросился ко мне.

Мы успели перемять траву в радиусе двадцати метров, нечаянно сломать два деревца и даже сгонять к разлому, чтобы покидаться снежками, когда услышали:

— У вас совесть есть? Этот сад пережил даже падение корабля, но явно не переживет двух великовозрастных обалдуев!

Я тут же засмущалась, но это мне не помешало мстительно запустить в Ара снежком! Тот явно был моим родственником, так как мстительных снежков с его стороны было два! Ну а я не привыкла оставаться внакладе и...

— Эй, меня кто-то слышит? Живо ко мне оба! — возмутилась мама.

Мы как-то разом вспомнили, что мама вернулась не одна, а с сюрпризом, и рванули к ней. Ар меня опередил. Как у него получалось передвигаться с такой скоростью, понятия не имею, но получалось. Я же приплелась позади, зато в отличие от брата приведенную тень видела.

— Ма-а-ам, а чего он серый, а не темный?

Улыбнувшись, ма пояснила:

— Он пока ведомый. Я привязала его сущность к изображению.

И точно, стоило маме провести ладонью, как тень подалась следом, неотрывно взирая на клочок ткани, что мама держала в руках.

— То есть они нас не видят? — догадалась я.

— Те, что много раз были привязаны к живым, увидеть могут, остальные нет. Идемте, время. Ар, ты все съел?

— Прости, мам, заигралась, — и он побежал к рюкзакам.

— Мой захвати, — крикнула я следом, не отрывая взгляда от тени. — Мам, а он опасен?

— Очень. — Мама между тем просто радостно улыбалась. — Пока они не чувствуют тепла, они нейтральны. И пока ты не смотришь им в глаза, тоже нейтральны.

— А если посмотреть? — Ну я не могла не спросить.

— Тогда, Кирюш, им кажется, что на них что-то нападает, и они атакуют. Понимаешь, они же уверены, что живые, а вот мы — призраки.

— Это ужасно, — прошептала расстроенная я.

— Как сказать, они убеждены, что «ужасно» это как раз про нас. В этом мире все относительно, пантеренок.

Подошел Араван, щелкнул меня по носу и приобнял за плечи, довольный, прям как я.

— Пошли, дети. — Мама рассмеялась.

Шли мы не очень долго. Мама впереди, ведя, как на привязи, серую, едва заметную тень, мы с Аром сзади, толкаясь и прикалываясь вовсю. И как-то совсем незаметно подошли к черной стене, за которой слышались странные воющие звуки.

— Там воины, — пояснила мама. — Кир, из своего рюкзака доставай покрывало. Ар, расстели у стены и садись.

Мы молча выполнили все указания, после чего мама достала еще три осветительные капсулы, зажгла, расставила по стене, и как-то сразу стало светло. И пока мы с Араваном моргали, привыкая к яркому освещению, ма вдруг выругалась:

— Твою мать!

— Что еще? — растирая глаза, спросила я.

— Он пришел следом, — нервно произнесла мама.

Мы с Аром одновременно обернулись. Брат ничего не увидел, а вот я... Я с изумлением смотрела на черную тень с ярко-синими глазами.

— Отвернись! — скомандовала мама. — Так, будем решать проблемы

по мере их поступления, сейчас мне важнее Араван.

Бракованный навигатор! Я все не могла забыть жуткое видение — призрак с синими глазами!

— Не думай, — приказала мама. — Сейчас нам нельзя отвлекаться, слышишь? Я не справлюсь одна, просто не смогу, соберись, Киренок.

И я собралась. Забыла о призраке и огляделась — мрачное помещение явно искусственного происхождения, провода по стенам, где-то вдалеке все еще мигал какой-то датчик, на полу пыль, все вокруг серо-зеленое. То есть вообще серое, но из-за трех осветительных капсул зеленого цвета освещенное пространство приобрело зеленоватый оттенок.

Мама поймала мой осмысленный взгляд, одобрительно кивнула, резким движением расстегнула молнию на куртке, сняла ее, кинула поверх моего рюкзака, открыла свой, достала кожаный сверток, следом два спальных мешка и ксирин. Поверить не могу, что мама захватила с собой раскладной диван!

Не верила зря — бросив на мой же рюкзак спальные мешки, самые стандартные, почти невесомые, мама, взяв ксирин, подошла к стене, расположила резиновую пластину, активировала и отошла.

Ксирин надулся мгновенно, приняв заданную форму — одноместной кровати на толстой мягкой основе, с подушкой. Роскошь, кстати, невероятная — нам в походах ксирин был категорически запрещен, да и вообще в университете, причем преподавы обосновывали это формулировкой: «Такое только для неженков».

— Не удивляйся, — мама искоса взглянула на меня, — это у нас с тобой тело будет контролировать теплообмен, и мы не замерзнем, а Араван после ритуала на несколько часов станет слаб, как новорожденный.

Братик поежился.

— Раздевайся до пояса, снимай обувь и садись, — скомандовала мама.

Ар подчинился, волосы, правда, еще торопливо собрал и сел на мягкий пружинящий матрас, с искренним недоверием на приспособление поглядывая. Мама устроилась слева от братика, несколько мгновений смотрела на него, а потом прошептала:

— Как же ты похож на Кирана, сынок, как же сильно... — В ее глазах мелькнули слезы, но ма тут же их вытерла и добавила: — Все будет хорошо, Араван, поверь мне. Слабость и неприятные ощущения пройдут быстро, потом ты будешь спать. Долго спать.

— А вы? — встревоженно спросил брат.

— Будем здесь, рядом, всю ночь.

Ар кивнул, смиряясь с происходящим. Мама улыбнулась ему,

развернула сверток, достала маленькую прозрачную бутылочку и начала объяснять мне:

— Кир, теперь смотри внимательно и запоминай. Первое — воина нужно напоить соком исвора — он снижает иммунитет. Сок обязательно должен быть свежим. Мне его отжали утром на рынке.

Мама продемонстрировала зелененькую жидкость и передала Ару.

— Пить требуется на сытый желудок, и никак иначе.

Араван жалобно посмотрел на мою родительницу, потом еще жалобнее на меня и принялся пить, правда, кривился при этом неимоверно.

— Горький очень, — пояснила мама. — Смотри дальше: свежая рыбья кровь. — Это мне, а братику: — Да, ее тоже пить.

У Аравана лицо такое несчастное стало, он-то еще и первую гадость не допил. Но под маминым внимательным взглядом мужественно проглотил одну гадость, потом вторую.

— Затем сонный порошок. — Мама извлекла две капсулы. — После мясо и только мясо, я захватила подкопченное.

Последними на покрывало перед Аром легли три толстых свертка, которые при открывании издавали такой аппетитный запах, что захотелось хоть кусочек съесть.

— В прошлый раз меня на убой не кормили. — Араван улыбнулся.

— Тень была слабее, — объяснила мама. — Не теряй времени, хорошо? Кирюсь, помоги брату, а я пока займусь татуировкой.

Еще один сверток оказался как раз таки вместилищем инструментов.

В результате, пока я кормила Ара и спаивала всякой гадостью (мясо, как оказалось, нужно было кровью запивать), мама перерисовывала знак с ткани на его руку. Но не до конца. Она остановилась, когда на теле Аравана не хватало лишь маленькой линии для полного сходства, ну а мы как раз закончили с кровью, и осталось только мясо. Его брательник ел с наслаждением, потому как знал, что крови больше не дадут.

— Доедай все, — приказала мама, когда Ар задумчиво на последний сверток с мясом посмотрел. — Я не хочу рисковать даже в малейшем. Более того, если я все рассчитала верно, тебе и больно не будет.

— Правда? — Ар явно удивился.

— Обещаю. — Мама улыбнулась. — Только слабость.

— А почему так? — спросила я.

— Потому что я рассчитала все очень точно: и вес мяса, и количество сока. Совпадение должно быть идеальным, следовательно, и боли никакой. Ар, я за тобой слежу, ешь!

Огромный, мускулистый и совсем несчастный Арчик был такой

хорошенький и миленький и так жалобно смотрел на маму...

— Живо, я сказала!

— Да ем я, ем. — Он рванул зубами шмат мяса. — Вот лопну, и будет вам вторая тень!

— Не переживай, вылечим, — ехидно заметила мамочка.

— Да ем я! — Ар начал остервенело жевать. — А вообще — где торжественность? Где песнопения? Где трепет момента, а?

Да, он точно мне родственник, причем близкий по духу.

— Арусик, — мама рассмеялась, — ты отделяй мишуру от главного. Главное — это соблюсти пропорции и вселить в тело избранную тень, а все остальное исключительно для создания атмосферы.

— То есть все просто? — недоверчиво спросила я.

— Увидишь, — пообещала мама, — ты все увидишь.

И мы продолжили смотреть на Аравана, который жестоко терзал зубами мясо.

— А запивать он будет? — заволновалась я. — Крови-то уже нет.

— Нельзя, — мама достала две бутылки с водой, — только на рассвете.

Мы с Аром переглянулись, жалко мне его стало, прямо до слез.

— Зато потом будешь сильный, — решила я подбодрить брата.

— Но это будет потом, а паршиво мне сейчас. — Ар тяжело вздохнул. — И чего только ради детей не сделаешь.

— Угу, продолжай строгать в ускоренном темпе. — Добрая у меня мамуля. — Арусик, время.

Бедный мой братик вернулся к терзанию мясного шмата и вскоре с трудом, но проглотил и его. И задышал часто и глубоко, видимо, пытаясь удержать съеденное.

— Тошнота сейчас пройдет, — успокоила мама, — сонный порошок уже должен начать действовать.

Я подошла, села рядом с Аром, взяла его за руку. Брат чуть сжал мою ладонь и, судя по взгляду, за эту поддержку был очень благодарен.

— Еще чуть-чуть. — Мама отслеживала время по ручным часам. — Потерпи, маленький.

И тут у Аравана вдруг начали закрываться глаза, то есть он как бы сидел, но в то же время явно вырубался.

— Кира, ты будешь продолжать держать его за руку? — напряженно спросила мама.

— А можно? — отпускать и оставлять брата наедине с проблемой точно не хотелось.

— Можно. — Мама как-то странно взглянула на меня и продолжила: — Я была рядом с Кираном, и это облегчило его состояние, но, Кирюсь, тебе паршиво будет.

— С последствиями? — тут же спросила я.

— Без...

— Тогда действуй, а отпускать мне его не хочется. — И я накрыла ладонь Ара второй рукой.

Дальше все было как во сне. Мама начала петь колыбельную, самую обычную колыбельную, которую всегда пела для меня — я знала все слова наизусть. И она пела и пела, держа клочок ткани с рисунком и размахивая им в такт мелодии. И тень, та самая серая и призрачная, как змея, раскачивалась следом, не в силах оторвать взгляд от рисунка. Мама пела долго, все повторяя и повторяя мелодию, пока движения тени и маминой ладони не стали абсолютно синхронны — вот тогда мама перестала раскачивать ткань, а тень раскачиваться продолжала. Как маятник. Мама же продолжала петь, но скорее для себя, чтобы не сбиться с темпа. И вот так вот напевая, она взяла пистолет для нанесения татуировок и доделала рисунок на плече Аравана. Брат, уже сонный, дернулся от боли, но из состояния дремы не вышел.

Затем вновь ткань с рисунком оказалась в маминой руке, и раскачивания мама продолжила. Еще некоторое время мелодия лилась непрерывно, а затем левой рукой мама достала зажигалку.

— Готовься, — на секунду прервав пение, сказала она.

Щелчок. Огонь вспыхнул и в мгновение поглотил ткань, а дальше... Тень завывала! Мама продолжала петь, закрыв глаза и обняв плечи руками, а серая тень металась, словно тряпка на ветру, и выла! Натурально выла, я слышала!

— Не бойся, тебе вреда он не причинит, — сказала мама и перестала петь.

Вой! Отчаянный дикий вой, от которого волосы поднимались дыбом! А в следующую секунду тень рванула к нам.

Рванула, чтобы застыть — потому что путь ей преградила тень с синими глазами! Призрак! Призрак самого капитана. И когда тень, сжавшись, отпрянула, призрак капитана корабля медленно повернул голову и посмотрел мне в глаза! Прямо в глаза... Я испуганно обернулась к маме, но она сидела зажмурившись и отсчитывала секунды. Она думала, что все идет как надо, а я точно видела, что нет!

А затем тень плавно двинулась ко мне...

И я, конечно, смелая, но заорала будь здоров как! И от страха закрыла глаза и прижалась к Ару...

Свет...

Тоннель...

Свет становится ярче...

Мне больно! Мне так больно, словно голова сломана... Кто-то подхватывает... Я слышу: «Мой сын!» — неприятный голос, и мир весь подернут дымкой и перевернут... Тоннель... я ускоряюсь, бегу и падаю на траву... синюю. Начинаю плакать и звать маму... Мамы нет, папа сказал, что ее больше нет с нами... Тоннель... ночь. Я в углу треугольной комнаты, прижав колени к подбородку, тихо плачу... Мама не придет, и папа тоже... Их больше нет... Я остался один, совсем один... Тоннель... свет... я слушаю речь, глядя в синее небо. На мне большая ответственность, но я справлюсь, я капитан! Я был лучшим с рождения, я знаю все о кораблях, у меня полный стол наград! Да, я достоин высокой чести, я не подведу свой клан. Тоннель... я ускоряюсь... Все быстрее и быстрее... Я бегу, сажусь за пульт, проверяю данные и понимаю — ошибка! Кто-то намеренно ввел не те данные! Я не успеваю, не успеваю! Надежды нет! Нет! Зачем? Зачем?! Нет, никто на корабле не мог так поступить! Значит, я, моя вина. Я виновен! Взрыв! И ревущее пламя поглощает меня!

— Мама!!! — Я заорала так, что горло охрипло.

Дернулась, открыла глаза и встретила с потрясенным взглядом Аравана.

— Ты видела? — шепотом спросил он.

И я поняла, что только что просмотрела чужую жизнь вместе с Аром! Не просто чужую — жизнь капитана этого корабля! Да я умерла вместе с ним!

Каюсь, последующие минут десять я позорно ревела в объятиях брата, сквозь слезы и сопли пытаюсь объяснить маме, что капитан ни в чем не виноват, вовсе не виноват, кто-то ввел другие данные, и я догадываюсь, что это был кто-то, кто попал под влияние шейса. Почему-то объяснить ей все в тот момент для меня было гораздо важнее того, что я только что прожила чужую жизнь, выучила язык таров, могу теперь собрать бомбу покруче и получше, чем те, которые мы изучали в университете, и вообще...

— Он не виноват, мама, — я вытерла слезы, — не виноват, понимаешь? А он столько лет страдает и винит только себя, мам!

Мама мягко потянула меня к себе, отрывая от Ара, который сжал в объятиях так, как будто я островок последней надежды... Надежда... При мысли о надежде я заревела снова. Ар сидел в полном ступоре, словно

невменяемый, и только мама сохраняла спокойствие:

— Кто винит себя, Кирюш? — Она начала осторожно гладить по волосам.

— Капитааааан! — Я никак не могла успокоиться. — Капитан себя винит, понимаешь? А это все тот шейс виноват. Он изменил данные в координатах, не перепроверив все показатели! Он! И капитан просто не успел ничего сделать, мама!

Меня еще несколько раз терпеливо погладили, после чего мама взяла за плечи, ощутимо встряхнула и жестко произнесла:

— Прошло свыше трехсот лет! Прекрати истерику!

Я всхлипнула и кивнула, но все равно сердце разрывалось от боли. Не люблю, когда творится несправедливость, а тут прямо какая-то вселенская, ужасающая несправедливость произошла!

— Кир, Аравану сейчас хуже, — мама сжала мои плечи, — я нужна ему, понимаешь? У тебя только истерика, а ему сейчас плохо. Чужую жизнь вы видели вместе, и боль вы разделили на двоих, но чужую тень принял он, я нужна сейчас ему. Хорошо?

Кивнула, вытерла мокрый нос и прошептала:

— Да, мам, я поняла.

Она порывисто обняла и, отпустив, подвинулась к Аравану. Вытирая слезы, я смотрела на брата и понимала — да, ему сейчас хуже, и намного. Ара трясло, в буквальном смысле, изо рта шла пена, глаза огромные, испуганные, по щекам не капли — ручьи.

— Тихо-тихо, все хорошо. Все хорошо, мой маленький, ты жив, ты живешь... все хорошо.

Мама осторожно вытерла его лицо, начала мягко массировать плечи и снова запела колыбельную. Ее голос успокаивал и убаюкивал, и вскоре Ар практически спал, сидя, полуприкрыв глаза и раскачиваясь в такт мелодии. Я и сама чуть не уснула, но осознание страшной истины давило и душило.

— Тебе желательно поспать, — сказала мама.

Я кивнула, но продолжала просто сидеть и вытирать слезы. Просто понимала, что не усну. Не смогу.

— Кирюш, прекращай. Знала бы, что ты так близко к сердцу это воспримешь, не допустила бы! — в сердцах сказала мама.

— Все хорошо, — хотя я в этом совсем не была уверена, — переживу. Мам, а что дальше?

— Ты уже можешь отдыхать. — Она протянула руку, коснулась моей ладони. — Дальше я сама.

Она побыла еще с Аром до тех пор, пока из его рта не перестала идти

пена, а после уложила его на подушку, укрыла, еще несколько минут посидела с ним рядом, держа за руку и двигая пальчиком по напряженным вздувшимся венам на ладони брата. А я сидела на своем спальном мешке, обняв колени, и покачивалась, стараясь успокоиться.

— Призрак исчез, — тихо сказала мама, — ушел, видимо.

И меня типануло так, что спина мгновенно взмокла. Потому что я поняла страшное — мама не знает, кого подселила к Аравану! Она убеждена, что это та, приведенная с нею тень! Она...

— Мам, — прошептала я, — мам, тень в Араване!

— Я знаю, Кира, — ответила она, отмахнувшись от меня.

Но тут просто молчать было бы глупо.

— МАМА! — едва не заорала я. — Ты не понимаешь — в Аре тень капитана, мам!

И мамина рука, поглаживающая брата, замерла. Затем Киара МакЭдл молниеносно повернулась ко мне и прошептала:

— Что?

Я лишь показательно развела руками, мол, я тебе уже все сказала.

Моя замечательная мамочка не стала ни паниковать, ни устраивать истерику, только спросила побледневшими губами:

— Ты уверена?

На это я могла ответить лишь:

— Абсолютно. Призрак капитана отогнал ту тень и рванул к нам, в последний момент я закрыла глаза. Прости, просто испугалась, — хотя до сих пор страшно и трясет. — Мама, это...

Мама мне ничего не сказала — вновь открыла свой сверток, достала вторую бутылочку с зеленым соком, повернулась к брату и со всей силы залепила ему пощечину. Подскочивший Ар возвращению в мир бодрствующих явно не обрадовался, потому как ему в рот мгновенно сунули бутылку, и мама произнесла:

— У нас проблемы, пей!

И так она это сказала, что сонный Ар мгновенно все выпил и даже не скривился. А после рухнул обратно на кровать. Мама поднялась, приложила невероятные усилия, чтобы уложить Аравана на бок, затем обессиленно опустилась на край кровати, устало потерла лицо ладонями и сказала:

— Ложись спать, Киренок.

— А ты? — тихо спросила я.

— Уже не усну, — сипло ответила она. — С одной стороны, тень самого капитана большая удача, но с другой — Ар может не справиться, я

должна быть рядом.

Я хотела было возразить, но мама отрезала:

— Мне известно, что делать в случае, если начнется лихорадка, ты такими знаниями не обладаешь. Ложись спать, Кира, завтра будет сложный день.

Устроившись поближе к маме, я сняла куртку, разулась, забралась в спальный мешок, начала следить за происходящим. Мама говорила с Аром на том, другом языке, речитативом и торопливо, а затем медленно и растягивая слова, и братик, которого трясло, начал успокаиваться, черты лица его разглаживались, тело расслаблялось. И вскоре он уже спал глубоким оздоровительным сном, а мама сидела рядом и продолжала поглаживать его по спине.

И я вовсе не ожидала от нее прозвучавшего вдруг вопроса:

— Ты сказала, что влюбленность в повелителя была наваждением шейсов, тогда ответь, что ты сейчас испытываешь к Эрану Дард Аэ?

Вопрос, поставивший меня в тупик. Но в то же время мне, только что фактически пережившей смерть, не свою, но смерть, вдруг стало отчетливо ясно:

— Я люблю Эрана, мам.

Она вздрогнула, подняла на меня печальный взгляд зеленых глаз. Несколько долгих томительных минут смотрела, продолжая успокаивающе гладить Аравана, затем тихо спросила:

— Насколько ты его любишь, Кирюш?

И я поняла странное:

— Не настолько, чтобы отказаться от своей мечты...

Мама кивнула и тихо продолжила:

— Ты всегда мечтала летать под командой адмирала Айрона Вейнера, Кирюш, и я надеялась, что смогу увидеть тебя в мундире с символикой Илонесской армады... Хотела встречать тебя на космодроме после очередной победы. Ты ведь S-класс, Кира, ты одна из лучших на потоке, ты такходишь в двадцатку первых кадетов Космического университета, ты так долго к этому шла... Не отказывайся от мечты, Киран, поверь, ни один мужчина этого не стоит. И ты не простишь сама себе, если не попытаешься, пойми.

Я это понимала. Понимала отчетливо. Я действительно с детства представляла себя стоящей в рубке управления в черном мундире капитана и отдающей четкие лаконичные приказы. И с момента подготовки к поступлению в университет я мечтала попасть под командование адмирала Вейнера или, как его еще называли, Тирана Вейнера, Зверя Вейнера.

Самый безжалостный, самый независимый из адмиралов содружества, гроза пиратов, победитель всех битв, в которые вел свою армаду, — мечта, а не руководитель. Но и отбирал адмирал Вейнер только самых лучших, вот почему уровень S-класса практически гарантировал мне место на одном из его кораблей. И я бы добилась места капитана в Илонесской армаде, несомненно, добилась бы, но сейчас...

— Мам, а что будет с Эраном? — тихо спросила я.

— Ничего, — мама усмехнулась, — возьмет себе еще парочку жен. Он мужчина, Киран, он тебе замену быстро найдет.

Возможно, я возразила бы маме, но... откровенно говоря, последние пара дней в доме Эрана не впечатлили вовсе. Тяжело, напряженно, заняться особо нечем, обычаи странные... И в то же время это его искреннее «Сердце мое»...

— Я спать, — решительно объявила маме, — утром буду думать.

Она ничего не сказала.

Поначалу. Но едва я начала засыпать, как прозвучало:

— Я горжусь тобой, Кира, и то, что ты провернула на Иристане, безбашенно, конечно, но потрясающе, однако поверь — я никогда не смирюсь с твоим решением остаться здесь, тем более в постели повелителя! Моя дочь не наложница и никогда ею не будет!

Сонно зевнув, я ответила:

— Желаю тебе увидеть мужчину, от одного вида которого гормоны устроят революцию, чувство гордости канет в Лету, ноги откажутся стоять, руки будут дрожать, дар речи нагло исчезнет. И вот когда это произойдет, мамуль, я тебе честно, откровенно и совершенно правдиво сообщу, что этот мужик после твоего отлета возьмет себе еще парочку жен, ибо он мужчина и замену тебе быстро найдет!

Причем я ей это просто так сказала, чисто из вредности и без всякого умысла.

А потом заснула, уже исключительно из-за усталости.

* * *

Мама разбудила под утро, приказала сидеть возле Аравана, и если проснется — дать ему воды, которую мне и всучила. После она ушла, а я улеглась рядом с братом, использовав его правый трицепс в качестве подушки — получилось удобненько, а когда Ар обнял, так вообще классно и тепло.

В результате мы в обнимку проспали до маминого прихода, причем я отчетливо слышала, когда она вернулась, но все равно просыпаться не желала.

Проснулась я от того, что кое-кто здоровенно-мускулистый еще и ногу на мне пристроил. А я-то не особо большая и мягкая, а нога у Ара будь здоров, и едва он ее пристроил, я и проснулась от жуткого ощущения придавленности.

— Давят, — сипло сообщила я всему пространству.

— Ты еще скажи, что убивают, — хриплым ото сна голосом отозвался брат, но ногу убрал.

— Тебе дай волю, так точно убьешь, — огрызнулась я.

И мы проснулись. Оба, разом.

Оказалось, что лежим лицом друг к другу, Ар на подушке, а я на его руке вместо подушки, и как-то разом мы заговорили:

— Капитан, — сказал Араван, — я был капитаном.

— И я умерла, — прошептала я.

— Моя вина, — добавил Ар.

— Не твоя — шейса, — не согласилась я.

Брат подумал, потом тихо сказал:

— В первый раз так не было, я не переживал смерть, Кир, я...

— Кира, дай ему воды, — раздался с пола сонный мамин голос.

Ну я подскочила, нашла бутылку, открыла, протянула Аравану, тот все добросовестно вылакал.

— Вторую бутылку, — опять мама.

Дала проглоту вторую — тоже всосал мгновенно и посмотрел на меня выжидательно и с жаждой в глазах.

— Больше нельзя, — убила его надежду мама, — до заката тебе больше ничего нельзя.

— Э-э... — протянул вмиг сделавшийся несчастным Ар, — мм-м... а я есть хочу...

— Дома поешь, — отрезала мама, все так же лежа в спальнике с закрытыми глазами, — жены накормят. Кстати, о женах — никакого секса двое суток.

И вот теперь кому-то стало вообще невесело. Даже плечи поникли.

А мама явно собиралась еще поспать. Ну мы с Аром переглянулись и решили пройтись, чтобы ей не мешать. Брат с трудом поднялся, остановился, пошатываясь, затем поднял руки вверх, потянулся, вытягивая позвоночник. После размял шею и плечи, раза четыре присел, встал, посмотрел на меня и произнес:

— Я в норме.

— Пошли, — сказала я.

И мы пошли к выходу, возле которого Араван, не задумываясь, прикоснулся к каким-то скрытым датчикам, и проход открылся.

— Как ты это? — удивилась, шагая за ним.

— Не знаю, — признался братик, — просто это... мой корабль.

Мы оба остановились, переглянулись.

— Мой, — уверенно повторил Ар. — Я здесь знаю каждую деталь, я участвовал в постройке, я...

Он судорожно вздохнул и тихо произнес:

— Не я...

В следующее мгновение от Аравана отделилась тень. Стандартненькая такая тень — серая, полупрозрачная, обычная. Левая, кстати. Она повисла, посмотрела на потрясенного Ара, после на меня, затем на корабль и поинтересовалась:

— Что происходит-ссс?

Так вот — мы ему не ответили, мы ждали другого, вот совсем-совсем другого. Мы стояли, смотрели друг на друга и ждали. Точнее, я ждала появления правой тени, а вот чего брат ждал, понятия не имею. И мы стояли в пыльном длинном узком коридоре, по стенам которого виднелись люки, ведущие в пассажирские отсеки, а еще висели оборванные провода, и ждали...

Дождались.

Ар вскинул голову, посмотрел на меня неожиданно синими глазами и спросил:

— Что значит «виноват шейс»?!

Дальше случилось то, что, я надеюсь, никогда не внесут в мое личное дело — кадет S-класса банально свалилась в обморок.

* * *

Я лежала на чем-то мягком и удобном, но вот сбоку поддувал прохладный ветерок, а кто-то рядом достаточно жестко приказал:

— Очнись!

Медленно, очень медленно я открыла глаза и увидела сверкающие огоньки сенсорных датчиков, идущие по всему потолку, затем по округлой стене, к основному пульту. После внимательно осмотрела место, на котором я лежала, — койка с гелевой основой, это когда ты лежишь, а тебя

укутывает до самого носа мягким гелем. И я точно знала, для чего применяются подобные технологии — спасательные капсулы.

Как-то разом с этим пришло и воспоминание о последних событиях, и, резко повернув голову, я посмотрела на Аравана с бесконечно синими глазами, сидящего в кресле перед пультом управления, полностью развернувшись ко мне. И это был не Ар. Совершенно иная осанка, иное выражение лица, жесткость во взгляде — капитан. Капитан, который принес меня в спасательную капсулу...

— Вы могли спастись, — внезапно поняла я. — Для вас имелась спасательная капсула, наверняка имелся и выход в нее с капитанского мостика, а вы предпочли умереть!

Слегка приподнятая бровь и насмешливо-холодный ответ:

— Капитан погибает вместе с кораблем — закон чести.

— Круто, — выдохнула потрясенная я.

И села, свесив ноги с койки. Вдохнула воздух, чистый, кстати, без пыли, выдохнула, мило улыбнулась мужику и вежливо попросила:

— А теперь будьте так любезны покинуть тело моего брата, а?

Ничего не сказав мне по этому поводу, капитан произнес:

— Я не знаю, кто ты, не знаю, как появилась и откуда пришла. Допускаю, что ты призрак из мира духов, впрочем, больше похожа на взбалмошную богиню.

Обалдевшая, я даже не нашла, что сказать. Кэп продолжил:

— Если я прав и ты относишься к пантеону богов, ты сейчас вернешься со мной в момент гибели корабля и спасешь его.

— Кого? — не поняла я.

— Корабль, — сухо ответил кэп.

И что-то он мне в этот момент легендарного адмирала Вейнера напомнил этой вот убежденностью в своих словах и в том, что я сделаю все, как он сказал. Был в практике Вейнера случай, когда тесть у него в соответствии с какими-то традициями жену заграбастал, так вот адмирал пришел в дом новоиспеченного родственника и сказал: «Ты мне сейчас мою женщину вернешь обратно, и быстро». Тот пытался давить авторитетом, войском, традициями Авийи, да даже тремя сенаторами из галактического совета, а толку? Традиции поменяли, армию распустили, сенаторов мирно похоронили, жену вернули. Потому что, цитируя Вейнера: «Я сказал — ты сделал, и без вариантов». Так и тут... и сдается мне, из меня сейчас будут делать богиню.

— Бракованный навигатор, — прошептала я, осознавая степень своего попадалова.

— Не понял, — сухо произнес кэп.

Так-то оно так, вот только мне сейчас предстояло сообщить мужику, что он мертв, причем уже лет так триста пятьдесят как минимум, а я вовсе не в силах менять прошлое. Но вот для того, чтобы все это сказать такому, как кэп, божественная помощь точно понадобится... Решила, что сама не справлюсь, и полезла в карман, где в виде мячика-попрыгунчика имелся сейр Аравана, который я ему так и не вернула. Растянула, вошла в настройки, откопала голосовые модуляторы, нашла среди тысяч вариантов «Глас божий», активировала. После судорожно вздохнула и впечатала в программу: «Капитан, вы погибли много лет назад. Мне жаль».

Сейр щелкнул и выдал проникновенное:

— Раб божий, возрадуйся и вознеси хвалу господу нашему, ибо, отобрав тело, даровал он тебе бессмертный дух!.. — Потом что-то опять щелкнуло, и глас Божий добавил: — Кипец полный, да?

Я оторопела, испуганно глядя на капитана. Потрясла сейр, прошипела нервно:

— Бракованный навигатор, программа сбилась, одну секунду.

Изменила параметры, включила на повтор последней фразы.

Глас божий выдал:

— Кипец полный, говорю же вам, о блаженные!

— Твою мать! — Я с раздражением потрясла устройством, вошла в систему, вновь ввела параметры. — Счас, кэп, минутку, и он продолжит.

Сейр щелкнул, после выдал:

— Кипец, я сказал! Помолимся, дети мои!

Был бы это обычный сейр — разбила бы ко всем нестабильным атомам! А так только сжала, старательно стараясь не ругаться вслух. И стыдно было до ужаса. После виновато посмотрела на капитана.

Тот молча, сурово и зло глядел на меня, а челюсти сжал так, что казалось, сейчас зубы начнут крошиться. А зубы Аравана, так что мне их было жаль.

— Хотела как лучше, получилось как... всегда, — пробормотала я, даже не зная, как ему сказать. Решила всю правду и без прикрас: — Вы погибли триста пятьдесят лет назад. Я не богиня, я Киран МакВаррас, жительница данной планеты, я не умею возвращать прошлое, только видеть, и то редко, да если честно, вчерашний случай был единичным за всю мою жизнь. И я...

— Достаточно, — перебил меня капитан.

И вот мне его тон сразу не понравился, потому что я знала, сейчас прозвучит то, что не понравится мне еще больше. И оно прозвучало:

— Ты и твоя мать не просто «жительницы данной планеты», и не смей больше мне лгать!

Кипец.

— И если ты не в состоянии сделать требуемое, это сделает твоя мать.

Кипец полный.

— И это тело я забираю по праву сильнейшего. Скажи второму, — кивок в сторону жалко мнущейся тени в углу, — чтобы не смел ко мне приближаться — уничтожу!

Кипец полный и основательный!

Говоря откровенно, пока капитан практически волоком тащил меня обратно в то помещение, где мама провела ритуал, у меня была паника. Вот такая конкретная и основательная паника, потому что одно дело — реальный противник и совсем другое — обалдевший от наглости и уверенный в своей правоте дух.

Но, как оказалось, переживала я совершенно напрасно!

Потому что когда мы пришли, мама зевнула, сладко потянулась и, даже не глядя на капитана, поинтересовалась:

— И как нас зовут?

Оторопевший от подобного вопроса кэп четко ответил:

— Виэрдан Иллоэр.

Мама зевнула снова, села в спальнике, с некоторым осуждением глянула на перепуганную меня, затем обворожительно улыбнулась капитану и промурлыкала почти:

— Рада приветствовать вас на Иристане, капитан Иллоэр. Как вы себя чувствуете?

Некоторое молчание, затем мрачное:

— Отвратительно.

— Понимаю.

Мамуля поднялась, потянулась снова, разминая затекшие мышцы, после, нагнувшись, обулась, достав влажную салфетку, вытерла лицо и руки, после сделала нечто — указала капитану жестом на кровать, где провел ночь Араван. А когда тот остался стоять, улыбнулась и сказала:

— Вы же не заставите слабую женщину работать стоя после столь напряженной ночи, капитан Иллоэр? Присаживайтесь, мне нужно завершить татуировку, чтобы вы всегда могли найти свое тело.

Кэп не шевельнулся и меня не отпустил.

Мама кивнула с улыбкой, затем достала из кармана тряпочку с точно таким же рисунком, как на том лоскутке ткани, с которым вчера тень приманивала, растянула и показала:

— Сравните с татуировкой на плече, и вы поймете, что не хватает завершающего штриха, а без него ваша связь с телом будет неполной.

Она произнесла это совершенно спокойно и с самой обворожительной улыбкой, но... Но проделывала мамуля совершенно иное — она плавно, завораживающе плавно покачивала рисунок, и... кэп растерял все свое возражательное настроение. Он отпустил меня и как замороженный направился к мамуле, а та, мягко отступая, вела его к кровати. Довела, усадила и прошипела:

— Кира!

Я рванула к ней, и мама передала мне ткань, собственно, что делать, я уже сообразила. И пока мамуля, достав свой инструментарий, дорабатывала татуировку, я плавно водила тряпицей перед лицом Аравана...

А потом мама сказала:

— Все. — И спросила: — Сынок, ты как?

— Нормально, мам, — глухо ответил Араван, закрывая глаза. — Но этот внутри бесится, что мне делать?

— Право сильнейшего, Ар, ты сильнее, скажи ему об этом, — посоветовала мама, осторожно дуя на воспалившуюся после нанесения татуировки кожу.

Но братик скривился, после зашипел, словно от боли, и хрипло произнес:

— Он не признает мою силу, он сопротивляется!

Мама напряглась, более того — нервно прикусила губу.

И тогда я неожиданно выдохнула:

— Скажи ему, что тот шейс, что погубил его корабль, несомненно, придет за тобой, и он сможет отомстить.

И Араван расслабился. Причем расслабился в тот же миг, а затем из него медленно выплыла тень капитана, все такая же странная — с синими глазами. И она висела над нами троими, переводя взгляд с меня на маму, а затем произнесла:

«Вы обманули!»

— Я мать, — спокойно ответила мамуля, — вы тот, кто вмешался в ритуал по своей воле и вселился в моего сына по своему желанию, я вас не звала, так что мои действия справедливы.

Тень оскалилась.

— И я сказала правду, — вставила я, — шейс, погубивший ваш корабль, вселился в моего отца, и он хочет мстить, значит, придет за Араваном.

Несколько секунд тень молча висела без движения, затем прошипела:
«Я встречу».

Мама улыбнулась и сказала:

— Если угроза минует или вы уничтожите шейса, я отпущу вас, слово воина.

«Ты женщинасс!» — прошипел кэп.

— Я воин, — совершенно спокойно возразила мамочка. — А теперь мне нужна ваша помощь, либо же я обращаюсь к Лейсу.

Кэп промолчал, и та несчастная тень, которую выгнали, мгновенно подплыла к мамочке, готовая слушать. Мама кивнула ей и достала сейр. Едва включила, на нем сначала пунктиром, после в режиме съемки отразился путь к тому полуразрушенному храму, в котором мы оставили запасную тариге.

— Выведи Аравана, — приказала мама. — Мы уведем патрули за собой, начнем ровно в десять. Ровно! В десять ноль две Араван должен покинуть храм на максимальной скорости.

«Там клан Таргар, Киара», — напомнила левая тень.

— Лейс, ты справишься, — заверила тень мамуля. — К тому же с вами будет капитан Иллоэр, — выразительный взгляд на синеглазую тень и такое со смыслом, — который отчетливо понимает, что, если погибнет его тар-эн, он вернется в тот кошмар, в котором провел последние триста пятьдесят лет.

Откровенно говоря, на мой взгляд, это было жестоко. Но мама продолжила, все так же глядя на капитана:

— Вы следили за ритуалом и знали, к чему он приведет, это был ваш выбор, вы его сделали и поставили меня перед фактом. Теперь перед фактом вас ставлю я — если вы попытаетесь навредить Аравану, я замкну ваше существование на взрыве корабля, и вы будете проживать этот кошмар не раз в сутки, а бесконечное количество раз за те же сутки! И так каждый день.

И я, и Ар были заметно потрясены подобной жестокостью, но мамочка потянулась, чмокнула брата в кончик его внушительного носа и уже ему сказала:

— Тебе пора, ты должен быть в храме через полчаса, когда Лейс даст команду — взлетаешь.

Араван поморщился и произнес:

— Не знал, что у моей тени есть... имя.

— Лейс был тенью твоего деда, Ар, он не один год в семье МакЭдл, и если ты призадумался, поймешь, почему после посвящения тебе стало

значительно легче управлять кланом. Лейс — душа клана МакЭдл, и я рада, что наконец он сможет обрести подобие жизни более осознанно. Старайся прислушиваться к его советам — Лейс мудр и опытен. Время, сынок. Мы должны сделать все, чтобы никто и никогда не узнал о сотворенном здесь и об обретенном тобой могуществе.

— А... — начал было Ар.

— О капитане не беспокойся. Он сейчас зол и разгневан, осознание — тяжелый труд, но пройдет не так много времени, и Виэрдан поймет, что ты его шанс на подобие жизни. А любое подобие жизни гораздо лучше, чем смерть. К тому же вы союзники, и, говоря откровенно, я рада, что все случилось именно так — теперь я уверена, что ты защищен. Время.

Мама заставила Аравана одеться, нанесла маскировку на его костюм, еще раз проинструктировала и указала, куда идти, обняв напоследок. Я тоже обняла братика, на душе было тревожно.

И когда за ним закрылся проход, тревога только усилилась.

— Успокойся, — приказала мама. — Тени всегда так — поначалу не могут смириться, пытаются захватить контроль над телом, в итоге — делают все, чтобы спасти своего носителя. Это симбиоз, Кира, взаимовыгодное сотрудничество, здесь нет проигравших сторон.

— Но я так понимаю, обычно тени не осознают... — прошептала я.

— Момент вселения и первые сутки — осознают отчетливо, — ответила мама. — После осознанность уходит, они просто живут, как и носитель, и вновь ощущают себя отдельными, когда тар-эн умирает.

— Ужасно, — прошептала я.

— У них всегда есть выбор, невозможно вселить тень без ее на то желания. — Ма ответила достаточно резко.

Затем прошла к своему рюкзаку, достала и бросила мне новую упаковку с соком, достала вторую такую же, торопливо выпила и принялась убирать все. Я взялась ей помогать, и через несколько минут здесь не осталось следов нашего пребывания.

История девятая: О долгих прогулках и последствиях купания в незнакомых водоемах

По давно мертвому кораблю мы прошли в тот сад, где бесились вчера с Араваном, дошли до расщелины, через которую в корабль задувал снег, и вот там мама остановилась, достала спреи от запаха и маскировочные. Я натянула лыжную маску и очки — без специальных очков в горах среди яркого слепящего снега делать было определенно нечего, после начала крепить альпинистское снаряжение.

И вдруг отчетливо расслышала:

«Здесь воины клана Таргар. Трое. Наши пути не пересекаются, но те идут по песку, отслеживая следы. Я так полагаю, что ваши».

Не веря ни себе, ни ощущениям, ни ушам, в конце концов я мысленно позвала:

«Капитан Иллоэр?»

Спросила, не прикладывая пальцы к шее.

Но он услышал и поправил:

«Виэрдан».

«Кира, — в свою очередь представилась я. — Так там... тары?»

«Да, воины, мы задерживаемся. Передайте Киаре!»

Нервно сглотнув, я осторожно спросила:

«А... Лейс? Или...»

«По какой-то странной причине с вами могу говорить только я», — ответил капитан.

Я шумно выдохнула.

— Что? — встревоженно спросила мама, глядя на часы.

Ну и к бракованному навигатору все на свете, скажу ей честно и откровенно.

— Они задерживаются, мам, — произнесла я.

И в ответ на потрясенный мамочкин взгляд добавила:

— Я могу разговаривать с капитаном...

И кое-кто с размаху сел на пол. Практически грохнулся! Но, посидев с минуту, мамочка тихо спросила:

— А что там не так?

Пожав плечами, я мысленно спросила:

«Что там не так с воинами?»

Виэрд ответил быстро:

«Это клан Таргар, здесь глава клана, у него великолепный слух и оборудование для разлома горной породы с собой. Если Араван продолжит идти — воины услышат, взломают стену».

— Ух! — только и сказала я.

— Что, Кир?! — психанула мама.

— В общем, там Гарданг, у него с собой оборудование горное, если Ар шевельнется, они засекут и...

— Твою мать! — Ма вскочила с пола, отряхнула брюки и начала нервно расхаживать перед сугробом. — Спроси Виэрдана, что они делают в данный момент?

Спрашивать не пришлось, кэп прислал злое сообщение:

«Проследили ваши перемещения до стены, в данный момент глава клана подбирает код!»

Едва я передала мамочке сообщение, она психанула окончательно и со словами: «Да в кого этот гад такой сообразительный!» — полезла на сугроб. Естественно, я следом.

И мы вылезли в холодный заснеженный день, в котором ослепительно ярко сияло солнце и не менее ярко сверкал снег, завывал ледяной ветер, и казалось, до неба рукой подать! И тут было здорово, и мама была злая, а значит, приключений следовало ожидать бо-о-ольшое множество.

— Повеселимся! — мрачно сказала мама.

Последний раз мы так «веселились» на Гтмаре. Мертвая планета, покрытая снегом и льдом, просто рай для скалолазания. Мама тогда как раз премию получила на работе и заказала нам экстремальный тур «Смертельный рывок». В рекламном проспекте значилось: «Только для спортсменов и людей, прошедших военную подготовку». И вот такая картина — заснеженное плато, толпа накачанных и суровых мужиков ожидает двух последних членов группы, глава собственно группы нервно сплевывает... на снег плевок падает уже льдом, и тут опускается катер, из него выпрыгиваем мамочка в белоснежном полушубке и двенадцатилетняя я в полушубке розовом. Мужики для начала прибалдели, после послышался мат на семнадцати разных языках. Их было сорок восемь, нас двое, тур на девять дней. К слову сказать, ранее «Смертельный рывок» славился тем, что его преодолевали не все. Даже награда в конце выдавалась достигшим перевала Ейеши на своих двоих. Так вот в тот раз дошли все! Мама, после того как руководитель группы сломал себе нечаянно руки, которые очень зря пытался распускать, и сам себе выбил зубы... тоже совершенно

«случайно», взяла все руководство на себя, и мы не только славно повеселились, но также обнаружили животных, замерзших во льдах (съели), поселение древних жителей (переночевали и переждали снежную бурю, потом вызвали археологов), но и дошли в рекордный срок. Причем все. Ну, кроме руководителя группы, его донесли.

Я после всего была в таком диком восторге, что закончила учебный год на «отлично», как и обещала. Мамочка получила приз, причем денежный, предложение работать проводником и то ли двадцать семь, то ли тридцать семь предложений выйти замуж. Не помню, меня тогда больше интересовал зуб одной когтистой зверюги, которую мы тоже во льдах нашли. Когда мы покидали Гтмару, на плато собралась целая толпа, нам махали вслед и просили прилетать еще, а глава турфирмы обещал пожизненный бесплатный абонемент. Но мамуль сказала мне печальным голосом: «Повеселились славно, но так... на один раз. В следующем году нырнем в Таонский океан, там рыбы ядовитые».

— Кир, ты о чем там замечталась? — Мама обернулась, заметив, что я продолжаю стоять.

Хорошо, что она моей идиотско-счастливой улыбки не видела.

— С музыкой или без? — поинтересовалась мама, доставая свой сейр.

— Давай с музыкой, — сказала я.

И над заснеженными вершинами огромных гор понеслась веселая зажигательная ритмичная мелодия. Громкая, возвращающаяся с эхом, оглушительная.

«Они остановились, что-то обсуждают», — сообщил Виэрдан.

«А что?» — заинтересовалась я.

«Говорят по внутренней связи, мне не слышно, — ответил капитан. — Все, покидают пещеру».

— Маам, клюнули.

И довольная Киара МакЭдл вскинула вверх руки и похлопала в такт мелодии, после чего, пританцовывая, направилась по белоснежному склону, я за ней.

Шли мы недолго — палец вверх, указание вправо и три пальца вверх. Они появились. Всего трое, но громкая музыка не могла остаться без внимания.

Четыре пальца вверх, резкое сжатие в кулак — будут стрелять. Мы спрыгнули одновременно и так же одновременно выстрелили «кошками», выпуская страховочные тросы.

— Двадцать шесть метров влево! — скомандовала мама, и я на лету выстрелила из второго пистолета, запуская вторую «кошку».

Ма повторила мой маневр на секунду позднее, так как страховала меня. И одновременно мы активировали взрыватели на первых «кошках», заставляя те отцепиться от скалы.

Дальше началась гонка!

Мы бегали по горам, соскальзывали, прыгали и даже падали раза четыре, когда преследователи начинали «дышать» нам в затылок. И если поначалу мама улыбалась и пару раз даже тормозила меня, показывая на уже десяток «охотников», старательно нас преследующих, то через полчаса она рявкнула: «Выруби музыку», а еще через час выражение: «Твою мать!» звучало едва ли не через каждые пять минут.

Мы израсходовали последний страховочный трос, перебираясь через пропасть, но едва отбежали шагов на сорок, как...

— Это просто нереально! — прошипела мама, замерев на месте.

Я, так как была вынуждена все повторять за ней, на преследователей не оборачивалась, но сейчас последовала маминому примеру и оглянулась.

— Бракованный навигатор! — Других слов у меня не было.

Преследовали, в количестве теперь уже четырнадцати воинов, нас настигали! Действительно настигали! Без снаряжения, без страховочных ремней и тросов, без нормальной обуви — но при этом они двигались быстрее, резче и увереннее, чем мы! Но самое неприятное — Гарданг, которого я превосходно знала, был впереди. И именно он сейчас мчался по склону, все ускоряясь... прыжок! И воин перескочил пропасть метров в тридцать шириной! Перескочил легко, уверенно, как-то походя и даже не обратив на пропасть внимания. Он перескочил так же, как Эран тогда в квартале развлечений, когда вопреки всем законам логики узнал меня, замотанную в плащ. И теперь нас от главы клана Таргар отделяло всего шагов сорок... наших.

Но Гарданг не стал развивать свой успех.

Он остановился, выпрямился во весь свой могучий рост, откинул со лба белые пряди неровных волос и вперил свой взгляд в мамочку. Внимательный взгляд и именно в маму!

Зато остальные в этот момент ускорялись, явно планируя повторить маневр вождя.

И вот тогда мама взбесилась.

— Все, мужик, ты труп! — прошипела Киара МакЭдл, сжимая руки в кулаки.

И все бы ничего, но тут порыв ветра ударил со спины. Нет, мы-то удержались, но Гарданг... Выражение его лица, поза, осанка — все изменилось в одно мгновение! У меня было такое ощущение, что перед

нами оборотень из детских страшилок, потому что воин повел себя совершенно как зверь, подавшись вперед и втягивая носом воздух!

— Быть не может! — прошипела мама. — Этого просто не может быть! «Шейв» сбивает со следа даже служебных собак!

Может, собак и сбивает... А воин выпрямился, вновь становясь высоченным, огромным и могучим, и крикнул:

— Тайарэ!

Раньше я бы не поняла, теперь четко знала, что он сказал: «Женщины!»

Правда, после его заявления парочка воинов сорвалась в пропасть, но тут же из нее выбрались, совершая свои нечеловеческие прыжки... И вот они-то припрыгали, а вот допрыгались здесь одни мы. Эран меня убьет!

— Малыш, действовать будем жестко, — сказала мама, и я поняла — кипец... но не нам!

Мы одновременно рванули вниз по склону, и в тот же миг мама швырнула баллон с газом в сторону воинов.

Белое облако взорвалось на снегу, поджигая то, что определенно не могло сгореть... А следом прогремел взрыв! Взрывная волна ударила в спины, но мы удержались и под прикрытием уже набирающей скорость снежной лавины скрылись в пещере.

Что там творилось снаружи, я не знаю — мы мчались по пещере, мама впереди, я, пытаюсь ее догнать. Пещера постоянно сужалась, что не добавляло оптимизма, но мама уверенно шла вперед, а я ей всегда доверяла.

— Кирюш, глаза!

Удар по стене, и скала осыпается, открывая проход. Только когда солнечный свет проник в пещеру, я догадалась, почему маме удалось сломать стенку — она и так едва держалась на полусгнивших деревянных подпорках. Зато как только пыль улеглась, я поняла, что мы у подножия горы в сосновом лесу.

— Наш тайник, — сказала мама, — эта пещера прошивает гору практически насквозь.

— А про этот тайник кто-то еще знал?

— Могли. — Мама осторожно вышла на свет. — Но даже при их скорости передвижения у нас должна быть фора. Кир, поторопись.

И мы опять побежали. Сейчас бежать приходилось между елями, которые покрывали склоны гор, но наличествовали также и валуны, которые существенно замедляли скорость.

— Скорее! — Мама явно нервничала.

— Мам, а ты так уверена, что они остались в целости и боевой сохранности? — на бегу спросила я.

— Я не уверена, Кирюсь, я это просто знаю, — мрачно ответила Пантера МакЭдл, стремительно меняя направление бега.

Через час ветки уже хлестали по лицу, а уворачивалась я с трудом, но бежала, все равно бежала, концентрируясь на маме. Она тоже устала, но при этом не сбавляла скорости и не снижала темпа передвижения. Если бы путь наш протекал по прямой и на ровной местности, сохранять темп я могла бы еще часа четыре, но здесь... Проблема еще и в том, что одеты мы были достаточно тепло, а воздух вокруг накалялся — на Иристане было лето, и потому жара тоже имелась летняя.

— Кира, держись, — мама притормозила, дожидаясь меня, — еще немного. Прислушайся, впереди ручей, мы пробежим по его руслу, оттуда со скалы всего метров сорок до озера.

— Бегом? — не поняла я.

— Свободным полетом, — хмыкнула мама. — Давай, пантеренок, соберись. Кто у меня выдерживал марш-броски? Кто всегда приходил первым?

— Я, мам.

— Докажи! — и она вновь впереди.

Ручей действительно был «недалеко», всего-то метров через семьсот. И назвать наше передвижение по его руслу просто «бегом» было бы слишком... мелко, что ли. Ручеек оказался ледяным, мне по пояс, с порогами и водопадами метра по три высотой. Но приходилось преодолевать все препятствия стойчески, потому как я понимала — это наш шанс сбить со следа клан Таргар, по поводу которых мама теперь испытывала едва ли не благоговейный трепет. Но оценить и зауважать совсем не значит сдаться и покориться.

А потом ручей неожиданно обмельчал, и стоило мне взглянуть вперед, как я поняла — дальше обрыв! И не хилый, потому как уже отсюда открывался вид на громадное озеро, окруженное скалами, и оно находилось внизу... далеко внизу!

— Притормози! — мама остановила меня, несколько утратившую ориентацию от усталости и холода. — Сейчас бежим и с разбегу прыгаем. Как входим в воду?

— Ногами.

— Умничка. Дальше плывешь строго за мной, после мы ныряем. Я подам знак предварительно, наберешь побольше воздуха. Там нас протащит под скалами течением метров сто пятьдесят. Все поняла?

Я поняла, что это почти самоубийство, но:

— Да, мам.

Она разбежалась первая и на самом краю оттолкнулась и полетела... Я прислушалась к звучанию падающей воды и сплюнула от досады — какой сорок метров до озера?! Судя по звуку, там больше! Бракованный навигатор!

Разбег, оттолкнуться от края и полететь вниз, в облако пара, совершенно не видя воды внизу!

Невероятное чувство полета... Восхитительное ощущение свободного падения и блеск воды... Я сгруппировалась и нырнула в теплые объятия Озера Теней, чтобы мгновенно устремиться вверх, к солнцу, свету и воздуху!

Вынырнула и поняла, что такого прилива адреналина я давно не испытывала!

— Яхау!!! — Мой довольный крик разнесся над озером, над скалами, над всем миром.

Невероятное чувство ликования, победы, торжества, гордости в конце концов... ровно до той секунды, как, сняв мокрые и уже не нужные очки, я запрокинула голову и посмотрела на водопад...

— ТВОЮ МАТЬ!

— Да тут я, Кирюш, тут. — Смех послышался слева.

Глянув на нее, увидела, что мама уже сняла очки и лыжную шапку и сейчас радостно мне улыбается.

— Я тебя утоплю! — прорычала взбешенная я. — Мама, тут метров пятьсот! Пятьсот метров, мама!

Она в ответ хохочет, а после весело так:

— Кирюш, здесь вода мягче и притяжение чуть слабее, чем на Эттире. Вот там и сто метров были бы опасны. Снимай лишние вещи, все в рюкзак, берем с собой и поплыли.

Снаряжение, очки, шейный платок, шапку — мокрые, плохо поддающиеся, запихала в рюкзак, полный воды, а после поплыла следом за ма, пытаюсь злиться... Не получалось! Да, я устала как собака последняя, да, у меня каждая мышца дрожит от перенапряжения, а на щеке ссадина от одной излишне наглой еловой ветки, но... Один невероятный полет стоил всех мучений! Да и вообще здорово же!

Мы плыли около часа, когда я краем глаза засекла движение под водой... И все бы ничего, но сей объект имел в длину не менее двадцати метров.

— Маааааа, — нервно позвала, значительно ускорившись.

— Что, пантеренок?

— Мам, а почему это озеро носит столь любопытное название, а?

— Так тут лиаты обитают. Это рыбы такие.

— Плотоядные? — занервничала я, заметив, что тень целенаправленно двигается к нам.

— Ага, — безмятежно ответила мама.

— Нет, ну я тебя точно утоплю! — взревела я, настигая родительницу.

— Кииир, он не нападет, — мама рассмеялась, — смотри, сейчас отстанет.

И точно, животинка не доплыла до нас метров пять и остановилась.

— Мы что, особенные? Или у них какой-то долг жизни тебе, а? — ехидно спросила я, но вообще за свою панику было немного стыдно.

Мама поманила и поплыла ближе к скалам. И какое же это блаженство было, когда под ногами появилась твердая опора!

— Передохнем немного, — мы сейчас стояли по шею в воде, — ну а что касается рыб, обернись и посмотри на озеро.

Я обернулась и посмотрела. Озеро было огромным. Сейчас, издали, водопад казался сказочно прекрасным, в ореоле пара и капель, словно опоясанный радугой, невероятное зрелище. Само озеро оказалось какой-то непонятной формы за счет того, что словно щупальца вдавались в скалы. Километрах в трех от водопада в чаше озера имелся разлом, и вот туда вода уходила за горизонт фактически, то есть противоположного берега не было даже видно.

— Это одно из самых больших озер на Иристане, — начала рассказывать мама. — Процент девяносто его территории непригодны для купания за счет как раз лиатов, они бывают разных размеров и очень плотоядны. Но у этих рыб есть особенность — только теплую воду любят, а здесь с гор течет холодная, что отпугивает мелких особей.

— Брррр, — сказала я, вспомнив размер той самой рыбки, что явно хотела нас схомячить. — А как же большие?

— Большим особям тут мало места, Кирюш. Это мы плывем на поверхности воды, и кажется что все озеро гладкое, на деле тут повсюду скалы, разломы, впадины. Наиболее глубокое место у водопада, поэтому и прыгали мы именно там. Та рыбина, что так тебя напугала, плыла как раз по разлому, но траектория нашего пути не позволила бы ей напасть.

— Очень жуткая планетка, — поежившись, сказала я.

И мама вдруг погрузилась и прошептала:

— Ты даже не представляешь себе насколько, Кирюш. Ладно, поплыли.

Мы проплыли еще метров двести, причем я плавать, кажется, уже разлюбила... Одной рыбины хватило для этого. Отныне только полностью прозрачные водоемы! И тут мама подняла руку, подавая сигнал... И я бы взвыла, но не поможет же!

Набрав побольше воздуха, нырнула за мамой. Последующая минута показалась мне самой долгой за всю мою жизнь, а еще очень водный аттракцион напоминала. Только там точно знаешь, что выживешь, что все рассчитано и тебя точно вынесет поток воды, а тут уверенности никакой!

Выжили.

Нас попросту выбросило течением из-под скалы в какой-то уютный водоем, окруженный лесом и осколками скал. И вода была здесь теплой. И даже прозрачной! Мне по пояс, но и камни на дне отчетливо видны оказались... и было просто хорошо.

— Кирюш, давай на берег! — Моя бодрая и боевая мамочка на этот самый берег и полезла.

— Отстань, — меланхолично ответила я, подплыв чуть ближе к берегу, где было примерно мне до колена, и улеглась, привалившись спиной к стенке и просто наслаждаясь теплой водой и отдыхом.

Мама рассмеялась и взобралась на каменюку. Вообще берег имел полукруглую форму, опять же черный склон также был полукруглым. За каменной полосой, словно опоясывающей эту заводь, начинался высоченный могучий лес, но до него еще нужно было прорваться сквозь внушительный и густой кустарник метра в три высотой. Короче, и так ясно, что ждет меня очередной забег с препятствиями, а потому попросту лежу в воде и балдею...

— Кирюш! — Мама выбралась на берег, встала, руки в бока уперла и весело так: — Как мы их, а?

— Убийственно, — вяло ответила я.

Не знаю, как у мамы, а у меня руки-ноги отваливаются. Зато Киара МакЭдл была счастлива, довольна и горда собой.

— Кирюш, ты хоть представляешь, что мы сделали?! Ты хоть на мгновение можешь себе представить?! — воскликнула она. — Это же клан Таргар! Мы с тобой только что обставили воинов самого клана Таргар!

Да, да, да, я счастлива... буду. Потом как-нибудь... сейчас просто все болит. Зато у мамы явно ничего не болело.

— Кира, это просто невероятно! — Она начала стремительно расстегивать куртку. — Это невероятно и восхитительно!

Я молча покивала головой, когда движение в кустах аккурат позади мамочки, к этим самым кустам стоящей спиной, привлекло мое внимание.

В следующую секунду у меня исчезла и усталость, и чувство голода, и даже желание просто полежать в воде испарилось мгновенно!

Потому что позади мамы стоял бесшумно вышедший из кустов Гарданг!!!

Но, наверное, даже не это ввело меня в ступор. Вся проблема в том, что наставник Эрана глухим явно не был! А мама, даже не подозревая о присутствии этого самого воина, продолжала:

— Нет, Кирюш, ты просто не понимаешь, о чем речь. О них рассказывают невероятные вещи, поговаривают, что они способны даже птицу выследить, представляешь? А мы, пантеренок, мы обставили не просто воинов, мы умыли самого главу клана! Мы утерли нос самому Гардангу!

Я в ужасе посмотрела на этого с утертым носом. Не знаю, как там нос, а губы у него превратились в две тонкие линии, глаза сузились, а левая рука, ну та, которая была в зоне моей видимости, сжала... лассо!

— Это невероятно! — Мамочка все еще была на адреналине. — Это лучше, чем снежные горы Гтмары, круче, чем гонки на выживание на Такле. Бракованный навигатор, это даже потряснее, чем секс!

У некоторых индивидов позади мамочки глаза мгновенно округлились. Да что там округлились, он окаменел весь!

— Самого главу клана! — У мамы ликование на пике. — Самого Гарданга! Кир, я поверить не могу!

Я тоже, причем не без оснований, однако говорить ей об этом в данной ситуации было бы как-то жестоко. А потому я смущенно протянула:

— Мааааам...

Но мама не слушала. Мама пританцовывала без музыки, у мамы явно душа пела, и еще... мама начала раздеваться.

— Мама, не... — начала я.

Какой там «не». Мамуля мгновенно сняла насквозь мокрую куртку, отбросила ее в сторону. Следом полетела майка с длинными рукавами и нижняя майка на бретельках... И вот она, прекрасная, стройная, загорелая... правда, на фоне Гарданга очень даже светленькая, выпрямилась и насмешливо на меня посмотрела.

— Кирюш, ты еще долго в воде сидеть собираешься? Время, Кирюш. К тому же я голодна как волк, и ты явно тоже. Нам нужно еще успеть поймать зверюшку подходящего размера, освежевать и приготовить, и вся ночь у нас в дороге. Зато поговорить нормально сможем наконец-то!

Кажется, мы уже и добегались, и допрыгались, и договорились тоже, и ночка наша плакала, но сказать ей об этом предстояло не мне, потому как

кое-кто уже рот открыл и... закрыл. Я бы на его месте тоже закрыла, потому как мама расстегнула брюки и нагнулась, чтобы расшнуровать обувь... А белье у мамочки иристанским традициям точно не соответствовало. Бюстгальтер кружевной такой, и трусики тоже кружевные... впереди, а сзади такая у-у-узенькая кружевная полосочка. И стоило ей нагнуться, как...

— Мама, ты бы не раздевалась! — рявкнула я.

— Шутишь? Терпеть не могу мокрую одежду, — сказала мама и грациозным движением заставила брюки сползти по ее бедрам, после чего опять-таки нагнулась и стянула штанины с ножек.

Наверное, это была очень комичная ситуация, но двоим тут явно было невесело — маме, которая ничего не видела, и Гардангу... который видел ВСЕ!

Воин попросту онемел и остолбенел разом!

— Кирюш! — Мама распустила волосы, потряхнула черными локонами, и те рассыпались по ее плечам и спине. — Выходи уже. И что у тебя с лицом, а?

— Ма-а-ам, — протянула я, понимая, что пугаться уже не получается, уже просто думаешь о том, как бы сдержаться и не захихикать издевательски так, — я просто забыла, насколько ты у меня красивая...

Киара МакЭдл действительно была изумительно прекрасна. Гибкая, сильная, стройная пантера с ярко зелеными глазами и гривой иссиня-черных волос. Еще такая молодая, с тонкой талией, высокой грудью, стройными ногами и белозубой, озорной улыбкой.

— Пантеренок, ты меня смущаешь, — сказала мама и завела руки за спину, чтобы расстегнуть бюстгальтер. — Выходи уже, любительница делать комплименты.

И она его так расстегнула. И сняла. И даже бросила поверх остальной одежды!

Кое-кто позади нее оторопело сглотнул, я четко видела, как кадык дернулся, но не проронил и звука и продолжал стоять, практически пожирая маму глазами.

Честно и откровенно — я понятия не имела, что делать в данной ситуации! У меня тоже был шок!

И тут... и тут справа, метрах в двадцати, хрустнула ветка.

Поведение воина изменилось мгновенно! И куда делись оторопь и остолбенелость? И даже голос прорезался:

— Та! — А затем рявкнул так, что горы содрогнулись, не то что мы с мамой: — ТА ЭКАЭШ! НАГЭР ТЭИМ КОРДО!

Перевод был таков: «Назад! Назад, немедленно! Всем отойти на семьсот шагов!»

И собственно, на этом весь мамин веселый настрой сгинул.

И она медленно, очень медленно повернулась к воину... а бюстгальтера на ней уже не было. Так что я вовсе не удивилась, когда из внезапно ослабевших рук Гарданга выпали и лассо, и охотничий нож...

И все же, несмотря на откровенную неловкость ситуации, я вдруг поймала себя на мысли, что они удивительно гармонично смотрятся вместе. Он и она, на скалистом берегу, обрамленном кустарниками, ветер развеивает ее темные локоны, солнце озаряет эту удивительную картину...

«Женщина!» — Я чуть не подпрыгнула от испуга.

Нет, все хорошо, но эта эмоциональная связь порой как бы не вовремя. Устало вздохнув, я миролюбиво ответила:

«Да, мужчина».

И получила взбешенное:

«Так где ты, сердце мое?!»

Ну я огляделась и честно призналась:

«Гуляю. На Иристане, оказывается, столько красивых мест».

В ответ тишина, ну так я еще любовалась видом остолбеневшей мамы на фоне не менее остолбеневшего воина-охотника. И все же как здорово они смотрятся вместе...

«Сердце мое, — вновь потребовал внимания Эран, — ты же не станешь мне лгать, правда?»

«Мм-м... А традиции Иристана запрещают женщине лгать? Но если честно, любимый, то не солгала ни разу — здесь и вправду очень красиво».

Некоторое время в моих мыслях царила тишь и благодать, а после был задан вопрос:

«Киран, если ты имеешь хоть какое-то отношение к событиям в Каарде, тебе лучше сказать сейчас!»

Атом нестабильный! Я невольно поежилась, потом вспомнила, что мне обещали устроить нечто, где кое-кто откажется сдерживаться...

В общем, нужно выкручиваться.

«Любимый, тебя так плохо слышно... тут какие-то помехи... Я тебе позже перезвоню».

Сказала и только потом сообразила, ЧТО я ему сказала. Помянув нестабильный атом, я торопливо поднялась из воды и решительно воззвала к маме:

— Мама!

И ждала я всего, чего угодно, а вообще ругани и хоть каких-то

действий, а услышала рассеянное:

— А?

Не поняла. Даже головой тряхнула и позвала снова:

— Ма-а-ам!

И что я слышу? Все тем же рассеянным тоном:

— Да-да, Кирюш. Главное, домой поздно не возвращайтесь и привет Мике...

Нормально! Я присмотрелась к этой парочке и только сейчас поняла, что накрыло не только воина. Мамуль, совершенно позабыв обо всем на свете, не сводила глаз с Гарданга, а тот, едва дыша, смотрел на нее, и этим двоим было по барабану до всего остального мира.

И вот можно было бы позлорадствовать, ну или в покое их оставить, как-никак люди взрослые, а Гарданг мне даже немного нравится — люблю умных мужиков, чего уж там, но как бы тут мне грозят неприятности, и что-то делать-то надо.

— Ма-а-ам, — уже без надежды на ответ позвала я.

Я, конечно, ничего особого уже не ждала, а зря.

Самое интересное только начиналось.

Мамуля вдруг вздрогнула всем телом и отступила на шаг... Потом еще на шаг, и все это не отрывая взгляда от воина... Третий ее шаг вполне мог завершиться падением в воду, но третьего шага не случилось.

— Остановись, женщина! — сильным, властным голосом произнес Гарданг.

Зря он так. Ой зря...

Мамуль действительно остановилась. Да что там остановилась — она застыла от негодования. В следующее мгновение изящные и, чего уж скрывать, мускулистые руки сложились под грудью. Плевать, что грудь обнаженная, а на мамуле одни трусики... не особо все прикрывающие. А затем мама ледяным тоном приказала:

— Повтори!

Глаза воина медленно сузились, губы вновь превратились в две тонкие линии. Но сдержался и не менее ледяным тоном произнес:

— Сбавь тон, женщина!

Полный аут.

Теперь мамуля просто-таки излучала негодование, однако голос ее был убийственно спокоен, когда она произнесла:

— Ты смеешь мне указывать, воин?!

В ответ этот самый воин просто шагнул из кустов, окружавших озеро. И вот теперь мамуль увидела его, так сказать, всего. Высоченный,

мускулистый, огромный и опасный. То, как он двигался, ну так, наверное, тигр двигается — неспешно, плавно и как-то сильно. Примерно так же двигался и Эран тогда, в квартале, где у них дома для развлечений. И потому я точно знала, что, несмотря на кажущуюся неторопливость, Гарданг способен преодолеть метров двадцать за долю секунды. Короче, и моргнуть мама не успеет!

А она моргать явно и не собиралась. И едва воин остановился в шаге от нее, весь такой опасный и могучий, мамуля шагнула ближе и вся постаралась стать ровнее, чтобы быть выше. Но куда ей, еще бы полшага, и у мамы был бы реальный шанс уткнуться носом в мускулистую грудь — выше она не доставала.

Глава клана Таргар явно о том же самом подумал и, несмотря на воинственный вид мамули, вдруг улыбнулся. На миг всего, после опять суровый стал, но улыбнулся же. А мама еще сильнее выпрямилась — в общем, кто-то в ярости.

В этот печальный для него миг тар решил продолжить беседу и выдал:
— Да, женщина, я смею тебе указывать!

Счас опять начнется про право левого трицепса. И вот я, по идее, так как типа вроде как повелительница, могла бы все это остановить, но... любопытно стало, чего дальше будет.

А дальше было следующее — мама перестала держать паузу и задала глупейший вопрос:

— По какому праву?!

Гарданг медленно, как-то прям слишком медленно, протянул руку, осторожно обхватил запястье правой мамулиной руки и так же медленно собственно владелице и продемонстрировал. Я даже не сразу сообразила, о чем он. Потом вспомнила — браслет! Его нет, значит, женщина свободная и без защиты. Он ей просто продемонстрировал, что его в его праве ничего не останавливает. Жаль, я в тот миг выражения мамы не видела, ой жаль.

А затем воин отпустил ее руку и с какой-то злорадной торжественностью начал говорить:

— Киара МакЭдл, властью меча и света...

Я торопливо подскочила, намереваясь прекратить это, но дальше произошло невероятное. Мамина ручка, та самая правая, которую только что подвергали принудительной демонстрации запястья, метнулась к воину и накрыла его губы, заставляя умолкнуть. И пока воин пытался сообразить, для чего это ей требуется, мама, не менее торжественно и значительно более злорадно, произнесла:

— Гарданг Таргар, властью меча и света, ты мой!

От удивления я попросту шлепнулась обратно в воду. Там сидеть и осталась. Воин же отреагировал побагровением, причем явно от гнева. Но сказать ничего не успел — мама демонстративно обхватила запястье его правой руки, чуть приподняла, демонстрируя, что там также нет никакого браслета... и плевать, что воинам он не полагается.

— Да-да, — злорадно протянула мамочка. — Очень непредусмотрительно было с твоей стороны отправляться на прогулку без охраны и защиты.

Гарданг в лице изменился.

Но маму уже понесло:

— Кира, живо из воды! — Выглядела мамуля грозно, и даже очень, но я-то ее знала.

И в отличие от воина видела и нервозность, которую пытались скрыть за быстрыми резкими движениями, и страх, который сама мама замечать не желала. А потому и из воды быстренько вылезла, и к маме подошла, и даже начала куртку снимать.

— Отвернись! — приказала мамуля своему воину и тут же почти просительно: — Не смущай мне ребенка, пожалуйста.

И он отвернулся, правда, весь вид Гарданга был словно памятником негодующей обиды и сплошного непонимания.

Достав из рюкзака запакованные свертки, мама передала один мне, второй начала стремительно распаковывать. В свертках оказалось белье, два спортивных костюма и обувь. Мамина предусмотрительность радовала, как и всегда. Но вот мамин испуганный, какой-то загнанный взгляд мне не понравился.

— Ма-ам, — протянула я, переобуваясь, — ты как?

Она испуганно взглянула на меня, затем на широкую и возмущенную спину Гарданга, а после опять на меня.

— Знаешь, Кирюш, — завязывая шнурки, прошептала мама, — отсюда всего метров сто пятьдесят до тайного хода эйтн, но...

— Но что? — изумленно шепчу я. — Как ты его после такого бросишь? Теперь, как честная женщина, ты просто обязана на нем жениться!

Недовольный взгляд зеленых глаз и едва слышное:

— Прибью заразу!

Я уж поязвить хотела, как увидела очень нехороший жест — Гарданг приложил два пальца к шее, а это могло означать только одно...

— Ма-а-ам, — напряженно произнесла я, — бежим! Моральные терзания оставь на потом!

Мама схватила мой рюкзак, запихнула в свой, свой закрыла и бросила на траву. После кивнула мне, мол, «бежим» — но побег нам только снился. Мы и трех шагов сделать не успели, как нам просто перекрыли путь.

— Женщина, — нарисовавшийся прямо перед нами Гарданг чуть склонился к маме, — остановись!

Как он это провернул, не могли понять ни я, ни мама. Только что стоял за нашими спинами метра в двадцати — и вдруг очутился перед нами. Но это не все — два пальца все еще находились на его шее, значит, общения с некоторыми блондинистыми воинами он не прекращал. Ой я влипла...

Но тут мама приступила к решительным действиям. Гордо вскинув голову, она предельно вежливо спросила:

— А не пошел бы ты, мужчина?

На это двухметровое чудовище в ответ задалось вопросом:

— Куда?

— В Каарду! — прошипела мама.

В общем, кажется, будем прорываться с боем. И мама уже явно готовилась нанести удар, как вдруг случилось невероятное — воин улыбнулся. Широко так, даже как-то радостно и абсолютно обезоруживающе. То есть мама даже руки опустила, завороченно глядя на это. А потом Гарданг неожиданно нежно произнес:

— Я согласен, — и убрал руку от шеи.

— Что?! — не поняла мама.

— Я согласен быть твоим мужем, — невозмутимо ответил глава клана Таргар.

Результат его слов — сам воин стоит и улыбается, довольный такой, мама в шоке, у нее челюсть отпала, и рот от этого приоткрытый, а вот я начинаю злиться. Нет, ну я все понимаю, вот только если меня Эран здесь поймает, мне кипец!

Как результат, я сорвалась:

— Ма-ам, рот закрой, это раз. Гарданг сейчас тебе зубы заговаривает, причем нагло, это два. И последнее — мы бежать сегодня будем или как?!

В ответ мне растерянное:

— Нет...

Мама опять в ступоре и, запрокинув голову, зачарованно смотрит в его темно-фиолетовые глаза! У этого довольная ухмылка только ширится! Ну это уже ни в какие ворота!

— Мама! — в отчаянии взываю к родительнице. — Ну, маааам! А если мы бежать не будем, что мы Эрану скажем?

Впервые вижу, как воины тихо давятся смехом — Гарданг давился.

Меня он вообще игнорировал с самого начала и смотрел только на маму. И вот зря он так, потому что мамочка у меня даже под влиянием гормонов очень даже умничка.

— Правду скажем, — невозмутимо ответила мамуля. — Что были у Аравана всю ночь, потом вышли покупаться к ближайшему самому красивому озеру. — И все это самым милым тоном и продолжая смотреть в глаза Гардангу. Атас, я столь наглого измывательства еще никогда не видела, воин, судя по реакции, тоже.

— Женщина, — прошипел он. — Ты была в Каарде! Я и отряд преследовали тебя!

Мамочка улыбнулась, отодвинула меня чуть в сторону, после чего начала озираться. Увидела валун, торопливо подошла к нему, забралась и поманила воина пальцем. И тот даже подошел и встал рядом с ней, и теперь их лица были на одном уровне. И только тогда, чуть подавшись вперед, мамочка ехидно протянула:

— Докажи!

В следующее мгновение раздался треск. И я, и Гарданг разом повернули головы и узрели компактный костерок, в котором сгорели наши с мамой мокрые вещи, в смысле последние улики имевшего место происшествия.

— Термит АВ-22, — с милой улыбочкой сообщила мама.

То есть следов не останется вообще, ибо классная штука, потом даже невозможно определить, что именно сгорело.

— Мам, я тебя люблю, — честно призналась я.

И было за что! Пока я искренне полагала, что мама в ступоре и у нее революция гормонов, она выжидала время, чтобы термит разгорелся. Вот что значит настоящая женщина... мне бы так. И теперь мы обе ждали реакции взбешенного охотника.

Но Гарданг почему-то тяжело вздохнул, бросил еще один взгляд на догоревший костер, потом на маму, после чего опять же тяжело вздохнул и спросил:

— По ручью, это чтобы следов не осталось?

— По какому ручью? — Мама лучезарно улыбнулась.

— И озеро по той же причине... — Но он уже не спрашивал, он утверждал, осознав, что спрашивать бесполезно.

— Какое озеро? — Мама невинно ресничками похлопала.

Воин понимающе кивнул. После чего одна его рука в мгновение сжала запястья наглежащей женщины, вторая потянулась к поясу. Затем кое-кто начал неторопливо и основательно связывать руки собственно моей мамы.

У меня сначала глаз дернулся, потом я подошла к этому... воину, и рука потянулась за пояс, а там нож, складной, правда, но сойдет.

— Киир, — протянула мама, — не вмешивайся.

А вот после этого, с такой ну очень милой улыбкой, уже Гардангу:

— Я нахожусь под защитой хассара Шаега, уважаемый таэ Гарданг, причем под покровительством как воин, а не как женщина.

Гарданг на ее слова не отреагировал и продолжил дело со связыванием нежных запястий. Но то, как он это делал... Никогда не видела, чтобы противника так связывали! Нежно, бережно, чуть заметно задерживая дыхание каждый раз, когда его пальцы касались тонкой кожи на запястьях, и его собственные руки скорее ласкали, чем стягивали узлы. Короче, да, он имел все шансы таки завершить со связыванием, потому как мама явно была не против. Ровно до того, как воин с наглой усмешкой выдал:

— Женщина, я уже понял, что здесь и сейчас мне не в чем тебя обвинить — ты за пределами Каарды, а доказательств у меня нет!

— Ага, — мурлыкнула мамочка, кажется, совершенно потеряв голову от происходящего, то есть гормоны все же буйствовали и маме воин нравился. Уверена в этом, потому как других мужиков, пытающихся к ней подкатить, мама осаживала резко и болезненно, а вот с Гардангом практически играла.

Глава клана Таргар усмехнулся и продолжил:

— И я также догадываюсь, что право воина в отношении тебя применять бесполезно — ты сама воин!

— Какой догадливый мужчинка, — кокетливо воскликнула мама.

«Мужчинку» передернуло, но устоял. Жаль, ему бы опять в ступор, а там уж я бездействовать не буду. Но Гарданг впадать в состояние шока не желал. Охотник чуть сузил глаза, завершил с узлами, выпрямился и, уверенно глядя в зеленые глаза откровенно потешающейся над ним мамочки, в прямом смысле слова добил:

— Но ты забыла о древнейшем праве, женщина! Том самом, которое дает мужчине запах желания его женщины! А ты меня хочешь!

Подумаешь! Я даже фыркнула от возмущения, уже планируя вдоволь поиздеваться над некоторыми, как вдруг увидела, как сильно побледнела мама. Застывший взгляд, поджатые губы и дыхание, которое она задержала.

Зато тот самый, который умытый и с носом, победно улыбнулся и добил окончательно:

— Ты сама заявила о равноправии.

Шокированно смотрю на маму, в ужасе ожидая ее коронного. И дождалась.

— Твою мать!

Гарданг лучезарно улыбнулся, аж всеми зубами разом сверкнул, а до потрясенной мамы еще явно что-то доходило, потому как опять прозвучало:

— ТВОЮ МАТЬ!!!

Тяжело вздохнув, я преспокойно подошла к Гардангу, хмуро глянула на воина, укоризненно покачала головой и сказала:

— Нож дайте.

Глава клана Таргар, понимая, что больше играть в игру «повелительница, я вас ни атома не вижу», не выйдет. И отказать он мне также не мог. Глухое рычание, и мне рукоятью вперед протянули нож. Взяла, разрежала веревки, стягивающие мамины руки, не реагируя на ее потрясенный взгляд, а потом...

Потом я почему-то вспомнила наш с ним вчерашний разговор, мой вопрос: «Гарданг, почему у Эрана нет ни жен, ни детей?» — и его ответ: «Повелитель воспитывался в клане Таргар. Воины клана Таргар берут в жены одну женщину, особенную, ту, что заставляет сильнее биться сердце».

И вот почему я это вспомнила? Да потому что, глядя на воина, который уже ничуть не улыбался, мне припомнилось, как он сказал маме: «Я согласен быть твоим мужем». И в свете этого как-то сразу перед глазами встала картинка — мама потрясенно смотрит на Гарданга, который от нее тоже глаз оторвать не может, и красота такая вокруг, и они так здорово вместе смотрятся... Но главное, мама — я ее никогда такой не видела, просто никогда, и этот подмеченный главой клана Таргар запах желания, и...

И как-то само собой вырвалось:

— Гарданг, а вы женаты?

Ответив мне злым взглядом, воин холодно процедил:

— Нет, по-ве-ли-тель-ни-ца.

— Да? — печально спросила я и, понимая, что мама этого никогда не поймет, но точно простит, милостиво сказала: — Ну, тогда забирайте, потому что, насколько я могу судить, вы ей очень понравились.

А после, повернувшись так, чтобы мама этого жеста не увидела, я приставила два пальца к шее и сказала наставнику Эрана:

«Вы и правда маме понравились, но у вас минута, чтобы доказать это ей самой».

После чего, не оглядываясь и не оборачиваясь и прислушиваясь исключительно к шороху камешков под ногами и шелесту листвы на ветру,

я потопала прочь. А позади раздалось взбешенное:

— Кира! Кира, ты... Руки убрал! Я сказала, ру...

И тишина.

Будем откровенны — Гарданг справился за тридцать секунд. Потому что, отсчитав про себя до тридцати, я обернулась и не сдержала улыбку. Презрев все традиции Иристана и тупо наплевав на гордость, Гарданг и мама самозабвенно целовались прямо там, где были — ма, стоя на валуне, и ее руки обнимали воина, и глава клана Таргар, сжимающий в объятиях свою единственную.

Откуда я знаю, что единственную, — тары не лгут, Гарданг мне не солгал, да и маме про ее запах желания тоже чистую правду сказал, так что... Нет, совесть, конечно, была беспокойна, но по мере того, как я стою, а эти, значит, все целуются и целуются, совесть все успокаивалась и успокаивалась, а потом как-то вообще свалила, оставив меня с возмущением наедине. И я стою, а эти останавливаться даже и не планируют, похоже.

«Мы дома», — прозвучал вдруг в моей голове голос капитана Иллоэра.

Вообще шикарно. Кайфово даже, если честно. Еще раз посмотрела на маму и Гарданга, почувствовала себя третьим лишним и потопала в кусты, намереваясь пойти к воинам, как вдруг все тот же Виэрдан произнес:

«Киран, здесь сообщение для вас, и оно вам не понравится».

История последняя: Об отцах, детях и ответах на вопросы

«Дейм у меня. Папа», — гласило оставленное мне сообщение, которое передал маленький Дарран Аравану, едва тот появился дома. Сообщение было написано на игрушке, найденной малышом в саду. Как она там оказалась? Вопрос.

Не оглядываясь больше на маму и Гарданга, которым до меня не было никакого дела, я медленно отошла к тому месту, откуда глава клана Таргар вышел, миновала кустарники, углубилась в лес, огляделась. Вокруг совершенно никого не наблюдалось, а мне бы сейчас поговорить хоть с кем-то. Лучше всего с Исинхаем — у него опыта по вызволению заложников целый лайнер, да еще и крейсер в придачу, так что он бы что-то дельное точно посоветовал.

И в то же время мне вдруг отчетливо представился момент, когда шейса взвилась в воздух...

В следующее мгновение, ни о чем более не размышляя, я приставила два пальца к шее и позвала:

«Эран...»

Ответ пришел незамедлительно:

— Сердце мое, и что, уже никаких помех на линии, да?

«Мм-м... да, я тебя отлично слышу», — заверила я воина.

— Вот и замечательно, — язвительно ответили мне.

Нет, он что, правда все еще обижается? А вроде уже большой мальчик.

Тяжело вздохнув, я еще раз оглядела лес, могучие стволы, громадные кроны, траву такую редкую и решила перейти к важному:

«Эран, у меня ма-а-аленькая проблема, и я даже сама с ней разберусь, но мне как бы желательно, чтобы ты был рядом и вообще... подстраховал. Мне так будет спокойнее, и...»

Внезапно кто-то взял меня за плечи, властно развернул, и, потрясенная, я увидела ярко-синие глаза повелителя Иристана, складочку, залегшую между его нахмуренными бровями, и губы, сжавшиеся в одну линию. И поняла, что он вообще со мной с самого начала нормально говорил, а я тут мысленную связь эксплуатировала.

— В чем дело? — прямо спросил Эран.

По-деловому спросил, без эмоций, и я, резко выдохнув, выложила как

есть:

— Папандр подкинул в дом Аравана сообщение, в котором говорится «Дейм у меня. Папа». Три проблемы: первая — я не знаю, когда ждать следующего сообщения с указанием места нахождения Дейма и условиями его освобождения, вторая — я не знаю, где ждать сообщения, третья — я уже сражалась с отцом, он сильнее, выходить с ним один на один с моей стороны будет глупо.

Эран, в белой рубашке и белых же брюках, сложил руки на мускулистой груди, уперся плечом в дерево, возле которого стоял, несколько мгновений внимательно смотрел поверх моей головы, размышляя над ситуацией, затем взглянул мне в глаза и произнес:

— Дополнительных сообщений не будет. Агарн МакВаррас сильно рисковал, чтобы подкинуть одно вот это, и он отчетливо понимает, что иного шанса ему не представится.

— Почему? — не поняла я.

— Меня знает, — с насмешкой ответил повелитель Иристана.

И как-то сразу впечатлила охрана, организованная правящим кланом...

— Второе, — продолжил воин, — твой отец убежден, что ты найдешь его сама, а значит, у тебя такая способность есть. — Синие глаза прищурились, и Эран прямо спросил: — Порталы шейсов?

Я вспомнила, как портал перенес нас с мамой и Аром максимально близко к Каарде, что было прямым указанием на мою способность управлять точкой выхода, и неуверенно кивнула.

— Далее, — продолжил мой воин, — Агарн хорошо изучил тебя и понимает, что, несмотря на кажущуюся безголовость, ты рассудительна и быстро учишься на собственных ошибках, Киран, а значит, понимает, что ты придешь к нему не одна, а с теми, кому доверяешь — твоими матерью и братом.

Эран неожиданно мягко улыбнулся и протянул:

— Но ты рассказала все мне...

Я поняла, на что он намекнул, но решила немного поумерить его самомнение и мстительно пояснила:

— Араван занят, мама личную жизнь налаживает, так что остаешься только ты.

Улыбаться воин перестал мгновенно.

Я шагнула к нему вплотную, прикоснулась к сложенным на груди мускулистым сильным рукам и добавила:

— Ну и случай с шейсой был очень показательным, а я действительно быстро учусь на своих ошибках.

Усмехнулся, обнял и, целуя в висок, тихо произнес:

— Ты мое сердце... и нервы.

— А не надо было мне свой дар жизни навязывать, — заметила я, тоже его обнимая.

И в этот момент над лесом раздалось отчаянное: «Кираааа!» И почти сразу еще один крик перепуганной и вспомнившей о моем существовании мамочки.

Эран мгновенно приставил два пальца к шее, и крики прекратились.

— Что сказал Гардангу? — поинтересовалась я. — Что я с тобой, да?

Молча кивнув, воин подхватил меня на руки и понес в глубь леса. И вот тогда я поняла, как же здорово быть любимой сильным мужчиной, особенно когда все мышцы гудят, на лице ссадина, от усталости практически падаешь, и вообще — марафон это, конечно, здорово, но иногда просто потрясающе, когда тебя несут, давая от него отдохнуть.

Но всего через пару шагов Эран вдруг спросил:

— Что такое Гтмара?

Я как раз занималась тем, что пыталась сорвать листочек с куста, мимо которого меня нес воин, но ответила сразу и не задумываясь:

— ГТ-347.

— Не понял, — признался Эран.

И я вспомнила, что это нашей цивилизации известна всего тысяча обитаемых планет, а те же тени Нрого знали о куда большем количестве. И потому попыталась объяснить:

— Наша галактика, четвертая планета в системе Харташ, пятая обитаемая в системе, шесть лун.

— NR-8914, — перевел на свою классификацию Эран.

— А к чему был вопрос? — поинтересовалась любопытная я.

Хмыкнув, он просветил:

— Твоя мать предложила Гардангу тур для новобранцев провести на этой «солнечной, теплой, гостеприимной планете с прекрасным сервисом и золотыми пляжами». Говорит, что «всегда о таком мечтала», и обещает, что после тура обязательно примет дар жизни моего наставника.

Сказано все было с таким выражением лица, что мне сразу стало ясно — Эран в курсе, что там всего одна гостиница, и та на конечной точке пути следования, а также напрочь отсутствует теплая погода, морей как таковых и гостеприимства также никакого. В общем, теперь мой воин четко знал, что Гардангу вешают лапшу на уши, и злился. Реально злился.

— Любимый, — мило улыбнулась я, — ты не переживай, Гтмара — это еще мелочи, еще будет рыбалка в ядовитом море на Сейли, сафари на

Данере, погружение в океан на Таоне.

Осознав, что я сказала, Эран задал прямой вопрос:

— Проверка на прочность?

Я могла бы сказать «да», и это было бы правдой, но дело в том, что тут имелась и другая правда:

— Мама уже была влюблена, Эран, и все закончилось очень печально, так что она боится брака, тем более брака на Иристане.

Мы вышли на поляну, где обнаружился один небольшой корабль, две тариге, и никого больше. Повелитель Иристана опустил меня на ноги, сам приставил два пальца к шее и, я так поняла, объяснял проблему Гардангу. Когда руку убрал, выглядел злым и даже раздраженным, а я вспомнила, что он не особо любит маму, и потому спросила:

— Ты недоволен выбором Гарданга, да?

Передернув плечом, Эран ответил:

— Это не имеет значения. Но хотелось бы, чтобы твоя мать осознала — Гарданг за нее жизнь отдаст. Он из клана Таргар, у нас не бывает иначе.

На это я лишь мягко возразила:

— Ты Аэ, Эран.

Он промолчал, я же добавила:

— Из всех таров, с которыми я успела познакомиться, Гарданг самый мудрый и разумный, так что он разберется.

Ничего не сказав по данному поводу, Эран приобнял меня за талию, подтолкнув к кораблю.

Кораблик оказался двухместным, так что я сидела рядом с воином на взлете, но хмурый повелитель Иристана задал мне только один вопрос:

— Куда?

Потянувшись к приборной панели, я нашла карту местности, открыла и почти сразу нашла развалины того храма, в котором мы вышли из перехода. Молча указала Эрану, и меня мгновенно вдавило в кресло.

Тридцать секунд, и мы были на месте, приземление вышло гораздо дольше полета. Но едва приземлились, Эран не стал торопиться меня отстегивать, напротив, начал инструктировать:

— Никуда от меня не отходишь. Как только обнаружишь переход, я передам тебе капсулу с маяком, и мы будем знать место.

На это я ответила достаточно жестко:

— Операцию провожу я, Эран, ты страхуешь.

После чего полюбовалась всей гаммой вполне с его точки зрения обоснованной ярости, но имелось одно маленькое «но»:

— Если я буду держать тебя за руку, ты проскользнешь в переход

вместе со мной.

Хмуро глядя на меня, воин возразил:

— Агарн ждет твоего появления, Кира. Если он одержим шейсом, то и шейс ждет твоего появления, понимаешь?

— Что это будет ловушка? — уточнила я. Он кивнул. — Понимаю, конечно. Но, Эран, доверься мне, а?

Воин промолчал, мрачно глянул на разрушенный храм, вновь на меня, нахмурился еще сильнее.

— Эран, я все-таки будущий капитан.

Хмыкнул, разом продемонстрировав все, что он думает по поводу моего будущего.

— Давай без этого! — потребовала я.

Не ответив, приставил два пальца к шее. И почти сразу на песок вокруг храма начали приземляться корабли. Один, второй... двенадцать штук. Я от возмущения резко выдохнула и хотела было закатить скандал, но Эран спокойно произнес:

— Ты больше не нужна Агарну. Ему нужна Киара. Делай выводы, сердце мое.

Откровенно говоря, я не совсем поняла, о чем он, но времени на размышления воин мне и не дал. Отстегнув, направился к выходу из корабля, я за ним, и Эран подхватил, когда я спрыгивала на песок. Поставил на ноги, после крепко взял за руку и повел в храм, в котором уже находилось более трех десятков таров. Светловолосые воины, поклонившись мне, приступили к работе. Словно из воздуха возникали силовые линии, аппаратура, экраны, датчики. Собственно переход они засекли сами — научились определять четко, используя искажение в системе навигации, перемещаемой по залу. А затем, поместив черную пленку в силовой контур, начали подключение к ее волновому излучению. Я же осознала, насколько мне не хватает технических знаний, и решила, что дополнительное образование точно не помешает.

Через семь минут один из воинов, работающих на пульте, сканирующем переход шейсов, произнес:

— Все.

Эран мгновенно подвел меня к переходу, продолжая крепко держать за руку. Ну да, доверия мне никакого, обидно.

— Действуй, — произнес повелитель Иристана.

Еще бы знать как.

Я положила ладонь на пленочку, чувствуя, как она мгновенно начинает лнуть к коже, и подумала, что мне нужно к Дейму. Вот и все, о чем я

подумала, и даже не сделала ничего, но все тот же воин произнес:

— Есть изображение.

Я повернулась в сторону экрана и с трудом сдержала удивленный возглас — там, на экране, отчетливо было видно помещение в подземном городе. Внушительный темный зал, в глубине его прибитый к стене Дамиан Таим. Именно прибитый — потому как под ногами парня виднелась лужа крови, растекшаяся по трещинам в полу. Но больше там никого не было.

— Сканировать, — приказал Эран.

И по изображению побежали зеленоватые световые лучи, начавшие выхватывать из пространства элементы, несущие смертельную угрозу, и по мере того, как экран отображал силовые ловушки, энергопетлю, четыре гранаты с ядовитым содержимым, я все отчетливее понимала — меня ждала смерть. Именно смерть!

— Одна проблема, Эран, — упавшим голосом произнесла я, — сразу в ближайшее к отцу место я бы не сунулась, ума хватает.

— Меняй место перемещения, — сухо предложил он.

Изменила — четыреста метров вправо, нижний зал... Яд, две мины. Изменила снова — на этот раз девятьсот метров, крыша здания через четыре улицы этого подземного города. Что ж, тут меня ждала всего одна ловушка — бомба, детонатор которой реагировал на движение...

— Место определили, — произнес кто-то из воинов, возившихся с аппаратурой в конце разрушенного зала.

Эран молча приставил два пальца к шее.

Не прошло и минуты, как светловолосые воины в черных костюмах заполнили мертвый подземный город. Аэ вообще быстро действуют, быстро и профессионально, я даже не ожидала. И вдруг Эран произнес:

— Ты спрашивала, почему мои предки везли с собой осужденных на казнь. Шейсы уничтожили клан Роэ, не пощадив ни женщин, ни детей. Последние воины клана устроили бойню, но убить смогли не всех — часть шейсов бежала. Умиравшие тары последнюю энергию потратили на то, чтобы воззвать к ближайшим родам с требованием о мести. Месть была совершена. Те полторы тысячи мужских особей везлись на Энастан, в соответствии с последней просьбой Роданга, главы клана, которому дед моего отца был не вправе отказать. Мои предки выполняли свой долг чести. Роэ близки нам, Аэ, но мы обладаем генетической памятью лишь своего клана и не могли знать о том, насколько опасны шейсы. Тени, жизнь после смерти — поверить в такое для нас, технической расы, было не просто. Но дело даже не в вере — мы не догадывались об опасности.

Он замолчал, следя за тем, как на экране тары обезвреживают мины,

захватывая территорию подземного города... Того самого, где я вела гонки на лемаках. Я тоже молчала, и потому Эран продолжил:

— Шейсы оказались расой паразитов, гораздо более совершенных, чем викрианские черви.

Вот с этим я была целиком и полностью согласна.

Между тем на экране воин, сидящий на корточках перед одной из мин, приставил два пальца к шее. Повелитель Иристана мгновенно повторил его жест.

К сожалению, я не слышала, о чем разговор, но Эран не стал держать меня в неизвестности и сообщил:

— Все расставленное находилось на минимальном режиме — тебе планировалось навредить, но не убить.

И мне как-то легче от этого стало. Все же приятно осознавать, что родной отец не стремился убить сразу.

Я протянула руку, вновь коснулась черной пленочки перехода и произнесла про себя: «Отец». Экран не отразил ничего, разве что мой воин странно на меня посмотрел. Но я решила не сдаваться и вновь направила к переходу четкий приказ: «Отец».

Случившееся в следующий миг потрясло не только меня — всех!

Потому что черная, едва зримая, чуть зеркальная пленочка перехода неожиданно задрожала, на ней показались круги, как от камня, брошенного в воду, а затем пленка издала слабое, едва заметное темное свечение и увеличилась. А экран отобразил крепость! Внушительную, каменную, красновато-оранжевую, в цвет обожженной глины крепость! И в этой крепости стояли войска — тысячи тар-энов, готовых к бою! Тысячи! Они были везде — на обширном дворе, по стенам, на балконах, на крышах одноэтажных строений.

А на одном из балконов стоял мой отец, Агарн МакВаррас, и говорил, говорил, говорил что-то, что мы не могли слышать! За его спиной стояли его лучшие сыновья — Риган и Дьяр.

— Звук, — вслух приказал Эран.

Не знаю, что сделали техники, но через секунду мы услышали четкие, уверенные слова моего отца:

— Правящий клан уничтожил источник силы эйтн — основы существования нас, тар-энов. Нам некуда отступать, братья. Отступим сейчас, и ни один из наших сыновей больше не станет воином! Ни один. Эйтны — те, кто дает нам вторую сущность! Эйтны — те, кто позволял нам иметь потомство! Нет эйтн, нет нас!

Тишина, жуткая напряженная тишина была ему ответом. А затем в

толпе кто-то произнес:

— Правитель Аэ — сильнейший. Право сильнейшего за ним, Агарн МакВаррас, и мы подчиняемся ему.

И тогда мой отец сказал:

— Я — сильнейший из вас! Вы обязаны подчиняться мне, по праву сильнейшего!

После этих слов я невольно глянула на Эрана, но тот смотрел на экран, и лицо его не отражало совершенно никаких эмоций. Я даже догадывалась почему — тары сильнее и самих тар-энов считают лишь жалкими копиями, но... Но Нрого сказал правду — таров мало, тар-энов сотни тысяч. И если начнется бой... Да впрочем, уже не важно, кто в нем победит, просто очень много крови будет, как и смертей и с той и с другой стороны.

Впрочем, есть и еще одна проблема — я МакВаррас, и как бы я ни относилась к отцу, он мой отец, а это — мой клан. Стоять тут и смотреть на то, как Эран сейчас явно планирует подавить бунт, я не смогла.

— Координаты, — спокойно приказал повелитель Иристана.

— Ищем, — напряженно ответил один из техников.

И я поняла, что если хочу хоть что-то сделать, то действовать нужно прямо сейчас.

Мягко высвободила ладонь из руки Эрана, сделала вид, что разминаю запястье, но едва отец заговорил снова, а тар отвернулся, я сделала то, что должна была сделать — шагнула в переход.

И крайне неудачно!

Потому что оказалась на перилах каменного балкона и едва удержалась на ногах, когда в лицо ударил жаркий пустынный ветер, а яркое солнце почти ослепило! А еще сказались сегодняшняя гонка с мамой, голод и, как следствие, наступившая слабость.

Я не устояла, не сумела сохранить равновесие и свалилась с балкона, лишь в последний момент успев ухватиться за край одной рукой.

Чей-то крик, и тишина, повисшая в древней крепости. И только свист обжигающе раскаленного ветра над головой. Вдох-выдох, и, подняв голову, я оценила расстояние от этого балкона до нижнего — на котором были отец и братья. Идеальным вариантом было бы сейчас соскользнуть вниз, а в том, что папандр подхватит, я даже не сомневалась, но — отец не позволит мне и слова сказать, я это отчетливо понимала. А потому, собравшись с силами, подтянулась, ухватила и второй рукой за край перил, выдохнула и рывком забросила себя наверх, практически сразу повернувшись, и через мгновение я сидела на балконе, свесив ноги вниз и глядя на всех

присутствующих воинов. Огромных, мускулистых, длинноволосых, откровенно меня осуждающих, злых и чувствующих себя сильными, в то время как лично у меня голова кружилась от слабости.

А потом за моей спиной распахнулась дверь и раздалось разгневанное:
— Киран!

Вот и папандр.

Я посмотрела вниз на воинов, взгляд зацепился за те лица, которые я, кажется, уже видела в день прилета на Иристан, а потому дальнейшее случилось как-то само:

— Привет, красавчики, — весело заявила я.

И спрыгнула вниз, понимая, что иначе меня просто затащат в крепость и не дадут сказать ни слова.

Падение вышло жестким, я приложилась спиной о нижний балкон, но к третьему сверху сгруппировалась, затормозив свободное падение, и лишь после соскользнула вниз. Меня подхватили, не дав упасть на мощный кирпичом двор — все же воины слишком трепетно относятся к женщинам, и, торопливо поблагодарив своего спасителя, я промчалась через расступающуюся при моем приближении толпу, чтобы забраться на склад, притулившийся к крепостной стене. И я на него даже не забралась — запрыгнула и, развернувшись, оценила обстановку: отец продолжал стоять на том, верхнем балконе, где пытался перехватить меня. Дьяр оставался на втором балконе сверху, Риган целенаправленно шел ко мне, пробираясь сквозь толпу не отрывающих от меня глаз воинов.

И я подумала, что если уж решилась толкать речь, то с этим делом нужно поспешить, иначе мне сейчас банально закроют рот.

Жутко было, но у меня имелся нехилый опыт проведения гонок на Гаэре, так что я начала с шокирующего:

— Кстати, а вы в курсе, что наша планета никакой не Иристан, и даже не Энастан, ее истинное название — Ирания!

Это был шок. Остановился даже разъяренный Риган, а все внимание воинов, и так мне доставшееся, теперь приобрело оттенок готовности слушать дальше. Но я так и знала, что сказать все мне не позволят! Рывок, и, совершив невероятный прыжок — метров сто пролетел! — на крышу склада рядом со мной приземлился Агарн МакВаррас. Воины разом восхищенно выдохнули, и я поняла страшное — теперь для них отец действительно стал сильнейшим. А они тар-эны, те, кто подчиняется только силе.

Папандр, выпрямившись во весь свой внушительный рост, хрипло произнес:

— Здравствуй, дочь.

— Привет, папа, — отозвалась я, напряженно готовясь к схватке, в которой у меня не было шансов.

— Ты оказалась сильной эйтной, — продолжил бывший хассар Айгора, — гораздо более сильной, чем я мог надеяться.

И все тар-эны жадно ловили каждое его слово и смотрели теперь на меня с надеждой, которую не скрывали. А я поняла, что я для них последняя эйтна. Последняя надежда.

Но дело в том, что они слышали только слова моего отца, а вот я расслышала еще и шепот тени: «Открывающая путь... да, ты сильна, девочкасссс». И на лице Агарна я увидела победную, торжествующую улыбку, от которой вмиг стало мерзко и накрыло чувство безысходности — я поняла, что за меня теперь будут сражаться до последнего. И поняла, зачем была организована ловушка с Деймом — отцу нужен был стимул для тех, кого он собирался швырнуть в мясорубку очередной войны с правящим кланом. Точнее, не отцу — шейсу.

То есть я имею дело конкретно с шейсом...

Повеселимся!

— Интересно, — глядя в черные глаза бывшего хассара, проговорила я, — у тебя, спасителя и непризнанного героя шейсов, хоть имя-то есть? Или так и останешься безвестным героем-одиночкой, прославляющим своих носителей, но не себя?

Это была сущая провокация, но почему-то я была уверена, что сработает, и оказалась права.

— Моя дочь, ты умна... — протянул шейс.

Именно шейс, не отец, потому что голос был иной, хоть и раздавался из горла Агарна МакВарраса. А еще в черных узких глазах я отчетливо видела взгляд того, другого существа и потому спокойно ответила ему:

— Я не твоя дочь. Я дочь Агарна, чье тело ты подчинил себе, шейс!

Но я никак не ожидала, что в тишине крепости раздастся странный смех, а после насмешливое:

— Ты моя дочь, Киран дас Шахрэа, моя по праву!

Я чего — шейска?!

Мысль настолько поразила меня, что я вообще с трудом на ногах устояла, а потом просто пришла злость. И злость вполне обоснованная:

— То есть я дочь твоя по всем параметрам? — Вопрос прозвучал взбешенно.

Агарн кивнул, и вот тогда я дала волю гневу, и над всей крепостью раздалось:

— Ты не отец, ты ничтожество!

В груди бывшего хассара раздался рык.

— Полное и абсолютное ничтожество, которое изгнали даже те, кто был обязан тебе жизнью, шейс!

Рык повторился, и я не удивилась тому, что все ближайшие к складу воины как-то вмиг подоставали оружие — такой звук тар-эн издать не мог физически, к тому же и наш разговор они отчетливо слышали.

— И ты уже поднимал воинов этой планеты на бой с правящим кланом, шейс. Ты даже выстроил корабли, но что в итоге?

Рычание на этот раз прозвучало громче и отчетливее. А затем Агарн МакВаррас прорычал:

— Я Хашшар дас Шахрэа! Я...

— Неудачник, — с милой улыбочкой перебила я. — Тебя даже эйтна-хассаш кинула, то есть, собственно, свои и послали, да, шейс?

Рык, заставивший задрожать стены крепости, и хриплое:

— Хашшар дас Шахрэа!

— Шейс, — издевательски проговорила я. — Всего лишь шейс, захвативший тело и разум моего отца, попытавшийся испортить жизнь мне и моей матери.

Странное дело — я испытывала эмоциональный подъем, планомерно доводя до истерики, собственно... тень. Нет, отцом я шейса никогда не смогу назвать, это выше моих сил, да и не отец он мне, ни биологически, ни нравственно, никак! Так что я вполне спокойно нанесла окончательный удар:

— Кстати, мамочка сегодня вышла замуж.

И рычать шейс прекратил, как перестал и походить на человека — тело бывшего хассара неестественно выгнулось, напомнив мне тех шейс перед броском, которые едва до меня не добрались. И теперь всем, абсолютно всем стало очевидно, что их лидер вовсе и не человек уже.

— Да-да, — мстительно продолжила я, — за Гарданга, который глава клана Таргар!

Шейс замер, дыша с хрипом и глядя на меня почти с ненавистью.

— И вот он, — протянула я, — будет мне просто прекрасным папочкой, шейс. Правильным, понимающим, тем, у кого я всегда смогу спросить совета и кто не будет использовать меня для достижения своих утопических целей! И кстати, — да, я не смогла удержаться от действительно подлого удара, — когда я от них уходила, примерно так с час назад, там было очень жарко, и поцелуй все длился и длился...

В следующее мгновение жуткое существо бросилось на меня!

И было остановлено ударом вставшего передо мной Ригана — жестким ударом, от которого бывший хассар отлетел к стене, упал и не успел подняться, как нынешний глава клана МакВаррас оказался рядом и занес меч.

— Риган, нет! — заорала я, бросившись к ним.

Но меня удержали, и, обернувшись, я увидела бледного Дьяра, который и держал меня хоть и крепко, но очень бережно, а его глаза... Это я сражалась с шейсом, для Дьяра же это был отец...

А на крышу склада уже запрыгивали другие воины, с обнаженными клинками и решимостью добить лгавшее им существо. Отец зарычал, попытался вырваться, но кто-то уже пригвоздил его руку к крыше, проткнув мечом, другой тар-эн наступил на вторую руку, а Риган вновь занес клинок для решающего удара.

— Риган, не смей! — Я едва горло не сорвала криком. — Нет! Риган!

И брат остановился, обернулся, растерянно посмотрел на меня. И тар-эны, запрыгнувшие на крышу, расступились, тоже глядя на меня.

— Нет, пожалуйста, — я прошептала эти слова, но последующие и вовсе были едва слышны, — это наш отец, Риган, а тень шейса я сумею изгнать.

И Дьяр отпустил меня.

Воины расступились сильнее, с почтением, уважением и надеждой глядя на меня. Жутко было ощущать себя чем-то сверхъестественным, и я постаралась ни на кого не смотреть, пока шла к отцу.

Агарн, бывший хассар Айгора, лежал в собственной крови, дрожал и выглядел огромным, но совершенно беспомощным. Я хмуро глянула на воина, проткнувшего его руку мечом, и тар-эн легко выдернул оружие. Отец захрипел от боли. И вот тогда я заплакала.

Опустившись на колени рядом с папой, я осторожно обняла его лицо ладонями, и когда бывший хассар открыл глаза и взглянул на меня осмысленно, без влияния тени, я прошептала:

— Папа, все будет хорошо, я знаю, что это не ты, что это тень, я...

Договорить не успела. Как-то разом и со всех сторон в крепость хлынул правящий клан — сверху, через распахнувшиеся словно от удара ворота, через двери, ведущие в здания, да отовсюду. Уверенно, строем, синхронно, внушительно так. И когда на крышу поднялся Эран, абсолютно все тар-эны опустили на одно колено и прижали правый кулак к сердцу, словно сделали это по команде. Но я отметила произошедшее лишь мимолетно, потому что вглядывалась в отца, который силился что-то сказать, и... и он сказал, точнее, прохрипел едва слышно, умоляюще:

— Убей... меня...

Я проревела всю оставшуюся дорогу до ИрАэ, держа истекающего кровью папу за руку и отказываясь его отпустить. Молча глотала слезы, когда его внесли в лабораторию в доме Эрана, окружив силовым контуром, чтобы тень не покинула тело и не сбежала. Откровенно всхлипывала, уткнувшись в грудь своего воина, когда пожилой тар, который специалист по жизни, отделял шейса от тела моего отца.

И всю оставшуюся ночь я провела рядом с отцом, не слушая ни Эрана, ни Гарданга, ни даже маму, которую теперь уже беспрепятственно пустили в дом повелителя Иристана. Подозреваю, что ей это далось нелегко, да и разговор у нас по поводу бывшего хассара Айгора вышел непростым, но я все равно осталась с папой. Наверное, потому что была единственной среди всех здесь, кто тоже подвергся влиянию шейсов и... Мне ведь тогда в Шоданаре казалось, что я все делаю правильно, а на деле — включи я там мозги, меня бы на Иристане уже не было. Но как раз доступ к мозгам мне перекрыли шейсы... Поэтому сейчас, в отличие от мамы, я и не осуждала отца. И боюсь, я останусь единственной, кто его не осудит... слишком показательна была реакция Ригана и Дьяра.

Папа пришел в себя на рассвете, когда луч утреннего солнца скользнул по его подушке и упал на лицо. Бывший хассар Айгора открыл глаза, взглянул в белоснежный потолок, а затем стремительно повернул голову и посмотрел на меня. Несколько секунд он только смотрел, а потом произнес:

— Кира...

— Привет, папа, — отозвалась я, поднялась со стула и подошла к нему.

Агарн МакВаррас постарел. Постарел за одну ночь. В черных волосах, которые еще вчера были цвета воронова крыла, засеребрилась седина, под глазами залегли тени, на властном лице сейчас отчетливо были видны морщины, и все же он оставался могучим сильным воином, наверное, единственным на Иристане, кто уделал меня подчистую.

Отец пристально смотрел на меня, я улыбнулась в ответ.

— Могла бы и убить, — тихо произнес он.

— Не могла, — возразила я, — ты мой отец.

Он что-то прохрипел, силясь сказать, но затем:

— Твой отец Хашшар дас Шахрэа, Киран, я — воин, я никогда не поступил бы так с твоей матерью, если бы не он.

Услышать такое оказалось неимоверно больно. То есть мама меня не хотела, папа меня не хотел, и вообще если бы не энергетический глист, в смысле высокоорганизованный паразит шейс, меня бы не было. Обидно!

— Единственное, — продолжил Агарн МакВаррас, — что я совершил

вопреки его приказу, так это отправил тебя и Киару прочь с Иристана...

Несмотря на все бушевавшие меня чувства, я прошептала:

— Очень благодарна тебе за это.

Папа молча накрыл мою руку своей широкой ладонью и добавил:

— Я совершил лишь одну страшную ошибку в своей жизни, дочь, но сейчас, глядя на тебя, я понимаю — это был дар, дар небес.

Я грустно улыбнулась, а папа продолжил:

— Каждый раз, глядя на маленькую тебя, мне хотелось обнять, поиграть с тобой, даже поговорить, но я не мог...

Его голос оборвался, а у меня снова глаза наполнились слезами, которые я, как ни пыталась, не смогла сдержать. И когда одна слезинка сорвалась с ресниц и побежала по щеке, отец, глухо протонав, сказал:

— Лучше бы ты убила меня, дочка.

Торопливо вытерев глаза, я внесла другое предложение:

— Давай так, пап, ты сейчас приходишь в себя, потом возвращаешься в хассарат, бьешь морду дедку МакОрату, он меня, между прочим, в живот ударил больно, потом становишься хассаром, причем самым лучшим хассаром на Иристане! Что скажешь?

Отец ничего не ответил — он потрясенно и явно не веря собственным ушам смотрел на меня. Он...

— Пап, — я шмыгнула носом, театрально, но скорее пытаюсь скрыть горечь, — пап, а кто, если не ты? Seriously, больно ударил, если бы не гелликс, я бы на месяц слегла точно.

И впервые в жизни я увидела, как отец улыбнулся. Без насмешки, без сарказма, просто чисто по-человечески мне улыбнулся и пообещал:

— Я отомщу за тебя.

Победно хмыкнув, я, взяв его за руку, уселась на край постели и начала перечислять: кто, за что и когда меня обидел с детства и до сих пор. Я рассказала даже о той драке в младшей школе, после которой у меня были выбиты два молочных зуба. А папа лежал и слушал краткий пересказ всей моей жизни, и наконец, я впервые вообще ябедничала.

Эран, правда, попытался испортить момент:

«Сердце мое, с МакОратом я разберусь сам».

И он, конечно, всю ночь провел рядом со мной, точнее, спал на второй больничной койке, чтобы меня одну не оставлять, и вообще Эран потрясающий мужчина, но я все равно капризно ответила:

«Ни атома, любимый. У меня теперь папа есть, вот пусть за все мое детство и отрабатывает!»

Но если откровенно — я была счастлива. У меня теперь было все —

любимый мужчина, счастливая мамочка, обожаемый и потрясающий братик, племянники и, наконец, самый настоящий отец, а то я по жизни Мике завидовала.

Эпилог

К тому моменту, как отец бросил вызов МакОрату и вернул себе хассарат, я уже находилась на Гаэре и сдавала зачет по боевым искусствам мастеру Лоджену. Провалила, кстати, пришлось пересдавать. Зато бой папы и дедка МакОрата мне заснял и прислал Риган, за что я ему была очень благодарна, во-первых, потому что приятно оказалось посмотреть, как папа тар-эну навалял, а во-вторых, потому что два папиных приема я потом использовала против Лоджена и зачет все-таки сдала.

Да, я вернулась на Гаэру, и мне непросто далось это возвращение. Эран был против, но я ему честно призналась, что у меня есть свои цели в жизни, и если я их не достигну, я никогда не успокоюсь. И быть может, потому что я действительно стала его сердцем, а возможно, из-за того, что Гарданг повлиял, но скорее всего из-за того, что порталы шейсов, а следовательно, полная свобода перемещений, оказались мне доступны, Эран меня отпустил. Меня, Икасика и левого — вторая тень Нрого очень просилась с нами, а я левого полюбила, так что на Гаэру мы вернулись вчетвером — я, Икасик, левый и Дейм, который после лечения в тарском подобии гелликса был как новенький.

Так вот, я вернулась на Гаэру, чтобы завершить обучение, но уже там, на месте, выяснилось, что завершать его мне придется очень быстро. Мика вообще часа два материлась, когда узнала, но выбора у меня не было. Точнее, был, но... но я решила, что пусть будет как будет, правда, вообще не сказала об этом ни Эрану, ни маме, ни даже отцу, с которым теперь каждый вечер разговаривала. Разве что брату честно во всем призналась, и Араван одолжил мне кэпа Иллоэра для помощи в сдаче экзаменов досрочно. Сам Виэрдан был только «за», после казни того шейса, который захватил папино тело, кэп находился в депрессии из-за того, что отомстить не удалось, но покидать тело Ара все равно отказывался.

Так что через полгода, сдав экстерном все экзамены и нормативы, точнее, нормативы я сдавала первыми, пока еще могла, кадет S-класса Киран МакВаррас получила диплом об окончании Космического университета и направление на прохождение постдипломной практики в Илонесскую армаду к тому самому адмиралу Вейнеру-Тирану, о котором мечтали все в нашем университете, да и не только. Кэп и левый радовались как дети, я же, едва втиснувшись в мундир, даже не знала, радоваться ли, предчувствуя реакцию самого великого адмирала на мое появление.

Что и говорить, при виде меня адмирал Вейнер вовсе не обрадовался. Поговаривали, что, получая нового капитана в свою армаду, Вейнер поил его до беспамятства, чтобы, значит, характер проверить, и только после этого назначал на корабль по своему выбору. Меня Тиран встретил с бутылкой виски, но, осмотрев с головы до ног, пошел и налил сока. Сам наклюкался до той самой зюзи, при воспоминании о которой становится стыдно, и весь вечер жаловался на правительство, капитанов и вообще весь космос подряд. В итоге признался, что единственная отрада для него жена, после чего ушел ей звонить и не вернулся. Оно и правильно — мне режим соблюдать нужно было, а не выслушивать всю ночь пьяные бредни, к сожалению, временного начальства. Правда, в тот вечер заснуть сразу не получилось — кэп и левый, сдружившись, внаглую обсуждали Вейнера и откровенно ржали половину ночи, надышавшись алкогольными парами.

Два месяца практики в Илонесской армаде прошли весело — благодаря кэпу Иллоэру я быстро поставила на место всех недовольных моим назначением на «Герх-129», и, собственно, благодаря ему же практика была сдана на «отлично», а подчиненные прониклись ко мне уважением. Правда, левый, гад, каждый вечер являлся с ворохом сплетен и не давал мне спать, пока всеми ими не поделится, но в итоге мне даже понравилось быть в курсе событий.

По завершении практики адмирал Вейнер произнес прочувствованную речь, в которой заявил, что я один из лучших капитанов, с которым ему доводилось служить, и все бы ничего, если бы не моя фигура. На что я заметила, что у меня великолепная фигура, и вообще я даже очень симпатичная. Не став спорить, Вейнер отдал мне бумаги, где моей практике была присвоена оценка «Великолепно» и вынесена благодарность за участие в тех нескольких боях, в которые ввязывалась армада, за истекшие два месяца.

Так что мы с Икасом покидали флагманский корабль как герои, и только левый и кэп страдали, не желая возвращаться на Иристан, и вообще им в космосе больше понравилось — левый изображал привидение и наслаждался эффектом, точнее, воплями доведенных его действиями рядовых, а кэп Иллоэр блаженствовал, когда я командовала боем, а он мог давать советы.

По возвращении на Гаэру меня ждал подарок от Эрана — высокоскоростной черный корабль с символикой правящего клана. В общем, сразу стало ясно, что кое-кто очень-очень соскучился и хотел, чтобы я быстрее прилетела. Но я все равно задержалась на несколько дней, решая административные вопросы и проходя медосмотр по собственной

инициативе.

До Иристана мы долетели за сутки, от орбиты нас вел диспетчер правящего клана, и сели мы в ИрАэ.

Там левый тихо протянул:

— Лучше бы ты ему сразу сказала.

И это он! Тот самый, кто научил, как прикрыться от просмотра Эраном, ратовал за окончание мною обучения, и вообще это именно левый предложил сохранить все в тайне, когда я врубилась, что по утрам мне паршиво не просто так.

К счастью, вместо меня ему ответил Виэрдан:

— Тогда бы Кире никто не дал доучиться и практику закончить.

Именно этим я себя и успокаивала. А врать приходилось Эрану чуть ли не на каждом шагу. Одно спасало — перед отлетом он слегка ослабил нашу связь, так что хоть не чувствовал всех изменений, произошедших со мной и во мне.

Для появления на Иристане я вновь выбрала ярко-красное платье, облегающее такое, ну чтобы фигура вся была видна. Классная, кстати, что бы ни говорил Вейнер, у которого постоянно проскальзывало: «Капитан МакВаррас, всем вы замечательны — и кадет S-класса, и умница, и сообразительная, и образованная, и талантливая, одна проблема — фигура ставит крест на всей вашей карьере!» Так что после Вейнера-Тирана я была несколько закомплексована по поводу своей фигуры, но она мне все равно нравилась, вот.

И когда шлюз открылся, а люк опустился, образуя эскалатор, по которому меня начало спускать вниз, я точно знала, что сейчас, в ярко-красном платье и с распущенными волосами, на фоне черного корабля выгляжу потрясающе!

Ну я так думала...

Но по мере того, как эскалатор нес меня к встречающим — Эрану, маме, Гардангу, папе, Аравану, Дьяру, Ригану, Лираэту и Ошеру, — лица у встречающих почему-то все больше вытягивались. И тишина наступила такая... А когда я ступила на землю Иристана, сойдя с эскалатора, мама прошипела взбешенное:

— Твою мать!

— Что?! — возмутилась я, стараясь не смотреть на повелителя Иристана, у которого от ярости глаза потемнели и сделались темно-синими.

— Твою мать, Кира! — заорала моя мамочка. — Ты себя в зеркало видела?

Икас на нее рыкнул, а я обиженно заметила:

— Между прочим, мне все нравится! А ты... ты... прямо как Вейнер! Мамуль, наплевав на всех окружающих, прошипела:

— То есть ты в таком виде заявила на практику к величайшему адмиралу Галактического союза?!

— И сдала ее на «отлично», — с гордостью сообщила я.

У мамы больше не было слов. Ни у кого не было.

Только Эран гулко сглотнул, спросил:

— И... кто?

— Два мальчика, — придерживая животик, я шагнула к нему. — Вчера на медосмотре выяснили. Прикинь, сразу двое. Кстати, — я хмуро глянула на него, — надеюсь, хоть тебе моя фигура нравится?!

— Оччень, — выдохнул повелитель Иристана.

Зло, конечно, выдохнул, зато искренне. Так же искренне я сообщила:

— Медики сообщили, что роды через пять дней.

Эран молча посмотрел мне в глаза. И как-то разом все остальное перестало иметь значение — и мамино возмущенное: «Мы же вкололи препарат, никакой беременности быть не должно было», и папино: «Киран, ты должна была мне сказать», и даже от Гарданга: «Ну, повелительница, ну родишь ты, я с тобой побеседую!»

Откровенно говоря, это уже не имело значения, кроме синих-пресиних глаз Эрана, затмевающих, казалось, все небо. И уже без всяких шейсов, я смотрела на него и чувствовала, как в душе расцветает что-то такое светлое, яркое и бесконечно счастливое...

— И когда? — тихо спросил повелитель Иристана, осторожно обнимая основательно беременную меня.

— Если я правильно посчитала, то после сладкого ужина, — так же тихо ответила ему.

— Ты точно и мое сердце, и мои нервы, — произнес повелитель Иристана.

— Ты мне сам навязал свой дар жизни, — напомнила я.

Ничего не говоря, Эран осторожно положил руку поверх моего живота. Оттуда ответили пинком, причем существенным. Лицо воина вытянулось, и я, пользуясь случаем, сообщила:

— Адмирал Вейнер через год ждет меня обратно, и вообще мне светит головокружительная карьера.

Глава клана Аэ, он же сплошной тестостерон и вообще сильнейший на планете, выразительно нахмурился.

Кстати, медики ошиблись — роды начались через двое суток, но, учитывая, что я все время беременности соблюдала режим и отлично

питалась, все прошло замечательно, и у повелителя Иристана родилось двое потрясающих сыновей.

Спустя время я вернулась к Вейнеру, поучаствовала еще в нескольких значимых для Галактики боях и покинула его армаду в звании капитан-лейтенанта по причине того, что... в общем, Эран настоял. Связался со мной в один вечер, спустя недели три после моего отпуска, по своей генетической с двумя пальцами и прямо спросил: «Я женат, или как?» В смысле, намекая, что мне как жене полагается дома сидеть. Естественно, нагло ответила ему: «Или как». На это правитель Иристана не менее нагло сообщил мне: «Женщина, ты беременна». Честно говоря, удивилась, и сильно, с мальчишками меня хоть по утрам подташнивало слегка, а тут вообще ничего. «Точно беременна?» — переспросила с надеждой, что Эран пошутил. Но тар был совершенно серьезен, оказывается, после того раза, когда я с пузиком с Иристана смылась, он стал умнее и теперь мое состояние отслеживал. Пришлось связываться с Вейнером и сообщать, что ему моя фигура опять перестанет нравиться, а потом завершать миссию и возвращаться домой.

И, наверное, именно рождение дочерей дало мне возможность понять, что Иристан стал моим домом. Но если совсем честно — я поняла это гораздо раньше, когда с первого взгляда утонула в синих глазах повелителя этой планеты... просто не хотела признаваться в этом самой себе. Возможно, и не призналась бы, но, глядя на то, как Эран играет с нашими детьми, я чувствую себя абсолютно счастливой. И каждый раз, глядя в его глаза или слыша проникновенное «сердце мое», я понимаю, что любовь, она так же бесконечна, как и космос, более того — с каждым совместно прожитым годом она становится только сильнее.

Что касается остальных:

Исинхай был арестован властями Гаэры по обвинению в контрабанде оружием, но, согласившись поработать на правительство, вскоре достиг поста шефа разведывательного управления и стал известен под кличкой Полковник.

Накар продолжает жить на Иристане и до сих пор организует гонки на лемаках, иногда я ему помогаю — там весело.

Дамиан Таим поселился в северном полушарии Иристана, его жизнь вошла в легенды.

Эдвард Дрейг стал сенатором и заседает в Галактическом союзе.

Моя обожаемая Микаэлла умудрилась влюбиться в тар-эна и сейчас тоже живет на Иристане, но это совсем другая история.

Нрого МакДрагар, хассар Шаега, женился на иномирянке, у него трое

детей, и он безмерно счастлив, правда, левый время от времени сплетничает, что жена у хассара с характером.

Папа вернул себе хассарат и сейчас делает все для того, чтобы подвластные ему территории стали самыми прогрессивными на Иристане. И мы говорим почти каждый вечер, странное дело, но с отцом мы очень близки, правда, с Адалин отношения так и не наладились, она почему-то искренне верит, что я у нее Эрана отбила.

Мамуля, кстати, протаскав Гарданга по пятнадцати экстремальным планетам, решила плюнуть на все и довериться воину. Теперь она счастлива, но Гарданга я вижу чаще и могу точно сказать — его глаза просто светятся радостью. Одно плохо — взялся, гад, меня воспитывать по праву второго отца. Просто дочерей у них с мамой нет, одни мальчишки. Все думаю на него папе пожаловаться.

Большинство эйтн удалось вылечить, бабушка, кстати, живет с мамой, а вот у меня так и не получилось отношения с ней наладить. После многолетних тренировок я освоила основы создания порталов шейсов и теперь могу перемещаться по Ирании гораздо быстрее таров, что очень, очень злит Эрана, но он еще не в курсе, что я пытаюсь освоить построение порталов, ведущих на другие планеты. А я упрямая и упертая, в смысле настойчивая — точно освою.

На Иристане меня считают героиней и вообще «своей», я и не спорю — это моя планета, и у меня в планах вернуть ей прежнее и истинное название.

«Сердце мое, — раздается в моей голове, — ты где?»

«Мм-м... гуляю», — отзываюсь я.

Тень капитана Иллоэра, зависая рядом, вместе со мной смотрит в огромный кратер, на дне которого мы с неделю назад обнаружили корабль предположительно шейсов и вот сегодня рванули исследовать.

«Киран, — кое-кто опять в гневе, впрочем, Эрану потемневшие глаза очень идут, — где гуляешь?!»

Мы с Виэрданом переглянулись. Левый, который тоже зависал с нами, провокационно поинтересовался:

— Ныряем?

В принципе за этим сюда и явились, так что: «Любимый, дети где?» — снова приставив два пальца к шее, спросила я.

«У твоей матери, Гарданг их спать укладывает». — Недовольный ответ.

«Здорово. — Я улыбнулась и, изменив зрение, продемонстрировала Аэ, где, собственно, нахожусь. — Присоединяйся, если твое совещание уже

закончилось».

Смешок, и с тщательно скрываемым предвкушением: «Сейчас буду».

И вот что бы суровый Эран ни говорил, а ему со мной, левым, Икасином и Виэрданом развлекаться нравится. По крайней мере, в последних трех вылазках он воодушевленно участвовал. Ну или Гарданг прав, и я им основательно порчу повелителя.

Эран появился спустя пять минут, когда Виэрдан и левый уже успели переругаться, а я заскучать. Спрыгнул с тариге, подошел, приобнял меня за плечи и тоже заглянул вниз. Мы стояли на краю кратера бывшего, а может, и действующего, кто его разберет, вулкана, а внизу имелась спокойная на первый взгляд вода и большой, странной формы корабль на дне, если верить показателям наших датчиков.

— Корабль, — после недолгого изучения вынес вердикт Эран.

— Да ныряйте вы уже! — возмутился левый, которого глава клана Аэ теперь прекрасно слышал — технологии таров, и все такое.

— Повелитель первый, — ехидно посоветовал Виэрдан.

— Э, нет, я первая нашла, я первая и ныряю!

Глава клана Аэ покивал, искоса посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

— Ладно, но там пиявки.

— Какие пиявки?! — не поняла я.

— Доисторические, странно, что вообще сохранились. Впрочем, учитывая, что данный водоем изолирован... Нырять не передумала?

Это был хороший вопрос.

Скинула рюкзак, достала фильтры для носа с двухчасовым запасом кислорода, следом гидроксен и, нанося на кожу то, что при соприкосновении с водой станет непроницаемой пленкой, весело ответила:

— Не-а.

Эран рассмеялся, привлек к себе, с нежностью поцеловал, да так, что и голова закружилась, и мысли куда-то прочь умчались, и ноги стали ватные, и... тем самым отвлек меня, чтобы, пока я стояла и приходила в себя от его поцелуя, этот коварный Аэ нырнул первым!

Мы с теньями постояли, посмотрели сверху на все это дело, попереглядывались возмущенно и...

— Грр, — выдал Икас.

Вот-вот.

И, разбежавшись, я прыгнула следом за любимым, навстречу новым приключениям.